В. И. КАСЬЯНЕНКО

ЗАВОЕВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ СССР

ВВЕДЕНИЕ

В конце 1920 г. в Москве проходил VIII Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Под бурные аплодисменты двух с половиной тысяч делегатов В. И. Ленин закончил доклад словами:

«...Если Россия покроется густою сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии»[1].

Впоследствии В. И. Ленин много раз подчеркивал историческую значимость опыта социалистического строительства Страны Советов, говорил о сложностях и трудностях этого дела в условиях враждебного капиталистического окружения.

Неизведанным и нелегким был путь советского народа к социализму. Мировая буржуазия, оказывая военное, политическое, экономическое, идеологическое давление, пыталась реставрировать капитализм или, по меньшей мере, затормозить рост общественного хозяйства, формирование нового уклада жизни. Иностранную интервенцию и гражданскую войну, экономическую и валютную блокады, хозяйственную разруху, диверсии и саботаж пережило молодое Советское государство. Строительство социализма затруднялось социально-экономической и технической отсталостью страны, отсутствием ряда важнейших отраслей и производств в промышленности, недостаточно и неравномерно развитой минерально-сырьевой базой. В сложных международных и внутренних условиях, при огромном

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 161.

преобладании мелкотоварного производства пришлось строить социалистическое общество.

Вооруженная ленинским учением, Коммунистическая партия оказалась па высоте этой исторической задачи. Она разработала и претворила в жизнь план социалистического строительства, основными звеньями которого были индустриализация страны, кооперирование сельского хозяйства и культурная революция. Этот план предусматривал преодоление технико-экономической отсталости страны, построение материально-технической базы социализма, достижение такого уровня развития производительных сил, научно-технического прогресса и пропорционального соотношения основных отраслей народного хозяйства, которые обеспечивали бурные темпы экономического развития страны, ее независимость от капиталистических держав и надежную оборону. Успехи борьбы за социализм определялись умением партии мобилизовать людские, материальные, природные ресурсы, научно-технические силы на достижение программной цели. Они в значительной мере зависели от способности нашего народа защитить завоевания Великого Октября. Не случайно на шестом месяце существования Советского государства В. И. Ленин поставил задачу защитить его экономическую самостоятельность [1], обеспечить наибольшие возможности *«самостоятельно* снабдить себя *всеми* главнейшими видами сырья и промышленности» [2].

Борьба за экономическую независимость страны выражала коренные интересы трудящихся. Она была жизненной необходимостью в политическом, экономическом и военном отношении. От ее успехов зависели судьбы нашей Родины: быть ей в условиях враждебного капиталистического окружения полностью независимой или превратиться в придаток иностранных держав.

Было совершенно очевидно, что для успешного продвижения по пути социализма стране нужна материально-техническая база, которая одновременно обеспечивала бы осуществление коренных социально-политических и экономических преобразований и гарантировала бы от всяких неожиданностей и враждебных акций извне. Советское государство было поставлено перед выбором: либо во что

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 183.
[2] Там же, стр. 228.

бы то ни стало создать такую материально-техническую базу социализма, либо быть раздавленным объединенным международным империализмом.

Сосуществование социалистического государства с враждебным капиталистическим окружением при сохранении прежней отсталости и зависимости было немыслимо прежде всего по политическим причинам. Экономическая борьба против капитализма на мировой арене с самого начала носила политический характер. Будучи порождением существования двух антагонистических систем, она являлась одной из форм острой классовой борьбы.

Достижение экономической независимости имело своей целью ограждение народного хозяйства от торговой и финансовой интервенции извне. «Теперь международный капитал,— предупреждал В. И. Ленин,— идет с определенным намерением, с рассчитанным планом, чтобы... международную свободную торговлю соединить, слить, сплотить с нашим внутренним мешочничеством и приготовить на почве этого мешочничества нам новую войну, приготовить новый ряд ловушек, западней» [1]. В недопущении этого союза международной буржуазии с внутренней В. И. Ленин отводил решающую роль монополии внешней торговли.

Эта борьба не являлась проявлением автаркии, т. е. политики самоизоляции, направленной на разрыв экономических связей с внешним миром. Заботясь о максимальной самообеспеченности в основных изделиях промышленности и дефицитных видах сырья, Советское государство всегда стремилось к широким взаимовыгодным экономическим, прежде всего торговым, связям. Известно, что за 1918—1940 гг. в товарообороте (по стоимости) наш импорт в течение 14 лет превышал объем экспорта, а сальдо баланса было не в пользу Советского Союза. Кроме того, до войны СССР вел торговлю с восточными странами на льготных для них условиях, часто без полного эквивалентного обмена для себя. Изолированным существование Страны Советов было лишь в один период — в годы экономической блокады (1918—1920 гг.), которая была предпринята всемирным империализмом с целью задавить молодое государство рабочих и крестьян.

В экономическом аспекте борьба за полную независимость СССР предполагала первоочередное развитие той

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 284.

части производительных сил, отставание которой вызывало хронический импорт и привлечение иностранной технической консультации. Страна строящегося социализма не могла оставаться в подобной зависимости от враждебного капиталистического окружения. Эта опасность определялась не только антисоветскими акциями империалистов, но и ненадежностью внешних источников снабжения.

Экономическим законом социализма является планомерное (пропорциональное) развитие народного хозяйства. Эффективность этой планомерности определяется возможностями бесперебойного снабжения народного хозяйства материальными, техническими, сырьевыми и валютно-финансовыми ресурсами. Было совершенно очевидно, что добиться планового развития народного хозяйства Советское государство могло, только базируясь на собственных источниках материально-технического снабжения. Эта задача определяла важнейшую черту руководства народным хозяйством.

Особое значение экономическая независимость имела в связи с задачами укрепления обороны страны. «Надо помнить, — говорил В. И. Ленин, — что весь капиталистический мир вооружен с ног до головы и выжидает момента, выбирая лучшие стратегические условия, обследуя способы нападения. Нельзя ни в коем случае забывать, что сейчас вся экономическая сила и вся военная сила еще на его стороне! В мировом масштабе еще слабые, мы быстро растем, усиливаемся, вырываем из рук неприятеля одно оружие за другим, но неприятель подкарауливает Советскую республику на каждом шагу!» [1] Повышение обороноспособности страны обеспечивалось посредством наращивания ее экономической мощи, расширения ее возможностей самостоятельно удовлетворять запросы Вооруженных Сил в новой технике, боеприпасах, в оборудовании и сырье для оборонной промышленности. Было бы наивно и недальновидно рассчитывать на покупку у капиталистов военной техники или ее образцов. Здесь Советскому государству приходилось рассчитывать исключительно на собственные силы. В области оборонной промышленности и военной техники нельзя было отставать.

Кроме того, немаловажное значение для укрепления обороноспособности имело создание резервов стратегиче-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 284.

ского сырья и полуфабрикатов — специальных сталей, сплавов, цветных и редких металлов, хлопка, серы и т. д. Проблема расширения и обновления государственных резервов всегда находилась в центре внимания правительства. Было закономерным то, что решение задач упрочения обороны и экономической независимости страны во многом совпадало.

Научность политики Советского государства обеспечивалась тем, что в основе практической деятельности партии лежало творческое применение марксизма-ленинизма, позволявшее правильно определять коренные проблемы социалистического строительства, объективно учитывать его тенденции и возможности, защищать экономические интересы советского народа на мировых рынках, верно намечать ближайшие и стратегические задачи.

Выработанная В. И. Лениным и партией экономическая политика стала определяющим фактором развития производительных сил. укрепления обороноспособности и самостоятельности СССР, подъема хозяйственной и политической жизни советского общества, сокращения импорта и предотвращения иностранной зависимости. Эта политика на разных этапах социалистического строительства обеспечила форсированное создание тяжелой индустрии, первоочередное развитие тех отраслей народного хозяйства, продукция которых прежде ввозилась из-за границы.

Реализация преимуществ социализма в ходе достижения экономической независимости протекала не стихийно или автоматически. Роль организатора экономической жизни нового общества в соответствии с политикой партии выполняло Советское государство, политическая и экономическая мощь, а также международный авторитет которого неизмеримо возросли после создания Союза ССР. «Преодолевая экономическую и культурную отсталость, остатки былой национальной розни,— отмечал ЦК КПСС,— партия, Советская власть терпеливо и последовательно налаживали всестороннее сотрудничество народов, которые в декабре 1922 года добровольно объединились в Союз Советских Социалистических Республик. Образование СССР, закрепленное в Советской Конституции 1924 года,— событие огромного исторического значения» [1]. За минувшие

---

[1] «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС». М., 1967, стр. 16.

полвека братский союз народов прошел всестороннюю историческую проверку, показал свою неодолимость и могущество в борьбе за коммунизм, против империализма. Отмечая 50-летие образования СССР, наши народы горды за свою могучую многонациональную Родину, идущую в авангарде мирового революционно-освободительного процесса.

Проблемы экономического развития страны систематически обсуждались Коммунистической партией. Директивы и ответы на неотложные вопросы давались в решениях съездов, конференций и пленумов ЦК ВКП(б), в постановлениях съездов Советов. Они содержались в ленинском плане ГОЭЛРО, в пятилетних планах развития народного хозяйства и годовых контрольных заданиях.

При осуществлении ленинского курса на достижение экономической независимости страны Коммунистической партии пришлось преодолеть ожесточенное сопротивление троцкистов, правых оппортунистов, националистов и других маловеров, сомневавшихся в реальности создания в короткий срок материально-технической базы социализма и ориентировавшихся главным образом на внешние рынки.

Борьба советского народа за экономическую независимость страны началась с Великого Октября. Завершилась она победой социализма. Решающими в этой борьбе были довоенные пятилетки.

Великая Октябрьская социалистическая революция спасла нашу Родину от национальной катастрофы, избавила от угрозы порабощения иностранным капиталом. Установив диктатуру пролетариата и экспроприировав основные средства производства, она подорвала политические и экономические основы, на которых держался строй эксплуатации, ликвидировала условия и каналы проникновения в страну иностранного капитала, подорвала его позиции и влияние на отечественную экономику. Революция открыла новые пути и методы преобразования общества, достижения и обеспечения его экономической независимости.

В истории завоевания Союзом ССР экономической независимости от капиталистических стран можно выделить два основных этапа. Первый этап охватывает 1917—1932 гг. Главными его задачами являлись: укрепление политической самостоятельности первой в мире страны диктатуры пролетариата, отражение бешеного натиска империалистов, вызванного аннулированием иностранных долгов и нацио-

нализацией собственности зарубежных предпринимателей. В этот период Советское государство разработало меры по укреплению монополии внешней торговли и валютной монополии, по ограждению страны от экономической интервенции и вывоза ценностей за границу. Вместе с тем оно не отказывалось от иностранной технической консультации и привлечения концессионеров. Важной вехой на этом пути явился XIV съезд ВКП(б), провозгласивший переход к социалистической индустриализации, наметивший конкретные и неотложные задачи по завоеванию экономической независимости СССР.

Годы первой пятилетки отличались большим импортом техники, металла и сырья. Советское правительство использовало конъюнктуру на мировом рынке, сложившуюся в результате экономического кризиса в капиталистическом мире.

Историческими победами советского народа на первом этапе явились создание фундамента социалистической экономики и превращение СССР в индустриально-колхозную державу. В январе 1933 г. итоги борьбы за создание индустриально-технической базы для реконструкции народного хозяйства подвел Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б).

На втором этапе (1933 — июнь 1941 г.) завершается строительство материально-технической базы социализма, серьезные изменения происходят в методах освоения новых производств, значительно расширяется разработка природных ресурсов, высокого уровня достигает отечественная научно-техническая мысль.

В начале второго этапа изменился характер экономических отношений СССР с капиталистическими странами. Реже стали привлекаться иностранные технические консультанты, до минимума сократилась валютная задолженность зарубежным фирмам и банкам. Советское правительство начало настойчиво бороться за улучшение качественных показателей внешней торговли. Некоторые внешнеторговые операции были перенесены в СССР, подорваны основы контрабанды.

Победа социализма окончательно закрепила политические и экономические основы нашей независимости. XVIII съезд партии констатировал факт превращения СССР в экономически независимую державу. В годы третьей пятилетки решались задачи снабжения народного

хозяйства специальным оборудованием, качественными и цветными металлами, сырьем для тяжелой индустрии, прежде всего ее оборонных отраслей. В связи с началом второй мировой войны, нарушением международных торговых коммуникаций и закрытием некоторых внешних рынков Советское правительство принимало энергичные меры по увеличению государственных резервов техники и стратегического сырья. Последующие события показали, что принятые меры по достижению полной экономической независимости и укреплению обороноспособности СССР были совершенно правильными и своевременными.

Оба эти этапа были в жизни страны сравнительно непродолжительными по времени. Но по насыщенности и важности событий их можно сравнить с целой эпохой.

Переходный период от капитализма к социализму, пройденный советским обществом,— это история героической борьбы трудящихся города и деревни за социализм и независимое развитие, проверка жизнью марксистско-ленинской теории, научности политики, форм и методов руководства партии и государства, это период напряженной теоретической и практической деятельности, непрерывных поисков и экспериментов. Исторический опыт подтвердил могучую силу революционной теории и политики партии, умелого сочетания ею принципа единства теории и практики, решения новых проблем с учетом накопленного опыта.

Пятьдесят лет назад В. И. Ленин подчеркивал всемирно-историческое значение опыта страны, первой вступившей на путь социализма: «Этот опыт не забудется... Он вошел в историю, как завоевание социализма, и на этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание» [1]. Великим завоеванием Октябрьской революции является открытие принципиально нового пути достижения полной экономической независимости. Это выдающийся вклад в сокровищницу революционно-освободительного движения.

Опыт Советского Союза по преодолению отсталости и осуществлению независимого экономического развития привлекает внимание советских и зарубежных исследователей. В советской историографии есть немало работ, раскрывающих различные стороны решения этой проблемы.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 383.

Прежде всего необходимо выделить работы о В. И. Ленине как теоретике и организаторе борьбы за социализм. Наиболее полно роль В. И. Ленина раскрыта в содержательных монографиях Э. Б. Генкиной и И. А. Гладкова[1]. На богатом документальном материале авторы показали деятельность В. И. Ленина и Советского правительства по созданию условий для развития отечественной промышленности, по недопущению ввоза из-за границы тех изделий, которые можно было производить внутри страны, по поддержке советских и иностранных рабочих, проявлявших заботу о развитии производительных сил молодой Советской Республики.

Пропаганда и развитие ленинских идей значительно активизировались в связи с переходом партии к их широкому воплощению в жизнь, к индустриализации страны, когда резко обострилась внутрипартийная борьба по вопросу о возможностях и перспективах построения социализма в СССР в условиях капиталистического окружения. Помимо официальных материалов в эти годы издавалась научно-популярная литература, в которой разъяснялись сущность и задачи экономической политики партии, разоблачались концепции оппозиционеров по вопросам перспектив социалистического строительства в СССР, обобщались первые успехи, популяризировались новые задачи[2].

Заметно увеличилось издание подобной литературы в период осуществления и подведения итогов первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. В многочисленных статьях, брошюрах, книгах этого периода собран фактический материал о развитии промышленности, в известной степени обобщен опыт деятельности рабочих

---

[1] См. *Э. Б. Генкина.* Ленин — Председатель Совнаркома и СТО. Из истории государственной деятельности В. И. Ленина в 1921—1922 гг. М., 1960; *ее же.* Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923. М., 1969; *И. А. Гладков.* В. И. Ленин — организатор социалистической экономики. М., 1960.

[2] См. *А. Эссен.* Что делает Советская власть, чтобы не попасть в кабалу к империалистам? М.—Л., 1926; *Я. Розенфельд.* Промышленная политика СССР. М., 1926; *Ф. Ю. Светлов.* Пути индустриализации народного хозяйства СССР. Политика партии и оппозиции. М.—Л., 1927; *Г. И. Крумин.* Основные вопросы хозяйства и оппозиция. М., 1927; *его же.* Новые похождения оппозиционных экономистов на ниве советской экономики. «Большевик», 1927, № 6, стр. 79 и № 7-8, стр. 56; *А. Осипьян* и *М. Лапидус.* Индустриализация — основа экономической независимости СССР. М.—Л., 1928.

коллективов, общественных и хозяйственных организаций по рациональному использованию импортной техники и опыта зарубежных специалистов.

Первой попыткой научного освещения всей проблемы явилась статья Е. Хмельницкой [1]. В статье правильно подчеркивается, что построение фундамента социалистической экономики и превращение СССР из аграрной в индустриальную державу доказали реальность и жизненность ленинского курса на построение социализма собственными силами народа, на достижение полной независимости СССР от капиталистических стран. Результаты этой борьбы во многом определялись не только внешнеэкономической политикой правительства, но и умением в короткий срок мобилизовать все природные и людские ресурсы страны, сохранить и укрепить союз рабочего класса и крестьянства.

Начало монографическому исследованию проблемы было положено П. Булатом, С. Свердлиным и Д. Мишустиным [2]. Первые два автора написали свою работу на материалах Ленинграда, промышленность которого действительно была форпостом борьбы Советского Союза за экономическую независимость. Однако их работа, написанная в 1935 г., не дает законченного представления о процессах, происходивших в советском народном хозяйстве в ходе борьбы за независимость СССР. Авторы не всегда объективны в оценке роли импорта для развития советской индустрии, нередко допускают переоценку фактов, слабо показывают объединенные усилия коллективов предприятий и научно-исследовательских учреждений при изготовлении сложного и специального оборудования. До сих пор не утратили своей научной значимости монография и статьи Д. Д. Мишустина, в которых обстоятельно показаны изменения в импорте и экспорте за первую и вторую пятилетки. Вопросам использования внешней торговли в инте-

---

[1] См. *Е. Хмельницкая.* СССР в борьбе за экономическую независимость. «Большевик», 1932, № 13, стр. 31—43.

[2] См. *П. Булат* и *С. Свердлин.* Борьба за технико-экономическую независимость СССР. Роль ленинградской промышленности в борьбе за технико-экономическую независимость СССР. Лениздат, 1935; *Д. Д. Мишустин.* Технико-экономическая независимость в зеркале внешней торговли. «Проблемы экономики», 1937, № 3—4, стр. 111—134, № 5-6, стр. 128—141; *его же.* «Внешняя торговля и индустриализация СССР». М., 1938.

ресах индустриализации и обеспечения экономической независимости страны посвятили свои работы многие авторы.

Значительный вклад в изучение деятельности органов внешней торговли по достижению экономической независимости страны внесли историки и экономисты в связи с 50-летием Великого Октября. Наряду с фундаментальными изданиями «50 лет советской внешней торговли» (М., 1967) и «Внешнеэкономические связи СССР за 50 лет. 1917—1967» (Материалы юбилейной научной конференции НИКИ, ВАВТ и МГИМО 19-21 сентября 1967 г.) была выпущена литература (в основном журнальные статьи) о роли монополизированной внешней торговли в построении материально-технической базы социализма, в охране советской экономики от разрушительного влияния стихии мирового капиталистического рынка, о кредитных отношениях СССР с другими странами и т. д.

Определенный интерес представляет литература, посвященная истории борьбы советского народа за освобождение страны от импорта сельскохозяйственной техники и сырья для легкой и пищевой индустрии. Здесь особой группой выделяются книги и статьи о решении хлопковой проблемы, исследователями которой, естественно, стали историки Средней Азии [1]. Ими собран богатейший фактический и

---

[1] См. «Социалистическая реконструкция хлопководства (по материалам НК РКИ СССР, республиканских, краевых и областных РКИ)». Сборник. М., 1934; *Ф. И. Квитко* [и др.]. Хлопководство в новых районах СССР. М., 1934; *К. Рахимов.* Хлопководство Узбекистана за 25 лет. Ташкент, 1949; *К. Ходжаев.* Из истории борьбы таджикского народа за превращение Таджикистана в одну из хлопковых баз Союза ССР (1934—1938 гг.). Сталинабад, 1956; *Ш. М. Соломонов.* Вклад Таджикистана в обеспечение хлопковой независимости СССР. «Труды АН Таджикской ССР», т. 7, 1957, стр. 3—11; *В. Г. Железовская.* Из истории борьбы трудящихся Узбекистана за хлопковую независимость СССР. «Известия АН Узбекской ССР». Серия общественных наук, 1958, № 6, стр. 35—40; *С. И. Ахмедов.* Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за дальнейшее развитие хлопководства в республике в годы довоенных пятилеток. Ташкент, 1959; *С. Караваев.* Из истории создания тяжелой промышленности и развития хлопководства Узбекистана (по данным первой и второй пятилеток). «Труды кафедры истории КПСС Среднеазиатского политехнического института», вып. 1. Ташкент, 1959, стр. 31; *Ю. И. Исхаков.* Развитие хлопководства в Узбекистане. Ташкент, 1960; *В. Г. Железовская.* Из истории социалистической реконструкции хлопководства в СССР. «История СССР», 1962, № 4, стр. 87—99; *Б. А. Тулепбаев,* Решение

документальный материал, раскрыта тесная связь между национальной политикой Советского правительства и успешным решением хлопковой проблемы.

Часть вопросов проблемы рассматривалась в общих работах историков и экономистов, посвященных народному хозяйству СССР или отдельным отраслям его.

Показу борьбы партии за импортную независимость СССР в области турбостроения посвятил статью В. А. Исаев[1].

Интересную попытку теоретически осмыслить проблему, выяснить роль индустриализации в достижении экономической независимости нашей страны предпринял М. П. Ким[2].

Известный интерес представляют труды, раскрывающие международное значение опыта Коммунистической партии и Советского государства по обеспечению экономической независимости СССР. В 1964 г. редакция журнала «Проблемы мира и социализма» под названием «Пути развития стран, завоевавших национальную независимость, и мировой социализм» издала материалы обмена мнениями исследователей ряда стран (редактор А. М. Румянцев. Прага). Среди материалов этого сборника научную ценность представляют тезисы «Пути экономического развития стран, освободившихся от колониального гнета», разработанные группой индийских исследователей-марксистов под руководством тов. Аджоя Гхоша совместно с работниками редакции журнала «Проблемы мира и социализма». Еще раньше академик А. А. Губер написал статью о значении ленинских идей для борьбы стран Азии и Африки

хлопковой проблемы в СССР. «Вопросы истории», 1966, № 9, стр. 3—14; *его же.* Осуществление ленинской аграрной политики партии в республиках Средней Азии. М., 1967, стр. 137—167; *Х. Саидов* и *Я. Бакмаев.* Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за развитие хлопководства. Ташкент, 1966; *А. Раззаков.* Борьба трудящихся Узбекистана за достижение хлопковой независимости СССР. Ташкент, 1968.

[1] См. *В. А. Исаев.* Борьба партии за экономическую независимость Советского государства в области турбостроения (1925—1937 гг.). «Вестник Ленинградского университета», 1969, № 14. «История, язык, литература», вып. 3, стр. 23—32.

[2] См. *М. П. Ким.* Социалистическая индустриализация в СССР. Доклад на X Международном конгрессе историков в Риме. М., 1955; *его же.* Введение к сборнику документов «Первые шаги индустриализации СССР. 1926—1927». М., 1959.

за свою экономическую независимость от империалистических держав [1].

В историографии продолжают оставаться слабо изученными теоретическая и практическая деятельность партии и государства по выработке конкретных путей и способов наиболее эффективного использования людских и природных ресурсов страны; борьба рабочего класса за выпуск машин и оборудования, соответствовавших лучшим мировым образцам (по тому времени); роль государственных материально-технических резервов в обеспечении независимого существования страны; перестройка форм и методов партработы, ее влияние на решение задач по освобождению страны от импортной зависимости. Не раскрыто значение борьбы советского народа за экономическую независимость для общего подъема производительных сил страны.

Нельзя не указать на слишком общий анализ достижения тех или иных задач по освобождению страны от импортной зависимости. Известно, что форсированные темпы экономического развития страны в годы первой пятилетки порождали у части хозяйственников такие методы руководства, как штурмы, сокращение импорта любой ценой, а также недостаточное внимание к вопросам материального стимулирования развития новых производств, к экономической эффективности модернизации оборудования, планирования импорта техники и сырья и т. д. Многие из них вызывались объективными условиями первой пятилетки (огромные масштабы и темпы капитального строительства, нехватка квалифицированных кадров и техники, отсутствие опыта, экономическая дискриминация и политические наскоки империалистов). Не дает литература ответа и на вопросы, как Коммунистическая партия, творчески применяя и развивая ленинские идеи, разрешала выдвигаемые жизнью проблемы в связи с борьбой за полную независимость от капиталистических стран, как внешнеэкономическая политика Советского государства менялась в зависимости от достигнутых результатов и новых условий, как расширялась и обогащалась минерально-сырьевая база СССР, каким образом Советское правительство создавало перспективные экономические и производ-

---

[1] См. *А. А. Губер.* Значение борьбы стран Азии и Африки за свою экономическую независимость в свете идей ленинизма. «Великое торжество идей ленинизма». М., 1960, стр. 455—469.

ственно-технические возможности, которые и в будущем, по мере расширения внутреннего производства и развития научно-технического прогресса, исключали бы возобновление иностранной зависимости или предохраняли бы СССР от экономического бойкота со стороны империалистов.

Важнейшим условием успеха всенародной борьбы за экономическую независимость, в которую вовлекались миллионы людей, занятых в самых разнообразных сферах партийной, государственной, производственной и внешнеторговой деятельности, являлась выработка научно обоснованной политики Советского государства.

Основные вопросы политики находили свое воплощение в законодательной деятельности высших органов. Претворение в жизнь политики и конкретных директив, охрана суверенитета и экономических интересов в области международных отношений, строгое соблюдение монополии внешней торговли и валютной монополии, совершенствование правовых основ, системы и методов внешнеэкономических связей — эти и многие другие вопросы определяли важнейшую сторону деятельности Советского правительства.

Построение социалистического общества, превращение страны из аграрной и зависимой в могущественную державу мира, победа над фашистской Германией, выдающиеся достижения советской науки, техники и индустрии, постепенный переход к коммунизму — все это производит огромное впечатление и революционизирующее воздействие на миллионы людей за рубежом, демонстрирует коренные преимущества социализма. Выдающееся значение советского опыта вынуждены признавать многие буржуазные ученые и политики.

Стремясь ослабить растущее влияние СССР на трудящихся капиталистических и особенно развивающихся стран, критики социализма всячески искажают экономическую историю советского общества, политику партии, цели, процесс и результаты развития страны, ее взаимоотношения с капиталистическим миром в области торговли, науки и техники. Фальсификация истории завоевания экономической независимости СССР происходит по четырем основным направлениям. Во-первых, предпринимаются попытки «доказать», что стремление советского народа к полной независимости было не жизненной необходимостью, а проявлением политики самоизоляции. Во-вторых, буржуазная историография активно пропагандирует концепцию, со-

гласно которой почти все в индустриальном строительстве и научно-техническом прогрессе в СССР — дело рук и разума иностранцев. В-третьих, некоторые ученые на Западе пытаются стереть принципиальные различия в борьбе нашего народа за независимость до и после Великой Октябрьской социалистической революции. В-четвертых, буржуазные исследователи неверно раскрывают суть и значение ленинских принципов внешнеэкономической политики Советского правительства.

Анализ буржуазной историографии показывает, что исторический опыт СССР по строительству социализма, в том числе советский опыт завоевания и упрочения экономической независимости СССР от капиталистических стран, ныне стал объектом острой идеологической борьбы. Его противопоставление опыту других стран социализма принято на вооружение антикоммунистической и антисоветской наукой и пропагандой. В своих попытках подорвать единство социалистического содружества буржуазные идеологи пытаются отыскать «противоречия» путей и методов революционного преобразования общества в СССР и других странах социализма. Прилагается много усилий для того, чтобы принизить исторический вклад КПСС и Советского государства в развитие теории и обогащение практики борьбы народов против империализма, за социализм и независимость. В этих целях поощряются правый и «левый» ревизионизм и национализм. XXIV съезд КПСС указал, что «борьба с антикоммунизмом и антисоветизмом, а также против правого и «левого» ревизионизма, национализма по-прежнему остается важной, актуальнойзадачей»[1].

Наша партия, коммунисты братских стран выступают против попыток подорвать позиции социализма, против оппортунистического подхода к экономическим проблемам строительства нового общества, к вопросам взаимоотношений в мировой социалистической системе, отношений ее с капиталистическими странами. XXIV съезд КПСС указал на необходимость совершенствования и расширения экономических и научно-технических связей СССР с социалистическими странами в направлении дальнейшего укрепления содружества и последовательного развития экономической интеграции хозяйства стран — членов СЭВ;

---

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 195.

на необходимость планомерно развивать комплексные формы сотрудничества социалистических стран, охватывающие области материального производства, науки и техники, внешнеторгового обмена [1].

* * *

Построение социализма в СССР — великий подвиг советского народа. Быстрый рост производительных сил и развитие социалистических общественных отношений обеспечили невиданные в истории темпы подъема экономики, техники и науки. В кратчайший исторический срок, без помощи извне СССР «превратился в могучую индустриальную державу, добился полной экономической независимости от капиталистических стран» [2]. Оценивая по достоинству этот исторический подвиг во всем его величии, со всеми трудностями и жертвами, нынешнее поколение советских людей воздает должное самоотверженности, мужеству и патриотизму борцов за достижение и укрепление независимости Родины.

Под руководством Коммунистической партии советский народ создал необходимые политические и экономические условия, позволившие выдержать жестокие испытания и победить фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В послевоенный период были достигнуты новые выдающиеся успехи в развитии экономики и научно-техническом прогрессе, оказана существенная помощь братским народам ряда стран в социалистическом строительстве.

Ныне советский народ претворяет в жизнь задачи по строительству коммунизма, разработанные XXIV съездом КПСС. Съезд наметил перспективы развития Союза ССР, разработал программу дальнейшего наращивания экономической мощи нашей страны и укрепления единства общества, повышения материального и культурного уровня жизни трудящихся, программу последовательной борьбы за мир и социализм, за широкие взаимовыгодные экономические и научно-технические связи СССР с братскими социалистическими странами и развивающимися государствами. Выполнение девятой пятилетки станет важным этапом борьбы Коммунистической партии и советского народа за дальнейшее продвижение СССР по пути к коммунизму.

---

[1] См. «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 294.

[2] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1961, стр. 13.

Глава первая

В. И. ЛЕНИН О НЕОБХОДИМОСТИ И ПУТЯХ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ СТРАНЫ

1. ЛЕНИНСКАЯ ПРОГРАММА БОРЬБЫ

Обобщая опыт национально-освободительного движения в эпоху империализма, Ленин впервые в истории марксизма выдвинул вопрос о значении экономической самостоятельности в судьбах народов и стран. Он выступал против ошибочных взглядов, будто при империализме борьба народов за свою самостоятельность и самоопределение наций — иллюзия, а при социализме она якобы станет «не нужна». В статьях «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»», «Итоги дискуссии о самоопределении» и «Ответ П. Киевскому (Ю.Пятакову)» В. И. Ленин доказал несостоятельность догмы об «экономической неосуществимости» самоопределения наций при империализме. Уже тогда левосектантские взгляды в национальном вопросе на практике смыкались с ревизионизмом и объективно служили интересам реакции, так как разъединяли интернациональные силы пролетариата и игнорировали национально-освободительное движение.

В. И. Ленин научно обосновал важное положение о соотношении и взаимосвязи политической и экономической независимости стран. Ставя главнейшей задачей завоевание политической самостоятельности народов, он считал неотложной борьбу за экономическую независимость, рассматривая ее как важнейшее условие подлинной и полной независимости.

В. И. Ленин высмеял утверждения об экономической «неосуществимости» самоопределения при империализме, назвав их «сапогами всмятку» [1].

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 95.

Жизнь подтвердила ленинское предвидение о том, что в условиях империализма неизбежно национально-освободительное движение до полной, т. е. не только политической, но и экономической самостоятельности народов, что реальные и ближайшие пути к достижению этой цели проходят через социалистическую революцию.

Открыв закон неравномерности экономического и политического развития капитализма на стадии империализма, Ленин коренным образом изменил представление об условиях и возможностях перехода разных народов к социализму. Он дал глубокий анализ экономической и политической сущности империализма и, реально оценивая условия России, сделал вывод о возможности неодновременной победы революции и не обязательно в высокоразвитой стране, как прежде считалось.

Известно, что, находясь в ряду крупных мировых держав, обладая высококонцентрированной промышленностью, Россия в техническом отношении в 10 раз уступала Америке, в 5 — Германии и в 4 раза Англии [1]; производила в 1913 г. немногим более 4% мировой промышленной продукции [2]. У нее отсутствовали или находились в зачаточном состоянии станкостроение, производство металлургического и химического оборудования, автомобилей, тракторов, подшипников, многих приборов. Снабжение народного хозяйства важнейшими видами оборудования обеспечивалось за счет импорта. 100% автомобилей, 21% бумаги, 18% кокса, большое количество цветных металлов поступало из-за границы [3]. Причем ввоз машин, металла, сырья и полуфабрикатов находился в полной зависимости от экспорта российских товаров за границу. Эта двойная зависимость была серьезным сдерживающим фактором индустриального и научно-технического развития страны.

Значительно отставала Россия от индустриально развитых стран по выпуску важнейших видов промышленной продукции на душу населения. Ленин отмечал, что «Россия по величине производства чугуна, нефти и ряда других продуктов занимает место среди великих и передовых держав, а по размеру *душевого потребления... «становится соседкой Испании»,* одной из наиболее отсталых стран» [4].

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 360.
[2] См. «Страна Советов за 50 лет». М., 1967, стр. 47.
[3] См. там же, стр. 46.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 360.

В промышленности существовали острые и хронические диспропорции между машиностроением и металлургией, между металлургией и минерально-сырьевой базой. Лишь 10% территории страны было изучено геологически. Неудовлетворительно изучалась территория азиатской части страны, где проводились редкие бессистемные поиски[1]. Вообще геология была ведомственной наукой, у руководства которой группировались хищники-предприниматели, в том числе иностранцы. Ученые-патриоты (А. П. Карпинский, В. И. Вернадский, В. А. Обручев) фактически были отстранены от разработки вопросов геологии. Деятельность Комиссии Академии наук по изучению естественных производительных сил сковывалась из-за нехватки средств и консерватизма правящих кругов. В. И. Вернадский отмечал, что Россия, будучи великой мировой державой, потребляла почти все тогда существовавшие химические элементы, однако около половины соединений из них ввозила из-за границы. Ученый с горечью говорил, что в стране плохо поставлены поисковые и лабораторные работы. «Мы сейчас находимся в таком положении,— писал он,— что по отношению к целому ряду естественных продуктов мы не знаем — есть ли они у нас или нет, а если есть, то в каком количестве, так как мы привыкли получать их извне и отвыкли искать их у себя»[2].

Золотодобывающая промышленность России характеризовалась незначительными капиталовложениями, полукустарной техникой и отсталой технологией производства. Она, по существу, не являлась отраслью, а именовалась «золотым промыслом». Разведка золотоносных районов осуществлялась плохо. Не случайно добыча золота составляла всего лишь 2—3 тыс. пудов в год[3]. При попустительстве правящих кругов иностранные предприниматели хищнически вели эксплуатацию природных ресурсов России, наживали огромные капиталы на ее зависимости от заграницы. «Рука руку моет,— писал Ленин.— Американские, английские, немецкие капиталисты собирают прибыль при помощи русских капиталистов, которым перепадает очень хорошая доля. Взять, например, Ленские золотые прииски или горнопромышленные предприятия на Урале. Сколько

---

[1] См. «Геологическая изученность и минерально-сырьевая база СССР к XVIII съезду ВКП(б)». М.-Л., 1939, стр. 9-18.

[2] *В. И. Вернадский.* Избр. соч., т. 1. М., 1954, стр. 314.

[3] См. «Плановое хозяйство», 1935, № 6, стр. 43.

миллионов поделили здесь иностранные и русские капиталисты!»[1]

Иностранная зависимость выражалась не только в больших размерах импорта важнейших изделий и привлечения из-за границы научно-технических достижений. Характерной особенностью российской промышленности являлся высокий удельный вес иностранных вложений. «Таможенные пошлины высоки,— отмечал Ленин,— прибыли необъятны,— вот иностранный капитал и переселяется *внутрь* России»[2].

Действительно, если за 1880—1914 гг. общая сумма акционерного капитала крупной промышленности увеличилась в 10 раз, то доля в ней иностранного капитала возросла в 27 раз. В 1914 г. доля иностранного капитала в крупной промышленности достигла 47%, а нефтяной — 60%[3]. Химическая, электротехническая и текстильная индустрии также в немалых размерах финансировались иностранцами.

На вложенный капитал иностранные предприниматели получали огромные суммы процентов и премий. Ленин резко критиковал царское правительство и Думу за антинациональную политику иностранных капиталовложений. «Витте защищается,— писал он,— от обвинения в увеличении государственной задолженности... *Иностранные кредиторы налагали свой контроль* на распоряжение тем имуществом, которое должно обеспечить возврат данных ими взаймы денег. Хозяйство «великой русской державы» под контролем приказчиков Ротшильда и Блейхредера: какую блестящую перспективу открываете вы нам, г. Витте!»[4] Своими мероприятиями в области финансов, таможенной политикой, фабричным законодательством царское правительство содействовало усилению зависимости России от империалистических держав и их банков. Финансовый капитал Франции, Германии, Англии и США из года в год усиливал свои позиции в экономике нашей страны. Систематические многомиллионные займы привели Россию к огромной финансовой задолженности иностранным банкам

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 367.

[2] Там же, стр. 366.

[3] См. «СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Статистический сборник». М., 1970, стр. 49.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 259—260.

Европы и США. Правящие и деловые круги России неэффективно использовали иностранный капитал, конкуренцию между западными державами и монополиями в интересах всестороннего развития экономики. Приток капитала из-за границы фактически не регулировался. Деятельность внутри страны иностранных капиталистов не контролировалась.

Станкостроение обслуживало главным образом нужды военного и морского ведомств, в меньшей мере — предприятия путей сообщения. Государственным заводам запрещалось покупать станки за границей. Русские же капиталисты избегали вкладывать средства в станкостроение, так как оно было мало прибыльным. Частные фабриканты, ввоз товаров из-за границы которым не ограничивался, почти полностью покрывали потребность в станках за счет импорта. Перед первой мировой войной в производственном потреблении России доля импортных металлорежущих станков достигла 85% [1]. Это была опасная зависимость от заграницы, так как от уровня и размеров отечественного станкостроения зависело техническое состояние всего хозяйства.

Нередко иностранные капиталисты устанавливали такую производственную кооперацию своих предприятий с российскими, в которой последним отводилась второстепенная роль. Иностранные монополии всячески препятствовали возникновению новых отраслей и производств. Часть оборонной, химической, электротехнической и легкой промышленности базировалась на импортном сырье и привозных полуфабрикатах. Серный колчедан, марганец, цинк, шерсть и другие виды сырья для специальной обработки отправлялись за границу.

В плохом состоянии находились научно-исследовательские учреждения. Открытия талантливых физиков и химиков, металлургов и машиностроителей годами не внедрялись в производство или передавались за рубеж. Иностранцы тормозили развитие нашей отечественной научно-технической мысли. Обстановка косности и консерватизма усугублялась традиционным преклонением правящих и деловых кругов России перед заграницей. Это проявлялось во многом, в том числе и в организации изобретательского

---

[1] См. «СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 140.

дела. В 1890—1898 гг. в России ежегодно выдавалось в среднем около 300 патентов, преимущественно иностранцам[1], которые имели большие льготы на регистрацию своих изобретений. На предприятиях, где хозяйничали иноземцы, русским специалистам предлагалось строго соблюдать технологические процессы зарубежных фирм. Вносить в них какие либо изменения и усовершенствования запрещалось.

Развитию прикладных наук не способствовала сложившаяся в Академии наук традиция, согласно которой в академических лабораториях разрабатывались проблемы, отражавшие личные научные интересы академика, а не нужды национального хозяйства. Это нередко придавало замкнуто академический характер научным работам, не благоприятствовало творческим исследованиям, а также притоку в лаборатории способных ученых.

Значительная часть оборота внешней торговли, особенно экспорта, находилась также под контролем иностранных фирм. Заготовка многих экспортных продуктов и снабжение крестьян сельскохозяйственными машинами производились иностранными фирмами, получавшими большие прибыли от этих операций.

Несмотря на наличие обширных районов для производства технических сельскохозяйственных культур, Россия ввозила из-за границы хлопок, джут, чай, шерсть, дубильные экстракты и т. д. Текстильная и кожевенно-обувная промышленность находились в хронической зависимости от импортных поставок сырья. Существовавшая хлопковая монополия и мизерные ассигнования на ирригационное строительство тормозили развитие производства этого важнейшего сырья, а крестьяне-хлопкоробы Средней Азии задыхались от безземелья, безводья и нехватки средств. Правящие круги царской России почти не проявляли заботы о развитии производства многих технических культур. Надежды на импорт отражали беззаботность и антигосударственный подход к созданию отечественной сырьевой базы.

Опасным этапом в усилении зависимого положения России от западного империализма была первая мировая война. Огромные военные закупки за границей, новые займы, английский контроль над военными заказами царского правительства, исполнение военно-стратегических

---

[1] См. «Законоположения по защите промышленной собственности». С-Пб., 1913, стр. 61.

требований союзников, выплата процентов по старым долгам — все это оборачивалось большой политической и экономической зависимостью России от Англии, Франции и США. В. И. Ленин справедливо писал, что эта война велась русской буржуазией не на свои, а на иностранные деньги. «...Гучков-Милюков с К°,— отмечал он,— *связаны* англо-французским капиталом. Они на чужие деньги вели и ведут войну. Они обещали за занятые миллиарды платить *ежегодно* процентов *сотни миллионов* и выколачивать эту *дань* с русских рабочих и русских крестьян» [1]. Но англо-французские займы «поддерживали» Россию, как «веревка поддерживает повешенного» [2].

Первая мировая империалистическая война обнажила тяжелую обстановку иноземного засилья в России. Министр Дурново писал царю, что в случае военного поражения возможен полный развал всего хозяйства, а в случае победы Россия попадет в такую финансовую кабалу, «по сравнению с которой наша теперешняя зависимость от германского капитала покажется идеалом» [3].

Февральская революция 1917 г. смела царское самодержавие. Однако пришедшая к власти буржуазия не хотела и не могла обеспечить решение насущных экономических нужд страны.

Временное правительство продолжало старую политику закабаления России новыми иностранными займами и концессиями. Капиталисты, отмечал Ленин в апреле 1917 г., «запутались в сетях русского, англо-французского и *американского* банкового капитала» . Общая задолженность Керенского только США составила 187 млн. долл.[5] Золотой фонд страны усиленно перекачивался за границу. Многие богатые районы намечалось сдать в кабальную концессию американским бизнесменам.

Партия большевиков предупреждала трудящихся о грозящей опасности иностранного порабощения. «Американские миллиардеры, наполнившие свои погреба золотом, перечеканенным из крови умирающих на полях опустошенной Европы, присоединили свое оружие, свои финансы,

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 50.
[2] Там же, т. 32, стр. 290.
[3] «Красная новь», 1922. № 6 (10), стр. 194—195.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 326.
[5] См. *А. Л. Сидоров.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны. 1914—1917. М., 1960, стр. 488.

свою контрразведку и своих дипломатов для того, чтобы... затянуть потуже удавную петлю на шее русской революции,— сообщалось в манифесте VI съезда партии.— Российская буржуазия оказалась связанной с капиталистами Европы и Америки и общими целями и тяжелой золотой цепью, концы которой сходятся в банкирских домах Лондона и Нью-Йорка»[1].

Таким образом, будучи великой и одновременно экономически непередовой капиталистической страной, дореволюционная Россия находилась в многосторонней и хронической зависимости от европейского и североамериканского империализма. В условиях неравноправного международного капиталистического разделения труда это было закономерным явлением. В. И. Ленин много раз писал об экономической отсталости и зависимом положении старой России. Однако он не считал нашу страну колонией или полуколонией, относил ее, наряду с Францией и Японией, к второстепенной, но не вполне самостоятельной[2]. Хотя иностранный капитал играл в экономике России немалую роль, но наличие революционного рабочего класса, определенного минимума индустрии, внутренних накоплений, богатые природные ресурсы являлись объективной предпосылкой победы социализма. Анализируя реальные условия страны, ее международные отношения, Ленин предвидел объективную неизбежность борьбы за ее полную независимость через революционные социалистические преобразования.

В работах «Апрельские тезисы» и «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» В. И. Ленин выдвинул задачи перехода власти к революционному пролетариату, установления рабочего контроля над производством и распределением, превращения основных средств производства в общественную собственность, национализации банков и крупной промышленности. Тогда, в канун Великого Октября, в партии нашлись люди, которые считали, что в России отсутствуют предпосылки для революции, и призывали ждать ее прихода с Запада. «Откуда взойдет солнце социалистического переворота? — спрашивал Рыков.— Я думаю, что по всем условиям, обывательскому уровню инициатива социалистического переворота при-

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч 1, стр 390

[2] См *В. И. Ленин.* Полн собр соч , т 28, стр 178

надлежит не нам. У нас нет сил, объективных условий для этого»[1]. Подобные взгляды Ленин называл «пародией на марксизм»[2].

Без социалистической революции невозможно было ликвидировать нависшую над страной катастрофу и избежать иностранной кабалы. Ведя непримиримую борьбу против российской и иностранной буржуазии, большевики разоблачали всю пагубность и опасность политики меньшевиков и эсеров, которые выдавали свое прислужничество перед буржуазией как единственный путь «спасения» Родины. Настоящими революционерами-патриотами выступали большевики-ленинцы.

В. И. Ленин доказал, что вопросом жизни или смерти для нашей Родины является преодоление экономической отсталости и достижение ею технико-экономического уровня наиболее развитых капиталистических стран[3].

Позднее Ленин подверг критике пораженческие рассуждения о том, что, поскольку страна отсталая и нет соответствия экономических сил с политическими силами, партии не следовало бы брать власть. «Так рассуждают «человеки в футлярах», забывающие, что «соответствия» не будет никогда, что его не может быть в развитии природы, как и в развитии общества...» — писал он. В противоположность крикунам и фразерам партия большевиков во главе с Лениным дала пролетариату научную программу социалистической революции и экономического преобразования страны, политически организовала его и подняла на борьбу против российской и международной буржуазии.

В сложной международной и внутренней обстановке, при массовой разрухе производства и скромных государственных ресурсах, впервые в истории ленинской партии и Советскому государству пришлось разрабатывать и осуществлять такую программу борьбы, которая укрепляла политическую суверенность и экономическую самостоятельность страны, надежно обеспечивала успех социалистических преобразований в советском обществе.

Враги социализма — меньшевики и эсеры — извра-

---

[1] См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков), апрель 1917 г. Протоколы». М., 1958, стр. 107.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 363.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 195.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 306.

щали сущность ленинской программы экономического возрождения и подъема России. Они сеяли у трудящихся неверие в собственные силы для построения социалистического общества.

Врагам партии фактически помогали участники «рабочей оппозиции», которые обвиняли ЦК РКП(б) и Ленина в том, что они посредством нэпа якобы сворачивали страну с социалистического пути, реставрировали капитализм.

Враждебно капитулянтской являлась меньшевистская теория Троцкого о невозможности построения социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране. Троцкисты предсказывали неизбежность возврата России на капиталистический путь развития с ее прошлой зависимостью от иноземного капитала, если не будет победоносных пролетарских революций на Западе.

Партия отстояла ленинскую теорию о возможности построения социализма в России. Она показала, что капитулянтские взгляды о перспективах экономического развития страны ничего общего не имеют с марксизмом. Вместе с тем партия сознавала трудности, которые придется преодолеть советскому народу на пути к социализму. «Настоящим испытанием нашей революции,— предупреждал Ленин,— является то, что мы в отсталой стране, раньше, чем другие, сумели взять власть, завоевать советскую форму правления, власть трудящихся и эксплуатируемых. Сумеем ли мы ее и удержать, хотя бы до тех пор, пока расшевелятся массы других стран? И если мы не сумеем пойти на новые жертвы и удержаться, то скажут: революция оказалась исторически неправомерной» [1]. Жизнь, опыт советского общества доказали: Великая Октябрьская революция была закономерной, она стала началом, как и предвидел Ленин, всемирно-исторических свершений.

Выдающееся значение для разработки программы борьбы за независимость и начала ее реализации имела теоретическая и практическая деятельность Ленина, ставшего во главе борьбы советского народа за укрепление могущества нашей Родины. В его трудах и решениях Коммунистической партии получила глубокую разработку экономическая политика Советского государства, расчитанная на переходный период от капитализма к социализму. В них были проанализированы политические и экономи-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 52.

ческие условия, определены методы социалистического строительства, указаны пути преобразования многоукладной мелкотоварной экономики в социалистическую, способы и источники самостоятельного снабжения народного хозяйства нужными машинами, металлами и сырьем; меры по ослаблению и ликвидации былой зависимости страны от иностранных банков, монополий и фирм.

Решающим политическим условием укрепления экономической самостоятельности и достижения полной независимости страны являлось всемерное укрепление диктатуры пролетариата, использование государственной власти для подавления эксплуататорских классов внутри страны, для организации трудящихся на построение материально-технической базы социализма, для установления выгодных экономических сношений с внешним миром. Государство диктатуры пролетариата становилось главным орудием строительства социализма и защиты его от капиталистического окружения. С помощью его были разорваны сети унаследованной экономической и технической зависимости, сплетенные мировым империализмом в течение долгих лет вокруг России.

Через государство планомерно осуществлялся курс на экономическую независимость, решались в соответствии с ним задачи в каждой отрасли на конкретных этапах социалистического строительства. В государственной политике воплощался всесторонний учет потребностей экономического развития общества, реальная оценка внутренних возможностей и конъюнктуры мирового рынка; правильные пропорции в обеспечении народного хозяйства внутренними и внешними источниками снабжения техникой и сырьем; намечались кратчайшие пути высвобождения народного хозяйства страны от импортной зависимости. Руководящей силой, направляющей деятельность Советского государства, являлась Коммунистическая партия, безраздельное руководство которой было одним из важнейших источников непобедимости советского народа в экономической борьбе против враждебного капиталистического окружения.

В. И. Ленин указывал, что решение экономических проблем строительства социализма и создание общего планового народного хозяйства немыслимы без государственного союза пародов. Процесс экономического объединения республик являлся объективной необходимостью. Необхо-

димость революционно-государственного единства советский народ почувствовал сразу же после победы Великого Октября, когда империалисты предпринимали попытки закабалить нашу страну или отдельные ее республики.

Партия во главе с Лениным настойчиво искала новые пути сплочения народов на основе пролетарского интернационализма и независимости от империалистических держав. На примере буржуазных прибалтийских республик Ленин показал, что означает «независимость» небольших стран в капиталистическом мире. «...Когда французские, американские и английские капиталисты говорят: «Мы вам гарантируем независимость» — это на практике значит: «Мы у вас скупаем все источники ваших богатств и держим вас в кабале»»[1].

Могущество многонационального Советского государства в значительной мере зависело от прочности союза и единства народов, от объединения их хозяйств, природных и людских ресурсов. Для экономических судеб народов особо опасными были националистические тенденции. Без союза советских республик не было спасения зависимым и слабым нациям. Без такого союза нельзя было отстоять свое существование в капиталистическом мире, и, наоборот, в рамках его имелась возможность создать единую социалистическую экономику. Эти ленинские идеи объединения советских республик, «как единственный путь спасения от империалистической кабалы и национального гнета», были записаны в резолюции X съезда РКП (б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе»[2].

X съезд отмечал, что угроза империализму заключается не только в том, что советские республики, порвав с империализмом, превратились в самостоятельные государства, но прежде всего в том, что само существование республик является важнейшей агитацией против империализма, агитацией за освобождение зависимых стран от империалистической кабалы. Не случайно западные державы поддерживали одно окраинное буржуазное государство за другим, стараясь экономически изолировать Советскую Россию. Съезд предупреждал партию и народы о том, что «национальные советские республики могут отстоять свое существование и победить соединенные силы империализма,

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 349.
[2] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 553.

лишь объединившись в тесный государственный союз, или они вовсе не победят»[1]. Общность политических и экономических задач, налаживание братского сотрудничества наций и народностей в интересах строительства социализма в обстановке капиталистического окружения делали неотложным объединение республик в единое государство.

Во главе с Лениным ЦК партии и Советское правительство осуществили первые трудные, весьма ответственные мероприятия по претворению в жизнь намеченного генерального курса. Национализация крупной промышленности и банков, в том числе иностранных, лишила буржуазию ее экономической силы и командных высот в народном хозяйстве. По предложению Ленина уже в ноябре 1917 г. СНК создал Особую комиссию для проведения в жизнь социалистической политики в области финансовой и экономической. Среди других вопросов этой политики Ленин выдвигал как практическую задачу национализацию банков и введение государственной монополии внешней торговли. Эти революционные меры осуществлялись постепенно. Первоначально, как и в промышленности, устанавливался рабочий контроль над экспортно-импортными организациями, запрещалась торговля с заграницей без санкции Наркомата торговли и промышленности. Не разрешался ввоз предметов роскоши, устанавливался порядок и размеры вывоза денег за границу, аннулировались все сделки по передаче русских судов за границу (продажа, закладка). Многими из этих вопросов занималась Комиссия внешней торговли при Комитете хозяйственной политики ВСНХ, членом которой состоял Ленин.

Важными событиями международного значения явились акты аннулирования государственных займов (около 55 млрд. руб.) и ликвидация на советской территории всех иностранных банков. Советское правительство по принципиальным соображениям не могло признать антинародные займы и долги прежних властей или разрешить свободу действий иностранным банкирам Советская власть разорвала сети финансовой зависимости новой России от заграничных банков и монополий и основательно подорвала экономические позиции иностранного капитала внутри страны. В. И. Ленин предупреждал трудящихся о том, что борьба империалистов за возвращение долгов тесно связана

[1] «КПСС в резолюциях...», ч I, стр. 557

с их стремлением восстановить в России частную собственность и старые порядки. «Ультиматумам не подчинимся,— писал он.— Если желаете только «торговать»,— давайте, но кота в мешке мы не купим и, не подсчитав «претензий» *до последней копейки,* на сделку не пойдем» [1]. Признание иностранных долгов превратило бы наше государство на многие годы в должника, ослабило бы его самостоятельностъ и замедлило темпы социалистических преобразований. Гибкая политика Советского правительства в вопросах о дореволюционных долгах, национализированной собственности иностранцев и концессий обеспечила победу ленинского курса. Если бы условия западных держав были приняты, то советскому народу пришлось бы выплачивать ежегодно 20% национального дохода и 80% госбюджета [2].

Аннулирование дореволюционных долгов свидетельствовало о полном разрыве Советской власти с финансовой политикой буржуазно-помещичьей России. Оно нанесло сильный удар по экономическим позициям российской и иностранной буржуазии. «...Советская республика,— говорил Ленин,— открыто провозгласила борьбу с империалистами всех стран, отняв у них капиталы в виде заграничных займов, бивши их по лицу, открыто задевая по разбойничьему карману» [3]. К политическим и идеологическим мотивам ярой враждебности международного империализма к Советской власти добавились экономические причины. Советскому государству пришлось выдержать многолетний нажим правящих кругов Франции, Англии, США и других стран из-за аннулирования внешних долгов. Однако оно устояло и отвергло требования империалистов. Попытки империалистов добиться соглашений, посредством которых можно было бы восстановить в России позиции иностранного капитала и ее прежнее зависимое положение на мировом рынке, потерпели крах. Нужны были твердость, гибкость и мудрость нашей партии, чтобы выдержать бешеные атаки капиталистического мира, сохранить политическую самостоятельность государства и затем подчинить внешнеэкономические связи задачам построения социализма.

Под непосредственным руководством Ленина была разработана новая экономическая политика, осуществляя

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 386.

[2] См. «Документы внешней политики СССР», т. V. М., 1961, стр. 241—243.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 157.

которую партия одновременно решала некоторые вопросы укрепления экономической самостоятельности страны. Известно, что нэп был рассчитан на преодоление разрухи, на создание фундамента социалистической экономики, развитие крупной индустрии, на установление экономической смычки между городом и деревней. Эта смычка обеспечивала снабжение сельскохозяйственным сырьем (в том числе взамен импортного) для легкой индустрии. С помощью ее партия решала проблему накопления средств для подъема и развития тяжелой индустрии. Наконец, в интересах восстановления и развития производительных сил страны нэп предусматривал активное использование государственного капитализма, в том числе иностранных концессий и техническую консультацию зарубежных фирм.

Основной принцип ленинской программы обеспечения экономической независимости страны заключался в самостоятельном снабжении народного хозяйства необходимыми промышленными изделиями и сырьем. Об этом В. И. Ленин писал в работах «Очередные задачи Советской власти», «Главная задача наших дней», «Набросок плана научно-технических работ». Он развивал и конкретизировал этот принцип в речи па собрании актива московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г., в докладах на VIII Всероссийском съезде Советов и на IV конгрессе Коминтерна.

С большой убежденностью и уверенностью Ленин много раз говорил о значении для судеб строительства социализма и достижения экономической независимости тяжелой индустрии и электрификации страны. Он предупреждал, что «без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна» [1]. Его идеи о машинной индустрии, как о единственно возможной основе социализма и обеспечения экономической независимости страны, являлись не отвлеченной теорией, не вопросами будущего, а практическими проблемами социалистического строительства. Необходимость осознания неотложности этих задач Ленин адресовал прежде всего к коммунистам. «...Единственной возможной экономической основой социализма является крупная

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 287.

машинная индустрия,— говорил он.— Тот, кто забывает это, тот не коммунист»[1].

Практическая реализация ленинских идей о создании основ машинной индустрии нового общества началась с плана ГОЭЛРО. По предложению Ленина в плане ГОЭЛРО делался упор на развитие собственного производства средств производства и укрепление независимости страны. «Сообщу разговор с тов. Лениным,— докладывал комиссии Г. М. Кржижановский 17 февраля 1920 г....— Он считает, что главнейшая задача — средства производства для средств производства. Нужно принять во внимание не просто само материальное оборудование, а обдумать, что необходимо иметь для его производства нам самим... Просмотреть, что мешает поставить самостоятельное производство самих средств производства»[2]. Ленинский план ГОЭЛРО, опиравшийся на реальный учет состояния народного хозяйства и наличие природных ресурсов страны, был образцом научного перспективного планирования. В нем учитывались внешнеэкономические связи с индустриально развитыми капиталистическими государствами.

В. И. Ленину и его соратникам пришлось вести борьбу против капитулянтских предложений, в защиту разработанной программы экономического возрождения и развития народного хозяйства. В момент разработки плана ГОЭЛРО Троцкий предлагал свой «план хозяйственного возрождения России» посредством использования «неквалифицированной трудовой армии». Он демагогически противопоставлял план ГОЭЛРО ленинскому кооперативному плану. Резко критиковал троцкистские прожекты и поддерживал план ГОЭЛРО И. В. Сталин. На IX съезде РКП (б) решительную отповедь получил Рыков, отстаивавший капитулянтскую догму о невозможности восстановления экономики собственными силами советского народа. Ничего нового не находя в плане, он характеризовал его формулой «из теоретической политической экономии для изолированного отвлеченного хозяйства»[3]. «Защищая» план ГОЭЛРО, Бухарин вместе с тем утверждал, что он годится «для всех разоренных стран, даже независимо от социальной основы» . При этом Бухарин ссылался на вы-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 50.
[2] «Красный архив», 1939, № 4, стр. 32.
[3] «Девятый съезд РКП(б). Протоколы». М., 1960, стр. 130.
Там же, стр. 138.

воды буржуазного экономиста Гриневецкого, который считал, что восстановить промышленность сможет политический режим, сумеющий завоевать доверие иностранного капитала. «...Громадный приток иностранных капиталов,— писал Гриневецкий,— является необходимым условием экономического возрождения России...»[1] Следовательно, своим неверием в силы страны и народа Рыков, Бухарин смыкались с буржуазными специалистами. Фактически против плана хозяйственного строительства выступал Милютин. Резкой критике на съезде был подвергнут Ломов, который приписывал ленинскому плану идею «самодовлеющего замкнутого народного хозяйства», игнорирующую «возможности влияния заграничного рынка и международного разделения труда»[2]. Позднее Троцкий не раз получал сокрушительный отпор от ленинского ЦК и всей партии по вопросам возможности построения социализма в нашей стране собственными силами и необходимости завоевания экономической независимости ее от капиталистических держав.

Коммунистическая партия оказалась на высоте исторических задач, поставленных Лениным. Идейный и политический разгром капитулянтов и маловеров имел важное значение для судеб нашей Родины. Партия подняла весь народ на борьбу за претворение в жизнь ленинских предначертаний экономического возрождения и дальнейшего развития страны.

План электрификации был разработан на основе глубокого анализа состояния производительных сил страны, с учетом связей ряда отраслей промышленности с внешними рынками, с учетом новых достижений мировой науки. В нем оговаривалась необходимость импорта оборудования и металла, приглашения из-за границы на льготных условиях инструкторов-специалистов; указывалось на валютные источники: расширение добычи золота, экспорта сельскохозяйственных продуктов, леса, нефти и т. д. «...Перед нашим Внешторгом,— говорилось в плане,— здесь стоят вполне разрешимые задачи. А в дальнейшем — крот истории славно роет в нашу пользу, и перспективы сотрудничества с нашими восточными и западными соседями на

[1] *В. И. Гриневецкий.* Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1922, стр. 99.

[2] См. «Девятый съезд РКП(б). Протоколы», стр. 143, 171.

основах международной солидарности трудящихся классов, а не по биржевым указкам отнюдь не за горами»[1].

Наряду с машиностроением и металлургией план ГОЭЛРО предусматривал развитие хлопководства, шелководства, увеличение производства бумаги, красок, кожи, шерсти, резины. Первый в мире перспективный план развития народного хозяйства на основе электрификации был рассчитан на собственные силы и возможности страны. Известно, что план ГОЭЛРО осуществлялся в короткие сроки и почти без привлечения иностранных капиталов, которые первоначально предполагалось получить (6 млрд. руб. золотом) от концессий и внешних кредитных операций[2].

В соответствии с ленинским планом ГОЭЛРО в 1922—1925 гг. вступили в строй Каширская электростанция, «Красный Октябрь», Кизеловская, Балахнинская, Шатурская, многие сельские электростанции. Первые успехи электрификации вызвали горячее одобрение у трудящихся. Заявляя о полной поддержке ее, участники собрания металлистов артелей Москвы и Московской губернии заявляли Ленину:

«Наш союз будет счастлив влить и свою долю участия в великое дело электрификации, которая кратчайшим путем поможет освобожденной России догнать в производственном отношении передовые страны Запада и обеспечить ей дальнейшее самостоятельное социалистическое строительство народного хозяйства»[3].

«Чудны дела твои, Советская власть! — писали крестьяне Каширского уезда Тульской губернии.— Да будет применена электрификация в деревне, в сельском хозяйстве, за что деревня отплатит сторицею» .

В 1925 г. СССР произвел электроэнергии 2,9 млрд. киловатт-часов, что уже превышало па 900 млн. киловатт-часов уровень 1913 г. В конце восстановительного периода велось сооружение 117 новых заводов и 28 шахт[5]. По тем

[1] «План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России», изд. 2. М., 1955, стр. 42.

[2] См. там же, стр. 23, 183.

[3] «Письма трудящихся к В. И. Ленину. 1917—1924 гг.». М., 1960, стр. 381.

«Известия», 25 мая 1921 г.

[6] См. «Промышленность СССР». Стат. сб. М., 1957, стр. 171; Ф. Э. Дзержинский. Избр. произв. М., т. 2, 1957, стр. 201.

временам это было большим достижением. Страна уверенно набирала темпы экономического развития.

В. И. Ленину принадлежала инициатива скорейшего восстановления тяжелой индустрии. Доказывая необходимость ее восстановления и развития, Ленин подчеркивал политическое значение этой задачи. Только на основе крупной промышленности можно было укрепить диктатуру пролетариата, поднять классовое самосознание рабочих. На X Всероссийской конференции РКП (б) Ленин указал, что тогда пролетариат «свою диктатуру упрочит, тогда он свою диктатуру наверняка, вопреки всем политическим и военным трудностям, доведет до конца» [1]. В ленинском плане восстановления и развития тяжелой индустрии решающая роль отводилась рабочему классу, который призван был гигантскими усилиями и ценой больших жертв воплотить директивы партии, в союзе с трудящимся крестьянством решить проблему накоплений, обеспечить бесперебойную работу важных и нужных стране отраслей промышленности, создать необходимые предпосылки для их дальнейшего развития.

В. И. Ленин считал, что осуществление созидательных функций диктатуры пролетариата возможно при наличии крупной индустрии. Эффективность пролетарской власти, основанной на крупной машинной индустрии — этого материального, производственного источника и фундамента социализма, зависела от безусловного и строжайшего единства воли, направляющей совместную работу миллионов людей. И технически, и экономически, и исторически эта необходимость была совершенно очевидна. Только посредством единства воли, осуществляемой через диктатуру пролетариата, можно было организовать трудящихся на борьбу за социализм без помощи извне.

Социализм может победить капитализм и утвердить себя прежде всего более высокой производительностью труда. Всемерное развитие машинной индустрии является решающим условием роста производительности труда, осуществления технической реконструкции народного хозяйства, обеспечения нормального социалистического расширенного воспроизводства. «Подъем производительности труда,— писал Ленин,— требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 309.

производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности»[1].

Снабжать народное хозяйство современным оборудованием, осуществлять технический прогресс и расширенное воспроизводство можно было, обеспечивая преимущественный рост производства средств производства. Центром социалистической индустриализации должно было стать машиностроение, изготовляющее оборудование для всей промышленности и транспорта.

Огромную роль в социалистическом преобразовании страны Ленин отводил не вообще индустрии, а соответствующей уровню новейшей техники. Только при этом условии она способна выполнить свою прогрессивную роль. В. И. Ленин призывал партию восстанавливать народное хозяйство не на прежней, а на современной (по тому времени) технической основе. «Восстановить — это основная задача,— указывал он,— но мы не можем восстановить на старом экономическом и техническом основании. Это невозможно и технически, и было бы дико; нужно найти новое основание... Выход из положения только в восстановлении промышленности. Но восстановление промышленности не может быть на старой почве: ее нужно восстановить на почве современной техники»[2].

В 1921—1922 гг. делались попытки составить перспективный план восстановления и развития некоторых отраслей тяжелой индустрии, в том числе металлообрабатывающей, металлургической и рудной[3]. Принятые меры обеспечили в последующие годы подъем промышленного производства, создали предпосылки для ускоренного развития его в будущем.

Выполняя ленинские указания, партия уделяла большое внимание подъему и развитию производства средств производства. «Наладить производство средств производства внутри Союза,— отмечал XIII съезд РКП (б),— означает создать действительно прочную базу для социалистического хозяйства и в значительной степени освободить себя от необходимости передачи больших заказов за границу. Съезд поручает Центральному Комитету обратить серьезное внимание на эту проблему» .

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 188.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 163—164.

[3] См. *Э. Б. Генкина.* Ленин — Председатель Совнаркома и СТО, стр. 111.

«КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 13.

Уже в 1924—1925 гг. четко выявилась тенденция ускоренного роста индустрии и наращивания ее доли в народном хозяйстве. Если в 1923/24 г. продукция промышленности занимала лишь 27% в валовой продукции всего народного хозяйства, то в следующем году — 35% [1]. Промышленность не только увеличивала свою долю в народном хозяйстве, что было характерным для индустриализирующейся страны,— рост промышленности дал новый толчок подъему всего народного хозяйства.

Важным был тот факт, что работники индустрии осознали необходимость обновления техники и технологии производства. В одном из отчетов правительства отмечалось, что в 1923—1925 гг. установлено немало оборудования импортного и отечественного выпуска. На ряде заводов и фабрик, в ведомствах были образованы специальные бюро по руководству изготовлением нового оборудования. Они возникли в текстильной, нефтяной и полиграфической промышленности. Программа по выпуску машин только в Главметалле составила (1924/25 г.) уже 300 млн. руб.[2] Ленинский лозунг «лучше делать самим машины» претворялся в жизнь.

Важное значение Ленин придавал индустриализации в связи с необходимостью социалистического кооперирования крестьянского хозяйства. Только на основе крупной машинной индустрии можно было обеспечить перевод трудящихся крестьян на путь социализма. Она обеспечивала деревню необходимой техникой, удобрениями, опытом организации крупного производства. Рост промышленности, прежде всего машиностроения, обеспечивал выпуск необходимой сельскохозяйственной техники и создание материально-производственной базы нового строя в деревне.

В. И. Ленин требовал от коммунистов учитывать международную обстановку, знать те мотивы, которыми руководствовались империалисты в своем враждебном отношении к государству рабочих и крестьян. Советское государство обязано было иметь развитую оборонную индустрию и технически оснащенные Вооруженные Силы. Ленин отмечал, «что берет верх тот, у кого величайшая техника, организованность, дисциплина и лучшие машины, ... без машины, без дисциплины жить в современном обществе нельзя,— или надо преодолеть высшую технику, или быть

---

[1] «Год работы правительства СССР», 1926, стр. 178.
[2] См. там же, стр. 178—179.

раздавленным» [1]. Партия руководствовалась этим указанием, когда решались вопросы обороны.

Социалистическая индустриализация предполагала создание тяжелой промышленности с одновременным расширением минерально-сырьевой базы — руд, топлива, энергетических ресурсов, сырья для химической продукции. «Разработка этих естественных богатств,— писал Ленин,— приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил» [2]. В апреле 1918 г. Совнарком принял специальное постановление, которым Академии наук поручалось исследование природных богатств страны и решение проблемы правильного распределения промышленного производства. Была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), которая получила финансовую поддержку и развернула активную деятельность.

Ленинская программа воплощала основную цель социализма — систематическое улучшение благосостояния трудящихся. Восстановление и развитие крупной индустрии и транспорта на новой технической основе, отмечал Ленин, даст нам возможность окончательно и навсегда победить голод и нищету. Электрификация и машинизация производства создают условия для более квалифицированного и гигиеничного труда рабочих, избавляют их от дыма и грязи. Ленин указывал, что социализм открывает широкий простор для применения и развития техники в интересах трудящихся. Социализм утверждает свободный творческий труд, вооруженный передовой техникой, создает «возможность *работы на себя,* и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры» [3].

Итак, тяжелая индустрия была призвана обеспечить экономическое и техническое преимущество социализма перед капитализмом, создать условия для неограниченного подъема производительных сил и общественного производства в интересах благосостояния трудящихся. Ее преимущественное развитие необходимо было для коренного изменения отраслевой структуры народного хозяйства, особенно между двумя основными подразделениями производства. Ленинские идеи о тяжелой индустрии, о ее роли в строительстве социализма являются крупным вкладом в мар-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 116.
[2] Там же, стр. 188.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 196.

ксизм. Они раскрыли одну из закономерностей развития социалистического общества, показали решающее условие создания материально-технической базы нового общества.

Начиная с осени 1920 г. Ленин возглавил работы по первоочередному восстановлению электротехнической, топливной, судостроительной и других отраслей промышленности. Большое значение имело постановление СТО от 12 августа 1921 г. «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства» [1].

Советское правительство концентрировало силы и средства на тех отраслях крупной промышленности, которые в дальнейшем обеспечивали бы успешное развитие па собственной машинной базе всего народного хозяйства, сохраняли бы кадры рабочих и инженерно-технических работников.

В. И. Ленин был активным сторонником не только быстрых темпов восстановления промышленности, но и осуществления нового индустриального строительства. «Непонимание дела,— писал он,— получается чудовищное, слышатся речи: сначала восстановим хоть частью старое, прежде чем строить новое...» [2]

Огромной заслугой Ленина было определение путей решения проблемы источников и методов накопления для развития промышленности. Прежде всего необходимо было укрепить союз рабочего класса с крестьянством и ценой величайшей экономии «добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии...» [3]. Экономить везде, «скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги, чтобы постепенно восстанавливать разрушенные железные дороги, машины, здания и прочее... Необходимо величайшим образом напрягать силы всех крестьян и всех рабочих...» Реально оценивая возможности и трудности, Ленин вместе с тем заявлял, что это дело «отнюдь не безнадежное». Только подходить к нему надо прежде всего с политических позиций. «...Без правильного политического подхода к делу,— писал он,— данный класс не удержит своего господства, а

---

[1] См. «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет», т. 1. М., 1967, стр. 248—250

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 343.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 405.

Там же, стр. 209—210.

следовательно, не сможет решить и *своей производственной задачи*»[1].

ЦК партии отверг опасные рекомендации троцкистов, которые настаивали в первые годы нэпа под предлогом убыточности заморозить восстановление тяжелой индустрии. Они предлагали закрыть Путиловский, Сормовский, Брянский и другие заводы. Партия отвергла эту капитулянтскую программу и подтвердила ленинский подход к решению задач восстановления тяжелой индустрии. Преимущества социалистической системы создавали возможности для систематического роста национального дохода и фонда накопления, что было одним из решающих факторов укрепления экономической самостоятельности страны. Строгий режим экономии, повышение производительности труда, увеличение числа работников в сфере материального производства обеспечивали высокие темпы роста накоплений. Советское государство решало проблему накоплений собственными силами, не с помощью иностранных займов (или контрибуций), как это делалось рядом капиталистических держав. После хозяйственных затруднений 1923 г. накопления росли быстрыми темпами. Прибыли и амортизация в 1923/24 г. составляли 268 млн. руб. (или 9,7% по отношению к товарной продукции), в 1924/25 г. - 585 млн. руб. (14,1%) и в 1925/26 г. - 802 млн. руб. (13,7%)[2]. «Задача укрепления советских финансов,— писал Ленин,— является одной из труднейших, но она стоит теперь в первом ряду и без ее решения невозможно сделать значительных шагов вперед ни в деле ограждения независимости Советской России от международного капитала, ни в деле хозяйственного и культурного развития страны»[3].

В улучшении материального положения рабочего класса и решении проблемы накоплений важную роль играли сельское хозяйство и легкая индустрия. Ленин много внимания уделял текущим и перспективным, социально-экономическим и производственно-техническим вопросам подъема и развития крестьянского хозяйства. Создавались товарищества по строительству сельских электростанций, разворачивали свою деятельность Центрочай, Главный ко-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 279.
[2] См. «Год работы правительства СССР», 1927, стр. 220.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 228.

митет по кожевенным делам и т. д. В ноябре 1920 г. правительство разработало меры по развитию хлопководства в Средней Азии и Азербайджане. Совершенствовалась система заготовок сельскохозяйственного сырья. При этом делался упор на заготовки тех его видов, которые являлись дефицитными и ввозились из-за границы (кожа, шерсть, хлопок). Их экспорт запрещался. Для установления государственного товарного фонда, составления планов создания товарных запасов действовала правительственная Комиссия использования материальных ресурсов. Все эти меры значительно укрепляли экономическую самостоятельность Страны Советов.

Наряду с другими отраслями тяжелой индустрии особое внимание обращалось на скорейший подъем золотодобывающей промышленности. В октябре 1920 г. Ленин предлагал выработать меры по развитию добычи золота.

Правительство принимало меры к тому, чтобы в срочном порядке обеспечить «Лензолото» квалифицированными рабочими, наладить их продовольственное снабжение. СТО обязывал Сибревком принять все необходимые меры по восстановлению Ленских золотых промыслов по программам, утвержденным Президиумом ВСНХ[1]. Позднее Ленские прииски были сданы в концессию английскому акционерному обществу «Лена Голдфилдс лимитед», которое в 1925 г. давало 20% всей добычи золота в стране[2].

В условиях острой нехватки валюты большое значение имела охрана природных запасов золота, платины и других редких металлов. Только на Дальнем Востоке в конце 1922 г. из 2597 золотых приисков государство в состоянии было эксплуатировать лишь 11 %[3]. Остальные находились без присмотра. Этим пользовались старатели-частники, в том числе иностранцы. Согласно подсчетам профессора М. Н. Нерсесова утечка золота из-под горного надзора здесь ежегодно составляла 240—250 пудов, в то время как добыча за год равнялась в среднем 300—350 пудам .

---

[1] См. *Э. Б. Генкина.* Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923, стр. 244.

[2] См. «Правда», 12 февраля 1926 г.

[3] См. «Борьба рабочего класса за восстановление и развитие промышленности Дальневосточной области (1922—1925 гг.)». Хабаровск, 1962, стр. 49—50.

См. М. *Н. Нерсесов.* Дальний Восток (Экономический очерк). М - Л., 1926, стр. 87.

Пользуясь неустановившимся контролем на границах, внутренняя и иностранная буржуазия стремилась вывезти за границу драгоценные металлы, валюту, художественные ценности. С целью предотвращения этого устанавливалась государственная монополия на торговлю золотом и платиной. Местным Советам рабочих депутатов предоставлялось право контроля за деятельностью приисков. При Наркомфине было создано Особое валютное совещание, а при ВСНХ — специальная секция благородных металлов. Возглавляла всю эту работу комиссия СТО, созданная из представителей Наркомфина, Наркомвнешторга и Наркомпрода. Предоставляя право всем гражданам и кооперативам на поиск, разведку и добычу золота и платины, Советское правительство подчеркивало особо важное государственное значение этого дела. Декрет СНК, подписанный Лениным, обязывал сдавать добываемое золото и платину государству, а вывоз за границу их воспрещался [1]. Правительство приняло меры по урегулированию вывоза и ввоза из-за границы валюты, золота и других благородных металлов. За Госбанком сохранялось монопольное право на покупку и продажу золота, серебра, платины и иностранной валюты. За период 1917—1921 гг. правительство конфисковало и изъяло из оборота значительную часть золота и других драгоценных металлов, ввело обязательную сдачу иностранной валюты, установило государственный контроль над валютными сделками с заграницей. Важное значение для упрочения валютной монополии имели введение червонцев (1922 г.), обеспеченных драгоценными металлами, валютой и товарами, и создание Внешторгбанка (1924 г.).

Известно, что с первых дней была запрещена деятельность иностранных финансовых компаний на советской территории. Велась настойчивая борьба против «черной биржи» и валютчиков, которые, как правило, были связаны с сотрудниками иностранных миссий в Москве.

По поручению В. И. Ленина в октябре — ноябре 1921 г. ВЧК (И. С. Уншлихт) разработала и представила в Совнарком «Основные принципы и взгляды на охрану экономических, политических и военных интересов Республики в связи с вопросом о борьбе с контрабандой» и «Краткую докладную записку о борьбе с контрабандой» [2]. Правитель-

[1] См. СУ, 1921, № 74, ст. 604.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, стр. 549.

ство принимало экономические и административно-организационные меры по ее пресечению. При ВЧК была создана Центральная комиссия по борьбе против контрабанды[1].

По мере укрепления хозяйственного положения страны ВСНХ и местные органы власти увеличивали производство товаров, которые контрабандным путем поступали из-за границы, расширяли торговую сеть в пограничных районах, активизировали заготовку сырья, которое незаконно вывозилось за границу. ОГПУ и Реввоенсовет усилили внимание к вопросам комплектования и воспитания личного состава пограничных войск. Правительство и местные органы власти стремились вовлечь в борьбу против контрабанды жителей пограничной полосы, материально заинтересовать в этом работников таможен. Активизировала свою деятельность межведомственная комиссия по борьбе с контрабандой при НКВТ РСФСР. В 1924/25 г. доход государства от конфискации контрабандно провозимой валюты составил 214 тыс. руб.[2]

Таким образом, Ленин не только разработал вопрос об источниках накоплений для восстановления и развития индустрии, но и положил начало практическому решению этой сложной проблемы. Советское государство должно было изыскивать внутренние источники накоплений, так как международный капитал отказывал нам в займах, надеясь таким способом сорвать осуществление ленинского плана экономического подъема нашей страны.

С самого начала восстановления народного хозяйства Ленин придавал огромное значение внешней торговле, как эффективному средству, содействующему возрождению и развитию производительных сил. С ее помощью решались три основные задачи: а) частично проблема накоплений; б) ввоз оборудования, дефицитного сырья и полуфабрикатов; в) нормализация дипломатических отношений.

---

[1] Статистический учет контрабанды начался вестись с октября 1922 г. За год (октябрь 1922 г.— октябрь 1923 г.) было 48 484 случая задержаний на сумму 3240 тыс. руб. В результате принятых мер уже за следующий год (октябрь 1923 г.— октябрь 1924 г.) размеры задержанной контрабанды значительно увеличились: по числу задержаний — до 53 200 и по стоимости — до 6900 тыс. руб. Преобладающая доля контрабанды приходилась на экспорт. В 1913 г. сумма всей задержанной контрабанды составляла 729 тыс. руб., т. е. в 11,5 раза меньше, чем в 1923/24 г. (см. «Контрабанда и борьба с ней. По материалам Главного таможенного управления». М., 1925, стр. 20—21).

[2] См. «Статистический ежегодник за 1924/25 г.», стр. 26.

«Прибыль от внешней торговли измеряется сотнями процентов,— писал Ленин,— мы *начинаем* получать миллионы и десятки миллионов. Мы *начали* строить смешанные общества, начали учиться получать *половину* их (чудовищной) прибыли. Мы видим уже некоторую перспективу солиднейшего госдохода»[1].

В. И. Ленин считал внешнюю торговлю важным источником поступления новой техники, призывал «черпать обеими руками хорошее из-за границы...»[2]. Резко критикуя научно-технический отдел ВСНХ за неоперативность в этом деле, он настаивал, чтобы этот отдел имел «по одному экземпляру *всех* важнейших машин *из новейших,* чтобы учиться и учить»[3]. Большое значение Ленин придавал своевременной и объективной информации о достижениях зарубежной науки и техники, об использовании иностранного производственного опыта, лично интересовался новинками мировой техники, рекомендовал внедрять их в нашей стране.

В первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти», продиктованной в конце марта 1918 г., Ленин отмечал, что если бы социалистическая революция победила одновременно во всем мире или хотя бы в ряде передовых стран, то задача использования их производственно-технического опыта была бы чрезвычайно облегчена. На помощь отсталой России пришли бы передовые рабочие капиталистических стран. «Теперь, при таком фактическом положении,— писал он,— когда наступление социалистической революции на Западе замедлилось и запоздало, а России приходится ускоренным образом принимать меры к своей реорганизации ...теперь нам приходится заимствовать у передовых стран не помощь социалистической организации и поддержку рабочих, а помощь тамошней буржуазии и капиталистической интеллигенции» . ЦК РКП(б) и СНК вырабатывали реалистическую политику привлечения производственно-технического опыта из-за границы. В 1923 г. по инициативе Ф. Э. Дзержинского этот вопрос изучала специальная комиссия, а летом 1925 г. ЦК РКП(б) утвердил тезисы о привлечении в промышленность иностранных специалистов и о загра-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 221.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 550.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 53, стр. 164.
[4] *В. И, Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 138—139.

ничных командировках советских студентов, техников и инженеров[1]. ЦК РКП(б) предупреждал, однако, что привлечение специалистов из-за границы не может носить массового характера.

В. И. Ленин был активным сторонником деловых связей с индустриальными державами, предлагал закупать у них в первую очередь машины, «Чем скорее мы это сделаем,— говорил он,— тем больше у нас будет основ для экономической независимости от капиталистических стран»[2].

При его участии устанавливались торговые сношения с Англией, Турцией, Эстонией и другими странами; предпринимались попытки получить займы за границей, решались вопросы о предоставлении иностранцам концессий. За ноябрь 1920 г.— декабрь 1922 г. им было написано около 160 записок, писем и распоряжений по вопросам импорта и экспорта (о валюте, о торговых кадрах, о закупках паровозов, турбин, экскаваторов, врубовых машин, продовольствия и т. п.).

Ленин был особенно строг в вопросах использования валюты, экспортных и импортных фондов. Из золотого фонда без разрешения Политбюро ЦК партии не расходовался ни один рубль.

В. И. Ленин учил руководителей наркоматов защищать экономические интересы Советского государства за рубежом, быть активными и непримиримыми в судебных делах против злоупотреблений отдельных лиц и антисоветских акций иностранных фирм. Совнарком поручал Рабоче-крестьянской инспекции установить эффективный контроль за тем, как используются ввозимые из-за границы товары. Правительство разработало меры контроля за своевременным использованием наркоматами импортных изделий. Эти вопросы на долгие годы остались в центре внимания деятельности правительства и особенно ЦКК — НК РКИ. Ленин считал преступлением невыгодно продавать за рубежом наши товары или приобретать на валюту второстепенные изделия. Он требовал беспощадной борьбы с хищениями и злоупотреблениями в области внешней торговли[3].

---

[1] См. «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет», т. 1, стр. 490.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 101.

[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 53, стр. 284; т. 54, стр. 95, 113, 212, 335.

В. И. Ленин подчеркивал, что социализм открывает неограниченные возможности для научно-технического прогресса. Придавая огромное значение науке в деле построения социализма и достижения экономической независимости, партия положила начало формированию кадров ученых, привлечению старых специалистов к решению целого ряда производственно-технических и теоретических проблем, связанных с подъемом тяжелой индустрии и электрификацией страны.

В. И. Ленин энергично поддерживал любое научное открытие или техническое усовершенствование, которые способствовали экономическому возрождению страны. Он призывал как зеницу ока беречь каждого специалиста, лично оказывал поддержку многим из них. Он обращал внимание специалистов на оценку научных открытий и усовершенствований с точки зрения непосредственной экономической выгоды и перспективных направлений развития. Вместе с тем он выступал против попыток свести науку к роли исполнителя текущих производственно-технических заданий. Несмотря на тяжелую обстановку, правительство принимало меры по увеличению ассигнований на исследования и улучшение быта ученых. Был создан особый Комитет науки под руководством заместителя председателя СНК.

Безгранично веря в возможности социалистической системы, в неиссякаемые силы трудящихся, В. И. Ленин выступал против настроений «шапкозакидательства», особенно в вопросах соревнования с капитализмом. «Нет ничего вреднее и гибельнее для коммунизма,— писал он,— как коммунистическое самохвальство — сами сладим»[1]. Он высмеивал людей, которые собирались строить социализм без использования достижений мировой техники и культуры, без «выучки у буржуазии».

В. И. Ленин глубоко верил в советских людей, в возможности страны, в то, что деятели пауки и техники немало сделают по преодолению экономической отсталости и развитию производительных сил страны. «У нас есть материал и в природных богатствах,— писал он,— и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция,— чтобы создать действительно могучую и обильную Русь»[2].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 52, стр. 123.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 80.

В борьбе за независимость нашей страны Ленин придавал большое значение вопросам формирования новой общественной психологии, особенно воспитанию патриотических чувств трудящихся. Уже в первой половине 20-х годов среди рабочих зародилось движение за освоение производства новых изделий, являвшихся предметом импорта.

В. И. Ленин поддерживал эту инициативу трудящихся, он видел в ней заботу о том, чтобы наши экономические связи с капиталистическим миром не привели к возрождению кабальной зависимости от иностранных монополий. «Патриотизм человека, который будет лучше три года голодать, чем отдать Россию иностранцам,— говорил Ленин,— это — настоящий патриотизм, без которого мы три года не продержались бы... Это — лучший революционный патриотизм» [1].

Партия многое делала для воспитания у советских людей действенного понимания патриотического долга. Чувство советского патриотизма явилось могучей движущей силой борцов за свободу и полную независимость Советской Родины.

Таким образом, выработанная Лениным и развитая партией экономическая политика стала определяющим фактором развития производительных сил, подъема хозяйственной и политической жизни советского общества, сокращения импорта и предотвращения рецидивов импортной зависимости. Эта политика обеспечила форсированное создание тяжелой индустрии, первоочередное развитие тех отраслей народного хозяйства, продукция которых ввозилась из-за границы.

Историческая заслуга Ленина состоит в том, что он не только теоретически доказал жизненную необходимость борьбы народа за экономическую независимость страны. Под его руководством в тяжелейших условиях разрухи, отсутствия необходимых средств, в сложной внутренней и международной обстановке первого пятилетия, в острой борьбе с капиталистическим окружением ЦК РКП (б) и СНК возглавили работы по восстановлению и новому строительству в промышленности, на многие годы вперед определили важнейшие направления экономического и технического прогресса.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 124

2. РАЗРАБОТКА В. И. ЛЕНИНЫМ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

За многовековую историю эксплуататорских обществ стало естественным положение, когда группа держав экономически угнетала и грабила народы других стран. Великая Октябрьская революция и рождение Советского государства привели к коренным изменениям международных экономических отношений. Впервые па мировой арене стала проводиться политика, отвечающая интересам трудящихся, справедливость и интернационалистическая сущность которой пользовались симпатией и поддержкой других народов. Плановая социалистическая система обеспечивала систематический рост производства с неуклонным расширением внутреннего рынка. В отличие от капитализма она исключала необходимость внешнеэкономической экспансии. Возглавляемое Лениным правительство провозгласило ликвидацию неравноправных и эксплуататорских отношений между государствами, приступило к осуществлению на практике новых принципов экономического сотрудничества с капиталистическими странами. Эта новая политика стала действенным орудием борьбы за укрепление экономической самостоятельности и могущества страны.

Разрабатывая внешнюю политику Советского государства, Ленин всегда выступал за широкие экономические связи с капиталистическими странами. В октябре 1920 г. на Московской губернской конференции РКП(б) Ленин впервые заявил, что надежды на скорую пролетарскую революцию на Западе полностью не оправдались, что началась новая полоса сосуществования Советской России с капиталистическими государствами[1]. Он выражал твердую уверенность в экономическое и техническое сотрудничество с капиталистическими державами. Эти идеи затем развивались на VIII Всероссийском съезде Советов (декабрь 1920 г.), X съезде РКП(б) (март 1921 г.), на заседании коммунистической фракции ВЦСПС (апрель 1921 г.), X Всероссийской конференции РКП(б) (май

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 20—22.

1921 г.), IX Всероссийском съезде Советов (декабрь 1921 г.), XI съезде РКП(б) (март — апрель 1922 г.), III (июнь — июль) и IV конгрессах Коминтерна (ноябрь — декабрь 1922 г.), в речи на пленуме Моссовета (ноябрь 1922 г.)... «Мыслима ли, однако, такая вещь вообще,— говорил Ленин на IX Всероссийском съезде Советов,— чтобы социалистическая республика существовала в капиталистическом окружении? Это казалось немыслимым пи в политическом, ни в военном отношении. Что это возможно в политическом и военном отношении, это доказано, это уже факт. А в торговом отношении»? [1] Жизнь вскоре показала, что и в экономическом отношении существование во враждебном окружении единственного в мире социалистического государства возможно.

Таким образом, из анализа ленинских работ видно, что Ленин всегда выступал за использование техники и передового опыта капиталистических стран в интересах создания материально-технической базы социализма в отсталой России. До конца 1920 г. предполагалось осуществить это двумя путями — путем непосредственной помощи пролетариата западных стран, если в них победит революция, и посредством торговли с иностранными капиталистами. Затем стал очевиден неизбежный путь строительства социализма в России в одиночку, без международной пролетарской революции в скором времени. Поэтому Ленин предлагал на валюту и за счет вывоза сырья приобретать машины и оборудование у иностранных капиталистов, а также привлекать концессионеров.

Социалистическое государство с первых дней вынуждено вести острую борьбу с капиталистическим миром. Исход ее во многом предопределялся научно обоснованной внешнеэкономической политикой страны Советов. В выработке этой политики огромную роль сыграл Ленин. Внешнеэкономическую политику государства он рассматривал как органическую составную часть общей политики. Творческое применение марксизма позволило правильно определить коренные проблемы расширенного социалистического воспроизводства, объективно учитывать тенденции и возможности мирового рынка, отстаивать экономические интересы советского народа, верно определять стратегические и ближайшие задачи борьбы за полную независимость Родины.

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 301.

Принципиальное значение имели выступления Ленина против «левого» оппортунизма в общих и конкретных вопросах взаимоотношений Советского государства с мировым рынком, анализ условий внешнеэкономической деятельности правительства, преодоление настроений скептицизма в отношении использования зарубежной техники и капитала. Ленину и его соратникам пришлось преодолеть, с одной стороны, «левый» оппортунизм, с другой — настроения тех, кто возлагал преувеличенные надежды на помощь иностранного капитала. «Левые» отрицали необходимость установления экономических связей с международным капиталом. Но такого рода «независимость» была равнозначна самоизоляции, являлась абсурдом. «Социалистическая республика,— отмечал Ленин —...не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетая на луну»[1]. Опровергая экономические доводы «левых», приводившие к безысходному пессимизму, Ленин учил не увлекаться революционной фразой, а *«через все компромиссы,* поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам...»[2].

В. И. Ленин внимательно изучал особенности и перспективы международной экономической жизни, учитывал их при выработке политики Коммунистической партии. Продолжая исследовать состояние мировой системы империализма, происходящие в ней процессы, он собирал материалы о колониальных владениях, финансовой зависимости стран, данные о борьбе за источники сырья и т. д. Анализируя итоги внешней торговли за 1921 г., Ленин отмечал, что «капиталистические страны попали в такое положение, что они с нас дерут, что мы им переплачиваем, но все же они помогают нашему хозяйству»[3]. ЦК РКП(б) и правительство учитывали закономерности развития мировых экономических отношений. Они были твердо уверены в том, что, несмотря на непризнание и угрозы новой блокадой, правящие и деловые круги капиталистического мира логикой развития всемирных отношений вынуждены будут торговать с Советской Россией.

Внешнеэкономическая деятельность Советского государства базировалась на плановых началах. Плановость —

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 402.
[2] Там же, т. 34, стр. 133.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 303.

один из основных принципов социалистического хозяйства — внедрялась и в сферу внешней торговли. Первый импортный план, составленный летом 1921 г., подчинялся целям приобретения на мировом рынке средств производства. Однако голод и топливные затруднения вынудили изменить его, и лишь позднее импорт вновь был подчинен задачам ввоза из-за границы оборудования, металла и недостающего сырья.

Одним из коренных принципов и задачей внешней экономической политики В. И. Ленин считал всемерное укрепление Советского государства, недопущение империалистам никаких принципиальных уступок, ущемлявших нашу политическую или экономическую самостоятельность. Ленин не раз заявлял, что партия никогда не пойдет на такие соглашения с иностранными капиталистами, которые ущемляли бы суверенные права нашего государства. «Изоляцией и блокадой нас теперь не запугаешь, интервенцией тоже» [1] — писал он.

По его рекомендации Политбюро ЦК категорически рекомендовало делегации в Генуе отстаивать интересы Советского государства, «как равного с равным, между двумя системами собственности»[2]. Он высоко оценил деятельность делегации ВЦИК на Генуэзской конференции прежде всего за то, что та отстояла суверенность республики и отразила попытки империалистов экономически закабалить нашу страну.

Ленинское требование о соотношении политики и экономики особое значение имело во внешнеэкономической деятельности Советского государства. На многих примерах Ленин учил политическому подходу при заключении торговых или концессионных соглашений с капиталистами. «На умаление прав нашего государства мы не идем» [3],— писал он в тревожном 1922 г. По его настоянию не раз отклонялись или вовсе не рассматривались кабальные, политически или экономически невыгодные предложения иностранных предпринимателей. Экономические отношения с капиталистическим миром должны были так строиться, чтобы они способствовали укреплению диктатуры пролетариата, интересам социалистического строительства, упрочению положения Советского государства на международной

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 385.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 172.
[3] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 408.

арене. Наибольшая эффективность защиты интересов страны определялась прежде всего соблюдением этого принципа. По политической причине не получил концессию американский бизнесмен Вандерлип, обещавший оказать влияние на установление нормальных отношений между республикой Советов и США. Ленин отмечал, что Вандерлип лишь «хвастал своими связями с американским правительством» [1]. Ленин предлагал отдать США в концессию Камчатку, где находились японские войска, и таким путем попытаться использовать американский империализм против японского[2].

Политическим подходом, стремлением защитить экономические интересы страны характерна ленинская позиция в деле с предоставлением концессии английскому промышленнику и финансисту Л. Уркарту летом 1921 г. Ленин непосредственно участвовал в разработке условий концессии, внимательно следил за ходом переговоров. По его предложению специальная комиссия обследовала предприятия Кыштыма, Риддера, Таналыка и Экибастуза, намечавшиеся к сдаче в концессию. Учитывая антисоветские выступления Уркарта, переговоры были прерваны. В сентябре — октябре 1922 г., несмотря на подписание Красиным предварительного договора с Уркартом, Ленин выступил против предоставления ему концессии. Отметив, что в разрушении этих предприятий виноваты иностранцы и что Уркарт обещал доход лишь через два-три года, Ленин писал: «Предлагаю *отвергнуть* эту концессию. Это кабала и грабеж» [3]. Отклоняя предложения Уркарта, пленум ЦК РКП(б) 5 октября 1922 г., а затем СНК указывали на враждебность политики Англии по отношению к РСФСР . По рекомендации Ленина в «Правде» были напечатаны дискуссионные статьи под общим заголовком «К вопросу о концессии Уркарта, отклоненной Совнаркомом» [5].

Переговоры с Уркартом были поучительны для многих советских руководителей. Ленин показал пример сочетания принципиальности и гибкости государственного деятеля, пример использования экономической заинтересованности иностранного капитала с защитой политических

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 188.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 95.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 208.
См. там же, стр. 554.
[5] См. «Правда», 31 октября, 1—3 ноября 1922 г,

интересов Советского государства. Этот пример был поучителен анализом всех положительных и отрицательных моментов при решении вопроса о каждой концессии.

В. И. Ленину и ленинцам пришлось вести борьбу против существовавших двух крайних взглядов на иностранные концессии и займы. Рязанов, Томский, Шляпников, Гольцман выступали против концессий [1]. Рязанов заявлял, что концессии — это «капиталистический Брест» [2]. Поддавшись их агитации, часть профсоюзных работников усомнилась в необходимости привлечения иностранных концессионеров. Противники концессий недоумевали: «Прогнали, мол, своих капиталистов, а теперь хотят призвать капиталистов иностранных». Они боялись, что концессии вызовут оппозицию среди рабочих.

Троцкий, Каменев, Рыков, Сокольников, Радек, Медведев, некоторые сотрудники Госплана выступали за неограниченное привлечение иностранного капитала. Расценивая нэп лишь как отступление и возвращение на капиталистический или госкапиталистический путь развития, оппортунисты говорили о невозможности построения социализма в России собственными силами. «Можем ли мы... спасти и восстановить наше хозяйство без помощи иностранного капитала? — восклицал Каменев на X съезде партии.— Мы отвечаем: «Нет»» [3]. Накануне XII съезда РКП(б) Каменев предлагал продавать за долги государственные предприятия, горные промыслы . Радек считал, что Советскому государству не обойтись без иностранной помощи и кредитов [5].

В. И. Ленин, большинство членов ЦК РКП(б) и правительства боролись против этих двух крайних точек зрения в вопросе о внутренних и внешних источниках накоплений и поступлений новой техники для подъема и дальнейшего развития промышленности. Из высказываний, писем и записок Ленина видно, что он выступал не вообще за расширение внешних экономических связей, а лишь за такие связи, которые укрепляли бы экономически и поли-

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 184—186, 190—191, 446—447.

[2] «X съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1963, стр. 468.

[3] Там же, стр. 462.

См. «XII съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1968, стр. 113.

[6] См. там же, стр. 137.

тически Советское государство, не противоречили бы принципам пролетарского интернационализма. Победа ленинского курса в этом споре имела исключительное значение для обеспечения экономической независимости нашей страны.

В принципе Ленин допускал возможность привлечения иностранных концессий и займов. Однако иностранные займы и концессии рассматривались им как дополнительный фактор, ускорявший индустриальное развитие страны, но крайне ненадежный. Ленин предупреждал: «Концессии — это не мир, это тоже война, только в другой форме, более нам выгодной. Прежде война велась при помощи танков, пушек и т. п... теперь война пойдет на фронте хозяйственном» [1]. «Концессия,— повторял он,— есть продолжение войны между классами» [2].

Учитывая враждебное отношение империалистических держав к Советской власти, В. И. Ленин допускал отказ иностранных деловых кругов от сотрудничества с РСФСР. 20 ноября 1922 г. на пленуме Моссовета Ленин со всей определенностью заявил, что чем дальше, тем становится яснее: на иностранную экономическую помощь надеяться нельзя. «В одиночку»,— мы себе сказали. «В одиночку»,— говорит нам почти каждое из капиталистических государств, с которыми мы какие бы то ни было сделки совершали... с которыми мы какие бы то ни было переговоры начинали» [3].

Правительство строго подходило к отбору концессионных предложений. Практика показала, что первое время они носили преимущественно разведывательный характер и часто представляли собою попытки восстановить позиции бывших собственников в национализированных предприятиях. Поскольку национализированы были крупные и средние предприятия, это могло серьезно угрожать позициям социализма в решающих отраслях народного хозяйства. На 6 марта 1923 г. Главконцеском имел 460 концессионных предложений, заключено было лишь 5 соглашений . За 1923—1924 гг. поступило 918 предложений, из которых принятыми оказались лишь 53 [5]. Обобщая первый опыт

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 45.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 195.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 304.
См. «XII съезд РКП (б). Стенографический отчет», стр. 25—26.
[5] «Год работы правительства СССР». М., 1926, стр. 501—502.

экономических отношений с индустриально развитыми капиталистическими странами, Х Всероссийский съезд Советов (декабрь 1922 г.) и XII съезд РКП(б) (апрель 1923 г.) подтвердили курс на привлечение в страну иностранного капитала, но с учетом ленинских требований.

Принцип равноправия во внешнеэкономических сношениях основывался на заинтересованности сторон и взаимной выгоде. Ленин был глубоко убежден в том, что рано или поздно заинтересованность в торговле с Советской страной возьмет верх среди деловых капиталистических кругов. При этом он проявил удивительное чувство реальности, допуская в политических интересах временное нарушение принципа взаимовыгодности в торговых и финансовых отношениях со стороны Советского государства. Реально оценивая сложившуюся обстановку в мире, видя враждебность правящих кругов империалистических держав, Ленин предлагал на первых порах пойти на некоторые финансовые уступки капиталистам. «Если мы хотим товарообмена с заграницей, а мы его хотим,— отмечал он,— мы понимаем его необходимость, наш основной интерес — возможно скорее получить от капиталистических стран те средства производства (паровозы, машины, электрические аппараты), без которых восстановить нашу промышленность сколько-нибудь серьезно мы не сможем... Надо подкупить капитализм сугубой прибылью. Он получит лишнюю прибыль,— бог с ней, с этой лишней прибылью,— мы получим то основное, при помощи чего мы укрепимся, станем окончательно на ноги и экономически его победим» [1]. Он призывал путем ряда уступок приноравливаться к капиталистическим державам, вынуждать их торговать с Советским государством, проявлять во внешнеэкономических отношениях максимальную гибкость. Идея новых жертв для предотвращения попыток интервенции была выражена в одном из постановлений IX Всероссийского съезда Советов. Этими ленинскими указаниями руководствовалось многие годы правительство в своей экспортно-импортной политике. Известно, что на мировом рынке установились повышенные «русские» цены на товары и проценты на кредиты. Нашему правительству удалось таким образом постепенно преодолеть разные формы

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 110,

экономической блокады, заинтересовать иностранные фирмы в торговле и ввезти необходимое количество техники сначала для восстановления народного хозяйства, а затем для индустриализации.

Повышенные цены на товары, продаваемые на мировом рынке, требовали дополнительных жертв и усилий народа по мобилизации валюты. Не преуменьшая трудностей борьбы, Ленин верил в ее победоносное окончание. Он предупреждал, что «вся возможность социалистического строительства зависит от того, сумеем ли мы в течение известного переходного времени выплатой некоторой дани иностранному капиталу защитить свою внутреннюю экономическую самостоятельность» [1].

Управление сложными внешнеэкономическими процессами требовало от ЦК и СНК, их руководителей высокой бдительности, принципиальности и осторожности, настойчивости и терпения, способности анализировать все плюсы и минусы от соглашений с иностранными капиталистами, видеть реальные возможности и трудности.

По мере расширения экономических связей с капиталистическим миром усложнялись задачи внешнеторговых органов, росла опасность влияния извне на внутреннюю жизнь Советского государства. Вместе с тем расширялись возможности для новых компромиссов, для использования противоречий между империалистами. Выполняя ленинские директивы, советская делегация блестяще использовала противоречия между империалистами на Генуэзской конференции.

В. И. Ленин высоко оценил значение Рапалльского договора (16 апреля 1922 г.), по которому Германия и Советская Россия взаимно отказывались от возмещения военных расходов и убытков. Между двумя государствами устанавливались дипломатические отношения. Их правительства соглашались применять принцип наибольшего благоприятствования при урегулировании торговых отношений и благожелательно относиться к обоюдным экономическим интересам. Заключив Рапалльский договор, Советское правительство умело использовало противоречия между империалистами, разрушило их единство, разорвало кольцо политической и экономической блокады, добилось торгового сближения с Германией. Это была выдающаяся

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 183.

победа советской дипломатии. «Действительное равноправие двух систем собственности,— отмечал Ленин,— *хотя бы как временное состояние, пока весь мир не отошел* от частной собственности и порождаемых ею *экономического хаоса* и войн к высшей системе собственности,— дано лишь в Рапалльском договоре»[1].

Эффективность внешнеэкономической политики партии и государства во многом зависела от соблюдения монополии внешней торговли, концессионного дела и финансово-валютных операций. Ленин был сторонником централизованного управления этими участками экономических сношений с капиталистическими странами.

Большое значение в этом деле играло единство внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности государства, которое обусловливалось социалистической природой его и положением единой правящей партии в советском обществе. Соединение партийного начала с государственным, повседневное руководство внешней экономической и дипломатической деятельностью со стороны Политбюро ЦК и лично Ленина обеспечивали Советскому государству решающие преимущества перед капиталистическим в борьбе на международной арене.

В. И. Ленин отмечал, что отсутствие «согласованной работы различных ведомств — одно из больших зол, препятствующих хозяйственному строительству»[2]. Это ленинское замечание относилось к экономсоветам. Но оно во много раз важнее было для Наркоминдела и Наркомвнешторга. От их взаимодействия зависели, с одной стороны, экономическая эффективность внешней торговли, а с другой — влияние советской дипломатии на внешнеторговые операции и, наоборот, внешней торговли на политические отношения Советского государства с капиталистическими странами. На необходимость четкого взаимодействия работников НКИД и НКВТ указывалось в ряде официальных правительственных документов.

Историческая заслуга принадлежит Ленину в разработке принципа социалистического протекционизма для подъема и развития отечественной индустрии[3]. Об основных

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 193.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 278.

[3] Социалистический протекционизм создавал условия для развития отечественной индустрии, для ограждения ее от иностранной конкуренции и зависимости. Капиталистические государства

положениях этой политики и мерах по практическому ее осуществлению Ленин говорил во многих своих выступлениях. Наиболее полно они выражены в письмах по вопросу монополии внешней торговли и по поводу договора с консорциумом германских фирм[1]. Ленин писал, что хозяйственные интересы России теперь заключаются в протекционизме, без которого нельзя восстановить промышленность и обеспечить интересы пролетариата[2]. В одном из своих последних писем в ЦК он напоминал о том, что рабочий класс абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленности, сделать Россию промышленной страной без охраны ее никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли. Всякий иной протекционизм в условиях современной России есть совершенно фиктивный, бумажный протекционизм, который ничего пролетариату не дает[3]. Придавая принципиальное значение этому делу, Ленин не допускал колебаний членов ЦК по этому вопросу.

Принцип социалистического протекционизма лежал в основе экономической политики и практической деятельности партии. Уже в 1922—1923 гг. ЦК РКП(б) и правительство проводят линию на максимальною загрузку отечественных заводов и рациональное использование импорта. В мае — июне 1922 г. СТО при СНК переключил часть импортных заказов НКПС для советской промышленности. СТО дал директиву Наркомату внешней торговли «не закупать за границей того, что может быть произведено при существующих госресурсах в РСФСР» . В декабре того же года СТО принял декрет «О запрещении ввоза из-за границы предметов электротехнической промышленности, кои могут быть произведены на русских заводах». Списки изделий, импорт которых запрещался, периодически составлялись ВСНХ и утверждались Госпланом. Согласно этим спискам Наркомвнешторгу было предоставлено право приостанавливать оформление заказов и даже закупку элект-

---

осуществляют политику протекционизма главным образом посредством высоких таможенных пошлин на импортные изделия. В СССР протекционизм обеспечивался режимом государственной монополии внешней торговли.

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 220, 225, 333.

[2] См. там же, стр. 226.

[3] Там же, стр. 336.

* *Э. В. Генкина.* Ленин — Председатель Совнаркома и СТО, стр. 104—105.

ротехнических изделий. Одновременно принимались поощрительные меры по развитию отечественной электротехники. Изделия, ввезенные из-за границы в нарушение постановления, подлежали конфискации. Эта ленинская линия, направленная на развитие внутреннего производства, на эффективное использование импорта в интересах развития отечественного машиностроения, была воплощена в решениях партии.

XII съезд партии разработал основные принципы ленинской политики протекционизма. Подчеркнув важность тяжелой индустрии как материальной базы диктатуры пролетариата и фундамента всего социалистического строительства, съезд поставил задачу ограждения интересов отечественной промышленности. Заграничные заказы, хотя бы по низким ценам, запрещались, если они могли исполняться советскими предприятиями или содействовали развитию соответствующей отрасли промышленности. «Только последовательно и настойчиво проводимая система социалистического протекционизма может обеспечить в нынешний переходный период действительное развитие промышленности Советского государства, находящегося в капиталистическом окружении»[1],— указывал XII съезд РКП(б). Съезд категорически подтвердил незыблемость монополии внешней торговли, недопустимость ее нарушений и поручил ЦК развивать ее режим. XII съезд заявил, что по мере успехов фабрично-заводской промышленности и электрификации народного хозяйства произойдет перемещение центра тяжести от крестьянского хозяйства к промышленности. «Партия,— указывал съезд,— систематически и настойчиво, не останавливаясь перед жертвами и не щадя никаких усилий, должна работать над ускорением этого процесса путем возможно быстрого восстановления промышленности и тяжелой индустрии»[2].

Указания партии о подъеме тяжелой индустрии и социалистическом протекционизме имели принципиальное значение. Они закрепили ленинские идеи о роли тяжелой индустрии в строительстве социализма, о монополии внешней торговли, т. е. по основным вопросам политики партии в области экономического развития страны, по которым проходила острая борьба внутри ЦК РКП(б) и среди

---

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 700.
[2] Там же, стр. 687.

хозяйственников. Известно, что в основном идейно-политическая борьба вокруг политики индустриализации завершилась на XIV съезде партии, когда ленинские идеи приняли программный характер.

Жизнь показала, что политика социалистического протекционизма сыграла выдающуюся роль в экономических судьбах нашей страны. Посредством ее Советскому правительству удалось в короткий срок восстановить промышленность, а затем создать основы полной экономической независимости СССР. Она оградила народное хозяйство от иностранного влияния, обеспечив направление и темпы роста промышленности в соответствии с общим ленинским курсом партии на построение социализма в одной, отдельно взятой стране.

Ленинская политика социалистического протекционизма не имела целью изолировать советскую индустрию от внешних рынков, от производственно-технических и научных достижений капиталистических стран. Наоборот, ЦК партии и Советское правительство стремились к расширению экономических и научно-технических связей с заграницей.

В. И. Ленин вместе с другими членами ЦК РКП(б) внес выдающийся вклад в теорию научного коммунизма и практику социалистического строительства разработкой и осуществлением на практике государственной монополии внешней торговли.

В руках государства монополия была одним из важнейших факторов срыва экономического союза внутренней буржуазии с международной против Советской власти. Она предотвратила расхищение народных богатств нэпманами, контрабандистами. «К тем мелким хозяйчикам,— предупреждал Ленин,— которые продают на вольном рынке свой продукт, идет на помощь мировой капитал, который в одной руке несет готовность возобновить торговые сношения, а другой — готов задушить пролетариат и Советскую Россию» [1]. Известно, что около 2 млн. представителей русской буржуазии эмигрировало за границу. Эмигранты разжигали антисоветские кампании, стремясь любой ценой восстановить в России свои утраченные позиции. По поводу статьи «Милюков и Авксентьев у американцев», опубликованной в одной из эмигрантских газет, Ленин писал,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 321—322.

что белогвардейская буржуазия «превосходно понимает значение концессий и заграничной торговли для Советской власти и поэтому *главной* своей задачей сейчас ставит сорвать торговые договоры РСФСР с иностранными государствами, сорвать политику концессий» [1].

Находясь во враждебном капиталистическом окружении, Советское государство посредством монополии внешней торговли твердо отстаивало свою экономическую самостоятельность и оберегало национальные богатства. Монополия ограждала страну от целой армии иностранных скупщиков продовольствия и сельскохозяйственного сырья. Наравне с национализацией промышленности и земли монополия внешней торговли являлась одной из важнейших командных высот социалистической экономики.

В годы военного коммунизма монополия была само собой разумеющейся необходимостью. При переходе к нэпу обстановка изменилась. «Общее увлечение лозунгом развития торговли начало принимать своеобразные формы некоторого советского меркантилизма, лозунгом которого было максимальное развитие торговли всеми и всяческими способами,— вспоминал Л. Б. Красин,— и притом не только внутри страны, но и во вне» [2].

В связи с введением нэпа за границей надеялись на отмену или ослабление монополий внешней торговли. Особенно опасными для судеб Советского государства в то время являлись сепаратистские действия некоторых местных руководителей. Еще в октябре 1920 г. Азвнешторг самостоятельно заключил договор с одной из итальянских фирм. В следующем году настойчиво добивался автономии во внешней торговле Крымский ревком. Было отклонено предложение НКИД о свободной торговле в северных районах Персии. ЦК РКП(б) Украины резко критиковал уполномоченного НКВТ и правление республиканской кооперации за несогласование своих действий с Москвой. Тенденция действовать на внешнем рынке самостоятельно проявлялась у грузинских руководителей.

Весной 1921 г. зарубежные фирмы в советских пограничных областях и морских портах активно предлагали покупать у них дефицитные товары в обход монополии. В телеграмме экономсоветам пограничных областей и упол-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 52, стр. 183.

[2] *Л. Б. Красин.* Вопросы внешней торговли. М., 1970, стр. 70.

помоченным Наркомвнешторга отмечалась самовольная продажа экспортных товаров [1].

Возникновению подобных действий способствовали слабая работа Наркомвнешторга, бюрократизм и ошибки работников его аппарата. Давало себя знать и враждебное отношение капиталистических фирм к нашему государству, к монополии внешней торговли.

Наличие материальной и отсутствие юридической возможности выхода на внешний рынок местных организаций вызывали нажим на существовавшую монополию со стороны некоторых хозяйственников, советских и партийных руководителей, требовавших непосредственных торговых связей за границей. Учитывая опасность подобных устремлений, правительство после X съезда партии, провозгласившего переход к новой экономической политике, 17 марта 1921 г. издало декрет «О внешней торговле», в котором вновь подчеркивалось, что закупки за границей производятся исключительно Наркомвнешторгом[2]. Хозорганам по соглашению с НКВТ разрешалось посылать за границу своих представителей для технической экспертизы, для наблюдения за ходом выполнения заказов и приемки оборудования.

Вопросы практического применения и совершенствования режима монополии внешней торговли снова всплыли в связи с разработкой наказа СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики (июль — август 1921 г.)[3]. Этот документ Ленин считал сугубо важным и рекомендовал «провести это быстро и единогласно»[4]. С небольшими поправками наказ был утвержден ЦК РКП(б). Однако некоторые работники требовали распространить принципы нэпа на всю внешнюю торговлю. В конце 1921 г., как сообщал в Политбюро заместитель Наркомвнешторга А. М. Лежава, подобные требования «под флагом нэпа» стали массовыми [5].

Но В. И. Ленин оставался непримиримым в вопросах сохранения и укрепления монополии. Когда на Балтийской конференции (Рига, октябрь 1921 г.) был выдвинут вопрос о денационализации внешней торговли, а председа-

---

[1] См. Ленинский сборник XXIII, стр. 186.
[2] См. СУ, 1921, № 25, ст. 144.
[3] См. Ленинский сборник XX, стр. 106, 111.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 53, стр. 20.
[5] ЦГАНХ СССР, ф. 413, оп. 17, ед. хр. 86, л. 1.

тель советской делегации В. П. Милютин готов был согласиться с этим, Ленин решительно отверг милютинский план, «как никуда не годный, совершенно неосновательный» [1]. С его мнением согласилось Политбюро, отклонив предложение Милютина.

В дальнейшем среди руководящих деятелей партии развернулась острая дискуссия о монополии внешней торговли.

Обсуждая разработанные по поручению Ленина и утвержденные Высшей экономической комиссией СНК тезисы «О внешней торговле», коллегия НКВТ обратилась в ЦК с просьбой дать директиву о строгом соблюдении монополии и поставить вопрос об этом на пленуме ЦК. В марте 1922 г. тезисы были утверждены Политбюро. Против монополии выступили Сокольников, Бухарин, Пятаков. Ослабить ее режим предлагали Зиновьев, Рыков, Цюрупа и др. По поводу организации внешней торговли и практическому осуществлению ее принципов выдвигались самые разнообразные предложения. Замены монополии режимом торговых концессий добивался Сокольников. Бухарин рекомендовал ограничиться таможенной политикой. За временное открытие Петроградского и Новороссийского портов для свободной торговли некоторыми товарами выступал И. В. Сталин. П. Б. Богданов рекомендовал слить НКВТ и ВСНХ. Троцкий считал, что регулированием внешнеторговых операций должен заниматься Госплан. Л. М. Хинчук выступал против ослабления монополии, но требовал предоставить Центросоюзу самостоятельность во внешней торговле.

Не было единства взглядов на практическое осуществление режима государственной монополии внешней торговли у руководителей и членов коллегии Наркомвнешторга. Категорически выступал против какого бы то ни было ослабления мопополии нарком Л. Б. Красин [2]. Красина поддерживали его заместитель А. М. Лежава и член коллегии И. И. Радченко.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44. стр. 240.

[2] Узнав о намечаемых изменениях режима монополии внешней торговли, Красин обратился за помощью к Ленину. «Когда я подробно изложил всю ситуацию,— вспоминал Красин.— Владимир Ильич развел руками и признал положение очень серьезным: «Надо действовать!»» *(Л. Б. Красин.* Вопросы внешней торговли, стр. 71).

Пожалуй, ни по одному вопросу государственного строительства не было столь разноречивых мнений, как по монополии внешней торговли. Кульминационным событием проходившей дискуссии оказался октябрьский (1922 г.) пленум ЦК РКП(б), на котором в отсутствие В. И. Ленина была утверждена резолюция, фактически срывавшая режим монополии[1]. Ленин решительно выступил за отмену постановления пленума, написав два больших письма в ЦК, в которых доказывал принципиальное значение монополии внешней торговли для экономически несильной социалистической страны, окруженной враждебными государствами. Он писал, что «ни о какой серьезной таможенной политике сейчас, в эпоху империализма, не может быть и речи, кроме системы монополии внешней торговли» [2].

В. И. Ленин настоял на отмене постановления пленума ЦК, доказав его ошибочность. После этого были собраны материалы о состоянии внешней торговли, обследована деятельность торговых представительств РСФСР за границей (комиссией В. А. Аванесова). Даже после решительного вмешательства Ленина Зиновьев и Бухарин продолжали отстаивать свои ошибочные позиции. По настоянию Ленина вопросы монополии внешней торговли в 1921—1923 гг. рассматривались на трех пленумах ЦК и на XII съезде партии, на многих заседаниях Политбюро, СНК и ВЦИК. По этому поводу им было написано и разослано 17 писем и записок. В одной из записок Ленин писал: «Если существует опасение, что меня этот вопрос волнует и может даже отразиться на состоянии моего здоровья, то думаю, что это совершенно неправильно, ибо меня в десять тысяч раз больше волнует оттяжка, делающая совершенно неустойчивой нашу политику по одному из коренных вопросов» [3]. Очередной пленум ЦК (18 декабря) отменил решение об ослаблении монополии. ЦК подтвердил безусловную необходимость сохранения и организационного укрепления монополии внешней торговли. Комиссия, созданная декабрьским пленумом ЦК партии, разработала меры по

---

[1] Решением пленума ЦК от 6 октября 1922 г. предлагалось «провести ряд отдельных постановлений СТО о временном разрешении ввоза и вывоза по отдельным категориям товаров или в применении к отдельным границам». В. И. Ленин назвал это срывом монополии внешней торговли (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45. стр. 220, 562).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 335—336.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, стр. 326.

укреплению монополии внешней торговли и утвердила список государственных, кооперативных организаций и смешанных обществ, которые могли самостоятельно (под контролем НКВТ) выходить на внешний рынок. Этот список впоследствии изменялся, однако удельный вес государственных и кооперативных организаций во внешнеторговом обороте всегда был преобладающим: в 1923/24 г., например, в экспорте он составлял 91,4% и в импорте — почти 97%. Из выданных Наркомвнешторгом импортных лицензий в 1924/25 г. на сумму 657 656,4 тыс. руб. на государственные торговые органы приходилось 88,1%, а кооперацию — 3,4%, акционерные общества — 1,3% и частные лица— 8%[1].

Вопросы укрепления монополии внешней торговли на долгие годы остались в центре внимания деятельности ЦК партии и правительства. XIII партконференция (1924 г.) отмечала, что монополия оправдала себя в условиях нэпа «и как орудие охраны богатств страны от расхищения их туземным и иностранным капиталом, и как средство социалистического накопления»[2]. Конференция не случайно подчеркивала роль монополии внешней торговли для сохранения самостоятельности нашей Родины в условиях нэпа.

Действия Ленина активно поддерживали работники внешней торговли. Об этом заявляло в своем письме первое Всероссийское совещание работников Наркомвнешторга (июнь 1922 г.)[3]. «Мы смеем Вас заверить,— писали участники второго совещания внешнеторговых работников Украины,— что мы употребим все наши усилия для закрепления позиций трудящихся за границей, незыблемо сохраняя основу нашей экономической политики — монополию внешней торговли, объединяя и содействуя всем хозяйственным и кооперативным организациям в их внешних операциях» .

Борьба Ленина за незыблемость монополии была принципиальной, острой и вместе с тем поучительной в смысле соблюдения коллегиальности, гибкости и учета реальной обстановки. Предположения о том, что капиталисты отка-

---

[1] См. «Год работы правительства СССР», 1926, стр. 446.

[2] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 793.

[3] См. «Письма трудящихся к В. И. Ленину. 1917—1924 гг.», стр. 278.

Там же, стр. 345.

жутся вести торговлю при наличии монополии, не оправдались. Уже при жизни Ленина некоторые капиталистические страны вынуждены были признать социалистическую систему организации внешней торговли и оформлять торговые отношения с СССР на базе монополии. В 1924 г. наша страна торговала с более чем 30 иностранными державами, имея оборот в 597 млн. руб.[1]

Большую роль в выработке внешнеторговой политики Советского государства сыграл октябрьский (1925 г.) пленум ЦК РКП(б), обсудивший доклад наркома РКИ В. В. Куйбышева о внешней торговле. Пленумом была образована комиссия, в состав которой вошли многие члены ЦК и руководители НКВТ. На основе тезисов доклада В. В. Куйбышева комиссия разработала проект постановления «О внешней торговле», утвержденного затем Политбюро ЦК. «Внешняя торговля,— отмечалось в этом постановлении,— является областью, где мы непосредственно соприкасаемся с окружающим нас и враждебным нам капиталистическим миром. В силу этого внешняя торговля, являющаяся и для нас и для капиталистических стран в условиях развития мирового разделения труда необходимой формой обмена разнообразной продукции, представляет вместе с тем продолжение в экономической форме борьбы за самостоятельность нашей советской системы в обстановке капиталистического окружения. Через посредство внешней торговли международный капитал стремится навязывать нам свои условия, пытается и будет пытаться поработить нашу страну и превратить ее в свою колонию»[2].

Как показала жизнь, монополия внешней торговли — орудие диктатуры рабочего класса — выполнила свою историческую миссию в непрекращавшейся экономической борьбе двух систем. Советскому правительству удалось с ее помощью защитить экономическую самостоятельность страны, вести внешнюю торговлю в размерах и направлениях, удовлетворявших потребности планового социалистического строительства без каких-либо кабальных условий и вмешательства во внутренние дела советского общества извне, без разлагающего влияния капиталистического окружения. Выполняя на разных этапах социалисти-

---

[1] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 14, 21 — 44. По курсу рубля 1924 г.

[2] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 175.

ческого строительства многие хозяйственно-политические задачи, монополия оставалась незыблемой в главном — в защите экономических интересов Советского государства на важном фронте антагонистической борьбы социализма и капитализма — внешней торговле. «Недаром в понятиях и представлениях западноевропейских экономистов, политиков и буржуазной прессы во всей советской системе нет места и учреждения более ненавистного, чем монополия внешней торговли, Наркомвнешторг и его заграничные торговые органы,— отмечал Л. Б. Красин.— *...Торгпредства за границей ненавидят почти так же, как органы ГПУ.* Всякий раз, когда мы читаем проявления этой ненависти, мы чувствуем гордость и сознаем, что правильно охраняем интересы рабочих и крестьян» [1].

Руководствуясь ленинскими принципами, Советскому правительству удалось многое достичь в преодолении политики бойкота, которая проводилась империалистическими кругами, в установлении взаимовыгодных деловых отношений с индустриально развитыми государствами. Внешнеэкономическая политика, основанная на этих принципах, явилась важным фактором в борьбе партии и государства за обеспечение мирных условий социалистического строительства и укрепление экономической самостоятельности страны.

Экономическое возрождение и развитие Страны Советов, способность ее противостоять атакам империалистических держав было делом не только советского народа. Ленин считал это интернациональным долгом пролетариата и трудящихся всех стран. «Наряду с продолжающимся сильным политическим давлением на правительства буржуазных стран с требованием признания Советской власти,— писал он,— широкая экономическая помощь мирового пролетариата является в данный момент лучшей и наиболее практической поддержкой Советской России в ее тяжелой экономической войне против империалистических концернов и лучшей поддержкой в деле строительства социалистического хозяйства» [2]. С призывом к трудящимся мира оказывать помощь нашей стране летом 1921 г. обращался III конгресс Коминтерна. Он обязывал всех коммунистов не только энергично препятствовать военному нападению империалистов па Советскую Россию, но и

---

[1] *Л. Б. Красин.* Вопросы внешней торговли, стр. 61, 167.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 315—316.

«бороться за устранение препятствий, которые ставятся капиталистическими государствами к общению Советской России с мировым рынком и другими народами» [1]. Компартии и рабочие капиталистических стран живо откликнулись на эти призывы, оказав советскому народу некоторую помощь в восстановлении народного хозяйства и выполнении импортных заказов для становления первой в мире социалистической экономики.

Закономерным был тот факт, что, добиваясь своей экономической независимости, Советское государство с первых дней своего существования заняло позицию активной поддержки национально-освободительного движения.

Несмотря на многие внешние и внутренние трудности, Советское правительство оказывало посильную дипломатическую экономическую и моральную поддержку народам, борющимся за свободу и независимость.

Вдохновителем этого сотрудничества был Ленин, который отмечал, что «большевики создают совершенно иные международные отношения, дающие возможность всем угнетенным народностям избавиться от империалистического гнета»[2]. Принцип пролетарского интернационализма и единство целей в достижении полной независимости Советской России и стран Востока провозглашались во многих официальных заявлениях Советского правительства. Оно ликвидировало старые неравноправные соглашения, отказалось от экономических привилегий в восточных странах. Были аннулированы грабительские займы и концессии в них. Максимально возможную поддержку получал братский монгольский народ. Советское правительство уже тогда оказывало посильную помощь братскому монгольскому народу. Впервые в истории между двумя странами складывался новый, социалистический тип международных экономических отношений, существо которого составлял пролетарский интернационализм.

В сложной международной обстановке, при скромных внутренних ресурсах Коммунистическая партия вырабатывала такую политику, систему и принципы внешних экономических отношений, которые обеспечивали бы независимость Советского государства от капиталистических

---

[1] «Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932». М., 1933, стр. 231.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 107.

стран и содействовали бы дальнейшему развитию национально-освободительного движения в мире. Пролетарский интернационализм, равноправие, независимость, взаимная поддержка и другие принципы находились в основе внешней политики Советского правительства.

Выдающиеся заслуги Ленина состояли в том, что он не только теоретически доказал жизненную необходимость борьбы партии и народа за экономическую независимость нашей страны. Под его руководством в первое пятилетие Советской власти наше государство в острой борьбе против капиталистического окружения отстояло свою политическую и экономическую самостоятельность, выработало основные принципы взаимоотношений с другими странами, определило ясные перспективы и конкретные задачи борьбы за полную экономическую независимость. Ленинские идеи остались руководящими для партии и народа на многие годы вперед и обеспечили достижение цели. Они вошли в сокровищницу революционной теории и практики, сыграли историческую роль в судьбах нашей Родины.

Глава вторая

РЕШАЮЩИЙ ЭТАП ПРЕВРАЩЕНИЯ СССР В ЭКОНОМИЧЕСКИ НЕЗАВИСИМУЮ ДЕРЖАВУ

1. ЗАЩИТА ПАРТИЕЙ ЛЕНИНСКОГО КУРСА

Переход к социалистической реконструкции народного хозяйства и индустриализации страны открыл новый, решающий этап борьбы советского народа за экономическую независимость СССР.

Важной вехой на пути советского общества к этому переломному рубежу был XIV съезд Коммунистической партии, на котором она продемонстрировала непреклонную решимость проводить ленинский курс на построение социализма в нашей стране. Преодолевая сопротивление внутреннего классового врага и оппозиций, отражая политические и экономические акции международного империализма, партия приступила к выполнению лозунга, провозглашенного съездом: превратить СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, в страну, их производящую! Развитие внутренней и мировой обстановки еще раз доказало правильность ленинского курса.

По мере роста экономической мощи и международного авторитета Советского Союза усиливалось враждебное отношение к нему со стороны правящих кругов империалистических держав. При переговорах с ними особенно острыми были вопросы о соблюдении режима государственной монополии и о кредитах, которые вплоть до 1925 г. крупные иностранные банки и фирмы отказывались предоставлять нашей стране. Одной из задач советской внешнеэкономической политики являлся прорыв «кредитной блокады».

Основным фактором, определившим укрепление Советского государства, явилось успешное восстановление народного хозяйства, развитие социалистического сектора в

экономике, упрочение смычки между индустрией и сельским хозяйством, усиление ведущей роли промышленности, а рабочего класса — в обществе. По данным ЦСУ, индекс объема национального дохода СССР в 1926 г. впервые превысил довоенный уровень. Валовая продукция промышленности почти достигла объема 1913 г., а крупная индустрия превысила его. В момент перехода к социалистической индустриализации страна добывала 25,7 млн. тонн угля, 8,3 млн. тонн нефти, производила 3,5 млрд. киловатт-часов электроэнергии, 2,2 млн. тонн чугуна, 2,9 млн. тонн стали[1].

Осуществляя ленинский курс на индустриализацию страны, партия и правительство обогащались опытом планового руководства экономической жизнью, вели всестороннюю организационную, техническую, финансовую подготовку к широкому капитальному строительству. Был проведен ряд мероприятий по подъему производительности труда, внедрению режима экономии, направленных на увеличение социалистических накоплений. Для повышения роли ВСНХ в руководстве индустриализацией была проведена его реорганизация.

Совершенствовались методы хозяйственного руководства, перевоспитывались руководители, которые в восстановительный период недостаточно заботились о техническом обновлении производства, усовершенствовании технологических процессов. Немало усилий направлялось на решение задач капитального строительства и технического перевооружения предприятий, установление более строгого контроля за правильным использованием валютного фонда.

Приближалось к довоенному уровню сельское хозяйство. Несмотря на наличие противоречий, заложенных в социально-экономической структуре мелкокрестьянского хозяйства, наметилась тенденция роста его товарной продукции, особенно в животноводстве и производстве технических культур. Важным достижением был рост машиноснабжения деревни: в 1925/26 г. она получила 89% сельхозинвентаря по сравнению с 1913 г.[2] Совершенствовалась система заготовок сырья для промышленности.

Последовательное осуществление ленинской внешнеэкономической политики давало свои результаты. В 1925/26 г.

---

[1] См. «Промышленность СССР», стр. 106, 140, 153, 171.

[2] См. «Год работы правительства СССР». М., 1927, стр. 262.

СССР имел торговые отношения с 40 государствами[1]. Успешно они развивались с Германией, Швецией, Ираном, Монголией, Польшей, Норвегией. Структура импорта все больше приобретала производственный характер, что отвечало задачам индустриализации страны. Правительство принимало меры по усилению борьбы с контрабандой, по упорядочению лицензионной политики, ввозных пошлин и вывозного таможенного тарифа. В марте 1926 г. в Берлине было подписано соглашение о предоставлении Советскому Союзу первого крупного гарантийного кредита на сумму 300 млн. марок[2]. На 1 октября 1926 г. действовал 101 концессионный договор в промышленности, в том числе 10 договоров о технической помощи, 6 — в сельском хозяйстве, 3 — в строительстве. Работали 23 торговых смешанных общества[3]. Государственные доходы от всех концессий, действовавших в СССР в 1925/26 г., составили около 15,3 млн. руб. ; валовая продукция их за год увеличилась в 3 раза. Общее число рабочих и служащих в концессиях достигло 33,3 тыс. человек. Советский Союз активно участвовал в международных ярмарках и выставках.

Благодаря героическим усилиям рабочего класса и трудящегося крестьянства страна уверенно набирала темпы экономического развития, преодолевая многочисленные трудности, обусловленные внутренними объективными условиями и сложной международной обстановкой.

Переход к социалистической реконструкции народного хозяйства совершался в обстановке исторически сложившейся диспропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства. Несмотря на подъем индустрии, ощущался товарный голод на промышленные изделия.

Рост городского спроса внес расстройство в товарооборот, сократил приток в деревню фабрично-заводских изделий, что в свою очередь привело к общему повышению цен, затруднило хлебозаготовки и выполнение экспортно-импортного плана. Правительство вынуждено было пересмотреть планы развития промышленности и внешней торговли, привести их в соответствие с реальными ресурсами. Надо было принять дополнительные меры для увеличения

---

[1] См. «Экономические отношения СССР с зарубежными странами. 1917—1967», стр. 45.

[2] См. там же, стр. 50.

[3] См. «Год работы правительства СССР», 1927, стр. 407, 415. См. там же, стр. 411, 418.

выпуска промтоваров и ввоза их из-за границы. «В такой обстановке,—указывал ЦК ВКП(б),—развитие индустрии и вообще индустриализация страны является той решающей задачей, успешное разрешение которой определяет дальнейший рост всего хозяйства в целом по пути к победе социализма» [1]. Неотложными становились задачи по созданию фонда накоплений, организации борьбы за бережливость и строгую экономию, мобилизации свободных средств у населения, развитию экспорта и ввоза из-за границы необходимого оборудования и сырья, устранению планового сепаратизма и расхлябанности в составлении и реализации планов. ЦК обращал внимание на реализацию решений XIV съезда ВКП(б) о развитии тех отраслей хозяйства, в продукции которых наиболее сильно ощущалась дефицитность и зависимость от заграницы[2].

Следовательно, социалистическая индустриализация нашей страны с самого начала приобретала особенность, заключавшуюся, во-первых, в преимущественном росте тяжелой индустрии и, во-вторых, в более быстром развитии тех ее отраслей и производств, которые освобождали СССР от импортной зависимости.

Ленинская политика базировалась на познании и учете объективных закономерностей, реальных условий развития нашей страны и мирового рынка. Она выражала насущные потребности советского общества. Управление сложными экономическими процессами, особенно в тех случаях, когда речь шла о связях с враждебным капиталистическим окружением, требовало осторожности и твердости, терпения и способности анализировать все плюсы и минусы, умения видеть трудности и находить пути их преодоления. Этими качествами обладала наша партия. Коллективными усилиями, в острой борьбе с противниками она находила верные ответы на теоретические и практические вопросы, которые выдвигала жизнь перед обществом, развивающимся по пути социализма.

Как всегда на крутых поворотах истории, в моменты возникновения трудностей, обострения хозяйственного положения, в стране активизировались маловеры и капитулянты. Напуганные возникшими трудностями, капитулируя перед ними, они усматривали в них подтверждение

---

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 259.

[2] См. там же, стр. 260.

правильности «теории» троцкистской «перманентной» революции. В борьбе против партии троцкисты по-прежнему отрицали возможность победы социализма в нашей стране, утверждали, будто СССР неизбежно переродится в буржуазное государство, либо будет разгромлен, если не подоспеет мировая революция. Троцкий и его сторонники возводили клевету на партию, которая якобы стремилась «построить социализм в одном уезде», создать «замкнутый самодовлеющий социализм» и отгородиться от международного революционного движения.

При «доказательстве» невозможности построения социализма в СССР Троцкий на сей раз выдвигал внешнеэкономические «причины». Он пытался «теоретически» обосновать «неизбежность» усиления экономической зависимости нашей страны от мирового рынка и даже врастания советской экономики в капиталистическую. Извращая природу экономических связей СССР с капиталистическими странами, он выдвигал тезис о сращивании советской экономики с мировым капиталистическим хозяйством. Он демагогическиутверждал, что экономика нашей страны якобы являетсяпростым продолжением экономики дореволюционной России, и на этом основании рассматривал ее как составную часть мировой капиталистической системы. Таким образом, фактически отрицалось коренное отличие Советского социалистического государства от дореволюционной России, преднамеренно замалчивались факторы, позволявшие Советскому Союзу отстоять свою экономическую самостоятельность. Троцкий не хотел видеть наличие диктатуры пролетариата, анпулпрование ею царских займов, национализацию промышленности, в том числе предприятий, принадлежавших иностранному капиталу, установление монополии внешней торговли, плановое руководство народным хозяйством, т. е. уничтожение причин, порождавших былую экономическую зависимость России от мирового капитализма. Он игнорировал тот факт, что в советской экономике переходного периода пока продолжали оставаться уклады от старой экономики, что ведущую роль уже играл быстро крепнущий социалистический сектор. Преувеличивая временную потребность в импорте отдельных видов иностранной техники и отрицая возможность преодоления отсталости страны, Троцкий делал вывод: построить-де социализм в СССР собственными силами невозможно.

Из этой троцкистской догмы вытекала преувеличенная ориентация па внешнюю торговлю, иностранные займы и концессии. Несмотря на предупреждения Ленина и имевшийся опыт, Троцкий безмерно преувеличивал роль внешней торговли в экономическом развитии страны. Успехи индустриализации и коллективизации сельского хозяйства он ставил в прямую зависимость от экспорта и импорта.

Если прежде он выступал против скорейшего восстановлепия крупной промышленности, то теперь сеял сомнения в реальности планов создания новых отраслей тяжелой индустрии. В 1926 г. он рекомендовал отказаться от строительства Днепрогэса и сдать его в концессию иностранным капиталистам; извращал ленинские идеи о развитии производительных сил Сибири.

Политике партии на освоение богатейших природных богатств Сибири Троцкий противопоставлял программу развития перерабатывающего производства (строительство элеваторов, мельниц, крахмалопаточных, сыроваренных, консервных и других предприятий), подчиненную целям расширения экспорта.

С Троцким по основным вопросам солидаризировалась «новая оппозиция» Зиновьева. «Растущая фракционность «повой оппозиции»,— указывал объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 июля 1926 г.,— привела ее к игре с идеей двух партий и крайне обострила антиленинские уклоны оппозиции: неверие в силы пролетариата и пессимизм по отношению к делу социалистического строительства вообще и к делу строительства социалистической индустрии в частности: тенденцию к разрыву союза пролетариата с крестьянством (середняком)...; тенденцию к поддержке и прикрыванию ультраправых, явно скатывающихся к меньшевизму уклонов в нашей партии (например, группа Сергея Медведева, бывшего руководителя так называемой «рабочей оппозиции», которая договорилась до сдачи нашей социалистической госпромышленности иностранному капиталу...)» [1]. Непримиримо выступая против извращения ленинских принципов внешнеэкономической политики, ЦК и ЦКК ВКП(б) решительно отвергли оппортунистические предложения о подчинении советской индустрии контролю со стороны иностранного капитала.

На XV конференции ВКП(б) Троцкий продолжал

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 282—283.

утверждать, что советская экономика бессильна перед мировым капитализмом, поэтому «мы будем задушены или разбиты» [1]. Конференция осудила взгляды лидеров троцкистско-зиновьевского блока, охарактеризовав его как меньшевистский уклон в партии. Конференция дала перспективы дальнейшего социалистического строительства, выразила твердую уверенность в правильности курса партии на завоевание экономической независимости страны. Развивая и конкретизируя директивы XIV съезда, партия на XV конференции указала практические задачи и направления деятельности партийных, советских, хозяйственных и профсоюзных органов по высвобождению СССР от импортной зависимости. Первоочередное внимание она уделяла развитию машиностроения, качественной металлургии, цветной и золотодобывающей промышленности, производства дефицитного оборудования, сырьевой базы легкой индустрии, а также созданию материальных и валютных резервов. Отвергая курс партии на завоевание экономической независимости страны, Троцкий по-прежнему требовал неограниченно увеличивать импорт промышленных изделий. Свою абсурдную идейку о невозможности преодоления отсталости советского народного хозяйства без помощи извне Троцкий при поддержке Зиновьева и Каменева пытался отстаивать на VII расширенном пленуме Исполкома Коминтерна (ноябрь — декабрь 1926 г.). «Кому представляется,— вещал он,— что мы сможем уже в ближайшие годы сами строить все свое оборудование или большую его часть,— тот фантаст... В действительности же наше социалистическое государство стоит всегда прямо или косвенно под сравнительным контролем мирового рынка» [2].

Своими бездоказательными, отвлеченными и оторванными от жизни рассуждениями Троцкий еще раз проявил себя как капитулянт и враг социализма. Ни одно из его положений не нашло подтверждения в жизни. Наоборот, жизнь убедительно доказала правоту и научность экономической политики партии.

Социал-демократический, меньшевистский подход к

---

[1] «XV конференция ВКП (б). Стенографический отчет». М.—Л., 1927. стр. 531-532.

[2] «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполкома Коминтерна. 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Стенографический отчет», т. II. М.— Л., 1927, стр. 101—102.

оценке характера и перспектив мировой революции, непонимание ее закономерностей, отрыв политики от экономики, неумение разобраться в обстановке, авантюризм при решении экономических проблем строительства социализма— все эти проявления мелкобуржуазной идеологии были подвергнуты резкой критике участниками пленума. И. В. Сталин, С. А. Лозовский, Д. 3. Мануильский и др. убедительно показали политическую слепоту и догматизм оппозиционеров; отвергли их клеветнические обвинения в адрес ЦК ВКП(б) и Советского правительства, будто их курс означал подмену перспективы мировой революции «национально-реформистской» ограниченностью. Рассматривая Советский Союз как базу мировой революции, О. Куусинен (ИККИ), Л. Лонго (КИМ), П. Семар (Франция), П. Тольятти (Италия), К. Цеткин (Германия) и другие деятели международного коммунистического движения полностью отвергли взгляды Троцкого, Зиновьева и Каменева. «Каменев сегодня здесь имеет дерзость,— заявил Э. Тельман,— говорить о национальной ограниченности ВКП(б), сказывающейся в постановке задач и в осуществлении социалистического строительства. Мы же видим во всем развитии ВКП(б) и особенно сейчас, что она делает все для того, чтобы разбудить спящие силы не только в своей стране, во всех международных боях, во всех прочих революционных выступлениях ВКП(б) показала, что она — действительно интернациональная партия»[1].

Разоблачая пагубность экономической платформы троцкистов, партия настойчиво продолжала осуществлять намеченный XIV съездом курс на завоевание экономической независимости страны. В феврале 1927 г. пленум ЦК ВКП(б) поручил СТО в целях усиления участия советского машиностроения в техническом оснащении новых и реконструкции старых предприятий, сокращения зависимости капитального строительства от импорта разработать мероприятия по загрузке машиностроения плановыми долгосрочными заказами на необходимое оборудование[2]. Новые задачи по ускорению темпов индустриализации были закреплены IV Всесоюзным съездом Советов (апрель 1927 г.), признавшим необходимость перераспределения бюджетных

[1] «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполкома Коминтерна. 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Стенографический отчет, т. II, стр. 242.

[2] См. «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 344.

средств в сторону увеличения ассигнований на тяжелую индустрию. Особое внимание съезд обратил па развитие отечественного машиностроения «в целях скорейшего освобождения от иностранной зависимости в этой решающей для индустриализации области» [1]. Вскоре ЦК ВКП (б) указал ВСНХ СССР на медленность темпа развертывания работ по проектированию и сооружению новых заводов металлопромышленности, отставание строительства заводов цветной металлургии, недостаточное привлечение иностранных технических сил, слабую мобилизацию вокруг этого вопроса общественного мнения и отсутствие в самом аппарате ВСНХ СССР особого внимания к этой работе. ЦК наметил практические мероприятия по ускорению сооружения новых предприятий, по более широкому привлечению иностранных технических сил в качестве консультантов и по проведению в жизнь плановых систематических командировок за границу советских инженеров и техников[2]. Одновременно Совнарком СССР разработал меры по обеспеченню нормализации внешней торговли.

Советское государство всегда стремилось к широким торговым и научно-техническим связям со всеми странами. Помимо экономических интересов эти связи способствовали сохранению мирной обстановки, что являлось важным условием строительства социализма. Однако при этом приходилось учитывать антисоветскую направленность политики правящих кругов многих капиталистических стран, постоянно меняющуюся конъюнктуру и отношение к СССР на мировом рынке. «В целях борьбы за мир,— отмечали ЦК и ЦКК ВКП (б) летом 1927 г.,—правительство СССР должно идти па хозяйственно-целесообразные связи с капиталистическими государствами. В то же время правительство СССР будет всеми мерами защищать основы своей пролетарской экономической и государственной конституции, которые являются одновременно и основами ее бытия, как *пролетарского* государства» [3]. Этим и вызывалась необходимость форсированной индустриализации страны, ограждения посредством монополии внешней торговли социалистической экономики.

---

[1] «Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях». М., 1939, стр. 128.

[2] См. «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет», т. 1, стр. 648—649.

[3] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 363.

Последовательное проведение партией политики индустриализации и строгое соблюдение монополии внешней торговли означали крах надежд на внутреннее перерождение экономики и политической надстройки СССР, крушение иллюзий о «мирном проникновении» иностранного капитала в наше народное хозяйство, усиливали революционное влияние Советского Союза на остальной мир.

В резолюции «О хозяйственных директивах на 1927—28 гг.» партия осудила пессимистические взгляды оппозиции па развитие нашей промышленности. Оппозиция, отмечалось в резолюции, предложила в своем проекте такую политику в области внешней торговли, которая предполагает усиленную закупку за границей орудий производства и изделий, могущих быть произведенными на наших заводах. «... Объединенный пленум ЦК и ЦКК, считая правильной проводимую в настоящее время в этой области политику, решительным образом отвергает такую оппозиционную установку в отношении мирового капиталистического хозяйства, поскольку она неминуемо приведет к задержке индустриализации СССР и к увеличению зависимости от капиталистических стран в области производства орудий производства»[1].

Потерпев поражение на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) летом 1927 г., оппозиционеры снова выступили против экономической политики и практической деятельности партии в ходе дискуссии, предшествовавшей XV съезду ВКП(б). В директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства, представленных Центральным Комитетом, подводились итоги борьбы за построение социалистического общества. Успехи политики партии были очевидны. За годы нэпа в стране произошла перегруппировка сил в сторону усиления позиций социализма. Директивами определялись конкретные меры, направленные на обеспечение социалистической реконструкции народного хозяйства, на повышение роли рабочего класса в обществе, на укрепление диктатуры пролетариата. «В соответствии с политикой индустриализации страны,— подчеркивал съезд,— в первую очередь должно быть усилено *производство средств производства* с тем, чтобы рост тяжелой и легкой индустрии, транспорта и сельского хозяйства, т. е. предъявляемый с их стороны производственный

---

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 381.

спрос, был в основном обеспечен внутренним производством промышленности СССР»[1].

По-иному все оценивалось оппозиционерами. Они выдвигали многочисленные обвинения в адрес ЦК, Совнаркома, ВСНХ и Госплана СССР. Троцкистам мерещилась катастрофическая капиталистическая стихия и зависимость государства от кулака в сырье и экспортных товарах, «зигзаг вправо» в вопросе о монополии внешней торговли. Они призывали к прямому капитулянтству перед империалистическим Западом в области внешней торговли. Вопреки решению ЦК они предлагали «не провозглашать абстрактный лозунг активного торгового баланса, а приступить к выработке рационального плана ввоза и широко применять товарную интервенцию»[2]. Раздувая некоторые действительные, а чаще всего мнимые недостатки хозяйственной работы, оппозиционеры кричали о срыве дела индустриализации страны и угрозе диктатуре пролетариата. Они выдвигали авантюристические предложения об усилении перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность, о ликвидации товарного дефицита, об изменениях в экспортно-импортной политике и т. д.

Принципиальная борьба взглядов на перспективы развития народного хозяйства СССР показала полную несостоятельность и вредность экономической платформы троцкизма, в том числе и авантюризм той ее части, которая затрагивала связи СССР с капиталистическими странами. В то же время дискуссия вскрыла идентичность взглядов оппозиции и «ультралевой» группы Рут Фишер — Маслова, которую Коминтерн осудил как ренегатов международного коммунизма.

Если троцкисты и зиновьевцы стремились воспрепятствовать осуществлению экономической политики партии внутри СССР, то «ультралевые» за рубежом затрудняли работу братских компартий по мобилизации антиимпериалистических сил на защиту Советского Союза, способствовали попыткам империалистов добиться экономической изоляции нашей страны. Союзники Троцкого и Зиновьева в Германии спекулировали на трудностях социалистического строительства в Советском Союзе. Однако после ди-

---

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 457.

[2] «Партия и «оппозиция» накануне XV съезда ВКП(б)». М., 1930, стр. 31, 32, 46-48, 54—55, 57—58.

скуссии по экономическим и политическим проблемам пролетарской диктатуры в СССР подавляющее большинство ячеек Коммунистической партии Германии решительно встало на сторону большевиков. Для разъяснения позиции ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Правда» напечатала статью «Кредиты и долги» [1]. Журнал «Большевик» разоблачал клеветнический характер писаний, появлявшихся в «Die Fahne des Kommunismus» [2]. Ренегатство и антисоветизм его издателей получили достойную оценку на октябрьском (1927 г.) пленуме ЦК и XV съезде ВКП(б). Съезд констатировал, что «идеология оппозиции, открыто сблокировавшейся с ренегатами международного коммунизма (Маслов — Суварин и К°), в настоящее время сложилась и оформилась, как *меньшевизм* в его своеобразной троцкистской формулировке» [3].

Партия не могла принять предлагаемые троцкистами методы индустриализации «любой ценой». Она решительно отбросила их «программы», так как они обрекали СССР на экономическую зависимость от капиталистических держав. Темпы и методы индустриального развития определялись сущностью социалистической системы хозяйства, трезвым учетом реальных возможностей и перспектив развития страны. Партия использовала лишь те пути ускорения темпов, которые обеспечивали расширенное воспроизводство и упрочивали победу социалистических производственных отношений. Она эффективно использовала преимущества социализма и укрепляла независимость Советского государства на мировом рынке. Демагогическая троцкистская идея «сверхиндустриализации» была экономически несостоятельной и опасной для судеб социализма в СССР. Фактически она тянула к капиталистическому методу индустриализации, угрожала разрывом союза рабочего класса с трудящимся крестьянством и гибелью диктатуры пролетариата. Не менее пагубной была ориентация оппозиции на импорт как на постоянный источник снабжения сырьем и оборудованием. Предлагавшаяся троцкистами внешнеэкономическая политика, их борьба против ЦК ВКП(б) и СНК СССР в этот острейший для Советского государства момент объективно помогала империалистам. В отличие от оппозиционеров, ЦК ВКП(б) и СНК СССР

[1] См. «Правда», 29 сентября 1927 г.
[2] См. «Большевик», 1927, № 21, стр. 45—54.
[3] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 440.

учитывали трудности и препятствия, чинимые империалистами советскому экспорту и импорту, непрекращавшуюся ни на один день антисоветскую деятельность капиталистических монополий на мировом рынке, реальную угрозу установления частичной пли полной экономической блокады пашей страны и принимали меры для ее срыва.

XV съезд ВКП(б) и объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21—23 октября 1927 г. дали общие директивы по разработке первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. В них были реализованы ленинские идеи экономической независимости страны, подробно аргументировалась хозяйственная политика партии. Одним из ее аспектов были задания по ускоренному развитию тех отраслей тяжелой индустрии и сельского хозяйства, которые устранили бы существовавшие диспропорции в снабжении народного хозяйства и освобождали страну от массового импорта. Особый упор делался на развитие новых производств в тяжелой индустрии (оборудование для металлургии, топливной и текстильной промышленности, автотракторостроение, добыча золота, редких элементов, производство алюминия, ферросплавов, пипка, ряда химических веществ и т. д.). «Наиболее быстрый темп *развития,* — указывал XV съезд,— должен быть придан тем отраслям тяжелой индустрии, которые подымают в кратчайший срок экономическую мощь и обороноспособность СССР, служат гарантией возможности развития в случае экономической блокады, ослабляют зависимость от капиталистического мира и содействуют преобразованию сельского хозяйства на базе более высокой техники и коллективизации хозяйства» [1]. Перед сельским хозяйством ставилась задача устранения дефицита в снабжении легкой индустрии хлопком, кожей, шерстью и другими видами сырья.

XV съезд нанес сокрушительный удар троцкизму. Результатом троцкистской политики, отмечал съезд, «был бы бюрократический *застой* нашей промышленности, превращение пролетариата из союзника и вождя крестьянства в потребителя, который не ставит себе цели *переделки* крестьянского хозяйства. Такая политика привела бы неизбежно к краху пролетарской диктатуры. С другой стороны, прикрываясь *интернациональным* знаменем, оппозиция на деле проповедует такую хозяйственную смычку с *интерна-*

---

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 457.

циональным капиталом, которая привела бы к утере хозяйственной самостоятельности Союза и к срыву строительства социализма»[1]. Съезд полностью отверг авантюристическую внешнеэкономическую платформу троцкистов, указав на необходимость расширения хозяйственных связей СССР с капиталистическими странами на базе укрепления монополии внешней торговли в интересах ускорения темпов индустриализации. XV съезд еще раз подтвердил ленинские принципы внешнеэкономической политики Советского государства. Необходимо, указывал съезд, исходить не из голого лозунга максимально широкого развития этих отношений (такой лозунг, выдвигаемый оппозицией, при последовательном своем применении означал бы отмену монополии внешней торговли и капитуляцию — хозяйственную и военную — перед интернациональной буржуазией), а из таких внешнеэкономических связей, которые делают СССР более независимым от капиталистического мира, расширяют социалистическую базу дальнейшего индустриального развития Союза. Съезд рекомендовал создать необходимые резервы, оберегающие страну от возможной блокады и колебаний конъюнктуры международного рынка[2].

Разработка XV съездом четкой и конкретной политики имела историческое значение для дальнейших судеб нашей Родины, способствовала установлению выгодных деловых связей с капиталистическими странами. Решения съезда сыграли важную роль в разоблачении международного оппортунизма. Пропаганда троцкистских взглядов была признана несовместимой с принадлежностью к партии, и сами троцкисты были квалифицированы как перерожденцы, враги партии.

Таким образом, период от начала социалистической реконструкции до первой пятилетки отличался острой борьбой внутри партии. В центре ее наряду с коренными вопросами о возможности победы социализма в СССР, о масштабах и темпах индустриализации находились вопросы о путях и способах обеспечения экономической независимости нашей страны, о роли внешней торговли в социалистическом строительстве. Под руководством Центрального Комитета партия одержала полную победу над троцкизмом, идейно и организационно разгромила правый уклон,

[1] «КПСС в резолюциях », ч. II, стр 469.

[2] См. там же, стр. 453, 457.

сохранила единство своих рядов, обеспечила последовательное проведение ленинской генеральной линии, рассчитанной на победу социализма в нашей стране, мобилизовала трудящихся на большевистские темпы индустриализации.

Победа партии над троцкизмом имела международное значение. Идейный и организационный разгром троцкизма, разоблачение его антисоветской сути явились одним из важнейших условий успешного проведения в жизнь экономической политики партии, обеспечившей социалистическую индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства, победу социализма в СССР.

Правильность курса партии на ускоренные темпы развития тяжелой индустрии и достижение экономической независимости подтверждалась практикой социалистического строительства. Уже первые итоги индустриализации страны опровергали троцкистские догмы о невозможности в короткий срок и без помощи извне построить основы тяжелой индустрии и о неизбежности сращивания советского народного хозяйства с мировым капиталистическим. Партия заметно обогатилась опытом руководства экономической жизнью страны. Она продолжала настойчивые поиски решения проблемы накоплений в связи с намечавшимся огромным новым индустриальным строительством, перестраивала и подчиняла ему внешнюю торговлю.

Реализация поставленных партией задач зависела прежде всего от расширения и упрочения социалистического сектора промышленности. Поэтому важным социально-политическим достижением партии был тот факт, что в 1928 г. почти 98% производственных фондов индустрии уже находились в собственности государства и кооперации[1]. За пять лет, предшествовавших первой пятилетке, в промышленность было вложено 4,4 млрд. руб., что позволило в 1928 г. увеличить валовую продукцию промышленности на 32%, а производство средств производства — на 55% по сравнению с 1913 г. Еще более ускоренными темпами росло машиностроение, увеличившее свою продукцию в 1,8 раза[2]. Начался процесс ослабления технической зависимости СССР от иностранных фирм. Удельный вес импортного оборудования в общей массе индустриаль-

[1] См. «Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.). Статистический сборник». М.—Л., 1939, стр. 17.

[2] См. «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 569; «Промышленность СССР», стр. 9 и 203.

ного оборудования в 1912 г. достигал 55%, в 1928/29 г.— 21%[1]. Однако по некоторым машинам доля импорта в производственном потреблении СССР (1928 г.) оставалась высокой: по паровым турбинам — 52,6%, металлорежущим станкам — 67,1%, тракторам — 69% и текстильным машинам—27,7%[2]. Отечественное машиностроение еще не в состоянии было производить многие виды сложного оборудования. Не достигли довоенного уровня выплавка чугуна, производство проката, цветных металлов, выжиг кокса, добыча железной и марганцевой руд.

Важную роль в дальнейшей индустриализации СССР сыграли принятые накануне и после XV съезда ВКП(б) Центральным Комитетом и правительством решения о строительстве новых заводов металлопромышленности, о химизации народного хозяйства, о капитальном строительстве в промышленности и электростроительстве, о научно-исследовательской работе для нужд промышленности, о подготовке специалистов и др. Для более эффективного и бесперебойного финансирования капитального строительства в системе ВСНХ был образован Банк долгосрочного кредитования. В 1926—1928 гг. был построен ряд электростанций, обеспечивавших рост выработки электроэнергии с 3,5 до 5,0 млрд. киловатт-часов[3]. Успешно разрабатывался проект сооружения Днепровской ГЭС. Вступили в эксплуатацию Московский электрозавод, Карсакпайский медеплавильный завод, Кировабадский текстильный комбинат, первый в СССР цех синтеза аммиака на Чернореченском химзаводе, несколько кожевенных заводов. На базе ликвидированной в 1928 г. концессии Гарримана был создан Чиатурский марганцевый трест.

Продолжали развиваться новые производства на старых заводах. В 1928 г. коллективы «Красного путиловца» и Харьковского паровозостроительного завода выпустили 1,3 тыс. тракторов, АМО — 800 автомобилей. Выпуск новых видов продукции освоили московский завод «Красный пролетарий» (токарные станки), судостроительные верфи (коммерческие суда), Горловский машиностроительный завод (врубовые машины), Климовский машиностроитель-

---

[1] См. «Индустриализация СССР. 1929—1932 гг. Документы и материалы». М., 1970, стр. 296.

[2] См. «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», стр. 15.

[3] См. «Промышленность СССР», стр. 171.

ный и Ленинградский им. Карла Маркса заводы (сложные текстильные агрегаты). В целях создания собственной материально-технической базы культурной революции сооружались Балахнинский бумажный комбинат (Нижегородская губ.), Сясьский комбинат в Ленинградской области и Кондопожский в Карелии. Продукция новых отраслей в 1927/28 г. составляла 712,9 млн. руб., или 6,4% валовой продукции промышленности ВСНХ. Правительство отмечало, что значительная доля этой продукции замещает импорт, освобождая СССР все в большей и большей мере от зависимости по ряду изделий от капиталистических стран [1]. Этих тенденций развития не видели и не хотели видеть троцкисты и зиновьевцы.

Разворачивала свою деятельность Комиссия по изучению производительных сил страны. Геологами были открыты новые железорудные месторождения па Алтае и на Дальнем Востоке; медные и свинцово-цинковые — в Казахстане, Средней Азии, Западной Сибири и на Кавказе; апатитов — в Хибинах; калийных солей — в Соликамске.

Советский Союз продолжал проводить активную внешнеторговую деятельность. «...Несмотря на полубойкотистские маневры капиталистического окружения, — отмечал XV съезд ВКП(б),— наши внешнеторговые связи при достижении активного сальдо торгового баланса расширились» [2]. Товарооборот СССР увеличился с 1,4 млрд. руб. в 1925 г. до 1,8 млрд. руб. в 1928 г.[3]. Партия призывала рабочий класс напрячь силы для решения неотложных проблем экспорта и импорта, наращивания основных капиталов, устранения товарного голода и увеличения накоплений. Большое значение в деле мобилизации валюты имело постановление ЦИК и СНК СССР от 21 марта 1928 г. «О вывозе, ввозе, пересылке и переводе за границу и из-за границы валютных и фондовых ценностей» .

Партия строго следила за соблюдением монополии внешней торговли, предупреждала и пресекала любые ее нарушения. Принимались меры по борьбе с контрабандой, которая не превышала 5% общего товарооборота. В 1927/28 г. число задержаний по незаконному ввозу составило 35 159 (на 5,7 млн. руб.), а по вывозу — 3 585 (на

[1] См. «Год работы правительства СССР», 1930, стр. 124.

[2] «КПСС в резолюциях...», ч. 11, стр. 437.

[3] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 14. По курсу рубля соответствующих лет.

См. СЗ, 1928, № 18, ст. 152.

1,1 млн. руб.)[1]. По мере усовершенствования таможенного аппарата и усиления пограничной охраны контрабандный провоз затруднялся. Охрана интересов Родины, ее границ от экономической интервенции была в центре внимания парторганизаций.

Максимально мобилизуя внутренние ресурсы, правительство активно осуществляло рационализацию импорта. Начатая при Ленине политика запрещения или сокращения импорта товаров, которые могли изготовляться внутри страны, строго проводилась в жизнь. В импортных планах снижался удельный вес полуфабрикатов. За три года полностью был запрещен импорт 100 наименований оборудования и условно был запрещен (т. е. с особого разрешения) ввоз 150 наименований оборудования[2].

Антисоветская кампания в капиталистических странах не помешала росту интереса иностранных фирм к концессиям в СССР. Только в 1926/27—1927/28 гг. от них поступило 383 концессионных предложения. При их отборе Советским правительством учитывались политические взаимоотношения данной страны с СССР, финансовые и производственно-технические возможности и соответствие выдвигаемых концессионерами условий интересам развития нашего народного хозяйства. Всего на 1 октября 1928 г. в СССР действовало 68 концессий с инвестированным капиталом в 57 698 тыс. руб. Концессионерами были в основном предприниматели из Англии, США, Швеции, Германии и Японии. В концессиях было занято около 20 тыс. человек, в том числе 10% иностранцев. Как правило, обрабатывающие концессии работали на импортном сырье. Согласно договорам, им отпускались специальные валютные фонды. Концессии способствовали уменьшению импорта и контрабанды некоторых потребительских товаров, а также разработке лесных и рудных богатств СССР. Небольшое количество концессий объяснялось в первую очередь тем, что заявки концессионеров на объекты не отвечали планам развития производительных сил СССР. На 1 октября 1929 г. имелось 70 соглашений об иностранной технической консультации, из которых 24 приходились на металлургическую и металлообрабатывающую промышленность, 55 договоров были заключены Советским Союзом

---

[1] См. «Год работы правительства СССР», 1930, стр. 264, 405; *Л. Б. Красин.* Вопросы внешней торговли, стр. 42.

[2] См. «Год работы правительства СССР», 1930, стр. 264.

с фирмами США и Германии[1]. Особое значение имели договоры с «Дженерал электрик компани» (с кредитом на пять лет для закупки оборудования для Днепростроя) и Фордом о консультации и поставках оборудования для автозавода, строившегося в Нижнем Новгороде.

Выручка от экспорта, мобилизация валюты и драгоценностей внутри страны и иностранные кредиты расширяли импортные возможности СССР. Несмотря па то что в общем ввозе 90% составляли товары производственного назначения, в 1926—1928 гг. все же не удалось в полной мере использовать импорт для ускоренного создания новой производственно-технической базы. Необходимость укрепления смычки города с деревней, затруднения на внутреннем рынке вынудили покупать за границей много сырья и полуфабрикатов для легкой промышленности. В рассматриваемый период импортные расходы на текстильное и кожевенное сырье превышали втрое расходы на металлы и почти на 1 млрд. руб. суммы, затраченные на покупку машин и оборудования. В общем объеме импорта доля сырья временами достигала 40%. Это был один из путей смягчения дефицита сырья для легкой индустрии, который вызывался многими факторами, и главным образом отставанием внутреннего производства текстильного и кожевенного сырья от роста легкой индустрии. Сырьевые затруднения сдерживающе действовали, например, на развитие текстильной промышленности. Удельный вес импортного хлопка составлял в 1925/26 г. 38,5%, в 1926/27 г.— 45,1% и в 1927/28 г.— 41%[2]. Решить в короткий срок сырьевую проблему Советское правительство не могло, хотя контрактацией и были почти полностью охвачены технические культуры. Значительная часть сельскохозяйственного сырья ввозилась из восточных стран.

Таким образом, уже в 1926—1928 гг. стало очевидным, что наряду с задачами развития машиностроения и металлургии перед страной остро встали проблемы расширения производства технических сельскохозяйственных культур, шерсти, кожи, их заменителей. Заслуга партии состояла в том, что она выработала правильную экономическую политику Советского государства, которую претворяла в жизнь.

[1] См. «Год работы правительства СССР», 1930, стр. 320.

[2] См. «Внешняя торговля СССР. 1918—1966. Стат. сб.». М., 1967, стр. 24—25; «Социалистическое строительство СССР». Статистический ежегодник. М., 1934, стр. 137.

2. СОЗДАНИЕ СОБСТВЕННОЙ ИНДУСТРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ РЕКОНСТРУКЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Первый пятилетний план развития народного хозяйства внимательно обсуждался делегатами XVI конференции ВКП(б). Докладчики Г. М. Кржижановский и В. В. Куйбышев, делегаты делали упор на проблемы нового капитального строительства, на создание собственной индустриально-технической базы реконструкции народного хозяйства, на достижение экономической независимости СССР от капиталистических стран. Партия дала отпор Рыкову, пытавшемуся пятилетнему плану противопоставить двухлетку, рассчитанную преимущественно на развитие легкой индустрии и сельского хозяйства. Были осуждены также взгляды Бухарина, Томского и других лидеров правого уклона, выступавших против направления и темпов индустриализации и ликвидации технической отсталости страны, намечаемых пятилеткой.

Правые извращали ленинские положения о соотношении промышленности и сельского хозяйства, об источниках накоплений, о назначении и размерах импорта, явно недооценивали внутренние силы страны, давали практически несостоятельные рекомендации. Правокапитулянтская позиция состояла в игнорировании объективного характера трудностей начального периода индустриализации и сложности борьбы за построение социализма в условиях враждебного капиталистического окружения. XVI партконференция квалифицировала правый уклон «как выражение прямого отказа от ленинской политики партии, как выражение откровенно оппортунистической сдачи ленинских позиций под напором классового врага»[1].

Рабочий класс единодушно поддержал партию, ее политику.

«Мы раскрепощаем Советский Союз от иностранной зависимости, производя собственные паротурбогенераторы, ртутные выпрямители и изоляционные материалы,— рапортовали рабочие ленинградского завода «Электросила».— *Нас не испугают никакие хныканья троцкистов, правых оппортунистов, обывательских примиренцев и т. д.,*

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 574—575.

мы неразлучны со своей партией, которой дали в последний ленинский призыв 300 новых рабочих-большевиков»[1].

В мае 1929 г. V съезд Советов СССР утвердил первый пятилетний план развития народного хозяйства. Делегаты вдохновенно говорили о замечательных перспективах подъема страны, разработанных партией. Капитальные вложения в народное хозяйство намечались в 64,6 млрд. руб. Почти вдвое должны были увеличиться основные производственные фонды. Исходя из ленинских идей индустриализации, достижения экономической независимости и укрепления обороноспособности СССР 78% всех капиталовложений промышленности направлялось на развитие производства средств производства, увеличение которого планировалось в 3,3 раза[2]. Пятилеткой намечался значительный рост товарных и валютных резервов. «Предложенный правительством пятилетний план,— постановил V съезд Советов,— являясь развернутой программой социалистической реконструкции народного хозяйства, соответствует генеральному курсу Советской власти на индустриализацию Союза ССР, на социалистическое переустройство деревни, на преодоленпе капиталистических и последовательное усиление социалистических элементов в хозяйственном строе страны и на повышение обороноспособности Союза ССР»[3].

Пятилетка стала законом. Съезд выразил уверенность в том, что вопреки проискам врагов и колебаниям малодушных трудящиеся СССР преодолеют трудности и выполнят великие задачи строительства социализма.

В 1929—1930 гг. ЦК партии и Советское правительство приняли энергичные меры по форсированию индустриализации с упором на отрасли, игравшие ведущую роль в достижении экономической независимости СССР. В январе 1929 г. ЦК ВКП(б) заслушал отчеты Запорожского обкома и райкома о состоянии и постановке работы на Днепрострое. ЦКК — НК РКИ и ВСНХ СССР приняли решение «О текстильном машиностроении». В мае, обсуждая перспективы текстильной промышленности, ЦК поставил задачу ослабить зависимость от импортного сырья

[1] «Правда», 21 апреля 1929 г.
[2] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 569—570.
[3] «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет», т. 2, стр. 61.

путем расширения его собственного производства, а летом принял постановления «О работе Главхлопкома» и «О работе Ленинградского машиностроительного треста»[1]. Во второй половине года принимается ряд постановлений об улучшении деятельности цветной и черной металлургии, химической и лесной промышленности, о тракторостроении и организации производства синтетического каучука, о строительстве новых металлозаводов и др. Изучив состояние и потребности народного хозяйства, ЦК ВКП(б) и СНК СССР установили на конец пятилетки задание на выпуск автомобилей, тракторов, комбайнов (пятилетним планом выпуск комбайнов совсем не предусматривался), по цветной металлургии и сельскохозяйственному машиностроению; решили завершить коллективизацию сельского хозяйства, объединить в социалистический сектор $^{9}/_{10}$ посевной площади индивидуальных хозяйств. При этом обращалось внимание на разработку и осуществление мероприятий по обеспечению промышленности металлом, сырьем и полуфабрикатами советского производства. Эти повышенные задания пятилетки были доложены XVI съезду ВКП(б), который одобрил их[2]. Усиливая критику правого уклона, партия предприняла энергичные меры по ускоренному развитию промышленности и связанных с ней отраслей сельского хозяйства.

Если топливо и металл всегда были остродефицитными в народнохозяйственном снабжении, то с производственным оборудованием дело обстояло несколько лучше. Массовый ею недостаток остро стал ощущаться только в 1929/30 г. в связи с вводом в эксплуатацию новых производственных мощностей. Не случайно партия выдвинула повышенные требования к машиностроению, определила его особую роль в борьбе за освобождение народного хозяйства от импортной зависимости. К 1930 г. в машиностроении было сосредоточено 32,5% всех основных фондов тяжелой индустрии. По масштабам их модернизации машиностроение значительно опережало все остальные отрасли тяжелой индустрии. Удельный вес новой продукции машино-

---

[1] См. «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет», т. 2, стр. 45, 85; «Известия ЦК ВКП (б)», 1929. № 25. стр. 25.

[2] См. «Шестнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет». М.—Л., 1930, стр. 49.

строения и металлообработки в 1930 г. составил 19,6%[1]. В машиностроении и металлообработке во втором году пятилетки более быстрыми темпами происходил процесс модернизации оборудования. Однако машиностроение не удовлетворяло все потребности реконструировавшегося народного хозяйства в технике. Импорт машин и оборудования продолжал расти.

Если в восстановительный период, в целях полной загрузки предприятий, нередко соотношение цен и себестоимости продукции игнорировалось, то теперь ставилась иная задача. В постановлении ЦИК СССР по докладу о тракторостроении и сельхозмашиностроении (8 декабря 1929 г.) хозорганы обязывались на новых предприятиях добиваться себестоимости, «не превышающей заграничную, с тем чтобы по мере освоения новой техники снижать себестоимость ниже заграничного уровня...»[2].

Отметив досрочное выполнение заданий пятилетки работниками общего и сельскохозяйственного машиностроения, XVI партсъезд указал на необходимость ускоренного развития производства оборудования для металлургии, станкостроения, энергомашиностроения, котло- и турбостроения, дизелестроения и буровой техники. Съезд поручил ЦКК — РКИ «изучить и проверить мероприятия, направленные к форсированному развертыванию советского машиностроения, тяжелого оборудования (блюминги, прокатные станы, электротехническое оборудование, химическое оборудование и т. д.), в особенности в тех его частях, которые могут заменить импорт оборудования из-за границы»[3]. ЦКК — РКИ поручалось со всей строгостью продолжать борьбу за замену импортных товаров продукцией отечественной промышленности.

Решение проблемы самообеспеченности народного хозяйства новым оборудованием и осуществление технического прогресса находились в прямой зависимости от состояния станочного парка и прежде всего от уровня развития отечественного станкостроения. Между тем эта отрасль

[1] См. «Тяжелая промышленность СССР от XVI к XVII съезду ВКП(б) (за 1930—1933 гг.)», стр. 11, 13, 19. К новой продукции отнесены машины и изделия, которые не производились в СССР до 1927 г., а также изделия, подвергшиеся коренному изменению по конструкции, мощности и т. п.

[2] «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет», т. 2, стр. 147.

[3] «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 25.

машиностроения позже других начала восстановительный процесс, и за 1926—1928 гг. модернизация ее была незначительной. В то время как в Германии, например, имелось 350 станкостроительных заводов, СССР располагал лишь 12 заводами, из которых 4 являлись основными. Из 500 существовавших тогда типоразмеров металлорежущих станков советские заводы выпускали только 24. Отсутствовала специализация производства, заводы подчинялись разным ведомствам[1]. Только ленинградский завод им. Свердлова являлся специализированным. Остальные предприятия кроме станков выпускали другую продукцию. Заводы изготовляли станки старых конструкций, удовлетворявшие лишь 1/5 потребностей страны. Устаревшее оборудование на них составляло 80% [2].

Насущные задачи развития отечественного станкостроения наметило совещание работников станкостроительных заводов, состоявшееся в Москве в ноябре 1928 г. Станкостроители указали на важность выбора новых конструкций для заводов и заявили, что для решения новых задач они отдадут все силы и проявят максимум творчества, «без которого эта работа не может получить сколько-нибудь широкого развития». Была создана специальная комиссия по станкостроению[3]. С конца 1929 г. и на протяжении всего 1930 г. Центральный Комитет ВКП(б), ЦКК — НК РКИ, ВСНХ СССР приняли меры по усилению темпов развития станкостроения. Начал свою деятельность трест «Станкострой», созданный для проектирования и строительства станкозаводов. Увеличивались ассигнования на капитальное строительство и валютные фонды для импорта оборудования. Было решено ускорить сооружение станкозаводов в Москве, Нижнем Новгороде и Харькове, обновить оборудование на старом производстве.

ЦК ВКП(б) делал упор на вопросы создания производства современных типов инструментов, приспособлений и контрольно-измерительных приборов. В связи с этим давались указания о повышении качества быстрорежущих инструментов и закупке за границей необходимого оборудования. Было решено командировать за границу 100 инженеров и рабочих для изучения инструментального дела. ВСНХ СССР рекомендовалось разработать пятилетний

---

[1] ЦГАОР СССР. ф. 5715, оп. 8, ед. хр. 143, л. 2-3.
[2] ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 1, ед. хр. 667, л. 64.
[3] ЦГАОР СССР, ф. 5715, оп. 15, ед. хр. 24, л. 1, 38.

план обеспечения народного хозяйства, прежде всего машиностроение и оборонную промышленность, инструментами, приборами и абразивами.

Принятые ЦК ВКП(б) и правительством меры послужили толчком для форсированного развития станкостроительной и инструментальной промышленности. Решением этой задачи вплотную занялись партийные организации Москвы, Ленинграда, Харькова, Свердловска, Одессы и других городов. В 1931 г. был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт станков, инструментов и абразивов, который впоследствии вместе с Центральным конструкторским бюро был преобразован в Экспериментальный научно-исследовательский институт металлостанков (ЭНИМС). В институте рождался коллектив ученых и конструкторов, который внимательно изучал достижения мирового станкостроения и создавал агрегаты собственной конструкции. Разворачивали творческую деятельность коллективы лабораторий и конструкторских бюро заводов.

До конца пятилетки удалось осуществить реконструкцию и в значительной мере специализацию станкоинструментальной промышленности. Вошли в строй завод револьверных станков им. Орджоникидзе (Москва) и завод фрезерных станков в Горьком, инструментальные заводы «Фрезер» им. Калинина и «Калибр» (оба в Москве). Новую продукцию стали выпускать большинство старых предприятий.

Выполняя директивы партии, при поддержке рабочих других отраслей индустрии инструментальщики активизировали борьбу за повышение качества своей продукции. В содружестве с учеными металлурги создали ряд сортов быстрорежущей стали и твердых сплавов («видиа», «победит», «смена», «сталинит»), что позволило постепенно вытеснить из эксплуатации импортные инструменты. Большой вклад в подъем отечественного производства инструментов, приборов и абразивов, в освобождение советского машиностроения от их импорта внесли коллективы Московского, Ленинградского, Златоустовского, Миусского инструментальных заводов, «Калибра» и «Фрезера», абразивных заводов в Челябинске и Луге.

Таким образом, первая пятилетка явилась периодом становления и бурного подъема советского станкостроения. Обновив оборудование и технологию, станкостроение начало выпускать агрегаты новой конструкции поточным и

серийным методом. Важнейшим достижением явилось создание квалифицированных кадров станкостроителей и инструментальщиков. В течение первой пятилетки партии удалось создать основы современного (по тому периоду) станкостроения, которое стало важнейшим условием рождения автотракторной, авиационной, химической, оборонной и других отраслей промышленности, сыгравших большую роль в освобождении СССР от импортной зависимости. В 1932 г. было выпущено 19,7 тыс. станков (40 типоразмеров), или почти в 10 раз больше по сравнению с выпуском 1928 г.[1] В апреле 1932 г. СССР располагал (без военной промышленности) 186 тыс. металлорежущих станков, 45% которых были установлены за первую пятилетку[2].

Директивы партии о развитии станкостроения выполнялись. Освоение за пятилетку производства 27 типоразмеров станков свидетельствовало о больших резервах в этой отрасли, а также об опыте рабочих, техников, инженеров и констрyкторов. Созданная производственно-техническая база позволила заметно сократить импорт станков и инструментов. При огромном росте запросов на них доля импортных станков в общем потреблении СССР сократилась с 79% в 1928 г. до 47% в 1933 г.[3] Станкостроители освоили серийное производство револьверных, фрезерных, горизонтально-расточных и других станков. Однако в стране еще не выпускались многие специальные станки (шлифовальные, радиальные, зуборезные, заточные, автоматы и полуавтоматы). В конъюнктурном обзоре Госплан СССР отмечал, что станкостроение «при значительных темпах развертывания еще отстает от потребностей народного хозяйства. Если здесь технические достижения в области освоения новых производств имели место, то в большинстве случаев это относится пока к освоению новых типов станков, зачастую протекающих весьма долго и болезненно. Это весьма сложный вид производства в части новых типов станков не носит еще характера массового серийного выпуска» . Полное удовлетворение запросов на-

---

[1] См. «Промышленность СССР», стр. 207.

[2] См. «СССР за 15 лет. Статистические материалы по народному ХОзяйству» М, 1932 стр 80

[3] См. *А. Омаровский.* Советское станкостроение и его роль в индустриализации страны. М., 1948. стр. 65.

«Индустриализация СССР. 1929—1932 гг. Документы и материалы», стр. 299.

родного хозяйства в металлорежущих станках оставалось проблемой, над решением которой надо было настойчиво трудиться.

Одной из особенностей социалистической индустриализации было опережающее развитие энергетики. Партии удалось в первой пятилетке увеличить мощность двигателей, обслуживающих рабочие машины, в 1,8 раза, а электрическую мощность, обслуживающую производственные процессы,— в 2,2 раза[1]. Правда, перебои в электроснабжении промышленности и транспорта еще оставались. Электрификация производства, рост добычи угля и нефти позволили обеспечить независимость страны в топливе. Известно, что в топливном балансе дореволюционной России немалую долю занимало импортное топливо. Перестроив структуру топливного баланса, создав производственные мощности на электростанциях, Советское правительство в основном решило эту проблему. Несмотря на возросшие потребности народного хозяйства в топливе и временами напряженные моменты в снабжении им некоторых отраслей, СССР практически не прибегал к импорту топлива.

В течение первой пятилетки осуществлялась широкая программа расширения базы электрификации страны и энергетического строительства. За четыре года было построено 25 районных электростанций. Вступили в строй крупнейшая в Европе Днепровская ГЭС им. В. И. Ленина, мощные тепловые электростанции — Зуевская в Донбассе, Дубровская под Ленинградом, Днепродзержинская, Сталинградская, Ивановская, Челябинская и т. д. Возникли новые энергосистемы. Постройка Днепрогэса им. В. И. Ленина явилась одним из обобщающих показателей прогрессивных тенденций развития социалистической энергетики и новой техники. Днепрогэс продемонстрировал не только победы в области энергохозяйства, но и большие возможности развития отечественного энергомашиностроения и гидростроительства. Советские специалисты и рабочие доказали свое умение строить крупные турбины и генераторы.

Широкое внедрение электроэнергии в народное хозяйство требовало расширения производства энергетического оборудования. Техническая политика партии в этот период подчинялась решению двух главных задач: а) освободить

---

[1] См. «Промышленность СССР», стр. 19.

энергостроительство от импортной зависимости, поднять внутреннее производство оборудования до уровня, полностью удовлетворявшего потребности экономики; б) провести коренную техническую реконструкцию энергомашиностроения.

По сравнению с другими отраслями тяжелой индустрии энергетическое машиностроение находилось в лучшем положении. Оно располагало солидной материально-производственной базой, имело немалый отряд квалифицированных кадров рабочих и специалистов. Основные предприятия находились в Ленинграде, Москве, Харькове, что обеспечивало более эффективное научно-техническое и партийное руководство. Как правило, здесь действовали крепкие партийные и профсоюзные коллективы. И наконец, в некоторых производствах этой отрасли оказалась полезной иностранная техническая консультация. На 1 апреля 1930 г. Всесоюзное электрообъединение имело 14 действующих договоров о техконсультации с американскими, германскими и шведскими фирмами[1]. Импорт энергетического и электротехнического оборудования в СССР за 1929—1932 гг. составил свыше 313,5 тыс. тонн — на 1,1 млрд. руб.[2]

Решая сложные теоретические, конструктивные и производственные задания, коллективы заводов за 1930—1933 гг. обеспечили покрытие спроса на паровые котлы с 11,7 до 77,8%[3]. Процесс высвобождения от импорта и здесь не был простым количественным увеличением. Советские ученые, инженеры и рабочие вносили качественные изменения в котлостроение: создавались принципиально новые конструкции, увеличивалась единичная энергетическая мощность котлов, происходила унификация и сокращение их типоразмеров. Котельная техника советского производства надежно и в короткий срок заменяла импортную.

Успешно развивалось производство турбин, генераторов, моторов и электрооборудования. Выдающимся достижением было создание коллективом «Электросилы» генераторов мощностью 62 тыс. *квт* для Днепрогэса и турбогене-

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 17, ед. хр. 1172, л. 2.
[2] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 301, 334.
[3] См. *Д. Г. Жимерин.* История электрификации СССР. М., 1962, стр. 187.

раторов в 50 тыс. *квт.* При этом все производственно-технические вопросы решались советскими специалистами и рабочими. Увеличил выпуск продукции с 68,4 млн. руб. почти до 100 млн. руб. к 1933 г. Харьковский электромеханический завод. Среди его изделий были моторы, генераторы, изоляционные материалы

Совместными усилиями коллективов Ленинградского Металлического завода, «Красного путиловца», ряда электростанций и научно-исследовательских организаций успешно осваивались паровые турбины мощностью от 12 до 50 тыс. *квт.* Турбину в 50 тыс. *квт* ленинградцы изготовляли на 2—3 месяца быстрее английской фирмы «Метро-Виккерс». Большая заслуга в развитии отечественного турбостроения принадлежала Ленинградскому обкому партии, возглавляемому С. М. Кировым.

Московским электрозаводом были освоены новые типы трансформаторов, электропечей, ртутных выпрямителей, твердых сплавов, магнето. В последнем году пятилетки его производство почти полностью перешло на отечественное сырье и материалы. Успехи электрозаводцев в освобождении страны от импортной зависимости высоко оценил Г. К. Орджоникидзе на XVII съезде ВКП(б). Он особо отметил выпуск в 1933 г. 101 тыс. магнето[2]. В изготовлении силовых трансформаторов коллектив завода успешно конкурировал с фирмами АЕГ и «Метро-Виккерс». Для Свирской ГЭС им были изготовлены впервые в нашей стране трансформаторы в 220 тыс. вольт — крупнейшие в мире. За один такой агрегат прежде приходилось платить 80 тыс. долл. Проектирование и изготовление этих сверхмощных трансформаторов производились силами советских специалистов и рабочих.

Длительное время узким местом было производство дизелей. Выпускавшиеся двигатели нередко были устаревших конструкций и по своим технико-эксплуатационным показателям уступали дизелям ряда мировых фирм. Особая заслуга в освобождении страны от импорта дизелей принадлежала коллективам заводов «Русский дизель», Коломенского и «Красный пролетарий», а также Ленинградского научно-исследовательского дизельного инсти-

---

[1] См. «XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет». М., 1934, стр. 195.

[2] См. «XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет». М., 1934, стр. 173.

тута (создан в 1931 г.). Обобщая опыт работы парторганизации «Русского дизеля», ЦК ВКП(б) особо отмечал заслуги коллектива в овладении технологией дизелестроения и в создании новых конструкций двигателей[1]. Всего советские заводы за четыре года пятилетки выпустили 2152 дизеля; импорт их составил лишь 2% потребностей[2]. Практически па этом участке борьбы за независимость была одержана полная победа.

Осваивая новые, совершенствуя старые виды техники, электромашиностроители заменяли импортные части и материалы отечественными, создавали собственными силами сложные механизмы, инструменты, которые прежде ввозились из-за границы. В короткий срок советское энергомашиностроение выдвинулось по своему уровню развития на одно из первых мест в мире. В 1932 г. оно выпустило паровых, газовых и гидравлических турбин общей мощностью почти в 300 тыс. *квт,* генераторов (всех) — свыше 1 млн. *квт,* электродвигателей — 203,5 тыс. штук, трансформаторов — 3,4 млн. *квт,* котлов — 163,3 тыс. *кв. м*[3]. Среди введенных в эксплуатацию агрегатов на районных станциях в 1933 г. импортные турбины составили все же 58,8%, а генераторы — лишь 5,9% .

Таким образом, первая пятилетка явилась решающим этапом в развитии советского энергомашиностроения и освобождения СССР от импортной зависимости. Осваивая новые виды энергетической техники, коллективы предприятий отказывались от услуг — консультаций капиталистических фирм и совместно с научно-исследовательскими учреждениями страны создавали собственные оригинальные конструкции турбин, генераторов, трансформаторов, сварочных аппаратов, дизелей и т. д. Электротехническая промышленность одна из первых в СССР досрочно выполнила первую пятилетку, заняв по объему продукции третье место в мире, после США и Германии.

Особое место в борьбе за экономическую независимость СССР имело создание отечественного производства тракторов, комбайнов и автомобилей. Это определялось тремя обстоятельствами. Во-первых, автотракторная промыш-

---

[1] См. Справочник партийного работника, вып. 8, 1934, стр. 429.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 4086, оп. 12, ед. хр. 75, л. 55.

[3] См. «Промышленность СССР», стр. 214.

См. «Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.)», стр. 43.

ленность играла решающую роль в создании материально-производственной базы колхозного строя и частично транспорта. Во-вторых, на основе автотракторостроения создавались некоторые виды оборонной техники (танки, бронемашины, тягачи, транспортеры). В-третьих, иностранная зависимость в этой отрасли советского машиностроения была наиболее ощутимой. Создаваемые в первой пятилетке тракторные, автомобильные и комбайновые заводы оснащались в значительной мере импортным оборудованием, с привлечением иностранной техконсультации. За 1928—1936 гг. на импорт оборудования для трех тракторных (СТЗ, ХТЗ, ЧТЗ) и двух автомобильных (ГАЗ, АМО) заводов было израсходовано 169 млн. руб.[1]

Накануне перехода к сплошной коллективизации материально-производственная база сельского хозяйства оставалась слабой, технически устаревшей и сильно зависимой от импорта. Из энергетических мощностей в 21,3 млн. лошадиных сил рабочий скот составлял 94,8%, а тракторы — лишь 2,5% (1929 г.)[2]. Внутреннее производство в 1928/29 г. давало 3,2 тыс. тракторов, что составляло лишь 26,6% от полученных деревней тракторов; остальные 73,4% поступили из-за границы[3]. Импортная зависимость в основном виде техники в период сплошной коллективизации и обострения классовой борьбы в деревне была опасной. Кроме того, массовый импорт тракторов был невыгоден экономически. В 1922—1931 гг., например, на ввоз 86 тыс. тракторов пришлось расходовать свыше 200 млн. руб. золотом. Если бы масштабы этой зависимости оставались неизменными до 1934 г., то понадобилось бы экспортировать 500 млн. пудов хлеба, чтобы купить на мировом рынке еще такое же количество техники. До 1931 г. народное хозяйство получило 42,8 тыс. тракторов советского производства; за 1928—1932 гг. было ввезено из-за границы 10,5 тыс. грузовых автомобилей и

---

[1] См. «Внешняя торговля», 1938, № 4-5, стр. 37.

[2] См. «Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах», стр. 149.

[3] См. «Год работы правительства СССР», 1930, стр. 126; «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», стр. 139.

См. «VII съезд Советов Союза ССР. Стенографический отчет». Бюллетень № 1, стр. 34.

34,8 тыс. выпущено внутри страны[1]. Если учесть тот факт, что импортная техника приобреталась в ряде стран и у многих фирм, то можно представить степень разнотипности автотракторного парка СССР, а также вытекавшие из этого трудности в осуществлении стандартизации, ремонта, снабжения запасными частями и т. д.[2].

ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимали срочные меры по сооружению тракторных заводов в Сталинграде, Харькове, Челябинске, по созданию производства комбайнов в Запорожье, Ростове-на-Дону и Саратове. Эти новостройки в течение длительного времени находились в центре внимания местных партийных органов.

За границей не верили в быстрое создание и освоение производства тракторов и автомобилей в СССР. Видимо, в надежде на трудности и продолжительность срока строительства новой отрасли иностранные фирмы не опасались сокращения импорта и охотно продавали Советскому Союзу оборудование. Однако усилия советских рабочих и инженеров в короткий срок увенчались успехом: начался серийный выпуск тракторов и комбайнов. К копцу пятилетки была освоена технология массового производства. Однако слабость научно-исследовательской и экспериментальной базы вынуждала первое время использовать в качестве образцов иностранные модели.

Создание автотракторной промышленности было огромной политической и экономической победой партии. В 1932 г. советские заводы дали уже 48,9 тыс. тракторов, 10 тыс. зерновых комбайнов и около 2,2 тыс. хлопкоуборочных машин. Наличие больших производственных мощностей отечественной промышленности, полностью еще не освоенных, позволило уже в первой пятилетке прекратить

---

[1] См. «Промышленность СССР», стр. 223, 225; «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 307, 340.

[2] Весной 1931 г. в зерносовхозах страны из 16.6 тыс. тракторов насчитывалось 14,8 тыс. импортных 20 разных марок; около 70% комбайнов также были иностранного происхождения. Из-за отсутствия запчастей простои техники составляли 17—20% рабочего времени. Не лучше обстояло дело в парке Трактороцентра, где из 56,7 тыс. тракторов 52,4 тыс. являлись «фордзонами», «интерами», «катерпиллерами», «оливерами», «монархами» и других ипостранных марок (всего 17). Из 1228 МТС лишь 25,8% станций имели тракторы одной марки, 42 — по две марки и 32,2% МТС располагали парком, состоявшим из машин трех-четырех марок (ЦГАОР СССР, ф. 6760, оп, 2, ед. хр. 162, л. 32-56).

импорт комбайнов, резко сократить ввоз тракторов и автомобилей.

Итак, если в 1928—1930 гг. размеры импорта автомобилей и тракторов превышали объем их производства внутри СССР, то к концу пятилетки положение резко изменилось: собственное их производство во много раз превысило импорт. Однако это новое соотношение еще не свидетельствовало о том, что наше народное хозяйство получало необходимое количество автомобилей и тракторов. Сокращение импорта в данном случае играло роль существенного фактора, ускорявшего рост производства, которое теперь превращалось в надежную перспективную базу полной независимости страны и в этом виде техники.

Придавая большое народнохозяйственное и оборонное значение железнодорожному транспорту, партия приняла меры по дальнейшему подъему транспортного машиностроения. В годы первой пятилетки машиностроители осеоили серийный выпуск новых паровозов, тепловозов, вагонов, средств связи и много другой транспортной техники, которая прежде ввозилась из-за границы.

По мере роста отечественного машиностроения основательной реконструкции подвергались легкая и пищевая индустрии. Постепенно они освобождались от импортной зависимости в оборудовании и запасных частях. Только для текстильной промышленности за пятилетку было освоено 125 новых типов машин[1]. Импорт оборудования для легкой и пищевой промышленности в 1929—1930 гг. составлял 15—16 тыс. тонн, в последующие три года — только 3—4 тыс. тонн[2], т. е. реконструкция этих отраслей осуществлялась почти полностью отечественным оборудованием. За пятилетку производство текстильных машин увеличилось в 2,8 раза, машин для изготовления обуви — в 5,5 раза и продовольственных — в 3,6 раза[3]. Если раньше легкая индустрия базировалась в значительной мере на импортной технике, то теперь она располагала своей машиностроительной базой. Все предприятия-новостройки, в том числе крупнейшие текстильные комбинаты в Таш-

[1] См. *В. В. Куйбышев.* Статьи и речи, том V. 1930—1935. Партиздат, 1937. стр. 347.

[2] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 304, 337.

[3] См. «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», стр. 79.

кенте и Барнауле, оснащались отечественным оборудованием.

Большое внимание партия уделяла созданию машиностроительной базы для горнодобывающей промышленности и геологоразведочных работ. До 1929 г. на импорт только буровых машин правительство расходовало 6,4 млн. руб. золотом [1]. В первой пятилетке производство горного оборудования было организовано на ряде предприятий Ленинграда, Баку, Харькова, Грозного, Брянска.

Общими усилиями машиностроители снабдили горняков и нефтяников, за исключением отдельных видов, отечественным оборудованием. В 1932 г., например, было ввезено из-за границы лишь 380 врубовых машин и 137 буровых станков. Оснащение промыслов, шахт и рудников новой техникой позволило внедрить прогрессивные методы добычи топлива и руд, увеличить их выработку.

До 1931 г. советское машиностроение находилось в полной зависимости от капиталистических рынков в подшипниках. Только за годы первой пятилетки было импортировано 18,8 тыс. тонн подшипников[2]. Кроме того, в Москве существовало небольшое концессионное предприятие шведской фирмы СКФ, давшее в 1930 г. около 700 тыс. штук подшипников. Советское правительство создавало условия концессии для превращения ее из торгового в производственное предприятие: отсутствовали валютные ограничения, цены обеспечивались на 50—60% выше среднемировых. За 1923—1930 гг. концессионер вывез валюты на 11 млн. руб.[3] Монопольное положение концессии в стране было нежелательным. В машиностроении применялись разнотипные подшипники. Шведская концессия покрывала лишь 10—15% потребностей в подшипниках. Из-за их нехватки происходили перебои в работе ряда заводов, в том числе предприятий оборонной промышленности.

С подобным положением партия не могла мириться. Летом 1928 г. был образован директорат «Шарснаб», коллектив которого возглавил борьбу за наведение порядка в подшипниковом хозяйстве страны. К началу 1930 г. «Шарснаб» объединил почти всех потребителей подшипни-

---

[1] См. «15 лет борьбы за советское машиностроение». М.—Л, 1932, стр. 27.

[2] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 306, 335-336, 339.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 38, л. 144.

ков СССР. В ответ на эти меры фирма СКФ задерживала поставки, мешала «Шарснабу» в импортной работе. Под ее воздействием фирмы США отказались оказывать техническую консультацию в строительстве нового подшипникового завода в Москве, а английские фирмы поставляли недоброкачественные подшипники.

Советское правительство выкупило концессию. На ее базе был создан Второй Государственный подшипниковый завод. Одновременно форсированными темпами началось строительство Первого Государственного подшипникового завода. За границей было заказано необходимое оборудование. Правительство выделило валютные ассигнования на оплату технической консультации итальянской фирмы. МГК ВКП(б) принимал меры по ускорению хода строительства. 29 марта 1932 г. состоялась официальная сдача в эксплуатацию первой очереди завода, вся проектная мощность которого была рассчитана на изготовление 24 млн. подшипников в год[1]. Приветствуя коллектив строителей ГПЗ-1, ЦК ВКП(б) отмечал: «Вашими усилиями, товарищи, при поддержке и под руководством Московской организации большевиков, построено одно из крупнейших социалистических предприятий, которые укрепляют экономическую независимость СССР». В 1933 г. коллектив ГПЗ-1 выдал 1366 тыс. подшипников[2], а всего в СССР их было произведено 7 млн. штук, т. е. в 14 раз больше по сравнению с 1931 г.[3].

Сооружение и пуск завода-гиганта и расширение производства на ГПЗ-2 явились переломным моментом в борьбе за высвобождение машиностроения СССР от иностранной зависимости в подшипниках. Это не было полным решением проблемы. В 1932 г. дефицит в подшипниках попрежнему оставался высоким. ЦК ВКП(б) поставил задачу Наркомтяжпрому приобрести за границей новую партию оборудования, взять под непосредственный контроль работы по расширению ГПЗ-1 и строительству завода шлифовальных камней (в районе Челябинска), с тем чтобы к 1934 г. прекратить импорт подшипников. ГПЗ-1 был включен в список предприятий, подлежащих внеочередному снабжению металлом. Борьба за высвобождение ма-

[1] См. «Правда», 29 марта 1932 г.

[2] См. «Тяжелая промышленность СССР от XVI к XVII съезду ВКП(б) (за 1930—1933 гг.)», стр. 154.

[3] См. «Промышленность СССР», стр. 225.

шиностроения от импортной зависимости в подшипниках успешно продолжалась.

В результате огромных усилий рабочего класса, правильной политики государства машиностроение СССР выросло по сравнению с 1928 г. более чем в 4,5 раза, а по сравнению с 1913 г. — в 10 раз[1]. По темпам развития оно опережало темпы роста всей промышленности. Удельный вес машиностроения в валовой продукции промышленности в 1932 г. поднялся до 19,6%[2]. Произошли коренные изменения в его структуре и техническом уровне. Машиностроители были уже в состоянии проектировать и делать сложные машины и запасные части к импортному оборудованию. В последнем году пятилетки усилилась борьба за экономию металла путем облегчения конструкций машин, сокращения брака и отходов.

Курс на полную экономическую независимость страны обеспечил рождение новых отраслей и значительное обновление всего производства машин. Особенно настойчиво этот курс проводился во второй половине пятилетки.

Наглядным показателем качественных изменений в машиностроении служил рост удельного веса новых машин и изделий с 43,4% в 1930 г. до 72,8% в 1933 г.[3] Непосредственным итогом этого процесса явилось резкое сокращение импортной зависимости СССР в машинах: удельный вес заграничных машин в производственном потреблении соответственно уменьшился с 19 до 2,4% . Источники комплектования промышленности машинами за годы пятилетки характеризуются переписью оборудования, проведенной в 1932—1933 гг.

С 1923 г. по апрель 1932 г. на предприятиях страны было установлено 133 919 различных машин, из них 42 826 произведены в СССР, 55 150 ввезены из-за границы и 35 943, происхождение которых выявить не удалось. Данные переписи показали, что ²/з учтенных металлообрабатывающих машин были установлены после революции, а 47,5% — за годы пятилетки. Численность машинного

---

[1] См. «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 176.

[2] См. «Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.)», стр. 66.

[3] См. «Тяжелая промышленность СССР от XVI к XVII съезду ВКП(б) (за 1930—1933 гг.)», стр. 13.

См. «Внешняя торговля СССР за 20 лет (1918—1937 гг.)», стр. 19.

парка промышленности неуклонно возрастала. В первом квартале последнего года пятилетки было установлено новых машин почти в 1,5 раза больше, чем за весь 1928 г.[1] К сожалению, данные переписи не дают полного представления о числе установленных машин за весь 1932 г., хотя именно тогда началось наиболее быстрое расширение внутреннего источника поступления техники и уменьшение импорта.

Машиностроители досрочно — за три года — выполнили задания пятилетки, дав в 1932 г. сверх плана 57% продукции[2]. Огромный размах развития советского машиностроения обеспечил техническое обновление других отраслей промышленности, сельского хозяйства и транспорта. Рабочий класс создал индустриально-техническую базу для завершения социалистической реконструкции всего народного хозяйства, что было важнейшим условием укрепления экономической независимости страны, «ибо *СССР получил возможность решающую часть необходимого оборудования производить на своих собственных предприятиях»* [3].

Задача пятилетки — серьезно смягчить импортную зависимость страны в машинах — была выполнена. Удельный вес СССР в мировой продукции машиностроения вырос с 4% в 1928 г. до 21,4% в 1933 г. Машиностроение было укомплектовано опытными кадрами. На предприятиях машиностроения и металлообработки было сосредоточено 25,8% всех рабочих, занятых в промышленности СССР [5].

Успехи в развитии отечественного машиностроения и в создании индустриально-технической базы страны были огромны. Однако полная независимость в продукции машиностроения за годы первой пятилетки достигнута не была. Зависимость проявлялась в импорте сложного оборудования. Некоторые предприятия технологические процессы осваивали с помощью зарубежных фирм. До конца пятилетки в них было занято немало иностранных специалистов.

---

[1] ЦУНХУ. Перепись оборудования промышленности 1932—1933 гг. Металлообрабатывающее оборудование СССР, стр. VIII.

[2] См. «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», стр. 64.

[3] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 176—177.

См. «XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 357.

[5] См. «Промышленность СССР», стр. 24.

Одной из особенностей технической реконструкции народного хозяйства в первой пятилетке явилось то, что она осуществлялась частично с помощью импортного оборудования. За октябрь 1928—1932 гг. в страну было ввезено из-за границы более 1,8 млн. тонн машин и оборудования[1]. В народное хозяйство влился большой поток иностранной техники, которую надо было быстро и эффективно пустить в эксплуатацию, поставить на службу социализму.

Проблема использования импортного оборудования обострилась в период его массового ввоза. Начались работы по его быстрому использованию и стандартизации. На медленное и нерациональное освоение ввезенной техники указывал уже ноябрьский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б). В следующем году органы НК РКИ и Главная инспекция ВСНХ СССР подвели итоги проверки использования импортного оборудования. Были выявлены размеры и основные причины несвоевременной эксплуатации заграничной техники. Из ввезенного за три минувших года оборудования на сумму 199 млн. руб. 13,6% валялось на складах. Оказалось, что заказы в счет германского кредита оформлялись в спешке, не всегда продуманно и комплектно, часто не совпадали сроки поступления оборудования со сроками окончания стройки объекта. Учет прибытия и установки оборудования велся плохо[2].

XVI съезд ВКП(б) указал хозяйственникам на факты небрежного обращения с оборудованием и металлом, ввезенным из-за границы. Отмечая огромные неиспользованные резервы в промышленности и па транспорте, съезд в резолюции по отчету ЦКК — РКИ поручил ей «обратить внимание на то, чтобы новое, приобретенное за границей или внутри страны, оборудование было своевременно использовано и давало максимальный производственный эффект»[3].

После съезда партийные организации и советские органы активизировали свою деятельность в этом направлении. В сентябре—декабре 1931 г. подверглась проверке работа портов и таможен. Были выявлены факты залеживания и разбазаривания импортного металла. ЦКК — НК РКИ, Президиум ВСНХ СССР издали ряд постановлений и приказов, направленных на упорядочение дела использова-

---

[1] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.». стр. 301, 334.
[2] ЦГАОР СССР, ф. 4085, оп. 7. ед. хр. 852, л. 99—101.
[3] «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 25.

ния импортной техники. Наркомтяжпром СССР образовал в Иностранном секторе особую группу по наблюдению за импортным оборудованием. Были обследованы 52 завода. Ряд хозяйственников получили наказания. В феврале — марте 1933 г. НКТП направил 12 бригад для обследования еще 150 предприятий. В наркоматах создавались комиссии по перераспределению неиспользованной техники[1]. В целях экономии валюты ВСНХ СССР рекомендовал производить монтаж импортной техники по возможности силами советских специалистов, не прибегая к помощи заграничных фирм. Настойчивая борьба за своевременное использование импортной техники продолжалась в последующие годы.

Бурное развитие советского машиностроения сдерживалось дефицитом черных и цветных металлов, что увеличивало импортную зависимость этой ведущей отрасли народного хозяйства.

Пятилеткой намечалось, что снабжать народное хозяйство металлом преимущественно будут старые заводы, которые также предстояло реконструировать. «Специфическая трудность этого плана,— предупреждал Госплан,— заключается в том, что реконструкция будет осуществляться в обстановке напряженного дефицита по металлу и, следовательно, не должна быть сопряжена с длительной остановкой работы существующих заводов»[2]. Дефицитность в снабжении металлом и топливом, отмечал ЦК ВКП(б) в сентябре — октябре 1929 г., ограничивает развитие всего машиностроения, задерживает реконструкцию и темпы нового строительства на транспорте и в сельском хозяйстве.

Выполнение огромной строительной программы и реконструкция старых предприятий с одновременной задачей утроить производство металла были чрезвычайно сложной проблемой. Осуществление ее зависело от технически и экономически грамотного руководства, от бесперебойного снабжения оборудованием и материалами, в том числе импортными.

Из всех отраслей промышленности ЦК ВКП(б) и СНК СССР наибольшее внимание в течение первой пятилетки уделяли тесно связанным между собой угольной и метал-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 6760, оп. 1, ед. хр. 3, л. 355; ед. хр. 178, л. 4-15, 53—75.

[2] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1, стр. 40-41.

лургической промышленности. Вопросы развития металлургии находились в центре внимания XVI съезда и XVII партконференции. Проблемы черной металлургии специально рассматривались на пленуме ЦК ВКП(б), состоявшемся 28 сентября — 2 октября 1932 г. Конкретные задачи по развитию металлургии ставились в постановлениях ЦК по отчетам Златоустовской (февраль 1929 г.) и Артемовской (июнь 1929 г.) парторганизаций, «О деятельности Южно-Рудного треста» (апрель 1930 г.), «О работе Югостали» (август 1929 г.), «О работе Уралмета» (май 1930 г.), в постановлениях в связи со строительством Магнитогорского и Кузнецкого заводов[1] и т. д. Только за февраль 1931 г.— декабрь 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело свыше 30 вопросов: о капиталовложениях и кадрах для металлургии, о строительстве новых и реконструкции старых заводов, об увеличении выпуска и закупке за границей оборудования для металлургических предприятий и др.

Предпринимались настойчивые усилия по ликвидации отставания металлургии. В течение первой пятилетки из года в год росли капиталовложения в черную металлургию. Вместе с железорудной промышленностью они составили 3 млрд. руб., или на 281 млн. руб. больше плана[2]. Особенность развития черной металлургии в первой пятилетке — постоянно возраставший удельный вес ее капиталовложений — с 2,2% в 1928 г. до 8,5% в 1932 г. — по сравнению со всем объемом капиталовложений в народное хозяйство[3]. В ходе строительства проектная мощность некоторых заводов значительно увеличивалась, например Магнитогорского и Кузнецкого — в 4 раза. Дополнительных вложений потребовало увеличение производства качественных сталей на других предприятиях.

Выполняя директивы партии, ВСНХ и НКТП СССР расширили производство металлургического оборудования. Коллективы Ижорского, Уральского и Краматорского заводов тяжелого машиностроения, «Красного Сормова» в короткий срок наладили производство блюмингов, прокатных станов, разливочных и агломерационных машин, «пушек»

---

[1] См. «Справочник партийного работника», вып. 7, ч. I, стр. 321; ч. II, стр. 121, 194—202; вып. 8, стр. 436, 451, 458.

[2] См. «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», стр. 107—108.

[3] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 41, ед. хр. 871, л. 10.

для забивки леток доменных печей, лебедок, грохотов, чугуновозов и много другой техники, которая прежде ввозилась из-за границы. Особое значение имело создание отечественного прокатного оборудования [1].

К концу пятилетки ежегодное производство металлургического оборудования было доведено до 6,9 тыс. тонн в год[2]. Кроме того, для 16 заводов черной металлургии за четыре года было импортировано оборудования на 154 млн. руб. золотом[3]. Эти расходы себя полностью оправдали. С помощью новой техники за четыре года удалось реконструировать и построить 40 домен, 66 мартеновских печей, пустить в эксплуатацию 23 прокатных стана . По своей мощности и производительности они сильно отличались от старых агрегатов.

Особо важным в деле укрепления экономической независимости СССР было создание качественной металлургии. От ее состояния зависели перспективы развития специального машиностроения, военной техники, авиации, электротехники. Накануне первой пятилетки производством качественных сталей занимались лишь три завода, которые давали 90 тыс. тонн преимущественно углеродистой стали[5]. Определяя перспективы развития уральской металлургии (15 мая 1930 г.), ЦК ВКП(б) намечал превратить Урал в главную базу снабжения страны качественным металлом. По инициативе Г. К. Орджоникидзе ЦК принял решение о посылке в Европу 200 советских специалистов для изучения технологии качественной металлургии. Всего за 1929—1934 гг. за границу выезжали 300 советских металлургов[6]. Они получили на иностранных заводах хорошую практику, а вернувшись на родину, стали активными проводниками новой технической культуры на заводах качественной стали, руководили введением новых производственных

---

[1] Первый отечественный блюминг, изготовленный коллективом Ижорского завода, был установлен па Макеевском металглургическом заводе. Во время войны он эвакуировался в Нижний Тагил, затем снова был возвращен на прежнее место. К марту 1967 г. первый советский блюминг прокатал 50 млн. тонн металла (см. «Правда», 18 марта 1967 г.).

[2] См. «Народное хозяйство СССР в 1960 году», стр. 289.

[3] См. «VII съезд Советов Союза ССР. Стенографический отчет». Бюллетень № 4, стр. 15.

См. *В. В. Куйбышев.* Статьи и речи, т. V, стр. 366.

[5] См. «Качественная сталь СССР». М.—Л., 1935, стр. 52.

[6] См. там же, стр. 53, 58.

процессов. Определенную роль в освоении и развитии нового производства сыграли и иностранные специалисты, работавшие у нас по договорам.

Своеобразной лабораторией качественной металлургии и школой подготовки кадров металлургов новой квалификации стал подмосковный завод «Электросталь». В годы первой пятилетки выплавка металла на этом заводе поднялась с 18,1 до 63,4 тыс. тонн, а число марок сталей возросло до 100 (1934 г.) Коллектив завода не только сам осваивал новые стали, но помогал это делать другим предприятиям.

В 1932 г. в составе пяти заводов было образовано Объединение качественных сталей, которое возглавил И. Ф. Тевосян. В борьбе за увеличение качественного металла в стране была создана новая отрасль — электрометаллургия. За пятилетие металлурги освоили более 150 марок качественных сталей[2].

Если в 1927/28 г. качественный металл выплавляли лишь три завода, то в 1932 г. 23 завода дали свыше 500 тыс. тонн динамной, подшипниковой, конструкционной, авиационной и других сортов стали[3]. В 1931 г. вошел в строй первый завод ферросплавов в Челябинске, сооружались еще два завода. Согласно данным Главного управления черной металлургии, удельный вес импортных качественных сталей в общем потреблении за 1929/30 г. составлял 21,5%, в 1933 г. он сократился до 9,6% при значительном увеличении потребления спецметалла машиностроением .

Ввод в эксплуатацию нового оборудования и соревнование среди металлургов позволили к концу пятилетки увеличить производство металла. Однако задания пятилетнего плана черная металлургия не выполнила. Отставание сырьевой базы, неудовлетворительное качество руды и кокса, несвоевременный ввод в эксплуатацию новых мощностей, недостатки в организации труда и в техническом руководстве явились причиной невыполнения плановых заданий по выплавке металла. Дефицит, в особенности качественного металла, продолжал нарастать. Для покрытия

---

[1] «Качественная сталь СССР», стр. 78, 84.

[2] См. «Техническая реконструкция народного хозяйства СССР в первой пятилетке». М.—Л., 1934, стр. 159.

[3] ЦГАНХ СССР, ф. 8875, оп. 3, ед. хр. 1, л. 4.

См. «Качественная сталь СССР», стр. 73—75.

его приходилось прибегать к импорту. За пятилетку из-за границы поступило 3,8 млн. тонн черного металла, в том числе 75,2 тыс. тонн ферросплавов. Наибольший импорт черных металлов за весь довоенный период пришелся па 1931 и 1932 гг. — свыше миллиона тонн в год[1]. Дефицит в металле частично объяснялся тем обстоятельством, что машиностроение осваивало сложные, трудоемкие типы машин и оборудования.

Несмотря на дефицит металла, партия не сдерживала развитие машиностроения, так как от него зависели темпы и масштабы технической реконструкции всего народного хозяйства, в том числе металлургии и оборонной индустрии. Это не было просчетом планирования, как считали некоторые хозяйственники. «Такие болтунишки есть, — говорил Г. К. Орджоникидзе. — Мы не могли бы построить металлургию, если бы не построили машиностроительные заводы... Еще несколько лет тому назад перед нами стоял вопрос: как мы будем строить нашу металлургию — на импортном оборудовании или мы должны повернуть дело таким образом, чтобы у себя строить это оборудование? Партия решила немедленно приступить к созданию своей мощной машинной базы для металлургического оборудования. И это было абсолютно правильное решение»[2].

К концу пятилетки основные фонды черной металлургии возросли вдвое. В стране насчитывалось 104 домны, 268 мартеновских печей, 34 электропечи, 284 прокатных стана, в том числе 7 блюмингов[3]. В процессе сооружения находились огромные мощности шести заводов с полным металлургическим циклом и 11 специализированных заводов; на 13 предприятиях продолжалась реконструкция. Здесь скопилось немало техники. Преимущественно это была импортная техника, на приобретение которой затрачивались большие суммы валюты.

Важное значение для увеличения выплавки качественного металла и ферросплавов имело расширение сырьевой

---

[1] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 310, 343.

[2] *Г. К. Орджоникидзе.* Статьи и речи, т. 2. 1926—1937 гг. М., 1957, стр. 432.

[3] См. «Тяжелая промышленность СССР от XVI к XVII съезду ВКП(б) (за 1930-1933 гг.)», стр. 113, 184—189.

См. «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», стр. 111.

базы — железной и марганцевой руд, кокса и легирующих элементов. К импорту железной руды и кокса СССР почти не прибегал, хотя в третьем году пятилетки диспропорция в объемах выжига кокса и выплавки металла достигла угрожающих размеров. ВСНХ резко сократил потребление кокса во всех других отраслях народного хозяйства, снабжая им только доменные плавки. Баланс кокса был уравновешен собственными ресурсами. Импорт его в 1931 г. составил лишь 20 тонн. Начиная с 1930 г. в СССР впервые стала изучаться реальная потребность в редких металлах, велись планомерные поиски их запасов. Во многих районах страны были созданы поисковые группы, им отпускались необходимые средства. К концу пятилетки геологи выявили новые молибденовые и вольфрамовые месторождения. Поиски других редких металлов разворачивались в больших масштабах.

Таким образом, за первую пятилетку удалось ввести в эксплуатацию немалые дополнительные мощности черной металлургии, которые в дальнейшем обеспечили высвобождение страны от импортной зависимости в металле.

Интересы развития электрификации, укрепления обороноспособности СССР диктовали необходимость подъема цветной металлургии, являвшейся накануне пятилетки одной из самых отсталых отраслей советской индустрии[1]. Ничтожные размеры добычи цветных металлов (кроме меди), отсутствие добычи олова, сурьмы, никеля, резкое отставание геологоразведочных работ, с запозданием начатое восстановление старых и сооружение новых предприятий — все это определило острый дефицит цветных металлов и большой их импорт. За счет ввоза из-за границы в 1927/28 г. страна удовлетворяла потребности меди на 43,3%, цинка — на 80,5, свинца — на 91,1, олова — на 90, алюминия и никеля — на 100%[2].

При определении перспектив развития цветной металлургии пришлось преодолеть настроения маловеров и сторонников слепого подражания иностранному опыту. Некоторые специалисты пытались доказать, что создавать в

[1] В отставании цветной металлургии немалую роль сыграло то обстоятельство, что многие предприятия в прошлом принадлежали иностранным концессионерам, которые хищнически вели производство. Они не были заинтересованы в обновлении техники и технологии, в перспективном развитии минерально-сырьевой базы, в подготовке инженерно-технических кадров.

[2] ЦГАНХ СССР, ф. 8034, оп. 1, ед. хр. 452, л. 7 (об).

СССР, например, производство алюминия — это «прямое безумие», что те, кто собирается это делать, «близки к вредительству, если не прямо вредители» и «уж если нам во что бы то ни стало хочется его добывать, то лучше это сделать на основе импортных бокситов, как это практикуется в Германии, Англии, Канаде, Норвегии, частично в США»[1].

Недооценка важности форсирования внутреннего производства цветных и редких металлов проявилась в недостаточных средствах, отпускаемых на капитальное строительство в этой отрасли металлургии. В начале августа 1929 г. СТО принял постановление «О перспективах развития цветной металлопромышленности». В целях освобождения народного хозяйства от иностранной зависимости по цветным металлам СТО решил увеличить вдвое-втрое темпы роста производства меди, цинка, свинца, создать производство алюминия, никеля, олова, сурьмы и других металлов, отсутствовавших в СССР. Основным районом перспективного развития цветной металлургии определялся Казахстан. СТО обязал ВСНХ обеспечить геологические разведки и производство металлов необходимым оборудованием, развернуть научно-исследовательские изыскания, привлечь иностранную техконсультацию. Капиталовложения в цветную металлургию увеличивались. Создавались специальные управления. Было решено также создать Государственный институт по проектированию предприятий цветной металлургии (Гипроцветмет)[2]. В начале 1930 г. образовывается Центральный научно-исследовательский институт по цветным металлам, золоту и платине (Цгинцветмет), коллектив которого лишь за три года разработал свыше 380 проблем по увеличению производства, заменяемости металлов, созданию новых сплавов[3].

Фактические затраты на цветную металлургию за пятилетие превысили плановые предположения (1335 млн. против 450 млн. руб.) . К концу пятилетки основные фонды цветной металлургии были уже в 3 раза больше,

---

[1] Цит. по кн. «10 лет борьбы за цветные металлы». Цветметиздат, 1932, стр. 241.

[2] См. «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет», т. 2, стр. 95—101.

[3] ЦГАНХ СССР, ф. 8034. оп. 1, ед. хр. 421, л. 7, 19-20, 40.

См. *П. И. Лященко.* История народного хозяйства СССР, т. III, стр. 301.

чем в 1930 г. В течение пятилетки вошел в строй ряд крупных предприятий.

Начиная с 1932 г., в целях удовлетворения внутренних потребностей и сокращения импорта, правительство приняло меры по расширению добычи руды и производства олова. Всем хозяйственным органам предписывалось вернуть специалистов этого производства. Были выделены средства для завершения технической реконструкции обогатительных фабрик. Разворачивались разведочные работы в старых и новых оловяноносных районах Сибири и Чукотки. Академии наук СССР, в которой была создана Комиссия по олову, и «Союзгеологоразведке» поручалось найти новые запасы олова. Возглавлял осуществление этой программы вновь созданный трест «Рудметразведка».

Во второй половине пятилетки партии удалось добиться значительных успехов в развитии цветной металлургии. Вступали в эксплуатацию новые предприятия. Значительно повысилась механизация работ на рудниках. За четыре года число перфораторов в медной и свинцово-цинковой промышленности увеличилось почти втрое. Технология выплавки металла переводилась на современные научные основы. Несколько улучшился транспорт комбинатов и рудников. Изменилась структура потребления цветных металлов, освоена новейшая технология. Начался процесс замены импортных металлов суррогатами. Постепенно сокращалась зарубежная техконсультация. В проектах новостроек и планах реконструкции строже проводилась линия на вытеснение импортного оборудования. В Гипроцветмете было создано специальное конструкторское бюро, которое разрабатывало типы конструкций и их рабочие чертежи взамен импортных. Однако по ряду объективных причин (низкий исходный уровень производства, запущенность техники и технологии, нерегулярное снабжение электроэнергией и топливом, нехватка средств и специалистов) цветная металлургия не справилась полностью с поставленными задачами по увеличению выплавки металла. В первой пятилетке цветная металлургия не удовлетворяла все потребности промышленности в металле. Большая импортная зависимость сохранялась: за первую пятилетку ввоз цветных металлов составил 500 тыс. тонн[1]. В 1932 г.

---

[1] См «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг», стр. 311 и 345

за счет импорта производственные нужды страны удовлетворялись: по меди — на 17,3%, цинку — на 43,7, свинцу — на 63,6, алюминию — на 92%[1]. Для того чтобы ослабить эту зависимость, государство осуществляло строгий режим экономии в расходовании дефицитных металлов. При ВСНХ СССР и РСФСР, при главных управлениях военной, химической промышленности, при Комитете кустарно-промысловой промышленности действовали специальные комиссии по сокращению потребления цветных металлов и замене их суррогатами.

Проблема подъема металлургии, особенно цветной, продолжала оставаться весьма острой. Она обсуждалась на IV Всесоюзной конференции по цветным и редким металлам (январь 1932 г.).

На многих предприятиях Ленинграда, Москвы, Харькова, Ростова-на-Дону, Одессы, Ярославля, Николаева и других городов выявлялись излишки дефицитного металла, которые направлялись затем на другие предприятия. В целях сокращения импорта цветных металлов была организована заготовка лома цветных металлов. За 1925—1933 гг. по РСФСР, Украине и Белоруссии было снято 385 310 колоколов общим весом 37,4 тыс. тонн бронзы. Исполкомам Советов депутатов трудящихся предлагалось оказывать содействие отделениям «Металлолома» в вывозе металла.

В соответствии с потребностями народного хозяйства и задачами освобождения страны от массового импорта происходила коренная реконструкция химической индустрии. Вопросы ее развития несколько раз рассматривались ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Своими постановлениями «О мероприятиях по химизации народного хозяйства Союза ССР» (апрель 1928 г.), «О деятельности Северного химического треста» (август 1929 г.), «О состоянии партийно-массовой работы на Березниковском химкомбинате» (сентябрь 1930 г.) и обеспечении его кадрами строителей (март 1931 г.) партия и правительство приковали к проблемам развития химической промышленности внимание местных партийных, советских и профсоюзных органов. Констатируя недостаточное использование достижений мировой химической науки, они рекомендовали активнее привлекать иностранную техническую консультацию и приобретать для химической промышленности новейшее оборудование.

[1] См. «Внешняя торговля СССР за 20 лет (1918—1937 гг.)», стр. 19.

По темпам роста химическая индустрия уступала только машиностроению, а по удельному весу нового и реконструированного производства она занимала первое место в системе Наркомтяжпрома. В 1933 г. старые заводы выпускали всего лишь 22,9% валовой продукции[1]. За пятилетку было построено 58 крупных химических предприятий, значительная часть продукции которых сократила импорт или стала полностью удовлетворять потребности в аналогичных продуктах. Среди них важное место занимали 13 предприятий основной химии, 2 завода пластмасс, 2 завода синтетического каучука, 3 фабрики искусственного волокна, новые установки коксохимии и др.[2]

Огромное значение для укрепления экономической независимости имело создание производства синтетического каучука. Интенсивное развитие резиновой промышленности вызвало, начиная с 1929/30 г., непрерывное нарастание потребностей в каучуке. До конца пятилетки автомобильная, оборонная и резиновая промышленность находилась в полной зависимости от импортных поставок этого сырья. Причем по мере развития советского машиностроения и электрификации импортная зависимость увеличивалась.

Из-за нехватки каучука затягивался ввод в эксплуатацию Ярославского комбината, не раз пересматривались планы развития резино-асбестовой промышленности. Правительство расходовало немалые суммы на покупку натурального каучука в Индии, Англии, США, Бразилии. За 1928—1932 гг. импорт натурального каучука составил 90,4 тыс. тонн[3]. На мировых рынках происходила ожесточенная война за источники этого сырья. Настойчивые попытки создать производство синтетического каучука предпринимались в Германии и США. Советское правительство объявило международный конкурс на разработку лучшего промышленного способа получения синтетического каучука. Победителем в конкурсе стал коллектив советских ученых во главе с С. В. Лебедевым.

В декабре 1929 г. ЦК ВКП(б) обязал ВСНХ СССР максимально форсировать работы по организации производства синтетического каучука. В мае следующего года правительство проверило ход выполнения поставленных

---

[1] См. «Тяжелая промышленность СССР от XVI к XVII съезду ВКП(б) (за 1930—1933 гг.)», стр. 11.

[2] См. *В. В. Куйбышев.* Статьи и речи, т. V, стр. 341.

[3] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 318, 351.

партией задач. Спустя семь месяцев опытный завод в Ленинграде выдал первый синтетический каучук.

Быстрыми темпами воздвигались заводы синтетического каучука в Ярославле, Ефремове и Воронеже. Оборудование для заводов в основном поставлялось нашей промышленностью. Лишь часть приборов и аппаратов приобреталась у немецкой фирмы «Сименс Гальске» и английской «Кент». Показательным было то, что на предприятиях новой отрасли работали преимущественно молодые специалисты — выпускники советских вузов. На трех заводах новой отрасли 34,1% их коллектива составляли коммунисты и комсомольцы[1].

Ближайшей задачей перед новой отраслью химической индустрии выдвигалось полное обеспечение каучуком автомобилестроения. Вошедшие в строй Ярославский, Воронежский и Ефремовский заводы дали первые тонны синтетического каучука. Наша страна первая в мире построила промышленность синтетического каучука. Это было событие мирового значения. За границей с недоверием отнеслись к этому. Промышленное получение синтетического каучука в Германии было организовано только через шесть, а в США — через десять лет.

Новые предприятия химической индустрии позволили прекратить или значительно сократить ввоз из-за границы азотной продукции, кислот, удобрений, красителей, пластмасс, кокса и других веществ. Не все производства химической индустрии за годы первой пятилетки получили надлежащее развитие, но основы их были заложены.

Первая пятилетка явилась важным этапом борьбы Коммунистической партии и рабочего класса за независимость СССР в основных видах продукции тяжелой индустрии. Итоги этой борьбы партия подвела на XVII конференции и объединенном январском (1933 г.) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Пленум отмечал, что «в результате неуклонного проведения политики индустриализации и развернутого социалистического наступления по всему фронту, рабочий класс СССР под руководством большевистской партии успешно выполнил основную задачу пятилетки — создание собственной передовой технической базы для социалистической реконструкции всего народного хозяйства»[2]. СССР получил возможность решающую часть необходимого обо-

[1] См. «Синтетический каучук», 1933, № 3, стр. 2; № 4, стр. 3.
[2] «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 174

рудования производить собственными силами, что значительно укрепило экономическую независимость страны. Эта мысль проходила красной нитью в докладах В. В. Куйбышева и Г. К. Орджоникидзе, а также в выступлениях многих хозяйственников.

Правильная экономическая политика обеспечила бурный подъем всей экономики СССР и быстрое создание новых отраслей в машиностроении, металлургии и химической индустрии. Директивы Коммунистической партии в главном успешно выполнялись. Изменились характер и направление капиталовложений. Целенаправленное использование капитальных вложений позволило соорудить 1500 крупных, тысячи средних и небольших промышленных предприятий. Каждое новое предприятие укрепляло индустриально-техническую базу СССР, расширяло возможности обеспечения полной экономической независимости страны от внешних рынков. С помощью новых и реконструированных предприятий партия обеспечила решающий скачок в техническом перевооружении всего народного хозяйства.

Наряду с невиданным ростом производства промышленности в ней произошли глубокие качественные сдвиги. Прежде всего были созданы и частично освоены новые производства, освободившие страну от массового импорта многих изделий, среди которых особое значение имели тракторы и автомобили, спецстали и ферросплавы, цветные металлы, металлорежущие станки, металлургическое и горное оборудование, удобрения, каучук, пластмассы. Доля новых и реконструированных заводов в валовой продукции тяжелой индустрии в 1932 г. достигла 66,4% против 16,8% в 1930 г.[1] Многие виды новой техники сразу начали выпускаться серийно или большими партиями.

Большой заслугой Коммунистической партии явилось создание и воспитание кадров рабочих, инженерно-технических работников и ученых, способных осуществить социалистическую реконструкцию народного хозяйства на базе новейших достижений мировой и отечественной техники. За пятилетку производственный персонал промышленности вырос с 3773 до 8000 тыс. человек[2]. В 1928 г.

---

[1] См. «Тяжелая промышленность от XVI к XVII съезду ВКП(б) (за 1930—1933 гг.)», стр. 9.

[2] См. «Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах», стр. 251.

в этой отрасли работало 100,6 тыс. инженеров и техников (вместе с практиками), а пять лет спустя — 320,4 тыс. человек. Насыщенность специалистами выросла с 3,8 на 100 рабочих до 6,9 [1]. Наличие необходимых кадров являлось залогом новых побед в создании материально-технической базы социализма.

Возглавляемые коммунистами рабочие коллективы проявляли высокую сознательность и производственную активность. Наибольший вклад в общее дело внесли рабочие Ленинграда, Москвы, Харькова, Донбасса, Урала, Баку.

Немало усилий приложила партия по воспитанию хозяйственников. В период интенсивного производственно-технического прогресса и усложнения производственных связей, совершенствования системы снабжения и массового импорта от хозяйственников требовались высокая партийность, соблюдение государственной дисциплины, понимание роли и значения эффективной деятельности возглавляемых ими предприятий. Весьма активно в этом направлении действовали ЦКК ВКП(б) и НК РКИ. В порядке контроля за исполнением директив партии они подвергли обследованию целые отрасли промышленности, многочисленные предприятия. За период между XV и XVI съездами ВКП(б) ЦКК направила в Центральный Комитет партии свыше 400 докладов о состоянии и мерах улучшения работы промышленности. Как заявил на второй Московской областной партийной конференции Е. М. Ярославский, ЦКК ВКП(б) многое делала по рационализации импорта и расширению выпуска дефицитной продукции, по воспитанию хозяйственников в духе соблюдения государственных интересов [2].

Для работников промышленности необходимы были прежде всего партийность и дисциплина. *«Партийность — это главное,*— подчеркивал Г. К. Орджоникидзе.— Нельзя забывать, что хозяйственник окружен всякими людьми — и нашими и чужими, которые пытаются на него воздействовать, пытаются разложить его» [3]. Партийность и государственная дисциплина приобретали особое значение на тех участках, где решались вопросы освобождения страны

---

[1] См. «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», стр. 219.

[2] Партийный архив Института истории партии МК и МГК КПСС, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 4, л. 97, 110—135.

[3] *Г. К. Орджоникидзе.* Статьи и речи, т. 2, стр. 444.

от импорта, правильного использования валюты и ввезенной техники. Немногие хозяйственники, в том числе руководители наркоматов, объединений и трестов, могли правильно определять наиболее прогрессивные виды техники и технологические процессы, которые служили бы производству 10—20 лет. Некоторые из них ориентировались на зарубежную, причем не всегда передовую, практику и опыт. Партия предупреждала руководителей против некритического заимствования иностранного опыта, ведомственного отношения к вопросам нового строительства, технической реконструкции и импорта. Она постоянно заботилась о воспитании у руководителей высокой идейности, государственного подхода к решению народнохозяйственных вопросов, инициативы и настойчивости.

Конец первой пятилетки стал поворотным моментом в деятельности научно-исследовательских институтов, обслуживающих промышленность. К 1932 г. их число выросло до 205, а научных сотрудников в них — до 12,5 тыс. Только научно-исследовательским институтам ВСНХ СССР в этом году было отпущено около 250 млн. руб., а всем научным учреждениям — 650 млн. руб.[1] Институты добились крупных успехов в создании новых машин, металлов и сплавов, химических веществ и т. д. Важнейшее значение имело накопление опыта в проектировании и руководстве капитальным строительством.

Многие вопросы централизации, планирования и специализации проектировочной работы были обсуждены и решены первой Всесоюзной конференцией проектирующих и экспертирующих организаций, состоявшейся в Москве 19—30 июня 1930 г. На конференции докладчиками выступали также и иностранные специалисты — консультанты ВСНХ СССР[2]. Используя зарубежную техническую консультацию в проектировании и сооружении ряда объектов, советские ученые, инженеры и рабочие много раз показывали свое умение решать сложнейшие проблемы. Они не раз предупреждали и исправляли ошибки в предложениях и рекомендациях иностранных фирм и специалистов. Создание квалифицированных коллективов проектных институтов и бюро, воспитание стойких хозяйственных и

---

[1] См. «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 138.

[2] См. «Труды первой конференции проектирующих и экспертирующих организаций ВСНХ СССР». М., 1931.

партийных руководителей — одно из замечательных достижений Коммунистической партии и Советского государства, сыгравших особую роль в завоевании экономической независимости страны.

Выполняя директивы Коммунистической партии, правительство и АН СССР усилили внимание к проблемам геологического исследования природных богатств страны и расширения рудно-сырьевой базы индустрии. Комиссия по изучению производительных сил страны (КЕПС) была реорганизована в Совет по изучению производительных сил (СОПС). Геологический Комитет, прежде занимавшийся преимущественно составлением карт, был преобразован в Главное геологическое управление («Союзгеологоразведка»). За 1929—1932 гг. ассигнования ей увеличились с 52,5 до 328 млн. руб. За 1928—1932 гг. число поисковых партий возросло с 1418 до 2500. Если в 1930 г. в оборотных средствах геологического снабжения удельный вес импорта достигал 40%, то в 1932 г.— лишь 0,4%. В системе «Союзгеологоразведки» работало около 3 тыс. специалистов[1]. К концу пятилетки геологическая изученность территории СССР значительно улучшилась: свыше 35% ее было заснято на геологические карты[2]. Активную роль в реализации указаний партии по расширению геологических изысканий сыграли ЦКК ВКП (б) - НК РКИ, АН СССР, ЦК ВЛКСМ, республиканские и местные партийные и советские органы.

Совершался поворот к производственным проблемам и в других отраслях науки. С 1930 г. в АН СССР начала действовать Планово-организационная комиссия, которая осуществляла методологическую разработку научно-исследовательской деятельности и увязку ее с общим планом социалистического строительства. Были созданы Научно-исследовательский институт стали, Институт химической технологии, Научно-исследовательский институт цветных металлов, Гипроцветмет, Уральский химический институт, Гипрооргстрой, Гипрохолод, Институт техникоэкономической информации и др. Расширялась сеть аспирантуры институтов. Только в системе НКТП количество аспирантов увеличилось с 445 в 1930 г. до 1194 в 1932 г. Показатель-

---

[1] См. *И. М. Губкин.* Достижения геологоразведочных работ в СССР за 15 лет. «Вестник Академии наук СССР», 1933, № 1, стр. 30; ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 31, ед. хр. 282, л. 96—97.

[2] См. «Социалистическое строительство СССР», 1936, стр. XII.

ными также были Изменения партийной прослойки среди исследователей. Если в 1929 г. среди научных работников институтов тяжелой промышленности насчитывалось 137 коммунистов (без аспирантов), то в 1932 г. их стало 1275, т. е. партийная прослойка увеличилась здесь почти в 10 раз[1].

Активизировала свою деятельность Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО), которая в начале и в конце пятилетки провела конференции по планированию научных работ в стране. Лишь за два года ее ряды увеличились с 3 тыс. до 9395 человек, из которых 99% имели высшее образование. Эти данные свидетельствовали о важных социально-политических изменениях, происшедших в советской научно-технической общественности.

АН СССР избрала своими действительными членами группу выдающихся инженеров, что способствовало расширению связи науки с производством. В математическом отделении АН в 1932 г. была образована группа техники во главе с академиком С. А. Чаплыгиным. Президиум АН СССР начал практиковать выездные сессии, встречи ученых с рабочими. В 1932 г. были проведены специальные обследования 40 крупных предприятий, многих институтов Москвы, Ленинграда, Урала, Украины и Северного Кавказа. Ученые боролись за усиление связи научно-исследовательских учреждений с промышленностью. Определенную роль в этом отношении сыграли конференции исследователей по ферросплавам (Челябинск, январь 1932 г.), Всесоюзные конференции по цветным металлам (Москва, 1929 и 1932 гг.), выездные сессии АН СССР, шефство ученых над предприятиями, конференции по планированию, многочисленные дискуссии ученых и специалистов-производственников. Многие ученые выступали активными участниками борьбы за экономическую независимость. Крупные проблемы самостоятельного развития народного хозяйства решали И. М. Губкин, А. Е. Ферсман, А. Ф. Иоффе, Н. С. Курнаков, И. П. Бардин и др. На XVII конференции ВКП(б) академик В. П. Волгин говорил: «Заимствовать те или другие технические приемы в странах Западной Европы и Америки — для нас это уже недостаточно. Нам

---

[1] См. «Фронт науки и техники», 1932, N 7-8, стр. 107.

необходимо теперь теоретически продумать основы новой, более совершенной технической методики»[1]

Однако многие научно-исследовательские учреждения еще медленно перестраивали свою деятельность по обслуживанию народного хозяйства. Многие из них оставались слабо связанными с производством. Не принес пользы Комитет содействия индустриализации СССР, созданный при Президиуме АН СССР. В сентябре 1931 г. ЦКК — РКИ констатировала отрыв большинства институтов от мировой науки, попытки решать научные проблемы без учета заграничного опыта[2]. XVII конференция ВКП(б) снова указывала на необходимость добиться более тесного сотрудничества научно-исследовательских учреждений с промышленностью, в частности «на основе решительного усиления фабрично-заводских лабораторий», которые создавались на крупных предприятиях.

Победным, а вместе с тем сложным и трудным был путь советского народа к построению фундамента социалистической экономики и созданию собственной индустриально-технической базы для реконструкции народного хозяйства. Великой исторической заслугой рабочего класса и крестьянства СССР было разрешение проблемы накоплений средств для грандиозного капитального строительства. При решении этой проблемы оказались несостоятельными ни теоретические, ни практические рекомендации буржуазных специалистов и оппозиционеров. Политика Коммунистической партии обеспечила решение этой трудной проблемы собственными силами страны, без помощи извне.

Капитальные вложения в индустрию достигли огромных сумм, отдача которых будет лишь в последующие годы. Не все из намеченного партией по ряду причин удалось претворить в жизнь к концу пятилетки. Здесь сказалось отсутствие опыта осуществлять в огромных масштабах капитальное строительство, и освоение новой техники и технологии, и перевооружение старых предприятий с одновременным выполнением производственных планов. Впервые в истории социалистического строительства пришлось осуществлять пуск в массовом количестве новых крупнейших предприятий со сложной техникой.

---

[1] «XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 67.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 15, ед. хр. 1344, л. 102—108; «Фронт науки и техники», 1932, № 11-12, стр. 23.

Трудности материально-технического снабжения усугублялись недостатками в планировании, а также тем обстоятельством, что среди хозяйственников и инженерно-технического персонала было широко распространено стремление заменить старое и обязательно приобрести импортное оборудование. Некоторые хозорганы намечали ликвидацию целых цехов и даже заводов и строительство вместо них новых. Из-за неправильного отношения к старому оборудованию не достигала желаемых результатов работа ряда старых предприятий. Давали себя знать и факты вредительства, скрытого или пассивного саботажа. На работе промышленности сказались также неудовлетворительное состояние транспорта, нехватка и текучесть рабочей силы и недовыполнение планов развития сельского хозяйства.

Кроме того, в капиталистическом мире в связи с экономическим кризисом обострились противоречия. Наиболее агрессивные силы империализма усилили провокации и против Советского Союза. «Ненависть международной буржуазии,— предупреждала партия в 1930 г.,— к единственному в мире государству пролетарской диктатуры и его революционизирующему влиянию выражается в попытках организации экономической блокады, в борьбе против советского экспорта, в кампании церковников, в бешеной клеветнической кампании буржуазной и социал-демократической печати, в усилившейся подготовке войны против СССР» [1]. В этих условиях огромное значение имел фактор времени. Чем быстрее достигалась экономическая самообеспеченность СССР, тем надежнее были перспективы созидания нового общества, тем крепче становилась обороноспособность страны. Оставался единственный путь — форсировать темпы создания собственной технической и минерально-сырьевой базы, укрепления оборонной индустрии. Исходя из этого, партия переключила большие средства на укрепление обороны страны. Если в 1928/29 г. бюджетные ассигнования Наркоматам обороны равнялись 879,8 млн. руб., то в 1931 г.— 1288,4 млн. руб. (или 6,8% бюджета) [2]. В оборонной промышленности быстрее проходил процесс обновления основных фондов, внедрения новых научных открытий. Правда, военная индустрия

---

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. III. стр. 12.

[2] См. «Финансы СССР за XXX лет. 1917—1947». М., 1945, стр. 160.

выпускала немало мирной продукции (тракторы, паровозы, двигатели, станки, текстильные машины). Особенностью развития военной промышленности в годы первой пятилетки являлся большой удельный вес мирной продукции.

Преодолевая трудности, Советское государство в первой пятилетке совершило решающий шаг в создании мощной индустрии и достижении экономической независимости от капиталистических держав. В стране развернулась подлинная техническая революция, во главе которой шел героический рабочий класс. П. П. Постышев вспоминал о том времени:

— Вспомните славные, незабвенные штурмовые дни и ночи на наших Магнитостроях, Кузнецкстроях, Днепростроях, когда энтузиасты социалистического труда до последней капли отдавали свои силы для того, чтобы скорей, как можно скорей увидеть свою страну могучей, обороноспособной, независимой от капиталистического мира. Это был великий социалистический порыв самых лучших, самых передовых людей нашей страны, порой, не всегда подкрепленный знанием техники своего дела, но сметавший все и всяческие преграды и помехи с пути борьбы за большевистские темпы, за свою индустрию, за социалистическое сельское хозяйство[1].

По темпам наращивания производства промышленной продукции, по масштабам технического обновления предприятий, росту экономической мощи Советский Союз обгонял даже развитые капиталистические страны, продолжая отставать от них по уровню производства. Поставляемая промышленностью техника сыграла первостепенную роль в коллективизации сельского хозяйства. Тяжелая индустрия стала надежной основой улучшения народного благосостояния, укрепления обороноспособности СССР. XVII конференция ВКП(б) с полным основанием могла констатировать, что провозглашенный партией курс на социалистическую индустриализацию страны, построение фундамента социалистической экономики и обеспечение за СССР экономической самостоятельности выполняются с огромным успехом[2].

---

[1] «Правда», 13 ноября 1935 г.

[2] См. «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 139.

3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ И ГОСУДАРСТВА ПО УВЕЛИЧЕНИЮ ПРОИЗВОДСТВА И СОКРАЩЕНИЮ ИМПОРТА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО СЫРЬЯ

Первая пятилетка ознаменовалась социалистическим переворотом в сельском хозяйстве. В результате сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, организации новых совхозов и МТС социалистический способ занял господствующее положение в сельскохозяйственном производстве. Сельское хозяйство стало однотипным с социалистической индустрией, что позволило установить новые экономические связи между ними. Обобществление производства, изменение социально-экономической структуры сельского хозяйства, установление единого, более эффективного государственного планирования всего народного хозяйства, оснащение его передовой техникой — все это открывало широкие перспективы развития производительных сил в сельском хозяйстве. «Коллективизация основных масс бедняцко-середняцкого крестьянства, расширение производственно-технической базы колхозов и развитие совхозного строительства,— отмечал ЦК ВКП(б),— создали необходимые предпосылки для дальнейшего подъема сельского хозяйства, укрепления продовольственной и сырьевой базы индустриализации и непрерывного роста доходов как колхозов, так и отдельных колхозников»

Являясь составной частью единой социалистической системы, сельское хозяйство уже в годы первой пятилетки доказало свои преимущества перед мелкотоварным производством, использование которых позволило крестьянству внести существенный вклад в достижение экономической независимости СССР.

Историческую роль в развитии производительных сил СССР сыграл союз рабочего класса и трудящегося крестьянства. Общность политических целей в борьбе за социализм и укрепление Советского государства перед лицом враждебного капиталистического окружения объединяли чувства, волю и усилия тружеников города и деревни.

Однако до победы колхозного строя партии пришлось преодолеть немало трудностей в снабжении сырьем легкой и пищевой промышленности. Известно, что дореволюцион-

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 187.

ная Россия ввозила из-за границы немало сельскохозяйственного сырья, которое, например, в 1913 г. составляло 25% всего импорта. Удельный вес импортного хлопка-волокна в потреблении текстильной промышленности равнялся 46,9% [1]. В 1909—1913 гг. страна ввозила из-за границы ежегодно в среднем 71,5 тыс. тонн чая, свыше 57 тыс. тонн семян, 48 тыс. тонн шерсти, 42 тыс. тонн джута и т. д.[2] Правящие и деловые круги царской России не проявляли заботу о расширении тех отраслей сельского хозяйства, которые снабжали сырьем промышленность. Дефицит в нем, как правило, покрывался за счет импорта. Таким образом, в наследство Советской власти досталась хроническая диспропорция между легкой (и частично пищевой) индустрией и ее сырьевой базой. Над устранением этой диспропорции советскому крестьянству под руководством рабочего класса пришлось потрудиться многие годы.

Новая экономическая политика способствовала быстрому восстановлению производительных сил сельского хозяйства и перерабатывающих отраслей индустрии. Хорошие урожаи обеспечили интенсивный рост легкой индустрии, в которой медленнее развивались отрасли, работавшие на импортном сырье. Валовые сборы и, особенно важно, товарная продукция ряда технических культур (хлопка, льна, конопли), шерсти и кожи значительно отставали от довоенного уровня.

Восстановление народного хозяйства воспроизвело довоенную диспропорцию между сырьевой базой и потребностями промышленности в сырье. Зависимость страны от внешних источников сырья сохранялась па прежнем уровне или даже возрастала. В 1927/28 г. доля импорта в потреблении составляла: хлопка — 46,5%, шерсти (грубой и полугрубой) — 54,9%, кожевенного сырья (крупного) - 19,8% [3].

Наличие мелкокрестьянского сельского хозяйства чрезвычайно затрудняло заготовки сырья. Плановое регулирование заготовками осуществлялось лишь по хлопку и сахарной свекле. По отношению к другим видам сырья проводилось регулирование цен государственными и ко-

---

[1] См. «Страна Советов за 50 лет», стр. 46.

[2] См. «Внешняя торговля СССР за 20 лет (1918—1937 гг.)», стр. 60, 62, 70, 72.

[3] См. «Сырьевые проблемы промышленности. Сборник статей и материалов». М.—Л., 1928, стр. VIII.

оперативными организациями. Провозглашая курс на коллективизацию, XV съезд партии поставил перед крестьянством задачу устранить эти диспропорции и расширить сырьевую базу отечественной индустрии. Дальнейшее отставание сельского хозяйства усугубляло и осложняло борьбу Советского государства за экономическую независимость от капиталистических стран. Вопрос о переводе мелких полунатуральных крестьянских хозяйств, снизивших общую товарность сельского хозяйства к весне 1929 г. вдвое по сравнению с довоенной, на рельсы крупного и высокотоварного производства обсудила XVI конференцияпартии[1].

В соответствии с директивами партии пятилетний план предусматривал дальнейшее развитие социалистического сектора в сельском хозяйстве, повышение степени его товарности — основного условия нормального снабжения сырьем промышленности и обеспечения выполнения экспортных поставок. Если вся товарная продукция сельского хозяйства должна была увеличиться к концу пятилетки на 220% по сравнению с 1927/28 г., то товарность технических культур — на 259%, а продукции животноводства — на 202,6% [2]. Отправной вариант пятилетнего плана предусматривал довести внутреннее производство хлопка до 16,8 млн. центнеров (что значительно сокращало импорт хлопка), а в оптимальном варианте — до 19,1 млн. центнеров[3], ставилась задача «устранить нашу зависимость от импортного хлопка, высвобождая этим валютные ресурсы страны для импорта оборудования» . Намечалось осуществить интенсивное мелиоративно-ирригационное строительство в районах хлопководства, а также повышенное снабжение производства технических культур машинами, удобрением, значительно расширить их посевные площади. Украину и Северный Кавказ планировалось к концу пятилетки превратить в главных поставщиков зерна на экспорт. При установлении темпов развития кустарно-промысловой кооперации учитывался удельный вес дефицитного сырья в снабжении: большие темпы роста плани-

---

[1] См. «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 576.

[2] См. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. III, стр. 522—523.

[3] См. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. I, стр. 60.

См. там же.

ровались тем ее отраслям, которые потребляли недефицитное сырье, и, наоборот, вдвое меньше темпы — отраслям, работавшим на дефицитном или импортном сырье[1].

Реализуя директивы XV съезда и XVI конференции ВКП(б), Центральный Комитет в мае — декабре 1929 г. принял ряд постановлений, в которых была разработана программа по расширению производства внутри страны и сокращению импорта хлопка, льна, джута, шерсти, каучуконосов. Реально оценивая перспективы снабжения сельскохозяйственным сырьем на ближайшее пятилетие, ЦК отмечал, что сырьевая база текстильной промышленности будет основным лимитом, определяющим размеры ее производства. На преодоление этого узкого места путем всемерного расширения внутренней сырьевой базы (по всем видам текстильного сырья) и на мероприятия по наиболее рациональному его использованию направлялось исключительное внимание партийных, советских и хозяйственных органов.

Проделанная работа в предыдущие годы (водно-земельная реформа, вытеснение кулацко-байских элементов, налоговая политика, контрактация, снабжение машинами и удобрениями) создала благоприятные условия для нового подъема хлопководства в республиках Средней Азии.

Курс партии на завоевание хлопковой независимости был горячо поддержан коммунистами, комсомольцами и всеми дехканами среднеазиатских республик. Трудящиеся хлопководческих районов писали рабочим-текстильщикам:

«Обеспечить к концу пятилетки нашу текстильную промышленность сырьем и создать резервы для ее дальнейшего развития — важнейшая задача... Осуществление этой задачи означает полное освобождение нашего Союза от завоза хлопка из-за границы, от необходимости ежегодно уплачивать свыше 100 млн. руб. валюты капиталистам... Мы обязуемся выполнить стоящую перед нами задачу...» [2]

Правительство и ЦК КП(б) Узбекистана — основной хлопкопроизводящей республики — разработали программу увеличения посевов и производства хлопка. В 1929/30 г. намечалось увеличить посевы под хлопком на 168,6 тыс.

---

[1] См. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. II, ч. II, стр. 102, 120—122.

[2] «Правда», 20 августа 1929 г.

гектаров, в том числе путем вытеснения зерновых — на 86,5 тыс. гектаров. Предполагалось поднять урожайность хлопка на 15%, провести контрактацию посевов на площади в 100 тыс. гектаров[1].

Курс на завоевание хлопковой независимости закрепил XVI съезд ВКП(б). Съезд дал директиву в течение трех лет в основном освободить промышленность от импорта сельскохозяйственного сырья и довести сырьевую базу до уровня, обеспечивающего выполнение пятилетнего плана и максимальную загрузку существующего оборудования соответствующих отраслей легкой индустрии. В связи с этим съезд поручил Сельскохозяйственной академии им. Ленина разработать вопросы по рациональному размещению сельского хозяйства, по обеспечению СССР возможности самостоятельного снабжения главнейшими продовольственными и техническими культурами[2].

Правительство увеличило задания по производству хлопка на конец пятилетки с 590,4 почти до 800 тыс. тонн хлопка-волокна. Было решено довести продукцию обобществленного сектора в хлопководстве до 30%, всемерно развивать долгосрочную контрактацию посевов, улучшить снабжение хлопкоробов хлебом, промтоварами и необходимой техникой[3]. Расширение хлопководства должно сопровождаться усиленным кооперированием крестьян-хлопкоробов, ростом колхозов и внедрением совершенных методов обработки полей на базе широкой механизации.

Но в стране продолжал сохраняться острый дефицит сырья. Многие предприятия легкой промышленности работали с перебоями. Летом и осенью 1930 г. ряд крупных текстильных и швейных фабрик находился под угрозой остановки.

Не лучше обстояло дело со снабжением легкой индустрии хлопком в следующем году. Вследствие недополучения отечественного сырья ее план пересматривался в сторону снижения четыре раза. Общий расход советского хлопка в общем балансе 1931 г. составил 85%, а доля американского хлопка свелась к нулю (в 1927 г. она составляла

---

[1] См. «За осуществление новой хлопковой программы. Работы расширенного заседания Совнаркома УзССР с участием окружных и районных работников по вопросам хлопководства. 3—10 сентября 1929 года». Самарканд, 1929, стр. 7, 10, 20.

[2] См. «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 43, 56.

[3] См. «XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 218.

41%)[1]. Повышение качества хлопка требовало усиления контроля за его уборкой и первичной переработкой.

Советское правительство приняло меры по улучшению системы управления хлопководством. Был подвергнут чистке и реорганизации аппарат Главхлопкома. В этой работе участвовали рабочие комбината «Трехгорная мануфактура». Образованные четыре объединения (Средазхлопком — в Ташкенте, Казаххлопком — в Алма-Ате, Закхлопком — в Тифлисе и Новхлопком — в Ростове-на-Дону) были подчинены Наркомзему СССР. В каждом из них создавались тресты совхозов по первичной обработке хлопка, ирригационным изысканиям и строительству[2]. Хлопкосеющим колхозам был вдвое уменьшен сельхозналог, увеличены по льготным ценам поставки хлеба, сельхозмашин и удобрений, добавлены авансы по контрактации за сверхплановые посевы. По решению Средазбюро ЦК ВКП(б) с августа 1931 г. начал выходить на пяти языках массовый журнал «За хлопковую независимость», на страницах которого разъяснялись постановления партии и правительства по вопросам выращивания и уборки хлопка, пропагандировалась политика партии, направленная на достижение хлопковой независимости СССР, а также льготы хлопкоробам, их передовой опыт, техника. В Ташкенте был создан Научно-исследовательский институт по хлопководству. Начался общий пересмотр направления научно-исследовательской работы. Форсировалось освоение и выпуск машин и инвентаря для выращивания и уборки хлопка. Начиная с 1928—1930 гг. в совхозе «Пахта-Арал» проводились испытания 10 типов хлопкоуборочных машин. В совершенствование хлопковой техники включились сельские механизаторы[3]. По специальному заданию коллектив завода им. 1-го Мая (Белая Церковь, Киевский округ) изготовил в 1931 г. около 800 хлопкоуборочных машин, ранее не выпускавшихся в стране.

Среднеазиатское бюро ЦК и Закавказский крайком ВКП(б) усилили руководство процессом расширения посевных площадей хлопка. V съезд КП(б) Узбекистана

---

[1] См. «Индустриализация СССР. 1929—1932 гг. Документы и материалы», стр. 308—309.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 9, ед. хр. 565, л. 1-28, 330-347.

[3] См. «За хлопковую независимость», 1931, № 8-9, стр. 16, 22; ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 9, ед. хр. 503, л. 53-54.

ЦГАОР СССР, ф. 6760, оп. 1, ед. хр. 3, л. 172.

(июнь 1930 г.) полностью одобрил намеченные темпы развития хлопководства на пятилетие, выразив уверенность в том, что они будут перевыполнены[1].

Преодолевая сопротивление кулацко-байских элементов, партийные и советские органы Средней Азии, Закавказья и Казахстана принимали экономические и административные меры для увеличения производства хлопка. Организовывались новые совхозы и МТС. Дополнительно к действовавшим 19 машинно-тракторным станциям в хлопковых районах только в 1931 г. намечалось организовать еще 130. ЦК требовал от партийных, советских, кооперативно-колхозных и комсомольских организаций законтрактовать весь ожидаемый урожай хлопка-сырца[2]. Под хлопчатник выделялись земли, прежде занятые другими, в том числе зерновыми, культурами. За сверхплановые посевы назначались премии. В районы хлопководства для контрактации посевов и авансирования будущего урожая выделялись дополнительные ассигнования, техника, семена, хлеб, промтовары. В Закавказье крестьянам предоставлялись льготы по транспортировке хлопчатника на заготпункты; проявлялась забота о развертывании жилищного строительства в районах хлопководства, установления с ними связи и т. д. К концу пятилетки посевная площадь под хлопком увеличилась в старых районах до 1666 тыс. гектаров, против 688 тыс. в 1913 г.[3] Анализируя причины неудач хлопкоуборочной кампании 1930 г., Закрайком ВКП(б) ставил задачу до конца довести уборку и сдачу хлопка, «решительно борясь с проявлениями расхлябанности и хвостизма в деле сбора и скупки хлопка, не останавливаясь перед снятием с постов и исключением из партии неспособных обеспечить твердое и своевременное выполнение этого задания» .

Острой классовой борьбой сопровождались заготовки хлопка в Средней Азии. Коммунистам, комсомольцам и рабочим — шефам текстильных фабрик пришлось вести активную контрпропаганду за хлопок среди дехканских

---

[1] См. «Резолюции и решения съездов Коммунистической партии Узбекистана». Ташкент, 1957, стр. 258.

[2] См. «Справочник партийного работника», вып. 8, стр. 614.

[3] См. «Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.)», стр. 101.

«Справочник партработника Закавказья», вып. I, стр. 122—124, 127.

масс, доказывая выгодность выращивания этой культуры и для крестьян и для государства. Партийные и советские работники, не обеспечивавшие в этих условиях выполнение заданий, привлекались к строгой ответственности[1].

Всемерно развивая контрактацию хлопка, ЦК ВКП(б) и местные парторганы пресекали факты очковтирательства и разбазаривания средств, поощряли инициативу колхозников в повышении размеров хлопкосдачи. Осенью 1931 г. парторганам Северного Кавказа было указано на недооценку хлопководства и на неудовлетворительное проведение хлопкозаготовок[2].

Борьба за увеличение производства хлопка и сокращение его импорта принимала все более широкий размах. Капиталовложения в хлопководство за пятилетку составили 1,2 млрд. руб. (около 10% всех капиталовложений сельского хозяйства), в том числе на ирригацию — 727 млн. руб., т. е. почти вдвое больше, чем предусматривалось пятилетним планом. В Среднюю Азию было ввезено около 10 тыс. тракторов. Вошли в строй 19 новых и 21 реконструированный хлопкоочистительный завод[3].

К концу пятилетки СССР уже располагал мощной материально-производственной хлопководческой и хлопкоочистительной базой. В начале 1933 г. выращиванием хлопка занимались сотни колхозов, 58 совхозов (против 7 в 1928 г.), в том числе 22 совхоза в Узбекистане, 248 МТС (против 17 в 1930 г.) и 92 хлопкоочистительных предприятия . Трудом их работников удалось в 1932 г. обеспечить сбор 12,7 млн. центнеров хлопка-сырца, из которых 78,6% дали колхозы[5]. Ведущее место в советском хлопководстве занимал Узбекистан, дехканы которого внесли решающий вклад в обеспечение хлопковой независимости страны.

В отличие от некоторых других отраслей сельского хозяйства, хлопководство в период коллективизации и

---

[1] См. «Партстроительство» (орган ЦК ВКП(б)), 1932, № 3-4, стр. 21.

[2] См. «Справочник партийного работника», вып. 8, стр. 564—565.

[3] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 30, ед. хр. 844, л. 94-97; «Социалистическая реконструкция хлопководства». М.—Л., 1934, стр. 104, 210, 219.

См. «Социалистическое строительство СССР», 1934, стр. 139, 145, 155.

[5] См. «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», стр. 136.

обострения классовой борьбы не дало уменьшения продукции, а сохранило высокие темпы роста. Оппортунистические утверждения о том, что якобы социалистическая и техническая реконструкция в хлопководстве немыслимы, что организация крупных хлопковых хозяйств нерациональна, оказались опровергнутыми.

В конце первой пятилетки текстильная промышленность уже работала преимущественно на отечественном хлопке. Импорт американского хлопка был прекращен. Однако производственные мощности текстильных фабрик полностью еще не загружались. Ассортимент сырьевого фонда еще не соответствовал потребностям. Страна имела незначительные посевы (64 тыс. гектаров) длинноволокнистого египетского хлопка, а валовой сбор его покрывал 20% потребностей промышленности[1]. Чтобы покончить с импортной зависимостью в этих сортах хлопка, правительство устанавливало специальные плановые задания для каждой хлопкопроизводящей республики. Нерешенной оставалась проблема механизации уборки хлопка, хотя в эксплуатации уже находилось немало машин.

Недостатком в хлопководстве являлись невысокие урожаи и высокая себестоимость его производства. За первую пятилетку среднегодовые сборы хлопка-сырца составили 6,8 центнера с гектара против 13 центнеров в 1909—1913 гг.[2] Себестоимость одного центнера хлопка в совхозах в 3 раза превышала сдаточную цену, в результате чего убытки достигли 85 млн. руб.[3] Ирригационная система полностью не была упорядочена и требовала новых капиталовложений. В колхозах предстояло еще многое сделать но улучшению организации труда, повышению эффективности материального стимулирования и агротехники производства хлопка. Особенно низкими были урожайность и качество хлопка в новых районах хлопководства — Краснодарском и Орджоникидзевском краях, Ростовской и Сталинградской областях, Дагестанской, Калмыцкой, Крымской и Чечено-Ингушской АССР.

Государство вынуждено было идти на немалые издержки ради расширения производства хлопка внутри страны и достиясения независимости от внешних рынков.

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 30, ед. хр. 844, л. 102.
[2] См. «Народное хозяйство СССР в 1961 году», стр. 343.
[3] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 30, ед. хр. 844, л. 100.

В целом же ни одна крупная отрасль сельского хозяйства не достигла за пятилетку таких масштабов развития, как хлопководство. Огромная помощь государства, утверждение социалистического сектора, осуществление ленинской национальной политики, успехи коллективизации, разгром баев и кулаков были основными факторами, обеспечившими расширение среднегодового производства хлопка-сырца с 8,2 млн. центнеров в 1928 г. до 12,7 млн. центнеров в 1932 г.[1] По объему производства хлопка наша страна передвинулась с дореволюционного пятого на третье место в мире.

Потребности текстильной промышленности в сырье покрывались также посредством увеличения урожаев льна, внедрением в производство новых лубяных культур, чтобы сократить импорт джута и манильской пеньки, который составлял в среднем за год 27,6 млн. руб., расширялись посевы новых лубяных культур[2]. Посевные площади их за пятилетку увеличились до 104 тыс. гектаров (т. е. в 8,6 раза). ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «О разведении и использовании кендыря и рами», в котором хозяйственным органам предлагалось обеспечить новое производство оборудованием, при необходимости использовать импорт и зарубежную консультацию[3].

Важное народнохозяйственное значение имело шелководство. До революции 85% потребностей в шелке страна покрывала за счет импорта . По мере развития текстильной, авиационной и электротехнической промышленности потребности в шелке быстро росли. Кроме того, шелк был выгодной статьей экспорта, так как цены на него не падали даже в годы мирового экономического кризиса. Имея благоприятные климатические условия, наша страна располагала хорошими возможностями для расширения производства коконов, особенно в Средней Азии и Закавказье. Наибольший товарный сбор коконов составил в 1930 г. 14,5 тыс. тонн (против 10,9 тыс. тонн в 1913 г.). В последние два года пятилетки произошло снижение урожая и заготовок коконов до 10,2 тыс. тонн[5]. Недовыполнение пла-

---

[1] См. «Социалистическое строительство СССР», 1936, стр. 345.

[2] См. «Внешняя торговля СССР за 20 лет (1918—1937 гг.)», стр. 72.

[3] См. «Справочник партийного работника», вып. 7, ч. II, стр. 231-232

ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 30, ед. хр. 844, л. 14-16.

[5] Там же, л. 8.

на наносило ущерб шелковой промышленности и экспорту. ЦК ВКП(б) и СНК СССР поставили перед местными советскими и хозяйственными органами задачу сделать 1933 год переломным и довести сбор коконов до 15 тыс. тонн. Было решено подготовить 400 тутоводов и шелководов, открыть 3 вуза и 9 техникумов, обеспечить переподготовку 150 директоров совхозов, 1050 агрономов и инструкторов и 800 бригадиров. Несмотря на перебои в развитии шелководства, в первой пятилетке оно обеспечило выпуск 71,8 млн. метров шелковых тканей[1]. От экспорта грежи и коконов государство выручило 10,7 млн. руб. валюты.

Работники сельского хозяйства внесли важный вклад в обеспечение населения страны чаем, эфирномасличными и лекарственными культурами, на импорт которых приходилось тратить валюту. В течение ряда лет чайные плантации засевались преимущественно заграничным семенным материалом. Парторганы настойчиво боролись за вытеснение их. В июне 1931 г. было создано союзное объединение «Чай», подчиненное Наркомзему СССР. Тогда же Заккрайком утвердил «Директивы к составлению контрольных цифр развития чайной культуры на 1932 г.», согласно которым определялась закладка новых плантаций в 40 тыс. гектаров. В 1932 г. в Грузии действовали 16 совхозов по выращиванию чая[2]. В этом году валовой сбор чайного листа вырос до 26 тыс. центнеров, однако импорт чая сохранялся на уровне 200 тыс. центнеров, т. е. в 7 раз превышал объем внутреннего производства[3]. Летом 1932 г. правительством были разработаны меры по дальнейшему развитию чайного хозяйства с расчетом, чтобы в ближайшем будущем обеспечить значительную часть потребностей населения в чае собственного производства . Госплан СССР провел Всесоюзную конференцию по развитию в стране технических культур. Для этой цели правительство

---

[1] См. «Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник». 1936, стр. 202.

[2] См. «Социалистическое строительство СССР», 1934, стр. 146.

[3] См. «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», стр. 149; «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 327, 360.

СЗ, 1932, № 44, ст. 262.

создало специальный научно-исследовательский институт [1].

Но достижения первой пятилетки в разведении новых сельскохозяйственных культур были лишь первыми шагами процесса освобождения страны от импортной зависимости. Правительство все-таки вынуждено было расходовать на ввоз из-за границы чая, джута, манильской пеньки, масличных культур немалые суммы валюты.

Большое значение среди новых культур придавалось разведению каучуконосных растений, созданию сырьевой базы натурального каучука. Постановлением ЦК ВКП(б) от 25 декабря 1929 г. «О каучуке» первое место отводилось вопросам разведки, разведению и сбору сырья из каучуконосов (хондриллы, гвайюлы, ваточника и др.). Были образованы трест «Каучуконос» и Всесоюзный научно-исследовательский институт каучука и гуттаперчи. В Туркмении и Азербайджане создавались промышленные плантации гвайюлы. Отпускались большие средства на научно-исследовательские работы и контрактацию хондриллы[2]. Таким образом, начиная с конца 1929 г. в стране велись активные поиски по увеличению производства натурального каучука. В июне 1930 г. из корней дикого тау-сагыза была получена первая партия натурального каучука и изготовлены первые пробные резиновые изделия.

Вскоре был найден новый каучуконос — кок-сагыз, ставший впоследствии основным видом сырья для производства натурального каучука. Из пяти каучуконосных растений три — отечественного происхождения и два были завезены из-за рубежа (гвайюла и ваточник). Для форсирования производства натурального каучука при СТО была образована специальная комиссия. К концу пятилетки трест «Каучуконос» имел 11 каучукопромхозов. Совместно с научно-исследовательским институтом за три года промхозы совершили 30 экспедиций[3]. В некоторых городах возникли общества содействия советскому каучуку, начали действовать молодежные бригады «догнать и перегнать». Большую заботу о разведении каучуконосов

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 30, ед. хр. 844, л. 137.

[2] См. «Справочник партийного работника», вып. 7, ч. II, стр. 233.

[3] См. «Социалистическое строительство СССР», 1934, стр. 147; «Социалистическая реконструкция и наука», 1933, вып. 9, стр. 61—62, 73.

проявили рабочие коллективы предприятий резиновой промышленности. Для мобилизации внимания местных партийных, профсоюзных и комсомольских организаций к заготовкам и расширению посевных площадей под каучуконосы в районы Средней Азии выезжала правительственная комиссия.

На 1932 г. в СССР было учтено 7 млн. плодоносящих кустов каучуконосов; всего по тресту имелось 4857,5 гектара каучуконосов, которые могли дать лишь 7 тонн ценного сырья. Главными их производителями являлись Казахстан, Средняя Азия, Закавказье, Северный Кавказ, Украина, Курская область и Поволжье. Опыты по выращиванию этих культур проводились также в Московском ботаническом саду и некоторых районах Центрально-черноземной области. В конце пятилетки в 11 каучукохозах НКТП работали 4181 человек. За 1930—1932 гг. было получено лишь 10,3 тонны натурального каучука[1].

Совет Труда и Обороны при СНК СССР трижды (в апреле и декабре 1932 г., в марте 1933 г.) намечал перспективы по разведению каучуконосных растений. Неблагоприятные климатические условия, нарушения агротехники, низкие нормы высева семян приводили к массовой гибели растений: в 1932 г. на плантациях тау-сагыза уцелело лишь до 8% растений. Недостаточное внимание каучуконосам уделял Наркомат земледелия (трест «Каучуконос» находился в системе Наркомтяжпрома). Правительство запретило рубку дикорастущих зарослей тау-сагыза. Предприятиям треста «Каучуконос» были предоставлены льготы в снабжении техникой и удобрениями. В апреле 1932 г. ввиду малоизученности культур правительство отменило обязательные задания тресту «Каучуконос», поручив ему сосредоточиться на научно-исследовательских поисках[2].

Работы по разведению и переработке этих растений были трудоемкими, а результаты не всегда надежными. Многое также зависело от природных условий и погоды. Расходы часто не окупались. Стало очевидным, что темпы роста производства натурального каучука значительно отстают от темпов развития промышленности синтетического каучука. Однако в интересах обеспечения импортной

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 30, ед. хр. 876, л. 4, 12-14, 141-142; «Сельское хозяйство СССР». Ежегодник. 1935. М., 1936, стр. 1343.

[2] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 30, ед. хр. 876, л. 25, 35, 144, 159.

независимости правительство продолжало попытки создать отечественную базу натурального каучука.

Расширение производства технических культур оказалось нелегким делом, потребовавшим активной стимулирующей помощи со стороны государства. И эта помощь была оказана. Из года в год росли ассигнования на расширение старых и организацию плантаций новых культур, укреплялись кадры. Посевная площадь технических культур в 1932 г. составила 15 054 тыс. гектаров, или в 2 раза больше чем в 1927 г.[1]

Трудноразрешимой проблемой оказалось обеспечение легкой индустрии шерстью и кожевенным сырьем, высвобождение ее от хронического импорта. Эта проблема решалась двумя путями: увеличением производства и заготовок сырья в совхозах, колхозах и единоличных хозяйствах, а также путем замены шерсти и кожи суррогатами.

Последовательное осуществление политики позволило партии к 1928 г. восстановить численность скота в размерах 1916 г. Однако легкая промышленность продолжала испытывать острый недостаток в сырье. По подсчетам Института финансово-экономических исследований Наркомфина СССР, доля импорта шерсти в потреблении легкой индустрии за 1927/28 г. составила: по грубой и полугрубой шерсти — 51,4%, по мериносной — 96,8%[2]. Промышленность переработала около 13 млн. крупных кож, в том числе 1430 тыс. штук импортных[3]. Кроме того, по сравнению с дореволюционным временем сократился выход товарной части сырья. В 1916 г., например, было заготовлено 77,9 тыс. тонн шерсти всех сортов, а в 1928 г.— лишь 41,1 тыс. тонн . В шерстяной промышленности сохранилось зависимое положение от импорта. Предприятия, работавшие на отечественной (грубой) шерсти, как правило, имели устаревшее оборудование. А фабрики, перерабатывающие импортное сырье (тонкую шерсть), были оборудованы новой техникой. К началу первой пятилетки это ненормальное положение в текстильной индустрии было ликвидировано. Однако нехватка сырья явилась главной

---

[1] См. «СССР за 15 лет. Статистические материалы по народному хозяйству», стр. 136.

[2] ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 13, ед. хр. 679, л. 19.

[3] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 31, ед. хр. 2408, л. 72, 73.

ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 41, ед. хр. 1269, л. 13.

причиной отставания производства шерстяных тканей, которое достигло только 84% довоенного уровня[1].

Констатируя отставание шерстяной промышленности, ЦК ВКП(б) указывал на неотложность усиления внимания к проблемам овцеводства. СТО при СНК поручалось разработать мероприятия, стимулирующие рост поголовья овец, а также навести порядок в организации заготовок шерсти[2]. Но тут возникли новые трудности. Пятилеткой намечалось общее увеличение поголовья крупного рогатого скота и овец на 21—22%. Вместе с тем предусматривалось «медленное развитие животноводства в совхозах»[3]. Учитывая недостаточность сырьевой базы, предполагалось импортировать сырье шерсти и кожи. Однако условия выполнения пятилетки вынудили увеличить ввоз оборудования и металла за счет намечавшегося ввоза сырья для легкой промышленности. В общей стоимости импорта доля сырья и полуфабрикатов в 1932 г. составила 16,5% против 43,6% в 1929 г.

Сложность создания собственной сырьевой базы для легкой индустрии усугублялась тем обстоятельством, что именно в 1929-1932 гг. проходила сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса. Недостаточная опытность в массовом обобществлении скота, недооценка частнособственнических пережитков у крестьян, слабое использование материального стимулирования, кулацкая агитация за убой скота — все это нанесло тяжелый урон животноводству. Численность скота в течение первой пятилетки резко сократилась: крупного рогатого скота — с 60 до 38,3 млн., лошадей — с 32,1 до 21,7 млн., овец — с 97,3 до 43,8 млн., свиней — с 22 до 10,9 млн. голов. Массовый убой скота *временно* увеличил выход товарной части животноводческого сырья. На 1930—1931 гг. приходились наибольшие размеры заготовок шерсти (по 50,5 тыс. тонн в год) за весь период после революции[5]. Аналогичное положение сложилось с заготовками кож. Наибольшие заготовки (около 16 тыс. штук) крупных кож приходились

---

[1] См. «Промышленность СССР», 1957, стр. 329.

[2] См. «Справочник партийного работника», вып. 7, ч. II, стр. 221-222.

[3] См. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. II, ч. I, стр. 281; т. III, стр. 550—551.

См. «Сельское хозяйство СССР. Стат. сб.», 1960, стр. 263.

[5] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 41, ед. хр. 1269, л. 13.

на 1929—1930 гг., средних (по 36 тыс. штук в год) — на 1930-1931 гг.[1]

Советские органы принимали все меры по сокращению оседания сырьевой массы у населения и нелегальной выделки кож. В 1932 г. была выявлена и пресечена деятельность 5274 нелегально действовавших кустарных мастерских, в которых было обнаружено и изъято более 650 тыс. крупных и мелких кож[2]. В результате принятых мер оседание массы кожсырья на местах сократилось. Но массовый убой скота в начале сплошной коллективизации имел свои последствия.

Одной из объективных причин уменьшения выхода кожсырья явилась замена тягловой силы машинами. Несмотря на директиву XVI съезда ВКП(б) о необходимости «сочетания трактора с лошадью» и бережного отношения к конскому и воловьему поголовью, массовое внедрение техники породило неправильное отношение к конскому поголовью, на что не раз указывали ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Количество лошадей в стране продолжало сокращаться.

В конце пятилетки были приняты меры по укреплению животноводства и увеличению заготовок его продукции. Важную роль в этом деле сыграло постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июля 1931 г. «О развертывании социалистического животноводства», в котором намечалась система мероприятий по увеличению поголовья скота в совхозах и колхозах, укреплению животноводческих ферм, повышению материальной заинтересованности животноводов, совершенствованию системы заготовок и т.. д. [3] Однако эти меры не могли быстро решить сырьевую проблему. Было крайне необходимо создание больших общественных стад и повышение степени товарности их продукции. В порядке опыта были выделены 200 овцеводческих районов для организации образцовой заготовительной работы. Совместно с правлением общества «Союзшерсть» Наркомснаб направил в Казахстан сто выездных факторий — лавок для скупки шерсти. Выделялись дефицитные промтовары для обмена на шерсть, укреп-

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 13, ед. хр. 680, л. 19.
[2] ЦГАНХ СССР. ф. 7733, оп. 12, ед. хр. 586, л. 20.
[3] См. «Справочник партийного работника», вып. 8, стр. 559—564.

лялся новыми кадрами заготовительный аппарат. В системе Колхозцентра был создан Овцеводколхозцентр.

Большое значение для эффективности заготовок шерсти и кожсырья в необобществленном секторе имело расширение товарных фондов хлеба и промтоваров, а также ряд льгот, введенных согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 г.[1] Для полного удовлетворения потребностей шерстяной промышленности необходимо было прежде всего улучшить структуру овцеводства за счет увеличения поголовья, дающего тонкорунную и полугрубую шерсть (она составляла всего лишь 4% стада). С конца пятилетки импорт этих видов шерсти, составлявший в балансе половину потребляемой шерсти, начал возрастать[2]. Встала сложная проблема: не сокращая поголовья мясных и грубошерстных овец обеспечить рост тонкорунного поголовья.

Сокращение импорта натуральной шерсти при недостаточности внутренних сырьевых ресурсов отразилось на производстве шерстяных изделий в сторону их огрубления. Расход шерсти в 1931 г. составил 92,5 тыс. тонн, в том числе натуральной шерсти — 45,5 тыс. тонн (или 49,3%)[3]. Качество шерсти нередко оставалось неудовлетворительным. Расход натуральной шерсти на единицу продукции резко сократился.

Изучением рационального использования отечественной шерсти и проблемой увеличения ее сбора занимался коллектив Научно-исследовательского текстильного института. Отмечая, что освобождения шерстяной промышленности от импорта можно достигнуть улучшением структуры овцеводства, НИТИ правильно указывал на неизученность причин большого оседания шерсти у населения. Было ненормальным, когда 70—75% валового сбора шерсти оставалось на местах (до революции доля оседания шерсти не превышала 30%) .

Следовательно, источники заготовок сырья полностью не использовались. НИТИ рекомендовал также методы съемки шерсти с овчин, поступающих на кожевенные

---

[1] См. «Известия», 6 мая 1932 г.

[2] См. «XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 183.

[3] См. «Индустриализация СССР. 1929—1932 гг. Документы и материалы», стр. 312—313.

См. «Фронт науки и техники», 1932, № 2, стр. 39—40.

заводы, использование в качестве сырья для шерстяной промышленности оленьей шерсти и т.д.[1].

В январе 1931 г. и сентябре 1932 г. правительство в целях обеспечения сырьем кожевенной промышленности запретило частным лицам обработку в виде промысла и скупку кожевенного сырья. Все кожевенное сырье совхозов, колхозов и других предприятий обобществленного сектора, полученное от общественного стада в виде заготовок, подлежало сдаче основным заготовителям. Переработка кожи колхозами допускалась лишь на специальных предприятиях. Размеры этой переработки устанавливались производственными планами. Заготовительным органам предлагалось мобилизовать крестьян на выполнение планов заготовок, на борьбу со злостным сокрытием, а также со скупкой и переработкой сырья частником[2]. Правительство разработало меры по расширению встречной торговли кожевенно-обувными, шубными и шорными изделиями для сдатчиков. С этой целью только на колхозных базарах до декабря 1932 г. намечалось открыть около 2 тыс. ларьков и палаток .[3]

Важным достижением первой пятилетки явилось создание общественного животноводства. Курс на организацию специализированных хозяйств и ферм дал свои положительные результаты. На 1 января 1933 г. в стране насчитывалось свыше 1,5 тыс. животноводческих совхозов и 93,5 тыс. животноводческих товарных ферм колхозов, которые поставляли промышленности шерсть и кожевенное сырье . Наряду с основной задачей — выпуском тканей для широкого потребления — шерстяная промышленность вырабатывала технические сукна для авиационной, автотракторной, военной, химической, полиграфической промышленности. До первой пятилетки эти отрасли находились в полной импортной зависимости.

В феврале 1932 г. в системе Наркомтяжмаша было создано Всесоюзное объединение технотканной промышленности — «Союзтехноткань» [5]. Используя зарубежный опыт и оборудование, в Ленинграде была построена фабрика технических сукон. Коллектив фабрики в короткий срок

[1]СМ.«Фронт науки и техники». 1932, № 2. стр. 39—40

[2] См. СЗ, 1931, №4 , ст. 49

[3] См. СЗ, 1932, № 67, ст. 407.

См. «Социалистическое строительство СССР», 1934. стр. 227.

[5] См. СЗ, 1932, № 14, ст. 80.

освоил новую технологию и перешел на использование отечественного сырья. Если в 1929 г. доля импортной шерсти здесь превышала 95%, то в 1932 г. она снизилась до 4,5% [1]. «Нет больше импорта технических сукон! Нет больше импорта сырья! Нет больше иностранной зависимости!» — писали работники фабрики.

Существенные изменения претерпело и производство обработки сырья. Известно, что до революции Россия в больших размерах вывозила шерсть и кожу на обработку и на окрашивание за границу, выплачивая за это крупные суммы валюты. Текстильное и кожевенное производство в значительной степени базировалось на импортных красителях и экстрактах. Эта зависимость от заграницы продолжала оставаться и в 20-х годах.

Только за первую пятилетку пропускная способность шерстомойной промышленности увеличилась с 19,5 до 27,4 тыс. тонн шерсти, а выработка кож — примерно на 65% [2]. Созданное в 1928 г. акционерное общество «Дубитель» располагало лишь тремя заводами. За годы пятилетки вошли в эксплуатацию десять заводов, находились в процессе строительства еще пять предприятий [3]. Партийные и советские органы Украины, Северного Кавказа и Грузии принимали меры по охране и расширению дикорастущих таннидоносных растений. ЦК КП(б) Грузии в январе 1931 г. принял меры по расширению питомников и увеличению заготовок сырья для дубителей.

Предприятия общества «Дубитель» расширили производство таннидов с 703 тонн в 1929 г. до 12 672 тонн в 1932 г. Именно в эти годы происходил интенсивный процесс замены иностранных дубильных экстрактов отечественными. Если в 20-х годах дубильные экстракты десятками тысяч тонн ввозились из-за границы, то в 1931 г., например, импорт их составил лишь 504 тонны [5].

Сложнее обстояло дело с красителями. Производство красок и лаков базировалось в значительной степени на импортных полуфабрикатах. Из-за границы ежегодно ввозилось их 27—33 наименования. Сокращение импорта

---

[1] См. «5 лет работы фабрики технических сукон имени Тельмана». М.—Л., 1935, стр. 39.

[2] См. «Социалистическое строительство СССР», 1936, стр. 193.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 7733, оп. 12, ед. хр. 586, л. 21.

Там же, л. 22.

[5] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 317.

полуфабрикатов привело к уменьшению выпуска продукции анилинокрасочной промышленности. Предприятия «Анилообъединения» в 1931 г. выпустили 15 тыс. тонн красителей, т. е. на 2 тыс. тонн меньше, чем в 1929/30 г. Ухудшился ассортимент красителей [1]. Шерстяная, хлопчатобумажная, меховая, полиграфическая и кожевенная промышленность испытывали острый дефицит в красителях. Комитет по химизации народного хозяйства при Госплане СССР трижды ставил вопрос перед Президиумом Госплана о расширении анилинокрасочного производства. Однако необходимые меры в то время не были приняты. Сокращение же валютных ассигнований на импорт сырья поставило легкую промышленность в тяжелое положение.

Большое государственное значение с точки зрения обеспечения экономической независимости страны имела проблема суррогатирования остродефицитных видов сырья. Задачу развития суррогатов текстильного сырья выдвинул ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 3 мая 1929 г. «Необходимо перейти от опытов к плановому разведению новых текстильных культур (кенаф, кендырь), — указывал ЦК,— а также широко поставить производство искусственного волокна (шелк, шерсть), могущих не только ослабить зависимость текстильной промышленности от иностранного сырья, но и удешевить стоимость сырья для промышленности» [2].

Первая пятилетка явилась периодом создания производства суррогатов. Стремление быть независимым от импорта, с одной стороны, и обострение дефицита шерсти и кожи внутри СССР, с другой, ускорили решение проблемы расширения производства старых и поисков новых заменителей. Начиная с 1931 г. правительство пересмотрело ассортимент шерстяных тканей, разрешило внедрять в производство суррогаты. Если в 1928/29 г. удельный вес натуральной шерсти в одном квадратном метре ткани составлял 58,7%, то в 1932 г. он уменьшился до 33,8%. Соответственно доля импорта мериносной шерсти в производственном потреблении упала с 91,5 до 50% [3]. Именно в годы

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 6760, оп. 2, ед. хр. 154, л. 9, 22; «Социалистическое строительство СССР», 1936, стр. 178.

[2] «Справочник партийного работника», вып. 7, ч. II, стр. 222.

[3] ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 13, ед. хр. 679, л. 6, 12.

пятилетки интенсивно стало развиваться производство химических волокон (искусственные и штапельные волокна, искусственный шелк). Текстильная промышленность приобретала все более разностороннюю собственную сырьевую базу.

Аналогичная политика осуществлялась в кожевенной промышленности, где производство суррогатов превратилось во вторую сырьевую базу. Правительство создало из 11 предприятий трест «Кожсуррогат». Были разработаны и освоены основные виды заменителей кожи. Решающий вклад в организацию производства кожсуррогатов внесли рабочие коллективы Ярославского резино-асбестового комбината и Ивановского комбината искусственной подошвы. Накануне пуска находились комбинат «Искож» в Кирове и кожкартонная фабрика в Ленинграде. В последнем году пятилетки суррогатная промышленность выпустила 22,6 тыс. тонн резиновой подошвы и 100 тонн заменителей кожи[1]. Кожевенное производство уже потребляло 60% суррогатов и лишь 40% естественной кожи[2]. Пленум ЦК ВКП(б), проходивший 28 сентября — 2 октября 1932 г., определил неотложные задачи Наркомату легкой промышленности и промысловой кооперации — более активное использование суррогатов и новых видов сырья, утиля. Указывалось также на недостаточное внимание ряда местных парторганизаций к работе их предприятий[3].

Таким образом, в течение первой пятилетки Коммунистической партии и Советскому государству удалось многого добиться в обеспечении импортной независимости отраслей промышленности группы «Б». В этом процессе высвобождения от импорта можно выявить ряд особенностей, отличавших первую пятилетку от предыдущих и последующих этапов борьбы за экономическую независимость в области сельскохозяйственного сырья. За 1929—1932 гг. окреп социалистический сектор производства технических культур и продуктов животноводства. В результате изменилась основа планового руководства производством и заготовками дефицитного сырья. В условиях

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 12, ед. хр. 586, л. 23; «Социалистическое строительство СССР», 1936, стр. 206.

[2] См. «XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 39.

[3] См. «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 166.

преобладания мелкотоварного крестьянского хозяйства возможности получения (не говоря уже о планировании) необходимого сырья были несравнимо меньшими и ненадежными. К концу пятилетки социалистический сектор сельского хозяйства, завоевавший свои позиции в острой борьбе против кулаков, феодально-байских элементов и скупщиков-спекулянтов, еще не удовлетворял полностью и в нужном ассортименте потребности легкой индустрии. Однако он превращался в надежную, высокотоварную сырьевую базу. Рост посевов технических культур за эти годы опережал расширение площадей зерновых. Повышению уровня товарности производства технических культур, шерсти и кожи содействовали политика заготовительных цен, а также льготы по линии снабжения. Общий объем товарной продукции сельского хозяйства за годы первой пятилетки существенно не изменился. Однако накануне пятилетки плановые заготовки государства обеспечивали 56,5% товарного производства, а в 1932 г. они составляли уже 85% [1]. Эти социально-экономические изменения имели принципиальное значение. Они обеспечивали государству постоянные надежные источники поступления сельскохозяйственного сырья.

Процесс расширения производства сырьевых продуктов сельского хозяйства и суррогатов в этот период имел преимущественно экстенсивный характер. Вместе с тем созданная к концу пятилетки сырьевая база легкой промышленности существенно изменилась: было положено начало выращиванию новых видов сельскохозяйственных культур и производства суррогатов шерсти, кожи. Однако предстояло еще многое сделать по повышению урожайности и улучшению качества культур, освоению технологии внедрения суррогатов в производство легкой индустрии. В поисках дополнительных источников сырья взамен импортного приходилось затрачивать немалые средства без ожидаемой отдачи (хлопок в новых районах, проблема натурального каучука).

В итоге пятилетки легкая и пищевая индустрия освободились от импорта машин и оборудования, оставаясь в зависимом положении от внешних источников снабжения

---

[1] См. «Сельское хозяйство СССР в 1925—1928 гг. Сборник статистических сведений к XVI конференции ВКП(б)». М., 1929, стр. 215.

длинноволокнистыми сортами хлопка, шерсти, кожи, чая и т. п.

В отличие от индустриальных статей импорта СССР, приходившихся на западные страны, значительная часть сельскохозяйственного импорта осуществлялась из дружественных восточных стран. За 1929—1932 гг. Монгольская Народная Республика, Тувинская Народная Республика, Афганистан, Иран, Западный Китай (Синьцзян) поставили: хлопка-сырца — 77,1 тыс. тонн, шерсти — 89,7 тыс., кожи — около 12 тыс., десятки тысяч голов крупного и мелкого скота, несколько тысяч тонн шелка и джута[1]. Учитывая расширение этого источника сырья, ЦК ВКП(б) обязывал СТО приспособить технологию советской промышленности к переработке сырья из восточных стран[2]. В конце пятилетки преобладающее место в поставках хлопка, шерсти и кожевенного сырья заняли соседние восточные государства.

Итак, в течение первой пятилетки удалось решить некоторые проблемы в области сельского хозяйства, позволившие увеличить внутреннее производство и сократить импорт сырья для легкой индустрии. Несмотря на непреодоленные трудности в этом направлении и невыполнение пятилетнего плана отраслями группы «Б» (84,9%), темпы роста их продукции были относительно высокими — 17% в год[3]. За 1928—1932 гг. производство хлопчатобумажных тканей увеличилось на 16 млн. метров, шелковых — почти вдвое; примерно на одинаковом уровне сохранилось производство шерстяных тканей; кожаной обуви — почти на 25 млн. пар, а резиновой — на 28,4 млн. пар. В 6,5 раза возрос выпуск автомобильных покрышек . Слабость собственной сырьевой базы и зависимость от импорта вынуждали правительство но раз пересматривать плановые задания и ассортимент выпуска тканей и обуви. Производственные мощности текстильной промышленности в 1932 г.

---

[1] См. «Внешняя торговля СССР за первую пятилетку (за период с 1928 по 1933 г.)», стр. 356—357, 375—376, 380, 390—391.

[2] См. «Справочник партийного работника», вып. 7, ч. III, стр. 223.

[3] См. «Итоги выполнения пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», стр. 128.

См. «Промышленность СССР», стр. 199, 328, 351.

были загружены лишь наполовину[1]. Острый дефицит по ряду видов сырья сохранялся.

По сложности и остроте проблем первая пятилетка была наиболее трудным и важным этапом борьбы трудящихся за экономическую независимость СССР. Сырьевая база, созданная в конце 20 — начале 30-х годов на новой социально-экономической и производственной основе, имела огромное значение для высвобождения легкой индустрии от импорта и повышения материального благосостояния трудящихся.

---

[1] См. «XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 16.

Глава третья

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ И КОНЦЕССИИ НА СЛУЖБЕ СОЦИАЛИЗМА

1. ПОЛИТИКА И ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Осуществляя ленинский курс на обеспечение экономической независимости социалистического народного хозяйства от капиталистических держав, Советское государство подчинило свои внешнеэкономические связи задачам укрепления собственной индустриально-технической базы, всемерного развития производительных сил страны. Предполагалось, что в первой пятилетке экспорт должен был увеличиться в 2,5 раза. А импорт оборудования только для металлообрабатывающей и металлургической промышленности планировался в объеме 800 млн. руб.[1] В связи с этим предусматривалось укрепление валютной обеспеченности государства.

В специальных разделах первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР «Об экономических связях с мировым хозяйством» и «СССР и мировое хозяйство» сопоставлялись примерные темпы роста советской экономики с показателями мировой капиталистической экономики; подчеркивалась важность внешнеэкономических связей для индустриализации и достижения независимости Союза ССР. Пятилетний план отражал не только существовавшие отношения с капиталистическими странами, а предполагал значительное их расширение. Жизнь внесла некоторые коррективы в запланированные размеры внешнеэкономических связей.

Исторической победой явился факт признания большинством капиталистических держав социалистической системы внешней торговли, основанной на принципе

[1] См. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. I. М., 1929, стр. 71, 99—100.

государственной монополии. Открытые выступления против монополии внешней торговли, имевшие место в прошлом, стали более скрытыми, замаскированными формами борьбы. По мере наращивания экономической мощи Советского государства политика торговой и кредитной изоляции его все более становилась несостоятельной.

Особенностью борьбы за экономическую независимость СССР в годы первой пятилетки явилось то, что протекала она в обстановке экономического кризиса в капиталистическом мире. Пятилетка и кризис наглядно показали противоположность и коренные различия исторических судеб двух систем; оказали огромное влияние на изменение соотношения экономических сил социализма и капитализма. В то время как СССР успешно осуществлял социалистическое строительство, а пятилетка открывала новые перспективы его хозяйственного и политического подъема, экономика капиталистических стран находилась в глубоком кризисном состоянии. Объем их промышленного производства за 1929—1932 гг. сократился на 36,2%, а производства средств производства — на 57% [1]. Обанкротились и прекратили свою деятельность десятки и сотни тысяч фирм и банков, в том числе только в США — 86 462 торгово-промышленных предприятий[2]. Будучи результатом обострения проблемы сбыта, кризис вызвал абсолютное сужение мирового рынка. Резко сократился оборот мировой торговли. Почти вся система международных торговых и финансовых связей оказалась дезорганизованной. Пытаясь выйти из кризисного состояния, правящие и деловые круги капиталистических стран усилили курс на протекционизм. Стремление к ограничению ввоза и увеличению экспорта, попытки бойкота импортных товаров, усиление таможенных барьеров, широкое применение лицензионной системы, введение клиринга (взаимного расчета без перевода валюты) привели к резкому ухудшению международных расчетных отношений. Дезорганизация внешней торговли усугублялась нестабильностью валютных курсов.

Кризис ухудшил положение рабочего класса. Возросло число безработных, усиливалась эксплуатация рабочих,

[1] См. «СССР и капиталистические страны». Статистический сборник. М.—Л., 1939, стр. 128.

[2] См. *И. А. Трахтенберг.* Денежные кризисы (1821—1938 гг.). М., 1963, стр. 659-660.

а также крестьянства. Увеличение неэквивалентного обмена промышленных товаров на сельскохозяйственное сырье тяжело отразилось на положении трудящихся колониальных и зависимых стран.

Мировой экономический кризис, с одной стороны, активизировал антисоветскую деятельность наиболее агрессивных империалистических сил, а с другой, вынудил значительную часть буржуазии идти на расширение экономических связей с СССР. У Советского правительства появилась реальная возможность приобрести на мировом рынке необходимые машины, оборудование, металл. Было очевидно, однако, что новая возможность расширения импорта не может быть надежной и продолжительной. «Считая необходимым дальнейшее развитие экономических отношений СССР с капиталистическим миром, — указывал XVI съезд,— на основе незыблемого сохранения *монополии внешней торговли* и самое широкое использование техники передовых капиталистических стран для ускорения индустриализации СССР, съезд подчеркивает все значение большевистских темпов социалистической индустриализации страны для обеспечения *экономической самостоятельности* СССР, для укрепления обороноспособности пролетарского государства и отпора всяким попыткам интервенции со стороны международного империализма» [1].

В обстановке острой классовой борьбы внутри страны и усиливавшегося сопротивления правой оппозиции партии пришлось решать валютную проблему. Во весь рост она встала в момент перехода Советского государства к политике массового импорта машин, оборудования, металла и полуфабрикатов для ускорения темпов индустриализации. Главным источником поступления валюты являлся экспорт сельскохозяйственных продуктов, прежде всего экспорт зерна. В 1929—1932 гг. вывоз хлеба достиг наибольших размеров — 12 млн. тонн, в том числе в 1930 г.— 4,8 и в 1931 г.— 5,2 млн. тонн. От экспорта хлеба СССР выручил 444,5 млн. руб. [2]

Вопросы мобилизации средств деревни и улучшения валютного положения были предметами острой полемики в ЦК и правительстве. «...В этой области не все зависит от нас,— справедливо указывали Политбюро ЦК и Прези-

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 12.

[2] См. «Внешняя торговля СССР за первую пятилетку. Статистический обзор», стр. 8—9.

диум ЦКК 9 февраля 1929 г. в ответ на упреки правых,— очень многое зависит здесь от той скрытой финансовой блокады, которая проводилась Англией и Францией при некотором содействии со стороны Германии и которая начинает ослабевать лишь в последнее время»[1] Правые оппортунисты не понимали, что для накопления валютных ресурсов необходимо осуществление мер по сокращению второстепенных статей импорта, по усилению экспорта леса, нефти, по сокращению валютных расходов, т. е. мер, уже проводимых правительством и позволивших создать некоторые валютные резервы.

Правительство прилагало большие усилия по мобилизации экспортных ресурсов в промышленности и на промыслах. При СТО во главе с Г. М. Кржижановским была создана комиссия по усилению экспорта. В ряде отраслей промышленности немало предприятий целиком переключались на выпуск экспортной продукции. В целях планомерного производства и заготовок на экспорт сельскохозяйственного сырья правительство в апреле 1932 г. в системе Наркомвнешторга создало объединение «Союззаготэкспорт»[2].

В 1929—1932 гг. ЦК ВКП(б) и правительство принимали меры по расширению выпуска и повышению качества экспортной продукции. Большое внимание этому уделялось ноябрьским (1929 г.) пленумом ЦК ВКП(б). «По-прежнему, несмотря на крупнейшие успехи по экспорту промтоваров и «второстепенных статей» экспорта, — говорилось в его решениях,— со всей остротой стоит задача форсированного развития экспортных отраслей народного хозяйства (и, прежде всего, лесного экспорта), недостаточный темп развития которых тормозит и затрудняет ввоз необходимых стране машин, полуфабрикатов и сырья для промышленности»[3].

В мае 1930 г. ЦК разослал всем парторганизациям постановление «О мерах по обеспечению выполнения экспортного плана 1929/30 года». Парторганизации усилили контроль за своевременным исполнением экспортных заданий: ежемесячно заслушивались отчеты, активизировалась работа экспортных совещаний. Необходимость форсированного расширения отраслей, выпускающих экспорт-

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 561.
[2] См. СЗ, 1932, № 28, ст. 174.
[3] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 625.

ную продукцию, подтвердил XVI съезд ВКП(б). Для ускорения работ по лесоэкспорту в Архангельск выезжала комиссия во главе с секретарем ЦК П. П. Постышевым. Усилиями рабочих леспромхозов удалось только в 1930—1932 гг. вывезти за границу 19,1 млн. тонн леса и лесоматериалов, выручив за это 366,3 млн. руб.[1]

Важную роль в расширении добычи нефти сыграло выполнение мер, намеченных ЦК ВКП(б) в ноябре 1930 г. по докладу «Союзнефти». Было решено улучшить снабжение этой отрасли (особенно в восточных районах) кадрами, материалами, оборудованием и электроэнергией. При этом подчеркивалась важность нефтепродуктов для экспорта. Решающий вклад в увеличение добычи нефти внесли нефтяники Азербайджана. В 1932 г. в СССР было добыто 21,4 млн. тонн нефти, из которых 5—6 млн. тонн (т. е. более четверти добычи) шло на экспорт[2]. Больше половины нефтепродуктов на экспорт давал Азербайджан.

Выгодной статьей экспорта являлась пушнина, свыше 70% которой в конце пятилетки поставляли восточные и северные районы РСФСР. За годы пятилетки охотничьи хозяйства и общества обеспечили экспорт 38,8 млн. беличьих шкурок, 19,3 млн. заячьих и кроликовых, более 8 млн. шкурок горностая и хорька[3]. Проявляя заботу о расширении этой статьи экспорта, правительство увеличивало ассигнования на звероводство и охотоводство.

ЦК ВКП(б) и правительство рекомендовали советским органам Средней Азии, в первую очередь Узбекистана и Туркмении, форсировать развитие каракулевого овцеводства. Надо было решительно пресечь хищнический убой скота и контрабандный угон его за границу. На 1 января 1933 г. каракулеводческие совхозы имели 618,9 тыс. овец. Специально на экспортные нужды в системе НКВТ были организованы 29 каракулеводческих и 118 кролиководческих совхозов . Экспорт пушнины за пятилетку обеспечил выручку валюты на сумму свыше 300 млн. руб.[5]

Вопросы выполнения экспортных планов были в центре

---

[1] См. «Внешняя торговля СССР за первую пятилетку», стр. 23.

[2] См. «Промышленность СССР», стр. 153; «Внешняя торговля СССР за первую пятилетку», стр. 27.

[3] См. «Внешняя торговля за первую пятилетку», стр. 16—19.

См. «Социалистическое строительство СССР», 1934, стр. 146, 228.

[5] См. «Внешняя торговля за первую пятилетку», стр. 18—19.

внимания республиканских и местных Советов депутатов трудящихся. Заметно улучшили свою работу Ленинградский и Мурманский порты.

В мобилизации экспортных ресурсов активно участвовала общественность. Во многих республиках, краях и областях организовывались ударные комсомольские бригады, массовые месячники. При президиуме Академии наук действовала комиссия содействия «Новоэкспорту». В Ташкенте работал Центральный штаб содействия экспорту. Известную роль в укреплении дисциплины среди поставщиков экспортной продукции и повышении ее качества сыграли постановления СНК СССР от 19 августа 1931 г. о штрафах за экспорт недоброкачественных товаров и премиях за улучшение качества экспортных товаров и СТО от 9 сентября 1931 г. об усилении работы по новым видам экспорта. Правительство предложило создать на предприятиях специальные ячейки по организации новых видов экспорта, привлекать к этой работе научно-исследовательские институты. Наркомвнешторгу рекомендовалось половину валютной выручки от экспорта предоставлять в распоряжение предприятий для покрытия их импортных (сверхплановых) нужд.

К вопросам экспорта было приковано внимание комсомольских организаций. Выполняя решение Секретариата ЦК ВЛКСМ об участии комсомола в экспортной работе (27 октября 1932 г.), комсомольцы создали контрольные посты на заводах, комбинатах, в портах. Активно действовала комсомольская бригада содействия экспорту в Наркомвнешторге. Вопросы экспортной работы часто поднимались на страницах печати.

Однако преодолеть все трудности экспортной проблемы в сложных условиях первой пятилетки не удалось. Экспортные задания 1932 г. из 23 областей выполнили лишь восемь[1].

Резкое падение цен на мировом рынке и рост себестоимости экспортных товаров внутри СССР привели к усилению нерентабельности и снижению валютной эффективности экспорта, убыточность которого покрывалась за счет госбюджета. Всего за 1929—1932 гг. Советское правительство выручило 3,335 млн. руб. (в ценах соответствующих

---

[1] См. «Внешняя торговля к VII съезду Советов СССР», стр. 21-32.

лет)[1]. В целом пятилетний план по импорту был выполнен лишь на 48,6%, по ввозу оборудования — на 105,6%.

Известно, что в период кризиса цены на сельскохозяйственные товары упали ниже, чем цены на изделия промышленности. Поэтому на экспорте СССР потерял 1873 млн. руб., а на импорте сэкономил 772,6 млн. руб. Следовательно, в результате падения цен на мировом рынке наша страна потеряла 1 100,4 млн. руб. Однако внешнеэкономическая деятельность Советского государства имела огромные экономические и политические выгоды. СССР приобрел необходимую технику, металл, с помощью которых ускорил индустриализацию и укрепил свою независимость.

Большой трудностью в проведении валютной политики являлась относительная ограниченность ассортимента экспортных товаров. Хотя к концу пятилетки экспорт СССР охватывал до 800 статей, однако основными, определяющими размеры валютных выручек, оставались зерно, лесоматериалы, нефтепродукты и пушнина. В общем объеме экспорта эта группа товаров в 1930 г. занимала 57,1%, а в 1933 г. — 45,3%[2]. Большинство из этих товаров было остро необходимыми самому советскому народу. Кроме того, они экспортировались ограниченному кругу стран, что не позволяло маневрировать на мировом рынке, более эффективно использовать противоречия монополий и т. д.

В течение первой пятилетки правительства ряда капиталистических стран устанавливали для советских товаров особые ограничения. Наиболее реакционные буржуазные круги организовывали одну антисоветскую кампанию за другой. В 1930 г. они предприняли новую попытку организовать вокруг СССР торговую блокаду. Имело место немало случаев отказа покупать советский лес, нефть, принимать советское золото. В ряде стран были повышены таможенные экспортные пошлины на товары, поступающие из СССР. В Англии действовал «Союз защиты торговли», который открыто призывал к торговой блокаде СССР. В Германии активизировался так называемый Русский комитет немецкой экономики — штаб экономической агрессии на Восток. В США палата представителей пыталась обвинить Амторг и Информационное бюро СССР в

---

[1] См. «Внешняя торговля СССР за первую пятилетку», стр. 2.
[2] См. «Внешняя торговля СССР. 1918—1966», стр. 17.

«коммунистической пропаганде». Внешнеторговым работникам приходилось работать за границей в тяжелейших условиях.

Открыто антисоветскую политику проводили руководители Международного аграрного бюро и так называемого Зеленого Интернационала [1]. По мере обострения мирового экономического кризиса в их деятельности усилились автаркистские тенденции.

Они направлялись прежде всего против Советского государства, в экспорте которого значительную долю занимали продукты сельского хозяйства. Главари Зеленого Интернационала активно участвовали в клеветнических кампаниях против «советского демпинга» сельхозпродуктов, который якобы разорял сельское хозяйство других стран. Они участвовали также в попытках сколотить единый антисоветский фронт па аграрно-экономических конференциях, состоявшихся в 1930—1932 гг. в Варшаве, Белграде, Синае, Бухаресте. Под видом упорядочения промышленного и сельскохозяйственного экспорта, системы таможенных тарифов и т. п. устроители этих конференций фактически разрабатывали меры противодействия экспорту СССР [2].

Активную работу по разоблачению истинной подоплеки антисоветских акций проводили советские дипломаты, многие коммунистические и рабочие партии, прогрессивные профсоюзы, общества друзей СССР. Советское правительство вынуждено было принимать ответные меры. В октябре 1930 г. СНК СССР принял постановление «Об эко-

---

[1] Зеленым Интернационалом называлось известное Международное аграрное бюро (Bureau International Agraire), существовавшее в 1921—1938 гг. Инициаторами его образования являлись руководители Болгарского земледельческого союза Стамболийский и аграрной партии Чехословакии Швегли. Организационно он был оформлен на Пражской конференции в мае 1928 г. Тогда к нему примкнули 14 крестьянских политических организаций, возглавлявшихся кулацкими и буржуазными элементами. С первых дней своей деятельности Зеленый Интернационал имел антиреволюционную, антибольшевистскую направленность. Антинародный характер деятельности, сотрудничество с фашистами привели его к банкротству. В 1948 г. группа реакционных эмигрантов из стран народной демократии пыталась возродить эту организацию (см. *М. М. Горанович.* Крах Зеленого Интернационала (1921—1938). М., 1967).

[2] См. *Б. Бошкович.* Зеленый Интернационал и его кулацкое лицо. М„ 1933, стр. 70—71.

номических взаимоотношениях со странами, устанавливающими особый ограничительный режим для торговли с Союзом ССР»[1]. VI съезд Советов решил ограничить импорт из стран, проводивших политику дискриминации по отношению к советскому экспорту. Санкции в этом направлении предпринимались в отношении Франции, Канады, Англии.

Давая отпор организаторам антисоветских кампаний, Советское правительство проявляло выдержку и стойкость, разоблачало подлинные причины провокаций.

Особую роль в решении валютной проблемы играла золотодобывающая промышленность. Вместе с экспортом добыча и продажа золота являлись основными источниками поступления валюты. Однако эта важнейшая отрасль промышленности оставалась первое время полукустарной и слабо механизированной. В 1926/27 г. в ней было занято 25,6 тыс. рабочих, в том числе 16.8 тыс. старателей. Добыча золота достигла лишь 59% дореволюционного объема[2].

В связи с расширением внешней торговли и обострением валютной проблемы подобное положение золотодобывающей промышленности становилось нетерпимым. Летом 1928 г. ЦК ВКП(б) провел совещание партийных работников золотопромышленных районов и обратился к Сибирскому, Дальневосточному, Казахскому крайкомам, Уральскому обкому, губкомам, окружкомам и партийным ячейкам с письмом «Об очередных задачах работы в золотопромышленных районах»[3]. ЦК призвал парторганизации мобилизовать рабочих и кустарей на выполнение новых задач по увеличению добычи золота. В мае 1929 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О золотой и платиновой промышленности и о хранении и обращении золота и платины». Постановлением устанавливался новый порядок разведки и добычи золота и платины: предоставлялись льготы предприятиям и частным лицам: определялись договорные отношения старателей с государственной промышленностью. Вновь подтверждалась государственная монополия на скупку золота и платины, вывоз которых за границу воспрещался .

---

[1] См. СЗ, 1930. № 53. ст. 557.

[2] ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 4, ед. хр. 304, л. 45.

[3] См. «Справочник партийного работника», вып. 7, ч. I, стр. 381—382.

См. СЗ, 1929, № 33, ст. 292.

Начиная с 1929 г. ЦК ВКП(б) и местные советские и партийные органы энергично занялись вопросами подъема добычи золота. Летом 1930 г. ЦК ВКП(б) изучил состояние работы Алданской парторганизации. В принятом постановлении основной задачей определялась мобилизация рабочих на выполнение директив о подъеме золото-платиновой промышленности и улучшение культурно-бытового обслуживания рабочих этой отрасли[1]. Вместе с Сибирским, Дальневосточным, Казахским крайкомами и Якутским обкомом ВКП(б) правление акционерного общества «Союззолото» провело ряд совещаний и производственных конференций, разработало мероприятия по созданию машиностроительной базы для золотодобычи, по улучшению материального и культурного обслуживания рабочих, усилению партийно-политической работы. Группы советских инженеров трижды выезжали в США для изучения новой технологии и организации труда. Внедрению передовых методов добычи золота содействовали американские инженеры Д. Э. Литтльпедж, У. Джонсон и Г. Шик. Для подготовки кадров специалистов и руководителей в Иркутске была открыта Промакадемия, а в некоторых вузах Москвы, Ленинграда и Свердловска начали действовать факультеты по золоту.

В течение первой пятилетки удалось немало сделать по технической реорганизации золотодобывающей промышленности. Машиностроительные и ремонтно-механические заводы вошли в эксплуатацию в Иркутске, Новосибирске и других городах; возникли новые рудники и прииски. В конце пятилетки правительство предоставило работникам золотодобывающей промышленности многочисленные льготы: повышенные размеры зарплаты, надбавки, улучшенное снабжение, предоставление земельных участков, снижение налогов и т. д. Была дана директива освобождать работников любых отраслей, если они желают перейти на работу в золотодобывающую промышленность[2]. Огромное внимание к проблемам увеличения добычи золота дало положительные результаты. «У нас много золотоносных районов, и они быстро развиваются,— говорил И. В. Сталин в беседе с корреспондентом газеты «Нью-Йорк таймс» г. Дюранти в 1933 г.— Наша продукция уже

[1] См. «Партийное строительство», 1930, № 16, стр. 55.
[2] См. СЗ, 1932, № 41, ст. 248; № 57, ст. 343; № 59, ст. 349.

вдвое превысила продукцию царского времени и дает сейчас более ста миллионов рублей в год. Особенно за последние два года мы улучшили методы нашей разведочной работы и нашли большие запасы. Но наша промышленность еще молода — не только по золоту, но и по чугуну, стали, меди, по всей металлургии, и наша молодая индустрия не в силах пока оказать должную помощь золотой промышленности. Темпы развития у нас быстрые, но объем еще не велик. Мы могли бы в короткое время учетверить добычу золота, если бы имели больше драг и других машин» [1].

Конец пятилетки стал периодом резкого усиления механизации приисков и максимальной добычи золота за весь послереволюционный период. Увеличение добычи золота было достигнуто именно в период наибольшего импорта оборудования, металла и сырья. Несмотря па проводившуюся в капиталистических странах скрытую «золотую блокаду» СССР, Советское правительство регулярно совершало расчеты с торговыми партнерами.

Важным источником поступления валюты, золота и других драгоценных металлов были «Торгсин» (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами) и «Интурист» (Всесоюзное акционерное общество по иностранному туризму в СССР). Созданные в 1929—1930 гг., они мобилизовывали валютные ценности среди иностранцев и населения. На эффективность их работы положительно сказалось начавшее действовать новое положение «О вывозе, ввозе, пересылке и переводе за границу и из-за границы валютных и фондовых ценностей». Вывоз выезжавшим за границу лицам валюты, благородных металлов и драгоценностей разрешался на сумму не свыше 300 руб., а ввоз их в СССР не ограничивался. Для охраны экономических интересов государства ряд валютных операций разрешался лишь Особым валютным совещанием при Наркомфине СССР [2].

В трудных условиях приходилось работать акционерному обществу «Интурист». Отсутствовала необходимая материальная база, не хватало кадров. Буржуазная пропаганда распространяла клеветнические сведения о СССР, стремясь отпугнуть туристов от поездок в нашу страну.

---

[1] *И. Сталин.* Соч., т. 13, стр. 277.

[2] См. СЗ, 1929, № 18, ст. 152.

Перелом в этом деле создало осуществление мер, принятых ЦК и ЦКК ВКП(б), СНК СССР в 1931г. «Интуристу» были выделены гостиницы, автомобили, спецфонды, средства на новое строительство и на рекламу за границей.

Успехи советского народа в экономическом и культурном строительстве, расширение международных связей, рост авторитета СССР на мировой арене способствовали развитию иностранного туризма. За 1929—1932 гг. СССР посетило 22 113 туристов, преимущественно из США, Англии, Франции, Польши и скандинавских стран. Газета «Ost Europa Markt» предположительно сообщала, что только в одном 1929 г. выручка «Интуриста» составляла около 200 тыс. долл.[1] Солидные поступления валюты от иностранного туризма были и в последующие годы.

В целях увеличения валютного фонда приходилось продавать за границу некоторые художественные ценности и исторические реликвии.

Таким образом, посредством валютной монополии Советское государство обеспечивало финансирование внешнеторговых операций, образовывало валютные резервы. Монополия позволила Советскому правительству строить свои финансовые отношения с капиталистическими странами на принципах независимости и взаимной выгоды. С ее помощью правительство преодолело золотую и кредитную блокаду. При ограниченном допущении в годы нэпа частных валютных операций основы валютной монополии продолжали укрепляться. Большую роль в этом деле сыграли Особое валютное совещание при Наркомфине СССР (действовало в 1923—1931 гг.), Госбанк СССР и Внешторгбанк[2], где сосредоточивались почти все валютные операции. В феврале 1930 г. была ликвидирована биржевая торговля валютными и фондовыми ценностями. Валютные операции иностранных фирм и концессий, действовавших в СССР, определялись специальными соглашениями и постановлениями СНК СССР «О порядке допущения иностранных фирм к производству торговых операций на территории СССР»[3].

---

[1] «Ost Europa Markt», 15. III. 1930.

[2] Внешторгбанк СССР был основан в 1924 г. для содействия развитию коммерческих оборотов по внешней торговле. Он имел за границей шесть филиалов (четыре в Западном Китае, Турции и Афганистане) и действовал под контролем Госбанка СССР.

[3] См. СЗ, 1931, № 6, ст. 70; № 24, ст. 197.

Вопреки троцкистской теории о подчинении советской экономики законам мирового капитализма и неизбежности распространения кризиса на СССР, Советское правительство проводило политику, которая обеспечила экономическую самостоятельность и расширила внешние торговые связи страны. Для изучения обстановки на мировых рынках и в политических кругах ряда стран в Западную Европу и США выезжали авторитетные комиссии, возглавляемые членом ЦК ВКП(б) С. С. Лобовым и заместителем председателя ВСНХ В. И. Межлауком. С целью пропаганды и лучшего изучения иностранной техники в Москве проводились международные выставки. На постоянной выставке импортного оборудования в ноябре 1928 г. экспонировали свою продукцию 117 германских, американских и других фирм. В следующем году в Ленинграде состоялась международная выставка лабораторного оборудования и экспедиционного снаряжения

Учитывая новую конъюнктуру на мировом рынке, СНК СССР изменил внешнеторговую программу в сторону расширения импорта машин и оборудования для новых и реконструировавшихся предприятий. Импорт машин и металла за четыре года пятилетки превысил план на 5,7%, импорт промышленного оборудования — на 7,8% и сырья для тяжелой индустрии — на 26,2% [2]. Изменение импортного плана наряду с огромным подъемом отечественного машиностроения позволило СССР создать необходимые условия для успешного развития производительных сил, для решения ряда сложных проблем высвобождения народного хозяйства от импортной зависимости.

Советское государство, располагавшее ограниченными резервами валюты, стремилось с наименьшими потерями приобрести на внешних рынках промышленное оборудование, тракторы, металл, сырье. Выполняя директивы партии, правительство почти весь импорт подчинило интересам индустриализации. Доля средств производства в валовом ввозе СССР составляла более 91%. Особенностью советского импорта в первой пятилетке являлся высокий удельный вес в нем машин и оборудования: в 1929 г.— 30,1%, в 1930 г.- 46,8, в 1931 г.— 53,9 и в 1932 г.— 55,7%.

---

[1] См. *А. И. Иоффе.* Внешняя политика Советского Союза. 1928-1932 гг. М., 1968, стр. 134.

[2] См. «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», стр. 12.

К концу пятилетки СССР выдвинулся на первое место в мире по импорту машин и оборудования. В 1931 г. около одной трети, в следующем году — около половины всего мирового экспорта машин приходилось на СССР [1].

Реально мыслящие представители деловых кругов видели в СССР весьма выгодного торгового партнера и стремились к расширению связей с ним. Сторонниками широкой торговли между США и СССР выступали X. Купер, Г. Форд, писатель Т. Драйзер, сын министра торговли США Р. Ламонт. После посещения нашей страны (1932 г.) последний предлагал свои услуги Амторгу в качестве консультанта. «Чем скорее Россия завершит свое строительство,— заявлял он на пресс-конференции,— тем в большем выигрыше от этого будут все страны, так как Россия будет представлять собою обширный рынок... Американские бизнесмены сами себя секут тем, что упускают огромные торговые возможности, которые предоставляет Россия». «СССР может дать заказы на миллионы долларов для американского труда, и не воспользоваться ими в нынешнее время,— заявлял тогда же сенатор X. Джонсон, — это просто экономическое идиотство». Несмотря на отсутствие дипломатических отношений между США и СССР, Амторг пользовался большим авторитетом среди деловых кругов Америки. В 1929 г. 1123, в 1930 г. 1700 американских фирм выполняли через него советские заказы [2].

Большую заинтересованность в торговле с СССР проявляли фирмы Германии, Англии и других капиталистических стран.

Из промышленных центров Германии в Берлин, пишет Г. Мюнх, шел «поток многочисленных заявок и требований торговать с Советским Союзом». Торгово-промышленная палата Хемница признавала, что заказы СССР были единственным «лучом света». А журнал «Профсоюзный архив» писал: «Россия, несомненно, является важным фактором мировой экономической политики, на что не следует закрывать глаза даже ярым врагам большевиков». Капиталисты стремились скрыть от рабочих заинтересованность в советских заказах, сохранить в тайне масштабы и подробности деловых связей с СССР [3].

---

[1] См. «Внешняя торговля СССР. Статистический сборник. 1918-1966», стр. VIII.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 8344, оп. 10, ед. хр. 594, л. I (об.).

[3] *H. Munch.* Arbeit und Brot durch sowjetische Produktions aufträge. 1929—1932. Berlin. 1967, S. 38—53,

Советские заказы стали важным фактором улучшения материального положения рабочих капиталистических стран. Эти заказы в условиях кризиса, например, в Германии обеспечили работой около 200 тыс. рабочих[1]. О размерах импорта машин и оборудования за первую пятилетку дает представление следующее сопоставление. За 20 лет Советской власти (1918—1937 гг.) было приобретено за границей машин и оборудования на 4,3 млрд. руб. (в ценах 1960 г.), из которых 57% пришлось на четыре года пятилетки[2]. Импорт содействовал созданию ряда новых и техническому обновлению старых предприятий, ускорял технический прогресс в СССР. Только за последние два года пятилетки импортная техника устанавливалась на 500 промышленных предприятиях. Второй крупной статьей ввоза являлся металл, на который за пятилетку было израсходовано $^1/_5$ всех валютных расходов[3]. Особенно ощутима импортная зависимость была в качественных сталях. Ни в какой другой период борьбы советского народа за экономическую независимость нашей страны импорт не играл такой заметной роли, как в первой пятилетке.

Временное увеличение импорта в годы первой пятилетки не противоречило политике борьбы с экономической зависимостью страны от мирового рынка. Наоборот, импорт способствовал высвобождению Советского Союза от нее. Каждая технически совершенная машина или механизм, каждая тонна качественного металла, ввозимые из-за границы, служили интересам достижения полной экономической независимости страны. С помощью импортного оборудования Советское государство сумело в короткие сроки заново построить и пустить ряд предприятий. Разумеется, сам по себе импорт машин и оборудования не дал бы такого положительного и быстрого эффекта, если бы не то обстоятельство, что в широких размерах он начался в период развертывания собственной тяжелой промышленности.

---

[1] На Международной экономической конференции (1933 г.) М. М. Литвинов заявил, что советские заказы лишь в 1932 г. могут обеспечить работой 300 тыс. рабочих Германии (см. *М. Литвинов.* Внешняя политика СССР. М., 1935, стр. 239).

[2] См. «Внешняя торговля СССР. Статистический сборник. 1918—1966», стр. VIII.

[3] См. там же, стр. IX.

Приобретение и эффективное использование импортной техники оказалось сложным делом. ЦК ВКП(б) и СНК СССР требовали от Госплана, ВСНХ, НКВТ, НКТП СССР, от всех хозорганов строго определять действительные потребности отраслей и предприятий в импортной технике, металле, сырье. В марте 1930 г. газета «Экономическая жизнь» начала кампанию за оздоровление импорта, т. е. за замену импортных изделий, строжайшую экономию в расходовании валюты и полное использование импортного оборудования. Газета напечатала статьи А. И. Микояна и В. В. Куйбышева, приветствовавших эту кампанию [1].

Серьезным предостережением хозяйственникам, привыкшим ориентироваться в процессе технической реконструкции исключительно на импорт, явилось обращение ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1930 г. «О третьем годе пятилетки». ЦК отметил как ненормальное явление «многочисленные факты явно раздутых требований на импортное оборудование». Стремление той части хозяйственников, которые хотели обеспечить нужды производства только за счет импорта, ЦК квалифицировал как бюрократизм и оппортунистическое неверие в возможности социалистической индустрии [2]. К этим вопросам приковывалось внимание импортных комиссий, профсоюзных органов, печати, инженерно-технической и рабочей общественности. Наивысшего подъема движение за пересмотр импортных планов достигло в 1932 г.

С призывом развернуть соревнование рабочих коллективов за разработку встречных планов импортной независимости СССР обратился ВЦСПС. Этот призыв горячо поддержали московские и харьковские машиностроители [3]. Повсюду возникали антиимпортные бригады, комиссии; проводились декадники, смотры. В некоторых областных и краевых Советах профсоюзов создавались секторы «За экономическую независимость СССР». Госплан предлагал образовать в системе Госплана или НКВТ специальный орган, который разрабатывал бы меры по освобождению страны от импорта. Вместе с профсоюзными в этом

---

[1] См. «Экономическая жизнь», 23, 25 марта 1930 г.

[2] См. «Справочник партийного работника», вып. 8, стр. 391.

[3] См. «Труд», 26 января и 14 февраля 1932 г.; «Пролетарий», 21 января 1932 г.

движении активно участвовали партийные и комсомольские организации.

Проверить мероприятия по организации встречного плана за сокращение импорта и за овладение новыми видами производств обязывало парторганизации бюро Сталинского райкома ВКП(б) Москвы, добиваясь, чтобы каждый член партии, каждая бригада и рабочий взяли на себя в этом отношении конкретные обязательства [1]. Секретариат МГК ВКП(б) отмечал, что движение за экономическую независимость охватило широкие круги рабочих, техников и инженеров. Партийные и комсомольские организации Москвы, Ленинграда, Харькова, Горького и других городов воспитывали рабочие коллективы в духе государственного отношения к вопросам импорта. НКВТ СССР было предоставлено право уменьшать импортные заявки хозяйственных объединений при выявлении возможностей на изготовление аналогичных изделий внутри страны.

Заметно активизировали свою деятельность по сокращению импортной зависимости научные инженерно-технические общества и инженерно-технические секции. Ими был создан Всесоюзный комитет по освобождению страны от импорта [2]. На V Всесоюзном съезде инженеров и техников отмечалось, что только за 1932 г. по предложению инженерно-технических секций по стране было снято с импорта изделий на сумму 200 млн. руб. [3]

Повсеместный пересмотр импортных планов давал быстрые и положительные результаты потому, что Коммунистическая партия сумела поднять на эту работу массы коммунистов и комсомольцев, рабочих, инженеров, техников и торговых работников.

Резко возросший за первую пятилетку производственный импорт был важным дополнительным источником техники и металла для реконструировавшегося социалистического народного хозяйства. Его эффективность оказалась высокой благодаря целенаправленной и последовательно осуществляемой ленинской политике. Социалистическая система народного хозяйства и монополия внешней торговли проявили свои замечательные возможности и преимущества перед капиталистической.

---

[1] Партийный архив Института истории партии МК и МГК КПСС, ф. 84, оп. 1, ед. хр. 38, л. 54.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 7676, оп. 2, ед. хр. 268, л. 19.

[3] См. «Труд», 27 ноября 1932 г.

Одновременно с расширением внешнеэкономических сношений ЦК ВКП(б) и ЦКК — НК РКИ повысили требовательность к работникам торговых представительств СССР за границей.

В 1930—1932 гг. заметно улучшилась организация подготовки кадров. Учитывая важность и большой размах внешней торговли, в 1931 г. были созданы Академия внешней торговли, Институт внешней торговли, внешнеторговые факультеты в ленинградском и московском институтах трудящихся Востока. Ряд объединений («Экспортлес», «Интурист», «Совфрахттранс») организовали сеть постоянных курсов для подготовки и переподготовки сотрудников. Расширялись учебные заведения и рабфаки объединения «Союзпушнины».

Принятые меры значительно повысили государственную дисциплину сотрудников торгпредств и других внешнеторговых учреждений; они обогатились опытом сотрудничества с капиталистическими фирмами и банками. При этом учитывались особые условия загранработы и принимались меры по повышению бдительности сотрудников торгпредств, по воспитанию у них непримиримости к торговым партнерам, когда затрагивались интересы государства, устойчивости против буржуазной и троцкистской пропаганды. Для организации оперативного контроля при ЦКК была образована группа внешней торговли. Особенностью этого периода было активное участие в деятельности торгпредств СССР членов зарубежных компартий. Иностранные коммунисты совместно с нашими торговыми работниками многое делали для налаживания контактов торгпредств СССР с деловыми кругами. Зная местные условия и повадки капиталистов, они не раз предупреждали ошибки советских торговых работников. Коммунистическая партия Германии — основного торгового партнера СССР — проводила среди рабочих большую работу в связи с советскими заказами[1].

[1] Об этой интересной и мало изученной странице истории КПГ рассказывается в книге Ганса Мюнха «Работа и хлеб благодаря советским промышленным заказам». Среди немецких рабочих широко пропагандировался коммунистами лозунг «бороться за высококачественное исполнение заказов СССР». Г. Мюнх сообщает, что рабочие Германии «чувствовали, что таким путем они приобщаются к великому социалистическому строительству и могут впервые в своей жизни применить приобретенные на капиталистических предприятиях знания на пользу международного рабочего класса».

В большинстве случаев покупка импортных товаров производилась в кредит, что приводило к увеличению иностранной задолженности СССР. Меньше росла задолженность по экспортным операциям в виде авансирования советских товаров иностранными фирмами и предпринимателями. Фирменные и банковские кредиты предоставлялись Советскому Союзу Германией, Англией, Италией, США и другими странами в разнообразных формах по экспортно-импортным операциям. Отклоняя иностранные кредиты с кабальными условиями, правительство вместе с тем стремилось использовать те из них, которые укрепляли экономическую мощь, способствовали ускорению индустриализации страны. Положение усугублялось существованием почти во всех капиталистических странах «черных бирж», к услугам которых прибегали фирмы, деля с ними значительную долю прибылей от советских заказов. Товарные кредиты ограничивали маневренность торгпредств, не давали возможность в большей степени использовать рыночную конъюнктуру и стоили чрезвычайно дорого. Советскому правительству приходилось нередко переплачивать иностранным кредиторам немалые суммы валюты.

В обстановке экономического кризиса и враждебности правящих кругов капиталистических стран особое внимание правлений Госбанка и Внешторгбанка СССР обращалось па допущение минимальных потерь. В постановлении от 18 октября 1931 г. «О кредитно-финансовых операциях за границей» Президиум ЦКК требовал прекратить самотек и стремление получить иностранные кредиты любой ценой. НКВТ и Госбанку поручалось усилить бооьбу за снижение кредитных процентов, улучшить практику их использования Прорыв кредитной блокады в период пятилетки имел важное политическое значение для развития экономических отношений СССР с капиталистическим миром.

Большие размеры импорта, трудности реализации и снижение валютной эффективности экспорта, дискриминация иностранных банков в отношении советского золота, высокие проценты внешних кредитов, использование зарубежных морских судов — все это определило крупную внешнюю задолженность СССР: в конце 1931 г. она

---

[1] См. «50 лет советской внешней торговли», стр. 41; ЦГАОР СССР, ф. 8344, оп. 11, ед. хр. 51, л. 158-159.

достигла 1400 млн. руб.[1] Это был самый большой внешний долг СССР. Он быстро погашался и по своей сущности не являлся показателем финансовой зависимости Советского государства от капиталистических монополий и банков.

Цели кредитной политики СССР видели правящие круги капиталистических держав и, как могли, препятствовали ее осуществлению. Многие правительства отказывались выдавать фирмам государственные гарантии, а если и давали, то преимущественно под краткосрочные кредиты. На просьбу советского посла о предоставлении долгосрочного кредита министр финансов Англии Чемберлен откровенно отвечал: «Что же вы хотите, чтобы мы давали долгосрочные кредиты нашему врагу? Нет, уж лучше мы используем наши деньги в других направлениях». Также откровенно в 1931 г. говорил лидер консерваторов Болдуин: «Кредиты, которыми Россия пользуется у нас, идут на осуществление пятилетнего плана. Это значит, что мы помогаем финансировать то оружие, которое затем должно будет поразить нас в сердце»[2]. Несмотря на дороговизну и ряд невыгодных моментов, такие кредиты все же позволяли СССР в значительно больших размерах и в сжатые сроки, чем при наличных расчетах, импортировать необходимое оборудование, металл и полуфабрикаты. Жизнь еще раз подтверждала правильность политики партии и несостоятельность прожектерских рекомендаций оппозиционеров по поводу займов и импорта. Не допуская ни малейшей возможности подчинения социалистического хозяйства иностранному капиталу, Советскому правительству удалось привлечь дополнительные средства для индустриализации. Жертвы, понесенные при этом на выплате повышенных процентов за кредиты, окупались значительными политическими и экономическими результатами.

Объем иностранных кредитов был незначительным по сравнению с общими размерами капиталовложений в народное хозяйство, которые производились нашим государством. Валютная монополия и своевременные выплаты по иностранным кредитам обеспечивали Советскому государству финансовую самостоятельность. Как учил В. И. Ленин,

---

[1] См. «Правда», 4 января 1934 г.

[2] См. *И. М. Майский.* Воспоминания советского посла в Англии М, 1960, стр 21–22, 38

Советское правительство не допускало заключения каких-либо кабальных торгово-финансовых соглашений, хотя предоставляло иностранным фирмам и банкам выгодные условия делового сотрудничества.

Наибольшие размеры внешней финансовой задолженности образовались в 1930—1932 гг. Это объяснялось не только проявлением новых внешнеторговых и кредитных возможностей для СССР. Мировой экономический кризис вызвал острый валютный кризис. Обесценение валюты произошло в 40 капиталистических странах.

С целью подорвать валютную устойчивость СССР буржуазные экономисты и пропагандисты распространяли клевету о «валютной инфляции в СССР», о том, что якобы «советская валюта не представляет никакой ценности» и т. п. Уже первая пятилетка показала, что в годы экономического кризиса Советский Союз был единственным платежеспособным государством с устойчивой валютой. Честность в торговле и точность в расчетах с партнерами обеспечили беспрекословный авторитет СССР на мировом рынке как торгового партнера. Американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Советский Союз соблюдал чрезвычайную точность в отношении выполнения всех признанных им обязательств. Вся советская торговая задолженность в Германии и в других странах была погашена полностью, а нежелание, с которым многие страны смотрели на торговые отношения с СССР сначала, теперь уступило место поискам расширения этих отношений» [1], СССР проявил большую маневренность во внешней торговле и валютных расчетах, чем любое капиталистическое государство. Советское правительство умело планировало внешнюю торговлю и свои расчетные взаимоотношения с другими государствами.

В экономической жизни СССР, территория которого омывается водами двух океанов и 14 морей, большую роль играл морской транспорт. Известно, что в годы гражданской войны и иностранной интервенции значительная часть морского флота была потоплена или уведена за границу. Между тем объем перевозок и грузооборот морского флота уже в 1932 г. достиг довоенного уровня [2]. Это требовало до-

---

[1] «Внешняя торговля», 1937, № 1. стр. 7.

[2] В дореволюционной России 87% импортных и 93% экспортных товаров перевозились на иностранных судах.

полнительных валютных ассигнований. В отдельные годы суммы валюты за перевозку грузов достигали почти 10 млн. ф. ст. В 1931 г., например, на оплату иностранных судов было израсходовано 75 млн. валютных рублей. Советский торговый флот обеспечил перевозки внешней торговли в 1929 г. по экспорту лишь 7,1% и по импорту — 41,3%; в 1932 г. соответственно — 5,2 и 41,6%. Лишь за 1930—1932 гг. было зафрахтовано 10,8 тыс. иностранных судов[1].

Выполняя директивы партии, Советское правительство установило государственную монополию па фрахт. Было создано акционерное общество «Совфрахт». Перевозка грузов сосредоточивалась в едином центре, которому приходилось вести упорную борьбу против национальных и международных объединений судовладельцев. В 1929—1932 гг. численность морского флота СССР увеличилась с 379 до 449 судов, а общая грузоподъемность его поднялась с 335,6 до 859,7 тыс. тони (1933 г.), т. е. в 2,5 раза[2].

Как и на всех участках внешнеэкономических связей нашего государства, в области фрахта партия требовала соблюдения экономии валюты. Особенно строго к этому делу стали подходить со второй половины 1929 г., когда было перерасходовано около 2,5 млн. руб. валюты и выявлено неудовлетворительное состояние учета средств на эти цели[3]. В Северо-Западной и Ленинградской областях, Северном и Дальневосточном краях была проведена проверка валютных расходов, а в январе 1930 г. Президиум ЦКК обсудил меры по экономии валюты Совторгфлотом. Он рекомендовал усилить борьбу за экономию расходования валюты судовыми командами.

В декабре 1931 г. и в марте 1932 г. ЦКК и НК РКИ СССР обсудили состояние транспортной работы Наркомвнешторга и объединения «Совфрахт». В принятом постановлении указывалось на отсутствие продуманной фрахтовой политики, недостаточное использование фрахта как средства продвижения советского экспорта. Отмечались крупные валютные потери, задержки в доставках импортного оборудования, слабое руководство филиалами «Совфрахта». Транспортная работа была признана неудовлетво-

---

[1] См. «Внешняя торговля СССР к XVII съезду ВКП(б)», стр. 197—198.

[2] См. там же; ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 31, ед. хр. 936, л. 142.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 8344, оп. 10, ед. хр. 658, л. 70.

рительной. Аппарат «Совфрахта» подлежал реорганизации, производственная деятельность его переводилась на хозрасчет. Правлению рекомендовалось из годовой прибыли 20% отчислять в премиальный фонд.

Партийные и хозяйственные органы боролись за сокращение времени погрузки и разгрузки иностранных пароходов, чтобы уменьшить валютные расходы. Поступления в валюте за досрочную погрузку судов выросли с 370 тыс. руб. в 1929 г. до 430 тыс. руб. в 1933 г. с одновременным уменьшением потерь от простоев судов примерно в 6 раз[1].

Рост грузоподъемности отечественного торгового флота, совершенствование системы фрахта укрепили позиции нашей страны на мировом фрахтовом рынке, сэкономили немало средств для упрочения экономической независимости СССР.

Рост импорта в первой пятилетке отражал потребность бурно развивающихся отраслей промышленности. Однако, несмотря па сравнительно немалые абсолютные размеры импорта, удельный вес его в общем потреблении страны был незначительным. Так, даже за годы первой пятилетки доля всех импортных товаров в общем потреблении СССР составляла примерно 3% [2]. Она была меньше, чем в США, Англии, Германии, Швеции и других странах. Правда, доля отдельных статей импорта в потреблении народного хозяйства СССР была значительной.

Советскому правительству было далеко не безразлично, кому давать импортные заказы. При этом учитывался ряд обстоятельств: торгово-политические взаимоотношения, индустриально-технический уровень страны (и фирмы) и условия получения кредитов. Приходилось прекращать импортные отношения с иностранными фирмами, которые принимали участие в антисоветских акциях.

Большие усилия прилагались к лучшему использованию конъюнктуры внешних рынков. Однако в абсолютном большинстве случаев цены на оборудование, покупаемое СССР, превышали среднемировые, отчего лишь в третьем году пятилетки потери составили около 50 млн. руб. или 7% от общей суммы, затраченной на приобретение оборудования. Торгпредствам нередко приходилось сталкиваться

---

[1] См. «Внешняя торговля к VII съезду Советов СССР», стр. 26.
[2] См. «50 лет советской внешней торговли», стр. 44.

с национальными и международными картелями, имевшими соглашения по ценам на товары, покупаемые СССР. ЦКК ВКП(б), НКВТ, общественные организации торгпредств и объединений вели настойчивую борьбу с переплатами, с фактами просрочки платежей.

Советское правительство, Наркомвнешторг всегда боролись за качественное исполнение заказов иностранными фирмами. При этом особые требования предъявлялись к фирмам, изготовлявшим для СССР военную технику. О работе наших приемщиков самолетов Хейнкель (Германия) позднее говорил: «...они вмешивались в каждую мелочь... Мои люди не могли избавиться от них. Они сотни раз испытывали материалы. Они испытывали каждую проволоку, каждый кусок полотна, каждую деревянную деталь. Их контроль вскоре заставил меня усилить свой надзор. Мы вдруг начали работать с такой точностью и в таком темпе, каких у нас никогда не было раньше» [1].

Абсолютное большинство машин и оборудования приобретенного Наркомвнешторгом у капиталистических фирм, было хорошего качества и современных конструкций. Вместе с тем со стороны некоторых фирм-поставщиков имели место факты недобросовестности.

Несмотря на очевидные выгоды от торговли с СССР, отдельные капиталисты превратили продажу техники в участок острой классовой борьбы. Они не гнушались никакими средствами в этой борьбе: обман, шантаж, подкуп, взятки — все пускалось в ход ради наживы и нанесения ущерба Стране Советов.

ЦК партии и Советское правительство требовали от торговых работников усилить контроль за процессом выполнения заказов, быть внимательнее при приемке готового оборудования. Работники, виновные в халатности или допускавшие приемку некачественных импортных машин, строго наказывались. В ряде специальных постановлений указывались меры по борьбе со злоупотреблениями иностранных фирм при выполнении советских заказов и приемке импортного оборудования. Одновременно торгпредствам СССР предлагалось усилить меры воздействия к фирмам, допускавшим злоупотребления при выполнении советских заказов. В интересах улучшения импортной работы и уси-

---

[1] См. *А. Яковлев.* Цель жизни. М., 1968, стр. 231—232.

ления контроля за качеством ввозимой техники в сентябре 1931 г. объединение «Машиноимпорт» было разукрупнено на два объединения — «Госметмашимпорт» и «Маштрансимпорт». В 1931—1932 гг. на германские, английские и американские станки было предъявлено 617 официальных рекламаций.

Для разбирательства споров, возникавших во внешнеторговых операциях, в частности споров методу иностранными фирмами и советскими организациями, при Всесоюзной торговой палате была учреждена Внешнеторговая арбитражная комиссия.

Принятые меры повысили бдительность и требовательность советских специалистов при приемке импортного оборудования. Случаев нарушений контрактов зарубежными фирмами стало меньше. Контроль за этим делом со стороны приемщиков торгпредств и предприятий продолжал совершенствоваться в последующие годы.

Большое государственное значение для повышения эффективности экономических связей СССР с капиталистическими фирмами, банками и транспортными компаниями имело сохранение коммерческой тайны. Необходимо было строго следить за охраной торговых секретов, воспитывать у работников внешнеторгового аппарата бдительность и чувство ответственности за государственные интересы.

Охраняя монополию внешней торговли, советским органам пришлось продолжать упорную борьбу с контрабандой. Возникновение импортной контрабанды обусловливалось слабостью нашей промышленности, недостатком ряда товаров массового потребления и наличием в стране частнокапиталистического сектора. Кроме импортной контрабанды совершался незаконный вывоз за границу валюты, ценностей и имущества эмигрантов. Контрабандистами являлись не только частные лица, но и фирмы. Все контрабандные операции были связаны с вывозкой валюты из страны и наносили серьезный ущерб советской экономике. Борьба с контрабандой была сложной и трудной. К ней широко привлекалась общественность, население пограничной полосы. Только в 1929—1930 гг. было выявлено 20 179 фактов контрабанды. Усилилась борьба с должностными преступлениями лиц — пособников контрабанды.

Укрепление социалистической экономики СССР, политико-разъяснительная работа партийных и комсомольских организаций среди населения пограничных районов, уси-

ление административных репрессий сократили число контрабандных нарушений монополии. Если в 1928 г. было пресечено 35 159 случаев импортной и 3585 случаев экспортной контрабанды, то с 1933 г. их число резко сокращалось [1]. За 1925—1930 гг. советские пограничники задержали золота, валюты и различных контрабандных товаров на сумму 30 млн. руб.[2]

Важнейшим итогом борьбы нашего государства за экономическую независимость в годы первой пятилетки было то, что удалось окончательно отразить попытки империалистов подорвать монополию внешней торговли и валютную монополию, заставить смириться с невозвратимостью дореволюционных долгов, вынудить их строить свои экономические отношения с СССР на принципах, разработанных В. И. Лениным и развитых Коммунистической партией.

Советское правительство проводило особую политику экономического сотрудничества со странами Востока, не скрывая своей заинтересованности в торговле с ними по политическим и экономическим соображениям. Вырученные здесь валютные средства были небольшими. Политически важным был тот факт, что сотрудничество с СССР ослабляло влияние на их экономику мирового экономического кризиса, ограждало их от экономической агрессии монополий.

Первой пятилеткой завершился сложный, но решающий этап борьбы Советского государства за экономическую независимость от капиталистических стран. В области внешнеэкономических отношений он ознаменовался новыми победами, обеспечившими перелом в торгово-финансовых взаимоотношениях СССР с капиталистическим миром и значительно укрепившими позиции первой страны социализма на мировой арене.

---

[1] См. «Внешняя торговля», 1938, № 4—5, стр. 91, 93.

[2] См. *П. Зырянов.* Полвека боевой вахты. «Правда», 18 мая 1968 г.

2. ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ КОНЦЕССИЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ

Отражая наскоки «левых» оппортунистов и маловеров, партия проводила ленинский курс на привлечение из-за границы специалистов и предпринимателей-концессионеров. Этот курс конкретизировался XIV—XVI съездами, пленумами и многими постановлениями Центрального Комитета. ЦК ВКП(б) и СНК СССР намечали размеры и объекты сотрудничества с иностранными фирмами, учили видеть и использовать в интересах развития производительных сил страны различные формы этого сотрудничества, вскрывали и устраняли недостатки в его организации.

Как и прежде, концессионная политика Советского государства в первой пятилетке подчинялась целям построения фундамента социалистической экономики. Как и прежде, в эти годы она соответствовала задачам укрепления экономической самостоятельности СССР и нормализации отношений с капиталистическими странами. Однако уже в начале пятилетки стало ясно, что концессии проявили свою малоэффективность и бесперспективность[1]. Абсолютное большинство концессионных предложений оказалось или неприемлемыми, или недостаточно выгодными для СССР. Об этом говорят следующие данные. За период 1921 г.— октябрь 1929 г. поступило 2670 предложений (вместе с предложениями о технической консультации). На территории СССР действовало в 1927 г. — 73, в 1928 г.— 68 и в 1929 г.— 59 концессий, среди которых 13 являлись смешанными концессиями. Кроме них к операциям в СССР были допущены 6 акционерных обществ и 27 иностранных фирм[2].

По состоянию на 1 октября 1928 г. вложения иностранного капитала в концессионные предприятия исчислялись 57,7 млн. руб. В них было занято около 20 тыс. человек, среди которых только 10% иностранцев; доходы государства от них составили 10,1 млн. руб.[3] Доля продукции концессий в общей продукции промышленности СССР равня-

---

[1] См. «XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет». М.—Л., 1928, стр. 980.

[2] См. «Год работы правительства СССР», 1930, стр. 317, 318.

[3] См. там же, стр. 320.

лась 0,6% [1]. Лишь отдельные концессии дали ощутимую пользу советскому народному хозяйству, среди них — шведские СКФ (производство подшипников) и АСЕА (строительство электромеханического завода в Ярославле), английская горная корпорация «Тетюхе», концессия «Гриннер и К°», смешанное русско-американское акционерное общество «Рагаз» (газовая сварка) и некоторые другие.

Советское государство проводило ленинскую политику в отношении иностранного капитала: не допускало кабальных сделок, которые могли бы подорвать основы экономической самостоятельности нашей страны, приглашало действительно необходимых и солидных концессионеров. При этом неукоснительно соблюдался принцип учета экономических и политических интересов государства.

Несмотря на очевидные выгоды и надежность концессионного дела (плановость системы, помощь и гарантии правительства, немалые прибыли, отсутствие экономического кризиса), что признавали сами капиталисты, крупный капитал уклонился от деятельности на территории СССР. Причины этого заключались, во-первых, в общих политических отношениях капиталистических стран с СССР, которые оставались весьма напряженными; во-вторых, мировой экономический кризис, с одной стороны, внес растерянность в деловые круги, а с другой, уменьшил их возможность в финансово-экономической деятельности; в-третьих, немалую роль здесь сыграла антисоветская буржуазная пропаганда, которая извращала смысл, принципы и перспективы концессионной политики, раздувала трудности этого сотрудничества.

Анализ документов и материалов, свидетельствующих о взаимоотношениях иностранных концессионеров и Советской власти, говорит о взаимной заинтересованности, о большой выдержке и терпимости, о недопущении поспешности при решении конкретных вопросов со стороны государственных органов по отношению к иностранным предпринимателям.

Большинство концессий получало в СССР огромные прибыли — значительно больше тех, которые удавалось им получить в конкурентной борьбе у себя на родине. Вместе с тем правительство не могло мириться с многочислен-

---

[1] См. «Фабрично-заводская промышленность СССР». М., 1930, стр. 43.

ными фактами нарушений концессионерами советского законодательства, условий договоров, а также с тем ущербом, который наносили концессионеры политическому воспитанию рабочих. Партийные органы стремились укрепить коммунистические и профсоюзные организации концессионных предприятий. Перед ними ставились задачи по защите экономических, культурных и бытовых интересов рабочих коллективов, по руководству стачечной борьбой в них.

Местные органы власти внимательно изучали хозяйственные и политические итоги деятельности концессий. Они обсуждались, например, на совещании профсоюзных работников концессий Москвы, Ленинграда и Ярославля, проведенном в начале апреля 1929 г. ЦК профсоюза работников металлопромышленности. В мае бюро Рогожско-Симоновского райкома партии (Москва) отмечало извращения в концессионной политике со стороны СНХ РСФСР[1]. Изучив состояние концессий, а также материалы двух комиссий, Московский комитет направил в ЦК партии докладную записку, в которой приводились факты нарушений концессионной политики. МК ВКП(б) поставил вопрос о ликвидации ряда концессий[2]. О вредности английской концессии «Лена Голдфилдс» А. П. Серебровский писал позднее: «Во время работы концессии, которая приложила все усилия к тому, чтобы разрушить предприятия, лучшая часть рабочих, в том числе лучшая часть парторганизации, принуждена была уйти за пределы района — многие ушли на Алдан. Политическое развитие рабочих и служащих «Лены» отстало, по крайней мере, на 3 года от рабочих других промышленных районов СССР. С этой размагниченностью, с оппортунизмом не была развернута широкая борьба, и наследие концессии давало себя крепко чувствовать»[3]. К такому же выводу пришла правительственная комиссия, обследовавшая технико-производственную деятельность этой концессии. За экономический ущерб, причиненный Советскому государству, Верховный суд СССР осудил ряд сотрудников концессии «Лена Голдфилдс».

Анализ решений и директив партии показывает, что после XV съезда не ставилась задача привлечь в СССР

---

[1] Партийный архив Института истории партии МК и МГК КПСС, ф. 3, оп. 11, ед. хр. 707, л. 18.

[2] Там же, л. 1—6.

[3] *А. П. Серебровский.* На золотом фронте, кн. 1, стр. 311—312.

иностранных концессионеров. Наоборот, в этот период происходил процесс постепенной ликвидации концессий. Этот процесс ускорился после внимательного изучения состояния концессий комиссией Политбюро ЦК ВКП(б). В начале 1930 г. комиссия рекомендовала, чтобы расторжение концессионных договоров проводилось с согласия сторон, без ненужных конфликтов с иностранными державами. Расходуя значительные средства, Советское правительство досрочно выкупило концессионные предприятия у иностранцев. За 1930—1932 гг. были ликвидированы 36 концессий. В конце первой пятилетки их насчитывалось в стране 24[1].

Причины ликвидации иностранных концессий в СССР заключались в следующем. Бурный рост социалистического народного хозяйства устранял полумонопольное положение ряда концессий внутри СССР и лишал их возможности получать высокие прибыли. Абсолютное большинство концессий не выдерживало конкуренции с новыми крупными, технически оснащенными государственными предприятиями. Кроме того, концессии произвели незначительные капиталовложения. Например, из общей суммы капиталовложений концессионеров за 1928/29 г. в 37 млн. руб. лишь 6,3 млн. руб. были ввезены из-за границы[2]. Концессионеры почти не внедряли новую технику, технологию, передовой заграничный производственный опыт. Многие из них работали на импортном сырье, присваивали в виде прибылей немалые суммы валюты.

Ленинская концессионная политика убедительно свидетельствовала об искреннем стремлении СССР к деловому сотрудничеству с капиталистическими странами на основе взаимной выгоды. Ее осуществление содействовало обеспечению мирных условий социалистического строительства. Жизнь наглядно подтвердила дальновидность ленинских прогнозов о ненадежности сотрудничества иностранного капитала с Советским государством в форме концессий. Практика доказала несостоятельность критики и упреков в адрес ЦК со стороны оппозиционеров и маловеров, призывавших в начале 20-х годов к безграничному привлечению иностранных концессионеров. Она опрокинула также на-

---

[1] См. «История СССР», 1959, № 4, стр. 53—54; *П. А. Хромов.* Некоторые закономерности развития промышленности СССР. М., 1963. стр. 94.

[2] См. «Год работы правительства СССР», 1930, стр. 320.

дежды некоторой части буржуазных специалистов на реставрацию капитализма посредством широкого внедрения концессионного капитала, путем успешной конкуренции концессионных предприятий с государственными. Политика и действительность опровергли и эти несостоятельные расчеты. Жизнь подтвердила правильность внешней и внутренней политики Советского государства, мобилизовывавшего собственные силы и средства страны и из года в год, от одного этапа к другому, обеспечивавшего экономическую независимость народного хозяйства.

В период 1927—1931 гг. партия и правительство попытались активизировать политику привлечения технической помощи в СССР. Ленинская идея использования достижений мировой науки и техники посредством информации (БИНТ) развивалась по мере расширения экономических связей с капиталистическими державами и увеличения валютных возможностей у нашего государства. Анализ многочисленных документов партии и правительства позволяет проследить процесс перерастания технического сотрудничества СССР с заграницей от информации к непосредственному участию фирм в создании новых производств и реконструкции старых предприятий. Это видно из анализа резолюций XV и XVI съездов, объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1928 г. Определяя состояние и перспективы дальнейшего развития текстильной, химической, машиностроительной, лесной, металлургической промышленности, производства некоторых сельскохозяйственных культур, Центральный Комитет обязывал партийные и хозяйственные органы добиваться привлечения зарубежной технической консультации и приглашения квалифицированных специалистов капиталистических фирм. Это требование содержалось в партийных решениях, принятых до 1930 г. (включительно). В дальнейшем не ставилась задача по массовому привлечению иностранной техпомощи. По мере необходимости подобные вопросы решались в каждом конкретном случае.

В вопросе привлечения иностранной техпомощи пришлось преодолеть две противоположные точки зрения, существовавшие среди работников ВСНХ и хозяйственников. По этому поводу В. В. Куйбышев говорил: «Конечно, нельзя заниматься самобичеванием. Но нельзя же впадать в другую крайность — самовлюбленность. Линию на приглашение иностранных специалистов, на освоение

промышленностью иностранной техники мы будем проводить не кое-как, и не постепенно, и не маленькими аптекарскими дозами, а как можно более быстрыми темпами... Это линия ВСНХ и одновременно государства и партии»[1]. Вместе с тем В. В. Куйбышев предостерегал от слепого копирования зарубежной техники.

Предложений иностранных фирм о технической помощи поступало в 8—10 раз меньше, нежели концессионных предложений. На 1 октября 1929 г. Советское правительство утвердило 70 договоров с иностранными фирмами о техпомощи[2]. Правительство упростило порядок заключения договоров о технической консультации с иностранными фирмами; были ликвидированы действовавшие в СССР бюро иностранной технической консультации, так как при существовавшей организации они больше занимались коммерческими делами, что являлось нарушением монополии внешней торговли.

Использование иностранной технической помощи никогда не было беспрекословным выполнением рекомендаций иностранцев. Последнее слово всегда было за советскими инженерами и конструкторами.

Наибольших масштабов иностранная техпомощь достигла в конце 1930 — начале 1931 г., когда только промышленность СССР имела 124 соглашения с иностранными фирмами стоимостью в 83 млн. руб. (валютные расходы). Большинство из них (около 70%) было заключено в первой половине пятилетки[3]. Кроме того, элементы техконсультации содержали многие договоры на импортные поставки оборудования (монтаж, содействие в пуске машин, документы, инструктаж). Это была попытка Советского государства расширить связи с капиталистическими фирмами еще в одной сфере сотрудничества. Правительство отдавало себе отчет в том, что по мере устранения последствий кризиса и наращивания экономической мощи СССР в капиталистическом мире будут усиливаться тенденции против делового сотрудничества со страной социализма.

Несмотря на высокую стоимость, реализация многих договоров дала положительные результаты. Днепрогэс,

---

[1] *А. Ф. Хавин.* У руля индустрии (Документальные очерки). М., 1968, стр. 75.

[2] См. «Год работы правительства СССР», 1930, стр. 320.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 39, л. 7.

Горьковский автозавод, Московский метрополитен, Сталинградский тракторный завод, Кузнецкий металлургический завод и ряд менее крупных объектов сооружались с участием иностранных фирм.

Для руководства делом привлечения и использования зарубежных технических сил при Строительном комитете ВСНХ СССР в мае 1929 г. было создано Центральное бюро иностранной консультации, приняты меры по его укреплению, так как обнаружились злоупотребления руководителей этого бюро Келена и Фернау. Келен приглашал людей по протекции и без стажа, неспособных, неопытных, которые до этого не имели никакого понятия о рационализации в области промышленного строительства. Проверка показала, что немецкие консультанты явно не справлялись с задачами: вели они кабинетно-оперативную работу. ЦКК — НК РКИ предложила Президиуму ВСНХ усовершенствовать систему использования иностранцев. Некоторых из них направили на стройки, с другими были расторгнуты договоры. За допущенные ошибки начальник Строительного комитета ВСНХ Барский был снят с работы. Осуществлялись меры по усилению руководства иностранными специалистами и в последующие годы.

На Урале, в Подмосковном угольном бассейне имелись группы иностранных специалистов, не имевших ни теоретических знаний, ни практического опыта. Нередко советским специалистам приходилось преодолевать упрямство иностранных технических консультантов, догматически пытавшихся перенести свой опыт в СССР и боявшихся новых экспериментов. Так было при решении ряда технологических проблем при сооружении Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов, Харьковского турбогенераторного завода.

Ошибки советских органов в приглашении в СССР иностранных специалистов влекли за собой непроизводительную трату времени и валюты. Кроме того, они находили соответствующий отклик в заграничной печати; их использовала в антисоветских целях буржуазная пропаганда.

В организации привлечения иностранной техконсультации было выявлено немало недостатков. Отсутствовал единый план. Если одни отрасли сравнительно неплохо обеспечивались ею (электропромышленность, автотракторостроение), то большинство не менее важных отраслей (станкостроение, цветная металлургия, химическая инду-

стрия) почти не прибегали к содействию фирм. Многие договоры о техпомощи не действовали или выполнялись формально. Были допущены случаи заключения почти одинаковых договоров — дублеров; в ряде случаев проявлялось формально-бюрократическое отношение к использованию иностранных специалистов.

Привлекая иностранную техническую консультацию, правительство не забывало ленинские указания о беспощадной конкурентной борьбе монополий в эпоху империализма, о засекречивании ими производственно-технических достижений и открытий. По отношению к СССР, несмотря на явные финансовые выгоды, добавлялись политические мотивы, по которым большинство капиталистических фирм уклонялось от лояльного сотрудничества в области техники и производственного опыта. Кроме того, часть иностранных специалистов опасалась, что их активная деятельность в СССР послужит поводом для «зачисления их в красные» с соответствующими выводами по возвращении на родину. В зарубежной прессе раздавались угрозы в адрес таких специалистов. Несмотря на обострившуюся продовольственную проблему в стране, иностранцам были созданы хорошие материальные условия. «Я никогда не забуду,— вспоминал один из инженеров Горьковского автозавода,— как мучились мы, бессильные устранить брак на мощном прессе. А рядом, разложив на шкафчике аппетитные консервы, сливочное масло и мягкий белый хлеб, двое американских специалистов в кожаных куртках, подбитых цигейкой, закусывали и со снисходительным пренебрежением говорили: — Бросьте, господа, все равно ничего у вас не получится. Вы не умеете варить сталь нужного качества и, вообще, зачем вы все это придумали? Было бы лучше, если бы вы на эти деньги купили у нас не машины, а мясо, масло, муку» [1].

В советской и иностранной литературе распространены разноречивые данные о количестве иностранцев, работавших в СССР. По официальным отчетным данным НК РКИ СССР, на 4 сентября 1932 г. в СССР насчитывалось 9190 иностранных специалистов, 10 655 рабочих и 17 655 членов их семей [2].

---

[1] *Юрий Жуков.* Люди тридцатых годов. М., 1966, стр. 145.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 558, л. 5-8.

Отмечая в целом положительную роль иностранной технической консультации и непосредственного участия зарубежных специалистов в решении некоторых производственно-технологических проблем нашей индустрии, следует констатировать тот факт, что многие фирмы и специалисты оказались несостоятельными в реализации заключенных договоров. Не с лучшей стороны проявили себя американские фирмы Брандта (содействие в реконструкции Московского автозавода) и Мак-Ки (проектирование и строительство Магнитогорского металлургического завода). Поведение руководителей фирмы «Мак-Ки» свидетельствовало о неспособности и нежелании сотрудничать с советскими органами.

Имея опытных специалистов, внесших ценные усовершенствования в конструкцию доменных печей, фирма вначале затягивала исполнение рабочих чертежей, затем отказалась от своих обязательств. Строители Магнитогорского завода были поставлены в тяжелое положение. Президиум ВСНХ в декабре 1930 г. принял срочные меры по мобилизации 150 сотрудников проектных институтов и бюро (Стальпроекта, Гипростроя, Энергостроя, Котлотурбины, ВЭО и др.) на эти работы. Предпринимались попытки пригласить специалистов из Германии Недобросовестное поведение американской фирмы поставило сооружение важнейшей стройки в тяжелое положение, потребовало дополнительных расходов, затянуло сроки пуска первой очереди завода. Фактически уклонились от оказания техпомощи фирмы США «Робинсон» и «Питтсбург и Блок». Недостаточно эффективной оказалось техсодействие французской алюминиевой компании «Але, Форж и К°» (Волховский комбинат), английских фирм «Бабкок и Вилькокс», «Циммерман» (Березниковский химкомбинат), германских «Гумбольдт», «Чекке-верке» и др. Специалисты английской фирмы «Метрополитен Виккерс» участвовали во вредительстве на ряде электростанций СССР, за что привлекались к суду. Отрицательную характеристику деятельности некоторых иностранных консультантов, их знаниям и опыту давали комиссии ЦКК — НК РКИ, многие советские специалисты.

На одном из совещаний в Наркомтяжпроме отмечалось, что при проектировке заводов в СССР иностранные специ-

[1] См. «История индустриализации Урала (1926—1932 гг.). Документы и материалы». Свердловск, 1967, стр. 234—235.

алисты пытались снижать проектную их мощность на 20% по сравнению с аналогичными предприятиями за рубежом. Эта «скидка» делалась на «некультурность русских рабочих», на то, что они якобы не могли достигнуть производительности труда иностранцев [1]. Правда, много раз зарубежные специалисты, проработав вместе с советскими людьми, меняли свое мнение и с восторгом давали высокую оценку их работе.

Жизнь учила советских инженеров, партийные и профсоюзные организации критически относиться к технической документации и консультациям капиталистических фирм, быть бдительными при их реализации. «Нужно максимально строго, чрезвычайно требовательно и критически подходить к иностранному техническому опыту», — призывала 12 января 1932 г. газета «Техника» (орган Наркомтяжпрома СССР). Фирмы и иностранные консультанты плохо знали местные условия, отказывались консультировать все производство, предпочитая иметь дело лишь с отдельными цехами. По понятным причинам почти всегда они ориентировались на зарубежное оборудование и сырье.

В конце 1930 г. и в течение 1931 г. по указанию ЦК ВКП(б) была проведена работа по изучению эффективности и упорядочению иностранной техпомощи. СТО при СНК СССР запретил до конца года заключать новые договоры с оплатой валютой. Были приостановлены командировки за границу советских специалистов, передача проектов на экспертизу фирмам; не разрешалось расширять состав технических бюро за границей и т. д. Помимо других причин, эти меры вызывались обострением проблемы валютных расчетов. Если раньше многие партийные и хозяйственные органы снисходительно относились к недостаткам в деятельности фирм, то теперь они стали более критически оценивать результаты сотрудничества с иностранными фирмами и специалистами. Перелом в этом деле наступил в мае 1931 г., когда ЦК ВКП(б) и СТО приняли постановление о пересмотре договоров по техпомощи. Они отмечали неудовлетворительное использование зарубежного опыта, неоправданное расходование больших сумм валюты, что привело к обогащению фирм. Было решено в ме-

---

[1] См. «Подшипник», 1935, № 9, стр. 4. Об аналогичном случае вспоминает В. С. Емельянов (см. «Новый мир», 1967, № 1, стр. 24—25).

сячный срок пересмотреть всю систему и организацию технического сотрудничества с заграничными фирмами. Запрещалось передавать за границу заказы на разработку проектов строительства и обработку геологоразведочных данных. Хозяйственным органам поручалось расторгнуть соглашения с рядом фирм (на общую сумму 11,7 млн. руб.), а также отказаться от услуг слабо подготовленных специалистов [1].

Спустя три месяца были приняты меры к расторжению невыгодных и дублирующих соглашений; в ВСНХ и объединениях выделялись лица, персонально отвечавшие за правильность использования иностранной техконсультации. ЦК настойчиво требовал устранить ненормальности и нарушения в этом деле. За 1931 г.— март 1933 г. были расторгнуты 78 договоров. За досрочное расторжение соглашений иностранные фирмы и специалисты получили финансовые вознаграждения.

Упорядочение дела привлечения иностранной техпомощи вовсе не означало отказа Советского государства от сотрудничества с заграницей. На 1933 г. продолжали действовать 46 договоров. Разумеется, по мере развития отечественной техники и науки потребность в иностранной техконсультации сокращалась. Однако при необходимости заключались новые договоры, которые по своим задачам и условиям значительно отличались от договоров начала пятилетки.

Во второй половине пятилетки правительство улучшило организацию командировок с целью изучения техники и технологии передовых зарубежных предприятий. Советские инженеры изучали технологию производства и прошли полезную практику на заводах Германии и США. Вместе с тем было немало случаев, когда, с одной стороны, руководители фирм уклонялись от показа нашим специалистам новой техники, технологии и организации производства [2], а с другой стороны, советские инженеры не проявляли должной настойчивости для внедрения в производ-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 39, л. 201.

[2] В 1932 г. В. С. Емельянов попытался ознакомиться с производством ферросплавов на шведских заводах. Несмотря на содействие посла А. М. Коллонтай, попытка окончилась неудачей. Впоследствии выяснилось, что шведские заводы организовывали это производство на основе советских технических публикаций (см. «Новый мир», 1967, № 1, стр. 51).

ство иностранного опыта. Партия боролась за наибольшую эффективность заграничных командировок. В феврале и декабре 1932 г. ЦКК — НК РКИ совместно с КК РКИ Украины, Ленинградской области, ряда автономных областей РСФСР провели проверку организации и полезности заграничных командировок. Материалы проверки обсуждались на объединенном заседании Президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР. Отметив положительные факты в использовании иностранного опыта при постановке производства качественных сталей, алюминия, подшипников, в усовершенствовании методов добычи полезных ископаемых, ЦКК — НК РКИ указывали на существенные недостатки в этом деле. Кандидаты на поездку за границу и задания им нередко определялись без участия рабочей и партийной общественности предприятий; многие выезжавшие в командировки не знали иностранного языка; некоторым из них давались слишком общие задания или, наоборот, десятки мелких поручений. ИНО ВСНХ и некоторые объединения не изучали внимательно итогов этих командировок. По ряду причин планы выездов специалистов СССР за границу нарушались. В 1928—1929 гг., например, вместо 1413 человек выезжали за границу 900 человек, а в 1931 г. вместо 950 человек лишь 485 (или 51% от плана по промышленности ВСНХ) [1]. Из-за усилившейся тенденции к засекречиванию техники и технологии производства фирм, нехватки валюты и недостаточной отдачи заграничных командировок правительство уже в конце пятилетки нередко отказывалось от массовой посылки советских инженеров и квалифицированных рабочих за границу. Ставилась задача изучать и перенимать не вообще иностранный опыт, а конкретными объектами и людьми, способными внедрить его на предприятиях СССР.

Таким образом, использование иностранной технической помощи осуществлялось в рамках общей внешнеэкономической политики СССР. При этом действовал принцип, как и во внешней торговле,— всемерно содействовать укреплению экономической и технической мощи СССР с одновременным освобождением его от иностранной зависимости. Как и концессии, зарубежная техпомощь являлась

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 39, л. 20; ф. 8344, оп. 11, ед. хр. 53, л. 105.

наименее ощутимой формой зависимости СССР от капиталистических стран. За редким исключением, советские инженеры, конструкторы и архитекторы могли бы самостоятельно решать многие проблемы, в решении которых принимали участие иностранцы. Однако с помощью последних удалось осуществить это в более короткие сроки, несколько ускорить темпы создания индустриально-технической базы. Кроме того, международное сотрудничество в области техники обогащало знаниями и опытом наши кадры, способствовало упрочению импортных операций, развивало интернациональные связи советских инженерно-технических работников и рабочих.

Сокращение размеров иностранной техпомощи в конце пятилетки не являлось проявлением попытки Советского государства отгородиться от капиталистических стран. К этому шагу его вынудили объективные причины. В капиталистических странах продолжались антисоветские кампании. В СССР обострилась валютная проблема. Именно к 1931—1932 гг. сложилась наибольшая финансовая задолженность Советского правительства зарубежным фирмам и банкам. По мере уменьшения последствий экономического кризиса и укрепления положения монополий участились случаи нарушения договоров о техпомощи со стороны фирм и предприятий. И наконец, самое важное — именно в годы первой пятилетки СССР добился выдающихся успехов в подготовке инженерно-технических кадров. Правительству удалось также совершить поворот в деятельности научно-исследовательских институтов и учреждений к нуждам социалистического производства.

Государственная монополия на внешнеэкономические связи, реальная политика и конкретное руководство ЦК ВКП(б) и СНК СССР обеспечили плановое сочетание отечественных и зарубежных технических сил в интересах ускоренного строительства социализма и завоевания экономической независимости нашей Родины. В новых условиях, при наличии могучих научно-технических сил СССР приступал к решению сложных задач по завершению технической реконструкции народного хозяйства и достижению полной экономической независимости от капиталистических стран.

Глава четвертая

СОЗДАНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ СОЦИАЛИЗМА

1. ЗАВОЕВАНИЕ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ ТЕХНИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

В результате выполнения первой пятилетки советский народ впервые в истории человечества на деле доказал возможность построения социализма в одной стране. Жизнь наглядно и убедительно опровергла троцкистские утверждения о неизбежности сращивания советской экономики с капиталистической. Политика партии, направленная на преимущественный рост тяжелой индустрии, особенно тех ее отраслей, которые своей продукцией не полностью удовлетворяли потребности народного хозяйства, обеспечила стране невиданные темпы индустриального развития. СССР выдвинулся в ряды наиболее развитых в технико-экономическом отношении держав.

Основной хозяйственной задачей на 1933—1937 гг. партия считала завершение технической реконструкции народного хозяйства. Решающим условием успеха было освоение новой техники и новых производств. К концу второй пятилетки большую часть промышленной продукции должны были давать новые предприятия, построенные или реконструированные. Предстояло обновить орудия производства в народном хозяйстве на 50—60% [1]. В связи с этими задачами намечалась развернутая программа нового строительства. Капиталовложения в промышленность планировались на вторую пятилетку 69,5 млрд. руб. и третью — 111,9 млрд. руб., в том числе в производство средств производства — 147,3 млрд. руб. (за обе пятилетки) [2]. «Политика партии в отношении развития тех или иных отраслей промышленности определялась не размерами их прибылей,

---

[1] См. «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 205.

[2] См. там же, стр. 212, 354.

а интересами победы социализма и сохранения независимости СССР от капиталистического мира. Иначе у нас развивалась бы быстрее всех, например, мукомольная и водочная промышленность, как наиболее прибыльные, а не тяжелая промышленность» [1],— отмечал Н. А. Вознесенский.

Боевая задача — удовлетворить собственными силами все потребности страны в современном, технически передовом оборудовании при широком развитии новых производств — выдвигалась перед машиностроением. Для повышения уровня технической вооруженности самого машиностроения особое значение приобретало станкостроение. Намечалось довести ассортимент станков до 800 типоразмеров [2], освоить выпуск полного комплекта металлургического оборудования, преодолеть отставание энергетического машиностроения, химического производства, легкой и пищевой индустрии, транспорта, сельского хозяйства, дорожного строительства и коммунального хозяйства. В программе развития машиностроения сохранялся прежний курс на расширение производства импортировавшихся в первой пятилетке машин и инструментов, а также важнейших элементов технического снабжения (деталей, полуфабрикатов и т. д.), устанавливались задания по унификации типов и усовершенствованию конструкций машин, обеспечивающих повышенные эксплуатационные качества.

В соответствии с директивами партии во втором и третьем пятилетних планах намечались меры по преодолению диспропорции в черной и цветной металлургии. В целях освобождения машиностроения от импорта металла устанавливались новые задания по росту производства качественного металла, электросталей, ферросплавов, сложных профилей проката, цветных и редких металлов. Намечалось расширить сырьевую базу металлургии, усовершенствовать технологию производства цветных и редких металлов из отечественного сырья.

Выполнение новых заданий должно было ликвидировать отставание химической промышленности от темпов роста народного хозяйства. Продукция основной химии по темпам роста должна была значительно опережать темпы роста всей промышленности. Проектировалось освоение производства целого ряда новых продуктов, а также значительное расширение выпуска дефицитных, ввозившихся

---

[1] «Правда», 19 февраля 1941 г.

[2] См. «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 344.

из-за границы каучука, красителей, пластмасс, реактивов, ряда технических препаратов, кокса и др. При этом намечались существенные сдвиги в использовании сырьевых ресурсов, вытеснение импортных полуфабрикатов и сырья.

Особое значение — политическое, экономическое, оборонное — имело развитие индустриальных комплексов в восточных районах СССР, на что затрачивалось только во второй пятилетке около половины всех капиталовложений, направляемых на новое строительство тяжелой промышленности. Намечалось расширить здесь металлургическую базу, завершить строительство второй угольно-металлургической базы СССР — Урало-Кузнецкого комбината, создать предприятия-дублеры в машиностроении, нефтепереработке и химической индустрии. Намечались обширные геологоразведочные работы.

XVIII съезд партии особо подчеркнул неотложность накапливания государственных резервов по топливу, электроэнергии, оборонным производствам. «Гигантский рост промышленности и всего народного хозяйства в третьей пятилетке и необходимость обеспечения его дальнейшего бесперебойного подъема в соответствии с общегосударственным планом, особенно в условиях нарастания агрессивных сил империализма во внешнем окружении СССР,— указывалось в его резолюции,— требуют *создания крупных государственных резервов...»* [1]

Учитывая перспективы ускоренных темпов роста социалистической индустрии, высокий технический уровень народного хозяйства, партия поставила задачу догнать и перегнать в экономическом отношении развитые капиталистические страны. Советское государство вступало в новый этап экономического соревнования с капиталистическим миром.

За годы второй и третьей пятилеток рабочий класс осуществил грандиозную программу капитального строительства и завершения технической реконструкции народного хозяйства. За 1933 г.— июнь 1941 г. были построены и вступили в эксплуатацию 7500 крупных государственных промышленных предприятий; введено всех основных фондов государственными и кооперативными предприятиями почти в 4 раза больше, чем в первой пятилетке[2]. Уже в 1937 г. свыше 80% продукции промышленности было по-

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 342.

[2] См. «Народное хозяйство СССР в 1967 году», стр. 605, 609.

лучено с предприятий, построенных или целиком реконструированных за первые две пятилетки[1].

Задачи, поставленные партией на XVII и XVIII съездах по достижению и укреплению технической независимости народного хозяйства СССР, обеспечили форсированное развитие машиностроения. К 1940 г. валовая продукция машиностроения и металообработки увеличилась в 20 раз по сравнению с 1928 г. и в 35 раз по сравнению с 1913 г.[2] Было завершено создание мощной, технически оснащенной машиностроительной индустрии, обеспечивавшей независимость СССР от внешних рынков в оборудовании. За счет импорта потребности народного хозяйства в машинах удовлетворялись: в 1933 г. на 4,4% и в 1937 г.— на 0,9%[3]. По объему продукции машиностроения и ее удельному весу в валовой продукции всей промышленности, по степени электровооруженности машиностроения и по другим показателям СССР выдвинулся на одно из первых трех мест в мире.

Советский Союз превращался в одну из немногих стран мира, которые обеспечивали себя необходимым оборудованием собственными силами. Многие вновь построенные или реконструированные предприятия по своим масштабам и техническому оснащению не уступали зарубежным. Харьковский турбогенераторный завод, например, являлся не только крупнейшим в мире, но и превосходил по оборудованию всемирно известные фирмы «Метрополитен Виккерс» (Англия) и «Дженерал электрик» (США). Краматорский завод тяжелого машиностроения имел литейные цехи, которые вдвое превышали (по мощности) цехи заводов Круппа (Германия) и «Шкода» (Чехословакия). Уникальным являлся завод «Станколит». Вошли в эксплуатацию станкостроительные заводы в Киеве (автоматы), Свердловске (зуборезные и агрегатные станки), в Минске, Тбилиси, Саратове, Харькове, в Москве.

Однако, несмотря на очевидные успехи, отечественное станкостроение во второй пятилетке еще не могло полностью удовлетворить потребности в металлорежущих станках,— особенно в сложных, тяжелых станках и автоматах. В связи с резким ограничением импорта советские

---

[1] См. «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 337.
[2] См. «Промышленность СССР», стр. 203.
[3] См. «Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.)», стр. 28.

заводы получали задания не только на серийное изготовление станков, но и на освоение и выпуск индивидуальных агрегатов, иногда не соответствующих профилю завода. Это отрицательно отражалось на выполнении общих планов производства станков и на реализации заданий по созданию новых конструкций. Хозяйственные органы, стремясь выполнить директивы партии об освобождении страны от импортной зависимости, искали пути дальнейшего ускоренного развития станкостроения. Правление «Станкоимпорта» рекомендовало усилить специализацию и кооперирование предприятий. По мнению его руководителей, нужно было организовать изготовление узлов станков на 300 заводах. Критике было подвергнуто объединение «Главстанкоинструмент» за то, что не полностью использовались возможности существующих заводов.

Не пренебрегая импортом, правительство продолжало курс на организацию производства сложного станкостроения внутри страны, на подготовку необходимых кадров собственными силами. Во второй и особенно в третьей пятилетке заметно увеличилось производство шлифовальных, фрезерных, револьверных станков, начали выпускаться агрегатные, автоматические, специальные станки. В течение второй пятилетки станкостроители в содружестве с конструкторами создали 270 типоразмеров станков, превысив задания XVII съезда ВКП(б) [1]. В отдельных случаях советские конструкторы и заводские коллективы использовали конструкции лучших зарубежных агрегатов. Требования хозяйственников предоставить им валюту на закупку целых партий станков отклонялись. Из наличного парка станков на конец второй пятилетки более половины были произведены именно за годы второй пятилетки. Однако потребности народного хозяйства в сложных станках удовлетворялись примерно на 55% [2]. Директивы по высвобождению страны от импортной зависимости в станках выполнялись медленно. За 1933—1937 гг. ввоз их из-за границы составил 27,7 тыс. штук (внутреннее производство — 173,2 тыс. станков[3]).

---

[1] См. «Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». М., 1939, стр. 21.

[2] ЦГАНХ СССР, ф. 7998, оп. 3, ед. хр. 2, л. 2; оп. 1, ед. хр. 4, л. 105.

[3] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 336, 368; «Промышленность СССР», стр. 207.

Состояние ведущей отрасли машиностроения вызывало тревогу у ЦК партии и Советского правительства. В 1938 г. была проведена третья Всесоюзная выставка станков. Общесоюзное значение имела техническая конференция по качеству продукции московского станкостроительного завода «Красный пролетарий». Согласно решению XVIII съезда ВКП(б) намечалось реконструировать заводы с устаревшей технологией и соорудить за пятилетку 21 новый станкостроительный завод. 4 сентября 1939 г. СНК СССР принял постановление «О развитии станкостроительной промышленности в Союзе ССР», которое конкретизировало директивы съезда. В целях обеспечения выпуска станков правительство установило планы Наркомтяжмашу, Наркомату вооружения, Наркомату боеприпасов, Наркомату авиационной промышленности, Наркомату местной промышленности на 1939—1942 гг. Был разработан план выпуска автоматических и полуавтоматических, расточных, шлифовальных, специальных станков (в том числе для оборонной индустрии). Предполагалось развернуть большие работы по строительству новых и реконструкции существовавших заводов. Разрешалось премировать инженерно-технических работников за освоение станков новых конструкций. Экспериментальный научно-исследовательский институт металлорежущих станков (ЭНИМС) передавался в непосредственное подчинение Наркомату тяжелого машиностроения; создавались два станкостроительных главка — Главтяжстанкопром и Главстанкопром. Всем наркоматам и ведомствам, производящим станки, запрещалось снимать с производства и сокращать их выпуск без ведома Экономсовета при СНК СССР [1].

Постановление правительства явилось развернутой программой развития отечественного станкостроения до уровня мировых стандартов, до масштабов полного удовлетворения народного хозяйства в металлорежущих станках новейших конструкций. Правильность направления и реальность рубежей, определенных правительством, были подтверждены жизнью.

Практические меры по реализации директив о дальнейшем развитии станкостроения и инструментальной промышленности конкретизировались на конференции глав-

---

[1] См. «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет», т. 2, стр. 722—724.

ных инженеров и главных технологов заводов (февраль 1939 г.), на Всесоюзной инструментальной конференции в Ленинграде (апрель 1939 г.), на всесоюзных совещаниях станкостроителей, проведенных в сентябре и октябре 1940 г. В работе совещаний участвовали члены ЦК ВКП(б), заместитель председателя СНК СССР В. А. Малышев и нарком тяжелого машиностроения А. И. Ефремов. Участники совещаний призвали станкостроителей «добиться исключения импорта станков».

Начиная с 1938 г. заводам были резко увеличены военные заказы, в связи с чем им дважды приходилось перестраивать технологию производства. Спецзаказы требовали дополнительных затрат и усилий. Продолжалась хроническая нехватка металла. Война с Финляндией обострила транспортные трудности и энергоснабжение промышленности Ленинграда и других городов. Из-за нехватки электроэнергии продолжительное время простаивали заводы в Харькове и Горьком. По многим причинам план выпуска станков предприятия Наркомтяжпрома СССР выполнили в 1939 г. лишь на 84,7%, а программу девяти месяцев 1940 г.—на 73%. По-прежнему неблагополучно обстояло дело с расширением производства сложных станков и освоением новых: из запланированных на 1940 г. к освоению 148 новых типоразмеров освоены были 94[1]. В 1939 г. уменьшился по сравнению с предыдущим годом общий выпуск станков. Нарастание военной опасности и обострение дефицита металла заставило СНК СССР пересмотреть направление капиталовложений па 1940 г.: вместо строительства 11 станкозаводов планировалось пять[2].

У части конструкторов и хозяйственников наблюдалась излишняя самоуверенность, проявившаяся в пренебрежении опытом передовых зарубежных станкостроительных фирм. Это подтверждалось также тем фактом, что в 1940 г. лишь для 25 моделей станков были взяты прототипом лучшие зарубежные модели, а 12 моделей были модифицированными станками иностранных фирм[3].

Для ускорения работ по освоению новых станков на отечественных заводах были введены должности главных конструкторов, укреплены посты главных технологов.

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 8243, оп. 7, ед. хр. 100, л. 51-56.
[2] Там же, л. 49.
[3] Там же, л. 41.

Были реконструированы экспериментальные цехи, созданы дополнительные мастерские. В соответствии с директивами правительства были разработаны графики освоения технологии новых станков, широко стал применяться принцип материального стимулирования. Были приняты меры по расширению производства станков для оборонной промышленности. Одновременно обращалось внимание на расширение выпуска специальных подшипников, электромоторов, аппаратуры.

Ряд практических мер по скоростному проектированию и освоению производства дефицитных станков наметили V Всесоюзная конференция конструкторов и специальное совещание конструкторов-станкостроителей, созванное Наркоматом тяжелого машиностроения. В начале ноября 1940 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР создали комиссию под председательством В. А. Малышева, которая с учетом изменившихся условий подготовила проект нового постановления о дальнейшем развороте станкостроения. В проекте указывалось на первоочередность обеспечения металлообрабатывающим оборудованием прежде всего авиационной, танковой и артиллерийской промышленности, на необходимость использования иностранного опыта. Обращалось внимание ведомств на первоочередное снабжение станкостроения металлом, подшипниками, инструментом. Усиливались требования к конструкторам при разработке моделей новых станков — широкое применение высоких скоростей, наращивание мощностей, полной электрификации, внедрение автоматического управления, увеличение числа одновременно работающих инструментов. Были установлены ежегодные 10 премий за разработку наиболее совершенных конструкций высокопроизводительных станков; утверждены планы строительства, проектные мощности и сроки ввода в эксплуатацию новых станкозаводов. ЦК компартий республик, обкомы и крайкомы ВКП(б) уделяли максимальное внимание станкостроительным предприятиям[1]. Намечалось в течение трех лет произвести ремонт и модернизацию 24,5 тыс. станков в наркоматах и ведомствах, не имеющих ремонтных баз[2].

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 8243, оп. 7, ед. хр. 50, л. 151; ед. хр. 51, л. 12-35.

[2] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 38, ед. хр. 12, л. 150, 154.

Война помешала осуществлению этой грандиозной программы развития советского станкостроения.

К началу войны станкостроение располагало специализированными заводами, которые выпускали агрегаты 500 типоразмеров. За 1938—1940 гг. они выпустили 168,7 тыс. станков, в том числе немало автоматических и полуавтоматических, специальных, шлифовальных, тяжелых и т. д.[1] В начале июня 1941 г. правительство дало директиву об увеличении выпуска станков в четвертом году третьей пятилетки. Было решено восстановить производство станков на предприятиях Наркомата вооружения. На импорт оборудования вновь строящихся предприятий выделялось 50 млн. руб.[2]

Ухудшение международной обстановки вынуждало ЦК ВКП(б) и СНК СССР продолжать укреплять машиностроение импортными станками. За 1938—1940 гг. на внешних рынках было приобретено 14 125 металлорежущих станков. Среднегодовой импорт станков за эти три года был ниже (4708 штук), чем во второй пятилетке (5318 штук)[3]. Относительно немалый импорт (8,5% по отношению к внутреннему производству) станков и использование иностранного опыта в третьей пятилетке не являлись показателем роста зависимости промышленности СССР от заграницы. Они определялись фактором времени: надо было в наикратчайший срок максимально укрепить производственно-техническую базу станкостроения и всего машиностроения. Всего станочный парк страны насчитывал 710 тыс. станков, или в 9,5 раза больше по сравнению со станочным парком дореволюционной России . За 1933—1940 гг. общее количество металлорежущих станков в промышленности СССР увеличилось в 3,5 раза, а кузнечно-прессового оборудования — в 3 раза[5]. Это свидетельствовало о больших достижениях технической политики партии. За ред-

---

[1] См. «Развитие станкостроительной и станкоинструментальной промышленности в СССР». М., 1958, стр. 11; «Промышленность СССР», стр. 207—208.

[2] ЦГАНХ СССР, ф. 8259, оп. 4, ед. хр. 3, л. 19—20.

[3] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 334, 368, 402.

См. «Страна Советов за 50 лет», стр. 84.

[5] См. «Правда», 19 февраля 1941 г.

ким исключением, наличного парка станков было достаточно для снабжения народного хозяйства СССР необходимой техникой. На XVIII конференции ВКП(б) нарком тяжелого машиностроения А. И. Ефремов сообщал, что за 1939—1940 гг. заводы освоили 277 новых типов высокопроизводительных металлорежущих станков Кроме ЭНИМС на проектные работы по станкостроению и кузнечно-прессовому оборудованию был переключен Государственный институт по проектированию предприятий тяжелого машиностроения (ГИПРОТЯЖМАШ). Многие технические проблемы при создании станков новых конструкций решались с участием конструкторов В. И. Дикушина, Ю. Б. Эрпшера, Н. С. Арчеркана, Н. В. Игнатьева, Д. Н. Решетова, В. Э. Пуша, М. Е. Эльясберга и др.

Характерная черта второй пятилетки — быстрое развитие автотракторного и комбайнового производства. За 1932—1937 гг. выпуск автомобилей увеличился с 23,9 до 200 тыс., тракторов с 48,9 до 112,9 тыс. (1936 г.), комбайнов с 10 до 43,9 тыс.[2] В эти годы вошел в строй Челябинский тракторный завод, завершена вторая реконструкция Московского автозавода, перешли на выпуск гусеничных тракторов Сталинградский и Харьковский заводы, Люберецкий завод им. Ухтомского начал выпускать северные комбайны, Ижевский завод освоил производство мотоциклов и т. д. Советский Союз выдвинулся на одно из первых мест в мире по выпуску грузовых автомобилей, тракторов и комбайнов. В последующие годы уменьшился выпуск тракторов в связи с переходом на изготовление гусеничных машин, что имело важное оборонное значение.

Импорт этой техники был резко сокращен: за вторую пятилетку, например, из-за границы поступили лишь 1374 автомобиля и 72 трактора[3]. Конечно, это не означало, что народное хозяйство и Красная Армия были достаточно оснащены автомобилями и тракторами отечественного производства. Однако все средства сосредоточивались на развитии внутреннего производства, перспективы которого были замечательные. Кроме того, массовый импорт, осо-

---

[1] См. «Правда», 21 февраля 1941 г.

[2] См. «Промышленность СССР», стр. 223, 226, 230.

[3] «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 339—341, 373—375.

бенно этой техники, был невыгоден по технико-эксплуатационным и военным соображениям (разнотипность парка, сохранявшаяся импортная зависимость в запчастях).

В соответствии с потребностями народного хозяйства из года в год увеличивался выпуск оборудования для энергетики, транспорта, металлургии, угольной, оборонной, легкой и пищевой индустрии, для сельского хозяйства.

В 1937 г. коллектив «Электросилы» (Ленинград) изготовил крупнейший в мире турбогенератор мощностью 100 тыс. *квт.* Спустя два года Ленинградский Металлический завод изготовил паровую турбину аналогичной мощности. Это были события мирового значения. В международной практике турбостроения не было таких агрегатов. Изготовлялась эта турбина без иностранной помощи, по чертежам советских конструкторов и из отечественных материалов. В середине 20-х годов турбины мощностью даже в 2 тыс. *квт.* сооружались по чертежам иностранных фирм. Ленинградские энергомашиностроители первыми в СССР достигли производственно-технического уровня американской фирмы «Дженерал электрик» и заложили прочные основы отечественного сверхмощного турбогенераторостроения. Вслед за ленинградцами вторую турбину мощностью 100 тыс. *квт* изготовил коллектив Харьковского турбогенераторного завода им. С. М. Кирова. По техническому уровню советское энергомашиностроение прочно выдвинулось на одно из первых мест в мире. Война прервала производство мощных паровых и гидравлических турбин, хотя исследовательские и конструкторские работы продолжались, что подготовило условия для бурного развития турбогенераторостроения в послевоенный период. Всего же за 1933—1940 гг. СССР произвел 267 гидравлических турбин общей мощностью 748 тыс. *квт*[1], а производство паровых турбин увеличилось почти в 5 раз. Импорт паровых турбин и вспомогательного оборудования за эти годы составил 45,7 млн. руб., в том числе в 1940 г.— 17,9 млн. руб. (21 турбина и вспомогательное оборудование)[2]. С участием сотрудников Всесоюзного технологического института на Коломенском машиностроительном и Харьковском турбо-

---

[1] См. «Промышленность СССР», стр. 216—217.

[2] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 334, 368, 402.

генераторном заводах в 1938—1940 гг. были изготовлены газовые турбины — одни из первых в СССР агрегатов специального назначения. Новые перспективы развития электромашиностроения были намечены ЦК ВКП(б) и СНК СССР в декабре 1940 г. Предполагалось увеличить капитальные вложения в эту отрасль, расширить производство новой энерготехники.

Советские энергомашиностроители, выпуская новую продукцию, модернизировали импортные агрегаты. В 1939 г. рабочие и инженеры Харьковского турбогенераторного завода на 75 электростанциях отремонтировали 103 турбины, купленные в свое время у иностранных фирм. При этом в импортных агрегатах был выявлен и устранен ряд существенных дефектов [1].

В годы третьей пятилетки произошло сокращение производства некоторых видов техники (автомобилей, магистральных паровозов, электродвигателей, прокатного оборудования, сельскохозяйственных машин, в том числе тракторов и комбайнов). Это произошло по ряду причин: из-за увеличения выпуска других видов техники, трудностей освоения нового производства, из-за перераспределения ресурсов на первоочередное обслуживание нужд оборонной индустрии, из-за нехватки металла. Но сокращение производства машиностроения не имело рецидивов импортной зависимости, хотя некоторые хозяйственники и предлагали значительно увеличить ввоз из-за границы дефицитного оборудования. С такими рекомендациями выступила, например, дирекция ленинградского завода «Электросила», некоторые работники Наркомвнешторга. Правительство не приняло эти рекомендации, продолжая политику максимальной мобилизации внутренних резервов и минимального импорта.

Партия мобилизовала усилия рабочего класса и средства на подъем тех отраслей машиностроения, продукция которых оставалась дефицитной. Так, в конце декабря 1940 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли постановление «О развитии кузнечно-прессового машиностроения в СССР», в котором отмечалось, что для металлургии по-прежнему недоставало кузнечно-прессового оборудования: свыше 70% потребностей этой техники удовлетворялись

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 54, ед. хр. 281, л. 36, 51—53.

в третьей пятилетке за счет импорта [1]. Были определены конкретные задания пяти наркоматам по увеличению производства кузнечно-прессового оборудования. Для экономии редких и дефицитных металлов предполагалось освоить производство специальных кузнечно-прессовых машин. Чтобы ускорить развитие этой отрасли машиностроения, намечалось использование опыта передовых заграничных фирм.

Большие изменения произошли в конструкторском деле, в технологии и специализации машиностроения. Выросла степень его поточности и серийности. На Сталинградском тракторном заводе по предложению рабочего И. П. Иночкина была создана первая в СССР автоматическая линия из пяти станков для обработки катка гусеницы трактора. Общегосударственное значение имело дело стандартизации оборудования и запасных частей, которому долгое время не уделялось должного внимания. Возглавил эту работу Всесоюзный комитет по стандартизации при СНК СССР, обязанности которого были определены постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 9 июля 1940 г. «О государственных общесоюзных стандартах и порядке их введения» [2].

Вторая пятилетка явилась переломным моментом в развитии подшипникового производства. В 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение вдвое (до 50 млн. подшипников в год) увеличить мощность Первого Государственного подшипникового завода и одновременно начать сооружение крупного завода в Саратове. После партийно-технической конференции, состоявшейся в начале 1935 г., на ГПЗ-1 усилилась борьба за повышение качества работы. Выросло производство на ГПЗ-2. Преодолевая многие трудности, заводы перешли на отечественное сырье и использование инструментов внутреннего производства, которое возросло с 7 млн. в 1933 г. до 40,1 млн. в 1937 г.; импорт их сократился в 3,2 раза. За вторую пятилетку заводы освоили технологию 1900 новых типов подшипников. В следующие три года было выпущено 128,8 млн. подшипников (929 типоразмеров) [3]. Немаловажным был

---

[1] См. «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет», т. 2, стр. 781.

[2] См. СП, 1940, № 20, ст. 485; № 22, ст. 545.

[3] См. «Промышленность СССР», стр. 225; «Внешняя торговля СССР за 1918-1940 гг.», стр. 339, 373, 404.

также тот факт, что строительство Саратовского подшипникового завода (который вошел в строй в 1941 г.) велось без помощи иностранных фирм.

Важное народнохозяйственное значение имела деятельность треста «Союзшарремонтсбыт», 11 мастерских которого только в 1940 г. отремонтировали 764 тыс. подшипников. Промышленность занялась проблемой выпуска совершенно новых, прецизионных подшипников для авиационных, судовых и оборонных приборов. Раньше эти подшипники ввозились из-за границы[1]. Всего за 1938—1940 гг. было ввезено из-за границы лишь около 2 тыс. тонн подшипников[2], что было намного меньше объема импорта их в годы второй и особенно первой пятилеток. Партия и правительство твердо осуществляли курс на перевод машиностроения, транспорта и оборонной индустрии на подшипники собственного выпуска.

Успешно решалась задача стандартизации подшипников, что имело важное народнохозяйственное значение. Внедрение стандартных с одновременной заменой импортных подшипников развернулось на предприятиях Наркомата среднего машиностроения, Магнитогорском и Запорожском металлургических заводах, на текстильных фабриках, на Балахнинском и Марийском бумажных комбинатах и др. Если в начале второй пятилетки номенклатура общесоюзных стандартов состояла из 635 типоразмеров, то на 1 января 1940 г. их стало 1700—1800[3]. Толчок этой работе дали директивы Экономического совета при СНК СССР о внедрении в народном хозяйстве стандартных шарико-роликовых подшипников. Наркоматы и ведомства обязывались внедрять в новые машины и заменять в старых только стандартные подшипники. Наркомвнешторгу СССР поручалось при закупке импортного оборудования требовать установки подшипников, соответствующих советским стандартам. Применять нестандартные подшипники запрещалось и при изготовлении, и при покупке, и при ремонте машин.

Важным вопросом технического прогресса являлась проблема нормального снабжения машиностроения абрази-

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 41, ед. хр. 1717, л. 5.

[2] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 373. 404.

[3] ЦГАНХ СССР, ф. 8568, оп. 1, ед. хр. 125, л. 5-10.

вами и прежде всего алмазами, потребности в которых быстро росли. Путем расширения внутренней добычи алмазов, замены их другими шлифовальными материалами абсолютные размеры импорта алмазов сокращались. Однако в 1939 г. алмазная проблема вновь обострилась. Попытка Наркомвнешторга приобрести алмазы в Германии не удалась. Экономсовет при СНК СССР принял меры по усилению добычи алмазов и урегулированию потребления их промышленностью. Были активизированы геологические поиски в алмазоносных районах. Запрещалось использование алмазной пыли на второстепенных операциях. К алмазной проблеме привлекалось внимание парторганизаций и научно-технической общественности (поиски заменителей).

Возглавляя руководство технической реконструкцией народного хозяйства, ЦК ВКП(б) и СНК СССР в редких случаях давали директивы о внеплановом использовании импорта как источника техники или привлечения иностранной техпомощи. Так было, например, при обсуждении итогов работы объединения «Азнефть» и бакинской организации ВКП(б)[1]. В постановлении от 14 мая 1934 г. ЦК ВКП(б), констатируя отставание скорости бурения, обязал НКТП освоить массовое производство новейших типов оборудования, для чего разрешалось импортировать образцы некоторых из них. Рекомендовалось также командировать в США группу инженеров-машиностроителей для изучения этого производства. НКТП поручалось освободить от импортной зависимости в оборудовании нефтеперерабатывающие заводы[2]. В абсолютном же большинстве наркоматы и ведомства ориентировались на использование возросших возможностей отечественного машиностроения. Правительство продолжало настойчиво проводить курс на дальнейшее развитие собственного производства.

Итак, в течение второй и третьей пятилеток большинство машиностроительных заводов превратилось в крупные специализированные, серийные, технически высокооснащенные предприятия, способные выполнять любые заказы народного хозяйства. Благодаря этому правительство

---

[1] См. «Справочник партийного работника», вып. 9, 1935, стр. 143.

[2] См. там же, стр. 144—145.

смогло прекратить или намного сократить импорт многих изделий машиностроения: турбин и генераторов, локомобилей, значительную часть металлургического и горно-шахтного оборудования, текстильных машин, насосно-компрессорную технику и т. д. Некоторые виды этой техники СССР стал экспортировать в Голландию, Болгарию, Данию, Египет.

Партия видела и недостатки в конструкции машин и оборудования. Часть из них по своей конструкции, габаритам и качеству уступала лучшим мировым образцам и стандартам. Некоторые хозяйственники по-прежнему требовали импортного оборудования. С. М. Киров по этому поводу говорил: «...я не сомневаюсь, что завтра же, если будет дано какое-нибудь серьезное новое задание тому или другому заводу, в том числе нашему ленинградскому,— то первое, что встретишь от директора завода, это будет: «Заказ нужно принять, но для этого необходимо выписать такое-то и такое-то оборудование из-за границы». Вчера только голосовали, что все сами сделаем, а сегодня будут требовать — давай импорт. С этим делом нужно покончить» [1].

В отличие от первой пятилетки за годы второй и третьей пятилеток СССР не производил массового импорта машин. В 1934—1939 гг. размеры импорта в среднем за год составляли около 104 тыс. тонн, т. е. в 4,4 раза меньше, чем в первой пятилетке. Как правило, импортное оборудование было новейшей конструкции, высокопроизводительное; ввод его в эксплуатацию увеличивал выпуск внутри страны дефицитных металлов или техники.

В марте — апреле 1940 г. по инициативе Наркомвнешторга СССР Комиссия советского контроля произвела проверку использования импортного оборудования в пяти наркоматах. На предприятиях Наркомата электростанций и электропромышленности, Наркомата тяжелого машиностроения, Наркомата химической промышленности, Наркомата среднего машиностроения, Наркомата пищевой промышленности было выявлено неустановленного импортного оборудования на сумму 44,4 млн. (валютных) руб.[2] Летом и осенью по указанию ЦК ВКП(б) повсюду

---

[1] «XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 256.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 7511, оп. 1, ед. хр. 64, л. 32—38; ед. хр. 61, л. 81—84.

по СССР было организовано обследование состояния и использования импортного оборудования. Ленинградский горком партии эту работу провел на 80 предприятиях, выявив 3,8 тыс. неиспользованных станков. На предприятиях Сталинградской области были проведены общественные смотры оборудования, итоги которых обсуждались на партийно-технических конференциях. Наконец, 1 ноября 1940 г. была проведена всесоюзная перепись промышленного оборудования, в ходе которой были выявлены 46 тыс. неустановленных станков, 170 тыс. бездействовавших электромоторов, 4,5 тыс. генераторов и 8 тыс. единиц кузнечно-прессового оборудования. Около 70 тыс. станков и 15 тыс. единиц кузнечно-прессового оборудования в день переписи простаивали, не работали Материалы переписи показали, что директивы о максимальном и быстром использовании отечественной и зарубежной техники некоторыми наркоматами и предприятиями нарушались. Они свидетельствовали также о том, что на некоторых предприятиях допускалось неправильное отношение к использованию импортной техники. XVIII конференция ВКП(б) потребовала от парторганизаций усилить руководство и контроль за деятельностью промышленности, усилить режим экономии, правильно использовать оборудование, сырье, материалы, возглавить работу по укреплению технологической дисциплины, по освоению новых видов техники и материалов[2].

Сложнее проходило решение проблем высвобождения промышленности от импортной зависимости в дефицитных черных и цветных металлах.

После временного спада производства черного металла в конце первой пятилетки начался период его роста. В 1934—1935 гг. металлургия впервые выполнила плановые задания по производству проката и удовлетворила запросы транспорта в рельсах. Закреплению успехов металлургов было посвящено совещание парторгов, созванное Центральным Комитетом ВКП(б) летом 1935 г. Участники совещания наметили пути дальнейшего улучшения руководства металлургическими предприятиями, политической работой в массах, лучшей эксплуатации оборудования, повышения роли на производстве каждого коммуниста, каж-

[1] См. «Правда», 19 февраля 1941 г.

[2] «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 430—432.

дой партгруппы [1]. В работе совещания принимал участие секретарь ЦК партии А. А. Андреев.

Темпы роста черной металлургии в эти годы почти соответствовали темпам роста машиностроения. Директивы партии о преодолении отставания черной металлургии выполнялись. Это обеспечивалось прежде всего вводом в эксплуатацию 13 новых металлургических заводов на Украине, Урале, в центральных районах. Намного расширились производственные мощности старых заводов и так называемой малой металлургии. Задел мощностей, сделанный в первой пятилетке, давал свои положительные результаты. Задания об удвоении мощностей черной металлургии были выполнены, а по стали и прокату перевыполнены при меньшем объеме нового строительства и ввода новых агрегатов, чем предусматривалось планом.

Успехи металлургов позволили сократить импорт металла почти в 5 раз. Из-за границы продолжал ввозиться качественный прокат черных металлов (сталь листовая и сортовая, трубы). Несмотря на то, что задания пятилетки по прокату качественного металла были перевыполнены (в 1937 г. он достиг 2,5 млн. тонн) [2], однако дефицит на него сохранился. В течение нескольких лет сооружался цех листовой стали на заводе «Запорожсталь», проволочный стан на Магнитогорском заводе, бандажный стан на Нижне-Тагильском заводе. «Сохранение импорта стали на сравнительно высоком уровне,— сообщал завком Горьковского автозавода, — объясняется недостаточно быстрым освоением металлургическими заводами (в частности, Мариупольским) производства листовой стали, удовлетворяющей техническим условиям...» [3] При общей потребности в автомобильном листе в 1937 г. 80 тыс. тонн импортировалось 35 тыс. тонн. Потребности в нержавеющем тонком железе собственными источниками покрывались лишь на одну треть . В ряде видов проката СССР уступал США и Германии.

---

[1] См. «Партийное строительство», 1935, № 16, стр. 9—12.

[2] См. «Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», стр. 24.

[3] «История индустриализации Нижегородского — Горьковского края (1926—1941 гг.). Документы и материалы». Горький, 1968, стр. 296.

ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 36, ед. хр. 181, л. 3.

Металлурги обеспечили важные сдвиги в производстве качественного металла. Определенную роль в этом сыграли рекомендации I Всесоюзного съезда по качественным сталям. В 1937 г. было выплавлено 849 тыс. тонн электростали, что составляло в 8,4 раза больше объема в 1932 г. СССР превзошел уровень производства электростали европейских капиталистических стран и вплотную приблизился к объему выплавки электростали США.

В исключительно короткий срок была создана новая отрасль отечественной металлургии, которая свидетельствовала об огромных возможностях и могучей силе советской индустрии, об умении партии находить кратчайшие пути высвобождения промышленности от импортной зависимости. Если в конце первой пятилетки доля импорта качественного металла составляла почти 17%, то уже к середине 30-х годов она уменьшилась до 2,8 %.

Однако черная металлургия оставалась узким местом. После незначительного прироста производства металла в 1937 г. началось даже снижение общей выплавки чугуна, стали и проката. В первом году третьей пятилетки сократилась добыча железной и марганцевой руд. Плохо работала металлургия в первой половине 1940 г. В Москву шел поток писем и требований об улучшении снабжения металлом и оборудованием. Энергичные усилия по мобилизации местных ресурсов предпринимали Ленинградский, Ростовский, Днепропетровский, Воронежский и Татарский обкомы ВКП(б), Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б), Днепродзержинский горком КП(б) Украины. Были проведены совещания с хозяйственниками и секретарями заводских парторганизаций, усилен контроль за базами, складами, снабженческими конторами и т. п. Показательно, что ни один партийный или хозяйственный работник в этот острый момент не призывал к увеличению импорта металла и оборудования. Лишь нарком черной металлургии Ф. А. Меркулов, руководствуясь интересами военных заводов, настаивал срочно импортировать молибден, вольфрам, ванадий, никель. «Делать это нужно, не медля ни минуты,— писал он,— ибо вольфрамовые концентраты добываются в основном на юге Китая, а молибденовые — в Америке»[1]. Положение со снабжением авиационных и судостроительных заводов

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 8875, оп. 1, ед. хр. 49, л. 230-231.

легирующими материалами действительно было угрожающим.

Причинами спада в работе металлургии явилось прежде всего уменьшение размеров капитальных вложений. Согласно данным Госплана СССР, общие капиталовложения в черную металлургию за 1938—1940 гг. снизились с 5,5 до 3,4 млрд. руб. При увеличении капитальных вложений во все народное хозяйство СССР почти вдвое удельный вес капиталовложений в их общем объеме снизился с 10,7% в 1933 г. до 4,2% в 1940 г.[1] По сравнению с 1932—1935 гг. ввод в эксплуатацию агрегатов в третьей пятилетке уменьшился: по доменным печам — в 2,4 раза, по мартенам — в 4,7, по прокатным станам — в 3,6 раза. На 1 мая 1940 г. из 124 плановых строек работы велись на 41, а в пусковом состоянии находились лишь 22 объекта[2]. Руководители черной металлургии с тревогой предупреждали об опасности существовавшей тенденции систематического сокращения объема поступавшего оборудования. Особенно плохо обстояло дело со снабжением техникой домен, мартенов и прокатных станов. Кроме того, в течение 1940 г. правительство и Комитет обороны возложили на заводы немало дополнительных внеплановых (оборонных) заданий, которые на заводах тяжелого машиностроения достигали больших размеров. Обстановка требовала их срочного выполнения. Между тем специальные цехи еще не вошли в строй. Техническое снабжение металлургии ухудшилось. Сокращение поставок металлургического оборудования отрицательно сказалось на сроках и качестве ремонта доменных печей и прокатных станов.

Одной из причин ухудшения работы черной металлургии явились транспортные затруднения, которые усугублялись нерациональными перевозками металла, вызванными осуществленной так называемой специализацией прокатных станов. Народное хозяйство понесло на этой «специализации» ощутимые потери. Она была отменена правительством в июне 1938 г. XVIII съезд ВКП(б), поддержав отмену специализации станов, потребовал «обеспечить на основных металлургических базах страны прокат всех наиболее ходовых сортов металла»[3]. Одновременно

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 38, ед. хр. 82, л. 6; оп. 41, ед. хр. 871, л. 10.

[2] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 38, ед. хр. 82, л. 6—7.

[3] «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 347.

принимались меры по ускорению ввода в эксплуатацию строившихся прокатных станов, по дооборудованию старых и т. д.

Правительство образовало комиссию в составе Н. А. Вознесенского, И. Ф. Тевосяна, И. П. Бардина, П. Г. Коробова и др. для изучения причин отставания металлургии и выработки мероприятий по увеличению выплавки металла. Комиссия провела совещание металлургов. Было проверено состояние политической работы на металлургических предприятиях. На основе материалов комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР разработали целую программу подъема производства, повышения уровня руководства предприятиями, расширения минерально-сырьевой базы металлургии, укрепления руководства наркоматов и главков. Вместо Ф. А. Меркулова наркомом черной металлургии был назначен И. Ф. Тевосян, наркомом цветной металлургии — П. Ф. Ломако (вместо А. И. Самохвалова). Во второй половине 1940 г. положение в металлургии начало заметно улучшаться. Накануне войны СССР производил почти 15 млн. тонн чугуна, 18,3 млн. тонн стали и 13,1 млн. тонн проката, в том числе качественного проката — около 3 млн. тонн (1939 г.)[1]. Если производством качественного проката занимались в начале первой пятилетки лишь 5 заводов, а в 1932 г. — 23 завода, то в 1939 г. — 31 завод, в том числе 14 предприятий в восточных районах[2]. Это имело огромное экономическое и военно-стратегическое значение.

Продолжало расширяться производство ферросплавов, которое в 1940 г. дало 351,6 тыс. тонн ферромарганца, ферросилиция и феррофосфора. Импорт же их к этому времени сократился до 131 тонны, составив лишь 0,4% по отношению к внутреннему производству[3]. В разных районах страны сооружались новые заводы.

В годы второй и третьей пятилеток стали добываться руды и возникла металлургия редких металлов, прежде ввозившихся из-за границы. Отличительной чертой развития черной металлургии за довоенные пятилетки был ус-

---

[1] См. «Промышленность СССР», стр. 106; ЦГАНХ СССР, ф. 8875; оп. 2, ед. хр. 9, л. 25.

[2] ЦГАНХ СССР, ф. 8875, оп. 3, ед. хр. 1, л. 5, 13, 22, 71—78.

[3] См. «Промышленность СССР», стр. 109; «Внешняя торговля СССР за 1918-1940 гг.», стр. 406.

тойчивый и систематический рост производства качественного проката. Это также было проявлением курса на укрепление экономической независимости СССР, ибо импорт качественного проката сохранялся в эти годы в немалых размерах.

Одним из узких мест в народном хозяйстве продолжала оставаться цветная металлургия. Несмотря на то что капитальные вложения в нее за вторую пятилетку превысили в 3,5 раза объем капиталовложений первой пятилетки, а основные фонды выросли почти до 300 млн. руб. (из этой суммы лишь $^1/_{10}$ осталась от дореволюционного времени [1]), из-за границы приходилось ввозить много меди, свинца, олова, цинка. Правительство прилагало энергичные усилия по увеличению производства цветных металлов. В конце 1934 г. на предприятия Урала и Риддерского комбината ЦК ВКП(б) направил две бригады из представителей НКТП, НКСнаба, НКПС для изучения причин отставания предприятий цветной металлургии.

Наркомтяжпром СССР призывал коллективы всех предприятий отрасли оказать помощь цветной металлургии. Были разработаны меры по экономии цветных металлов, указывались способы их замены. Научно-техническому совету НКТП предлагалось усилить контроль за расходованием цветных металлов. Устанавливался также более строгий порядок в использовании лома цветных металлов, заготовляемого промысловой кооперацией. За годы второй пятилетки более чем вдвое выросла выплавка меди, в 5,5 раза — производство цинка, более чем в 3 раза — выплавка свинца, до 37 тыс. тонн к концу пятилетки выросло производство алюминия. По размерам выплавки алюминия СССР выдвинулся на третье место в мире и второе место в Европе; по меди — на четвертое место в мире и первое — в Европе, по производству никеля — на одно из первых мест в мире. Фактически заново создавались металлургия олова, кадмия, сурьмы, магния. Технология производства некоторых цветных металлов (меди, цинка) находилась на уровне передовых иностранных фирм. Хотя цветники выполнили задания второй пятилетки не по всем металлам, однако были созданы перспективы нового подъема этой важной отрасли. В конце второй

---

[1] См. «Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг.», стр. 216; «Плановое хозяйство», 1939, № 7, стр. 14.

пятилетки 90% продукции цветной металлургии дали новые или целиком реконструированные предприятия [1] .Однако импортная независимость была достигнута лишь по алюминию, цинку и магнию. За 1933—1937 гг. пришлось ввезти из-за границы цветных металлов 419,4 тыс. тонн; причем импорт возрастал из года в год — с 51,5 тыс. тонн в 1933 г. до 138,2 тыс. тонн в 1937 г.[2] Доля импорта в производственном потреблении СССР (1937 г.) составляла: меди — 24,6%, свинца — 23,6, никеля — 70,5 и олова — 88% [3]. Наиболее отстающим было производство олова и никеля. Нехватка цветных металлов отрицательно отражалась на производстве кабеля и других изделий электротехнической и оборонной промышленности. Основные причины невыполнения заданий пятилетки — отставание сырьевой базы и низкий уровень механизации. Лишь по цинку сырьевые ресурсы превышали мощности заводов. Особенно отставала сырьевая база по олову. Механизация работ только разворачивалась, а на полиметаллических и оловянных рудниках по-прежнему преобладал ручной труд. Отставала от потребностей геологическая разведка. Затягивалось капитальное строительство, особенно по обогатительным фабрикам.

Заметный стимул в увеличении продукции цветной металлургии дало Всесоюзное социалистическое соревнование шахт, обогатительных фабрик и ведущих цехов медеплавильных и алюминиевых заводов, развернувшееся в сентябре 1940 г. Сообщая об этом почине, «Правда» 11 сентября 1940 г. писала: «Патриотические устремления цветников прежде всего должны выразиться в том, чтобы давать стране — промышленности, сельскому хозяйству, Красной Армии и Военно-Морскому Флоту — столько меди, свинца и олова, алюминия и других цветных металлов, сколько ей необходимо. В этом направлении и должна вестись вся массово-политическая работа партийных и профессиональных организаций...»

мощную базу производства цветных металлов превратился Казахстан. Цветная металлургия республики к 1939 г. давала продукции больше в 16,6 раза по сравнению с 1913 г. и больше в 3,8 раза, чем в 1932 г. Лишь за

[1] См. «Плановое хозяйство», 1939, № 7, стр. 14.
[2] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1920 гг.», стр. 345, 379.
[3] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 36, ед. хр. 180, л. 2.

1939 г. Казахстан дал стране столько меди, сколько было выплавлено ее за две предыдущие пятилетки. Казахстан занимал нервое место в СССР по запасам меди, свинца, цинка, хрома, второе место — по запасам никеля, четвертое — по олову[1]. Новые задачи в развитии цветной металлургии поставил IV съезд Компартии Казахстана (март 1940 г.), наметивший форсированные темпы геологоразведочных работ, с тем чтобы устранить отставание рудной базы. Съезд поручил ЦК КП(б) Казахстана разработать меры по улучшению руководства этой отраслью, что обеспечило бы выполнение решений о дальнейшем развитии цветной металлургии в республике. Съезд отмечал, что Наркомцветмет СССР слабо боролся с недооценкой со стороны главков дела развития цветной металлургии в Казахстане[2]. Подъем цветной металлургии в Казахстане и в других районах страны имел огромное значение для обеспечения экономической независимости Союза ССР.

Наряду с осуществлением мер по расширению минерально-сырьевой базы и увеличению выплавки металлов партия усилила борьбу за более экономное расходование их, а также за мобилизацию металлоотходов. В 1938—1940 гг. принимаются меры по усовершенствованию системы сбора, учета, хранения и расходования дефицитных металлов. Были созданы Главное управление по заготовке, переработке и сбыту лома черных и цветных металлов и Инспекция по проверке правильности расходования их в соответствии с нормами. Одновременно повышались цепы на лом изделий из цветных металлов. Наркомтяжпрому и тресту «Вторцветмет» утверждались плановые задания по заготовке меди, цинка, свинца, алюминия, латуни и других металлов. Наркоматы и предприятия обязывались шире внедрять созданные учеными различные заменители. В Госплане СССР был создан сектор заменителей и экономии цветных и качественных металлов.

Для активного привлечения широкой инженерно-технической общественности к этой работе Оргбюро ВСНИТО создало Комитет содействия по экономии цветных металлов, внедрению их заменителей. 17 бригад Комиссии советского контроля с участием специалистов в 1940 г.

---

[1] См. «История индустриализации Казахстана, т. 2 (1933— июнь 1941 г.)». Алма-Ата, 1967, стр. 297—298.
[2] См. там же, стр. 267—268.

произвели проверку практики расходования и наличия излишков черных и цветных металлов на ряде оборонных заводов, где скопилось большое количество дефицитных металлов и допускались случаи разбазаривания их. Экономсовет при СНК СССР поручил соответствующим наркоматам ежемесячно докладывать Госплану о фактических остатках металлов, а Наркомцветмету и Наркомчермету СССР было предоставлено право прекращать поставки металла при выявлении излишков [1]. Строгий режим экономии дефицитных металлов и материалов осуществлялся повсюду.

В марте 1940 г. ЦК ВКП(б) и СНК утвердили мероприятия по экономии редких металлов, по упорядочению применения легированных сталей и твердых сплавов. Они призывали рабочие коллективы к строжайшей экономии легирующих материалов. За халатность в их расходовании устанавливалась уголовная ответственность. Наркоматы издали приказы, в которых запрещалось изготовление многих второстепенных изделий и деталей из цветных металлов. Большую роль в их экономии сыграли технологические усовершенствования, обеспечившие замену дефицитных металлов менее дефицитными материалами.

Бурное развитие отечественного машиностроения и оборонной индустрии, необходимость наращивания мобилизационно-стратегических запасов — все это требовало значительно большего количества цветных и редких металлов по сравнению с тем, что производилось в стране. Подводя итоги трех лет третьей пятилетки, Госплан СССР отмечал недостаточное выполнение заданий XVIII съезда ВКП(б) по производству цветных и редких металлов. Обострение международной обстановки, постоянно ухудшавшаяся конъюнктура на мировых рынках [2] вынуждали Советское правительство прибегать к импорту этих металлов.

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 329, ед. хр. 287, л. 55—67.

[2] В США в 1939—1941 гг. была разработана и осуществлена программа, по которой намечалось первоочередное снабжение оборудованием оборонной промышленности, а также вводилась монополия государства на импорт и распределение вольфрама, олова, сурьмы, марганца, кремния, каучука. Не считаясь с расходами, США закупали на внешних рынках вольфрамовую руду; форсировали освоение и расширение производства синтетического каучука. В борьбе за стратегическое сырье активно участвовали Германия, Япония, Англия и Австралия. Гитлеровское правительство провоз-

Огромное значение в завоевании технической независимости СССР имело дальнейшее развитие химической индустрии. XVII съезд ВКП(б) поставил перед партией задачу обеспечить решающие сдвиги в химической индустрии, повысить уровень химизации всего народного хозяйства и обороноспособности СССР. В химическую индустрию были увеличены капиталовложения. Удельный вес новых и реконструированных основных фондов возрос в ней до 92,7% (1937 г.)[1]. Темпы роста валовой продукции химической и резино-асбестовой промышленности более чем в 2 раза опережали темпы роста всей промышленности СССР. Определяя новые задачи, партия стремилась добиться полного удовлетворения нужд народного хозяйства и обороны в продукции химической индустрии.

В 1933—1940 гг. бурное развитие получило производство синтетического каучука и пластмасс, производство азота, разных кислот, искусственного волокна. Сооружение новых и реконструкция старых предприятий в своем большинстве обеспечивались советским оборудованием. Лишь некоторые виды техники приобретались за границей.

Преодолевая трудности, советские ученые, инженеры и рабочие продолжали собственными силами развивать важное и сложное производство синтетического каучука. Выпуск его увеличился с 2,2 тыс. тонн в 1933 г. до 70,2 тыс. тонн в 1937 г.[2] Сложной проблемой дальнейшего развития промышленности синтетического каучука оставалось сырье. Основным видом сырья являлся спирт. Только во второй пятилетке спиртовая промышленность переработала 8,5 млн. пудов зерна[3]. Это было весьма дорого и отрицательно отражалось на хлебном балансе страны. Научно-исследовательские лаборатории активизировали поиски новых видов сырья для производства спирта (картофель, патока, древесная масса и т. п.). Однако доля зерна в

гласило пресловутый «четырехлетний план сырьевой независимости». С целью мобилизации стратегического сырья японское правительство организовало в ноябре 1940 г. «Восточноазиатскую экономическую конференцию». В Китае Чан Кай-ши установил контроль над производством и вывозом вольфрама, сурьмы и молибдена. Военная подоплека этих действий была очевидной.

[1] См. «Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг.», стр. 244.

[2] См. там же, стр. 247.

[3] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 36, ед. хр. 192, л. 1-4.

производстве спирта оставалась большой. В ноябре 1936 г. эта отрасль досрочно выполнила второй пятилетний план. В конце второй пятилетки промышленность синтетического каучука перешла на бездотационную работу, в производство были внедрены новые технологические режимы. Вошел в строй Казанский каучуковый завод (СК-4). Отраслевая конференция работников промышленности взяла обязательство — начиная с 1937 г. усилить борьбу за освобождение СССР от импорта каучука. К этому времени в системе «Главкаучук» насчитывалось почти 17 тыс. человек, в том числе 3028 инженерно-технических работников и 10 855 рабочих[1].

Продолжая наращивать мощности промышленности синтетического каучука, партия одновременно повышала требовательность к хозяйственникам резиновой промышленности по экономии этого дефицитного сырья и использованию отходов. В сентябре 1938 г. Экономсовет при СНК СССР разрешил Наркомтяжпрому построить три завода в Калуге, Пензе и на станции Лопасня (Московская область) по регенерации старой резины[2]. Примерно в это же время начал действовать Всесоюзный шинноремонтный трест, который располагал разветвленной сетью ремонтных мастерских и осуществлял техническое руководство этим делом в стране. Спустя два года на Ярославском резино-асбестовом комбинате состоялась Всесоюзная конференция по вопросам качества автомобильных шин и сырья. Участники ее обобщили опыт заводов и научно-исследовательских лабораторий, выявили причины дефектов сырья, определили его рецептуру и т. д. Все эти меры позволили сэкономить многие сотни тонн каучука. В этом отношении немаловажное значение имело обеспечение народного хозяйства синтетическим каучуком на период с 1 января по 1 октября 1940 г., предусмотренное Экономическим советом при СНК СССР. Большую работу по сбору отходов резины и развитию регенераторного производства проводили комсомольские организации.

К началу войны СССР обладал целой отраслью по изготовлению синтетического каучука, имевшей огромное экономическое, политическое и оборонное значение. Она яв-

---

[1] См. «Каучук и резина», 1939, № 10, стр. 6; «Синтетический каучук», 1936, № 7-8, стр. 1; № 10, стр. 3; № 11-12, стр. 4.

[2] ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 52, ед. хр. 1789, л. 34.

лялась гордостью советского рабочего класса и ученых-химиков. В 1940 г. СССР производил около 100 тыс. тонн этого ценного сырья. Сравнительно небольшим оставался импорт натурального каучука. За 1938—1940 гг. он составил 76,2 тыс. тонн, т. е. доля импорта натурального каучука к внутреннему производству синтетического в среднем за этот период равнялась 38%[1] Рост производства каучука позволил сократить применение натурального каучука. Изучением вопросов замены импортного каучука отечественным синтетическим занималась правительственная комиссия в составе А. А. Андреева, И. А. Лихачева, М. Г. Первухина, М. Ф. Денисова и др. По выпуску синтетического каучука СССР по-прежнему обгонял капиталистические страны. В третьей пятилетке в стране действовали десять заводов синтетического каучука. По пути, проложенному советскими учеными и инженерами, пошли многие страны и фирмы мира.

Важное значение для укрепления экономической независимости СССР имело увеличение производства химических волокон, применение которых уменьшало потребности в импортной шерсти, пластмассах и красителях. В 1940 г. СССР производил почти 11 тыс. тонн синтетических смол и пластических масс, 11,1 тыс. тонн химических волокон, 34,2 тыс. тонн синтетических красителей и т. п.[2] В результате интенсивного развертывания внутреннего производства увеличивалась замена дефицитных цветных металлов пластмассами, текстильная промышленность освобождалась от необходимости употребления импортных красителей.

Общий подъем химической индустрии позволил СССР произвести в 1940 г. минеральных удобрений в 3 раза больше по сравнению с 1933 г., серной кислоты — в 2,5 раза, автомобильных покрышек — более 3 млн. штук (в 1933 г.— 679 тыс.), резиновой обуви — 69,7 млн. пар[3]. Значительная часть этой продукции в прошлом или ввозилась из-за границы, или производилась на импортном сырье.

Особенность развития тяжелой индустрии в предвоенные годы заключалась в форсированном наращивании

---

[1] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 385, 411; «Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг.», стр. 247.

[2] См. «Народное хозяйство СССР в 1967 году», стр. 253—254.

[3] См. «Промышленность СССР», стр. 192—199.

мощностей и объема выпускаемой продукции тех ее отраслей, которые обслуживали Вооруженные Силы и максимально укрепляли экономическую независимость СССР. Расходы на оборону за 1938—1940 гг. составили 119,2 млрд. руб., или в 2,2 раза больше, чем за первую и вторую пятилетки, вместе взятые. В 1940 г. 32,6% бюджетных средств направлялись на нужды обороны[1]. За три с половиной года третьей пятилетки капиталовложения в оборонную промышленность составили около 1/ всех капиталовложений в промышленность. Ежегодный прирост продукции в оборонных отраслях достиг 39%. В первой половине 1941 г. выпуск продукции военной индустрии возрос по сравнению с 1937 г. в 4 раза. Мощности оборонной индустрии наращивались за счет нового строительства, реконструкции существовавших заводов, а также за счет передачи ряда предприятий из гражданских отраслей. Советские специалисты были в курсе развития военной техники за рубежом.

Возросшую оборонную и экономическую мощь СССР отмечали делегаты XVIII съезда ВКП(б). В оборонные отрасли партия направляла опытные партийные и инженерно-технические кадры. Здесь же в первую очередь внедрялись многие научно-технические открытия. В течение двух-трех предвоенных лет был осуществлен ряд мер по ускоренному росту производства военной техники. Вопросы совершенствования этой техники не раз обсуждались в ЦК ВКП(б).

Первостепенное внимание уделялось проблемам снабжения оборонной промышленности стратегическим сырьем. Анализируя данные об обеспеченности СССР и главных капиталистических стран 22 видами стратегического сырья, Н. А. Вознесенский докладывал XVIII съезду: «...сырья хватит в Советской стране как для народного хозяйства, так и для сокрушительного удара по агрессорам. Нет таких видов стратегического сырья, которыми СССР не мог бы себя теперь обеспечить своим собственным производством. К этому можно добавить только одно: в СССР имеются, а в третьей пятилетке они вырастут дополнительно, более чем втрое, производственные мощности для изготовления из этого сырья первоклассного вооружения

---

[1] См. «Финансы СССР за XXX лет. 1917—1947», стр. 160, 170, 180.

в виде самолетов, танков, артиллерии, снарядов, пулеметов, винтовок и порохов»[1].

Итак, анализ документов и материалов показывает, что направление и темпы общего экономического развития СССР с 1933 г. по июнь 1941 г. соответствовали политике партии. Только в годы третьей пятилетки доля фонда накоплений поднялась с 19,8 до 22,2%. Валовая продукция промышленности увеличилась на 47 %. Удельный вес в ней средств производства достиг 61,2%[2]. Объем капитального строительства за три года составил половину запланированного на третью пятилетку. Партия сосредоточила усилия на решении проблем экономической независимости СССР, имевших прежде всего военно-стратегическое значение. Под таким же углом зрения вырабатывались перспективы развития ряда отраслей и производств машиностроения, металлургии, химической промышленности, геологоразведочных работ. Эти задачи учитывались в народнохозяйственном плане 1941 г. На XVIII конференции Н. А. Вознесенский отмечал, что при составлении годового плана правительство руководствовалось необходимостью «закрепить самостоятельность и независимость нашего народного хозяйства от капиталистического окружения, не быть зависимым от капиталистического хозяйства, особенно в металлургии и машиностроении. Обеспечение независимости народного хозяйства СССР от капиталистического окружения является формой нашей борьбы с капитализмом. Империалистическая война, закрывшая рынок в большинстве капиталистических стран, подчеркнула эту задачу. В плане 1941 года она решается путем форсированного роста производства специальных видов машин, редких Металлов, а также программой строительства новых предприятий, особенно в области машиностроения и металлургии»[3].

Гигантский рост промышленности и необходимость обеспечения пропорционального развития всего народного хозяйства, не прибегая к импорту как источнику снабжения дефицитными материалами, нарастание военной угрозы во весь рост выдвигали проблему создания крупных государственных резервов. Накануне войны в стране

[1] «XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 336.

[2] См. «Народное хозяйство СССР в 1965 году», стр. 123; ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 38, ед. хр. 72, л. 5.

[3] «Правда», 19 февраля 1941 г.

действовало 17 территориальных управлений, объединявших ряд крупных баз. Основные средства Управления госрезервов при СНК СССР к 1 января 1940 г. выросли на 486% по сравнению с 1933 г. Несмотря на массовый отпуск резервных материалов на текущие нужды, прирост резервов увеличился с 4,2% в 1938 г. до 5,4% в 1940 г.[1] Выполняя директивы XVIII съезда ВКП(б), ЦК и СНК СССР продолжали наращивать накопления государственных производственных и материально-технических резервов и мобилизационных запасов.

Большое значение в экономической жизни СССР имело усовершенствование системы материально-технического снабжения. Основным недостатком в этом деле являлось наличие в наркоматах множества параллельно действующих и излишних трестов, контор и отделений. Только по 26 союзным наркоматам в 1940 г. имелось 3550 снабженческих организаций со штатом в 81 тыс. человек; кроме того, отраслевые главки располагали 1370 снабженческими организациями со штатом в 23 тыс. человек[2]. Многочисленные складские операции достигали почти половины общего товарооборота снабженческих органов и приводили к замораживанию большого количества материальных ценностей. Имелись факты разбазаривания дефицитных материалов. Неоднократные проверки выявляли значительные запасы оборудования и сырья, нередко дефицитных и импортных. На 1 июля 1940 г. 13 промышленных наркоматов имели сверхнормативные излишки лишь производственных запасов более чем на 700 млн. руб.[3] Крупные излишки материальных ценностей были на предприятиях черной и цветной металлургии, среднего машиностроения, текстильной промышленности. Накопление излишних материальных ценностей объяснялось недостатками в системе планирования, снабжения и расчетов, имевшимися трудностями в материально-техническом снабжении. 5 апреля 1940 г. СНК СССР принял постановление «Об организационной структуре органов снабжения хозяйственных наркоматов», сыгравшее определенную роль в улучшении си-

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 38, ед. хр. 72, л. 5; «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг.», т. 1. М., 1960, стр. 412.

[2] См. «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет», т. 2, стр. 742.

[3] См. «Плановое хозяйство», 1940, № 12, стр. 40.

стемы и практики материально-технического снабжения промышленности. Создание Наркомата госконтроля и назначение контролеров на крупные предприятия должно было упорядочить этот участок работы. Контроль играл важную роль в мобилизации внутренних резервов наркоматов, ведомств, заводов, рудников, в усилении ответственности каждого работника за порученный участок.

В борьбе за дальнейший подъем народного хозяйства партия много внимания уделяла совершенствованию общей системы управления. Важное значение оно имело прежде всего для промышленности, особенно для тех отраслей ее, которые не удовлетворяли полностью народное хозяйство своей продукцией, и помимо общих производственно-технических проблем, должны были решать вопросы высвобождения страны от импортной зависимости. Необходимы были хорошее знание возможностей каждого предприятия, правильное распределение и максимальная мобилизация ресурсов, сочетание моральных и материальных стимулов, конкретная и систематическая политико-разъяснительная, воспитательная работа среди хозяйственников, инженерно-технических работников и рабочих.

Перестройка системы управления промышленностью началась еще в первой пятилетке, продолжалась она и в последующие годы. В целях большей специализации и конкретности руководства предприятиями в августе 1933 г. Главное управление машиностроения было разукрупнено на Главстанкоинструмент, Главсельмаш, Главточмаш и Главметиз. Аналогичная реорганизация произошла в цветной металлургии, электротехнической и химической промышленности. В системе Наркомтяжпрома СССР были организованы главные управления горного, легкого, среднего машиностроения[1]. В 1936—1937 гг. из Наркомата тяжелой промышленности были выделены Наркомат оборонной промышленности и Наркомат машиностроения. В дальнейшем Наркомат тяжелой промышленности был разделен на шесть наркоматов, а Наркомат машиностроения — на три. Были образованы наркоматы по станкостроению, черной металлургии, цветной металлургии, резиновой промышленности, Наркомстрой СССР и др. Почти в каждом наркомате создавались иностранные отделы (или секторы), ведавшие вопросами использования зарубежного опыта и научных

[1] См. СЗ, 1933, № 58, ст. 346; 1935, № 5, ст. 37; 1936, № 43, ст. 361.

достижений, организацией заграничных командировок и труда иностранных специалистов на советских предприятиях.

Совершенствовалась также структура Госплана СССР. Здесь были организованы отделы перспективного планирования, отделы планирования отраслей народного хозяйства, секторы основных отраслей промышленности, топливного баланса, геологии и ряд других самостоятельных секторов. В Положении о Госплане отмечалось, что главнейшей его задачей было обеспечение в планах развития народного хозяйства СССР правильных соотношений темпов роста отраслей и недопущение диспропорций в экономике страны [1], которые, как правило, вызывали необходимость импорта.

Важное значение имело создание (1937 г.) Экономического совета при СНК СССР и Комитета Обороны при СНК СССР, объединившего советскую законодательную и исполнительную власть. Эта реорганизация имела своей целью приблизить органы управления к производству, искоренить ведомственные методы руководства, способствовать оперативному решению вопросов снабжения, распространению передового опыта, лучшему выявлению внутренних резервов производства и т. д.

Во второй половине 30-х годов на ход борьбы за техническую независимость страны большое влияние оказало стахановское движение. Определяя практические задачи по его развитию в отраслях тяжелой индустрии, партия указывала на то, чтобы наряду с борьбой за высокую производительность труда стахановское движение направлялось на экономию и замену дефицитного сырья другим, на борьбу с потерями и т. д. Стахановское движение создавало предпосылки для значительной экономии оборудования, инструментов, сырья, топлива. По подсчетам Госплана СССР, во второй пятилетке понадобилось бы 6—7 млрд. руб., если бы нормы расхода сырья, топлива и электроэнергии оставались на уровне 1932 г.[2] Наркомтяжпром провел в феврале — марте 1936 г. отраслевые конференции для пересмотра технических норм оборудования, мощностей предприятий и норм выработки. В Москве состоялись конференции работников никелевой промышленности и станкостроителей, в Свердловске — черной

---

[1] См. СЗ, 1935, № 19, ст. 154; СП, 1938, № 7, ст. 41.
[2] См. «Проблемы экономики», 1940, № 5-6, стр. 128.

и цветной металлургии, в Сталино — металлургов, в Ленинграде — работников метизных заводов, в Харькове — автотракторной промышленности, в Иркутске — оловянной промышленности, в Баку — нефтяников и т. д. Рекомендации конференций сыграли важную роль в выработке более экономичных норм расходования металла (особенно качественных и дефицитных сортов его) на единицу изделий, в пересмотре мощностей машин и агрегатов.

Главным итогом реализации решений декабрьского (1935 г.) пленума ЦК ВКП(б) был новый подъем движения новаторов и рост производительности труда: менее чем за год число стахановцев возросло в 3—4 раза, а производительность труда в промышленности только за 1936 г. увеличилась на 26,1%. В тяжелой промышленности развернулось движение отличников производства, боровшихся за высокое качество продукции. Рабочие Подольского механического завода предложили соревноваться под лозунгом «Продукция с маркой Наркомтяжпрома должна быть лучше заграничной!» Это начинание одобрил Президиум ВЦСПС. Благодаря самоотверженному труду стахановцев страна дополнительно получала большое количество техники, металла, сырья и полуфабрикатов, значительная часть которых была дефицитной.

В борьбе за превращение СССР в могучую державу изменялась психология советских людей, формировались социалистическое сознание, патриотизм. Иностранцам трудно было понять, что было движущим стимулом нашего рабочего класса. Примечателен в этом отношении разговор А. Бусыгина с представителем Форда, состоявшийся летом 1936 г.

— Я имею к вам, мистер Бусыгин, поручение от Форда пригласить вас работать на его заводе в Детройте,— говорил американец.— Вам там будут созданы самые лучшие условия. Мы вас забросаем золотом.

— Передайте Форду, — отвечал Бусыгин, — что советский рабочий себя за золото не продаст. Я работаю для своей великой Родины и всю жизнь буду ей служить. Работать для того, чтобы набивать деньгами карманы капиталистов, я не стану. А что касается хороших условий, то я их имею и у себя на Родине.

Фордовский агент кисло улыбнулся:

— Ну, видимо, кузнецы настойчивый народ.

— То же самое на моем месте вам скажет любой со-

ветский рабочий, будь то кузнец, фрезеровщик или сапожник: мы все кузнецы своего счастья[1].

Высокое сознание долга перед Родиной, ясное понимание задач, стоявших перед государством,— важнейшие факторы самоотверженного труда советского народа.

Таким образом, концентрируя имеющиеся в стране людские, природные, материально-технические и валютно-финансовые ресурсы на главных экономических и технических задачах, партия обеспечила небывалые в истории темпы и масштабы роста в прошлом отсталой и зависимой страны. Поскольку борьба за техническую независимость осуществлялась во враждебном капиталистическом окружении, Советскому государству пришлось развивать все отрасли тяжелой индустрии, особое внимание уделяя оборонной промышленности. По мере освоения мощностей новых и реконструированных предприятий страна освобождалась от импорта и зарубежной техпомощи.

Политика и практическая деятельность партии и государства обеспечили СССР бурные темпы индустриального развития и высокий уровень технической независимости от капиталистических держав. Доля СССР в мировой промышленной продукции составляла около 10%, т. е. в 3 раза больше, чем в 1917 г.[2], а в выплавке стали — почти 13% мирового объема, или более чем в 2 раза по сравнению с 1913 г. Основные производственные фонды СССР за 1913—1940 гг. увеличились в 2,5 раза, а в промышленности — в 6,9 раза. Топливно-энергетические ресурсы СССР накануне войны исчислялись в 283,6 млн. тонн (в пересчете на условное топливо), или в 4,5 раза больше по сравнению с дореволюционным временем[3]. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции за предвоенное десятилетие в СССР равнялись 16,5%, а в США — 1,2% . Это — выдающееся достижение советского народа в экономическом соревновании с миром капитализма.

Из года в год, от пятилетки к пятилетке советский народ самоотверженно боролся за осуществление экономической политики партии. В результате выполнения пятилеток СССР накануне войны располагал всеми отраслями

---

[1] «Говорят строители социализма». М., стр. 275.

[2] См. «Страна Советов за 50 лет», стр. 47.

[3] См. «СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 33, 61.

См. «Народное хозяйство СССР в 1960 году», стр. 175.

современной (по тому времени) тяжелой индустрии, обеспечивающими народное хозяйство и нужды Красной Армии необходимыми машинами, металлом, полуфабрикатами и материалами. Мобилизуя советский народ, используя преимущества социалистической системы, партия и правительство обеспечили непрерывное развитие всех отраслей тяжелой индустрии, что являлось главным условием создания материально-технической базы социализма и обеспечения технической независимости СССР.

2. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАСШИРЕНИЕ СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ ЛЕГКОЙ ИНДУСТРИИ

Одной из особенностей экономического развития СССР после первой пятилетки являлось то, что легкая индустрия росла на отечественной машиностроительной базе. Однако текстильная и кожевенно-обувная промышленность продолжали в значительной части снабжаться импортным сырьем. Создание соответствующей производственным мощностям легкой индустрии сырьевой базы оказалось весьма трудной и сложной проблемой [1]. В течение ряда лет состояние сырьевой базы ограничивало объем производства предметов массового потребления, сдерживало рост легкой индустрии и накоплений. Оно вынуждало правительство расходовать золото и иностранную валюту на импорт недостающего сырья.

1933—1940 годы явились периодом высвобождения легкой и пищевой индустрии от импортной зависимости. Решающим условием этого были завершение социалистической реконструкции сельского хозяйства и бурный рост суррогатной промышленности. Выйдя из реорганизационного периода, сельское хозяйство во второй и третьей пятилетках совершило быстрый подъем. Это проявилось в увеличении валовой сельскохозяйственной продукции, в повышении степени товарности и объема государственных заготовок, в освоении производства новых культур.

В результате социалистической перестройки было создано и упрочено высокотоварное крупное сельскохозяйст-

[1] В настоящем разделе показывается расширение сырьевой базы легкой (и частично пищевой) индустрии лишь в той части, недостаточная развитость которой вызывала систематический импорт.

венное производство. В 1940 г. в 236,9 тыс. колхозах было объединено 96,9% крестьянских дворов и 99,9% посевной площади, в стране насчитывалось 4159 совхозов [1]. Всего в сельском хозяйстве работало 684 тыс. тракторов (в пересчете на 15-сильные), 182 тыс. комбайнов и 228 тыс. автомобилей. Энергетические мощности на селе составляли 47,5 млн. лошадиных сил, что вдвое превышало энергомощности сельского хозяйства 1917 г.[2] Вся техника, поступавшая в сельское хозяйство за годы второй и третьей пятилеток, изготовлялась советскими заводами.

В 30-е годы произошли важные изменения в промышленности группы «Б» — основном потребителе сельскохозяйственного сырья. Удельный вес производства предметов потребления в валовой продукции промышленности систематически уменьшался, а абсолютный объем производства группы «Б» рос. К 1932 г. выпуск предметов потребления вырос в 1,8 раза, к 1937 г. — уже в 3,7 раза, а к 1941 г.— почти в 5 раз по сравнению с уровнем 1913 г.[3] Обновлялась машиностроительная база легкой и пищевой индустрии, расширились масштабы технической реконструкции. Успешно выполнялась директива партии о решительном освобождении текстильной промышленности от импортной зависимости в оборудовании. В течение второй и третьей пятилеток легкая и пищевая индустрия превратились в машинизированные отрасли. Если вопросы снабжения техникой решались удовлетворительно, то проблема сырья оставалась весьма острой из-за несоответствия темпов роста производства основных видов сельскохозяйственного сырья и темпов роста индустрии группы «Б».

Данные показывают, что темпы роста производства всех предметов потребления (в том числе изготовлявшихся из несельскохозяйственного сырья) опережали темпы выхода валовой продукции сельского хозяйства, особенно ее товарной части. Исключение здесь составляло производство хлопка. Сопоставление данных о расширении выхода шерсти и кожсырья и роста производств легкой индуст-

---

[1] См. «Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник». М., 1960, стр. 9, 36, 42.

[2] См. там же, стр. 17—18.

[3] См. «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 142, 144—145.

рии — главных потребителей этих видов сырья — свидетельствует об увеличении дефицитности в них, которая частично покрывалась заменителями или импортом.

Победа колхозного строя и укрепление совхозного производства, дальнейшее расширение производства сельского хозяйства и индустрии создали прочную производственно-экономическую основу для развития социалистических отношений между сельским хозяйством и промышленностью. Если капитализму присущи антагонизм между промышленностью и сельским хозяйством, обострение социально-экономических противоречий между ними, то социализм обеспечивает гармоническое сочетание этих основных отраслей народного хозяйства, каждая из которых своим ростом создает новые возможности для подъема другой, для нового подъема всего народного хозяйства. Осуществление политики партии в сельском хозяйстве в корне изменило снабжение промышленности, населения и армии сельскохозяйственными продуктами и сырьем. Социалистический способ производства и новые производственные отношения, оснащение хозяйств современной техникой и подъем благосостояния сельских трудящихся обеспечили рост производительности труда до уровня, который был недосягаем для мелкого крестьянства. Согласно данным ЦУНХУ, производительность труда в зерновом и хлопководческом производстве за вторую пятилетку выросла почти в 3 раза по сравнению с уровнем производительности труда в единоличных хозяйствах до сплошной коллективизации[1].

Реализация преимуществ артельных и советских хозяйств позволила во много раз повысить товарность сельского хозяйства, что имело огромное значение для решения сырьевой проблемы. Если в период преобладания мелкокрестьянского хозяйства рост валовой продукции обгонял рост товарной продукции, то после социалистической реконструкции деревни это соотношение изменилось. По сравнению со среднегодовыми данными 1909—1913 гг. товарная продукция сельского хозяйства СССР (также в среднем за год) в 1938—1940 гг. составила 166% (в том числе товарная продукция земледелия 211%[2]). По срав-

---

[1] См. «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР». М.—Л., 1939, стр. 47-48.

[2] В товарную продукцию включены продукты, сданные и проданные государству и кооперации, а также проданные на рынке

нению с 1926/27 г. товарность хлопка увеличилась в 5 раз, шерсти — в 2,5 раза, по льну-волокну — в 2,4 раза[1]. В условиях единоличного крестьянского хозяйства товарность шерсти составляла лишь 27% к валовой продукции. Совхозы и колхозы к 1938 г. стали основными производителями товарной животноводческой продукции. Так, при удельном весе поголовья овец в 45% совхозы и колхозы дали 70% товарной шерсти[2]. Это высокий показатель продуктивности хозяйств.

Следовательно, социалистическое сельское хозяйство давало товарной продукции больше, чем помещичьи и кулацкие хозяйства старой России. Если до революции товарная доля продукции сельского хозяйства в его валовой продукции составляла 30%, то в 1938—1940 гг. она поднялась до 41%. Особенно быстро росла товарная продукция технических культур[3]. Таким образом, советское социалистическое сельское хозяйство в короткий срок раскрыло свои огромные преимущества. Это проявилось в расширении масштабов снабжения трудящихся продовольствием и предметами массового потребления, а также сырьем для легкой и пищевой промышленности. Разумеется, эти преимущества проявились в жизни не автоматически, потребовалась разносторонняя деятельность Коммунистической партии и Советского государства, высокая сознательность, организованность и самоотверженность тружеников села. Пришлось преодолеть многие трудности. Выдающуюся роль в этом нелегком деле сыграли сельские парторганизации, политотделы МТС и совхозов. Именно под их руководством труженики полей внесли свой решающий вклад в завоевание сырьевой независимости промышленности.

Одним из участков борьбы за разрешение сырьевой проблемы оставалось производство хлопка. Исходные по-

---

городскому населению. Сюда не включена товарная продукция внутридеревенского оборота или обмен продуктами сельского хозяйства между сельскохозяйственными предприятиями и сельским населением. Индексы товарной продукции исчислены по территории СССР в границах до 17 сентября 1939 г.

[1] См. «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР», 1939, стр. 89.

[2] См. «Социалистическое сельское хозяйство», 1939, № 9, стр. 88-89.

[3] См. «Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг.», стр. 470—471.

зиции борьбы Советского государства за укрепление хлопковой независимости во второй пятилетке коренным образом отличались от условий начала первой пятилетки.

В хлопковых районах безраздельно утвердился социалистический сектор, расширились посевные площади и обновилась техника производства хлопка, хлопкоробы приобрели известный опыт выращивания этой культуры, окрепли партийные и советские организации. Однако борьба мнений вокруг путей окончательного решения хлопковой проблемы продолжалась. Остались антихлопковые настроения в отдельных колхозах и у некоторых руководителей районов Казахстана и Средней Азии. Они выражались в недооценке хлопководства и противопоставлении интересов хлопководства интересам зернового хозяйства. XVII съезд ВКП(б) поставил задачу добиться производства хлопка-волокна до 7 млн. центнеров при урожайности орошаемого хлопка 12 центнеров с гектара[1], 97% прироста хлопка предполагалось получить за счет повышения урожайности[2]. В начале второй пятилетки ряду парторганизаций приходилось вести борьбу на два фронта: с одной стороны, против антихлопковых настроений, за оптимально возможное расширение производства хлопка и, с другой стороны, против попыток превратить некоторые республики и районы в «стопроцентные хлопководческие», т. е. против превращения хлопка в монокультуру.

Новые перспективы расширения производства хлопка вытекали из задач развития легкой индустрии, намеченных на вторую пятилетку. На 1933—1937 гг. планировалось увеличить объем продукции Наркомлегпрома вдвое. Предусматривалось сооружение 15 крупных хлопчатобумажных предприятий, причем 10 из них должны были возникнуть в Средней Азии, Сибири и Закавказье[3]. В июне 1935 г. состояние и перспективы развития текстильной промышленности обсуждались в ЦК ВКП(б). После этого были разработаны мероприятия по реконструкции предприятий, усовершенствованию технологии, в том числе автоматизации производства. На предприятиях Главлегмаша, Наркоммаша, Наркомата оборонной промышленности расширялось производство текстильного

---

[1] См. «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 209.

[2] См. «XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 391.

[3] См. «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 215—216.

оборудования и запасных частей. Эти проблемы решались без привлечения импорта и иностранной консультации. «...Нужно прямо сказать,— говорил Я. Э. Рудзутак,— что требования импорта наиболее громко раздавались со стороны легкой промышленности. «Мы все вам дадим: больше обуви, одежды, белья, но дайте нам импортные красители, хлопок, машины»,— говорили работники легкой промышленности. Эти требования к импортным ресурсам были для нас особенно тяжелы потому, что мы должны были валютные ресурсы направить на ввоз машин и оборудования, которые у нас не производились» [1]. Насколько напряженно обстояло дело со снабжением сырьем текстильных фабрик, свидетельствуют следующие факты. В первой декаде октября 1933 г. доставка хлопка в Москву производилась по графику, который устанавливал сроки поступления сырья каждый день по часам с указанием количества вагонов. В сентябре 1934 г. для ускоренной вывозки хлопка из Средней Азии было выделено 30 воинских эшелонов. В Среднюю Азию выезжали заместитель председателя Комиссии советского контроля Н. К. Антипов, члены комиссии, пять контролеров. В связи с нехваткой хлопка Наркомлегпрому разрешалось остановить работу отдельных фабрик. В этот период импорт хлопка увеличивается: в 1934 г. — до 24,9 тыс. тонн, в 1935 г. — до 44,2 тыс. тонн [2]. Это был самый крупный импорт хлопка за 1933—1940 гг. От ЦК ВКП(б), правительства, республиканских и местных партийных и советских органов потребовались настойчивые усилия, чтобы предотвратить рецидивы хлопковой зависимости от внешних рынков. Борьба за хлопок продолжалась с неослабевающим напряжением.

Успехи индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства создали прочные социально-экономические и материально-технические предпосылки дальнейшего развития хлопководства. Главными производителями хлопка стали колхозы и совхозы, дававшие в конце второй пятилетки 99% хлопка. Старая примитивная техника была заменена новой. Только за две пятилетки мощность

---

[1] «XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 273.

[2] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 355. Увеличение ввоза из-за границы объяснялось тем, что в промышленности были недостаточные запасы сырья, а поступление хлопка нового урожая запаздывало.

тракторного парка в хлопководческих районах возросла более чем в 4 раза. Если в 1932 г. тракторами обеспечивалось 3,6% посевов хлопка, то пять лет спустя — уже 51,4%. В 1937 г. на хлопковые поля было внесено (до посева) 816,5 тыс. тонн азотных и фосфорных удобрений [1].

За 1928—1937 гг. в ирригационное строительство Узбекистана, Туркмении и Таджикистана было вложено 543,9 млн. руб.[2] Невиданные по своим масштабам велись ирригационные сооружения в районе Ферганы, Мургаба, Ташкента, Бухары, Хорезма. Развернулось народное движение за строительство новых и реконструкцию старых оросительных систем. Лишь в Узбекистане методом народной стройки с привлечением средств колхозов и государства в 1939 г. удалось построить 45 ирригационных каналов и сооружений[3]. На десятках тысяч гектаров бывших полупустынь вырастали станции орошения, хлопкоочистительные предприятия. Наводился порядок в семенном деле. Начиная с лета 1934 г. устанавливалось плановое районирование сортов хлопчатника. Апробации подвергались 800 тыс. гектаров посевов. Утверждались государственные стандарты на новые и старые сорта хлопчатника. Внимание местных органов по-прежнему обращалось на развитие длинноволокнистых египетских сортов хлопка. Только в одном Узбекистане действовало 107 хат-лабораторий по хлопку. Если в годы первой пятилетки расширение посевных площадей сопровождалось снижением урожайности хлопка, то с середины второй пятилетки урожайность его начала повышаться. В 1935 г. правительство установило специальные премии за увеличение сдачи хлопка, что послужило новым стимулом борьбы хлопкоробов за высокие урожаи и сохранность хлопка.

За трудовой героизм и выдающиеся достижения в развитии отечественного хлопководства передовики Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Киргизии были награждены орденами и медалями (декабрь 1935 г.). «Завоевание мировых рекордов урожаев хтопка рядом колхозов и многими колхозными бригадами, мощное развитие движения тридцатников и стоцентнеровиков стахановцев-рахма-

---

[1] См. «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1938, №3, стр. 141.

[2] См. СП, 1940, № 1, ст. 2; № 4, ст. 120; № 10, ст. 253.

[3] См. *И. Е. Шалашихин.* Победа социалистического хлопководства в Узбекистане, Ташкент, 1949, стр. 43.

товцев,—отмечал VII съезд КП(б) Узбекистана (июнь 1937 г.), — свидетельствует о гигантских резервах и возможностях дальнейшего развития хлопководства» [1]. Вместе с тем съезд предупреждал руководителей против зазнайства и самоуспокоенности от больших успехов в развитии хлопководства. Съезд напоминал, что Узбекистан — основная хлопковая база СССР и выполнение государственного плана производства — долг большевиков республики, всего узбекского народа. Перед трудящимися Таджикистана встала задача превратить республику в базу производства тонковолокнистого хлопка. Усилиями хлопкоробов Средней Азии и Азербайджана вторая пятилетка по хлопку была перевыполнена на 11,6%. Хлопковая продукция СССР в 1937 г. в 4 раза превысила среднегодовой сбор хлопка России за самое высокое по развитию хлопка пятилетие (1909—1913 гг.)[2]. В то время как хлопководство капиталистических стран под влиянием кризиса сокращалось, в СССР оно продолжало неуклонно расти.

Особенностью борьбы за укрепление хлопковой независимости СССР в 1933—1940 гг. являлось внедрение египетских и других длинноволокнистых сортов хлопка, которые приходилось еще ввозить из-за границы. Окончательно были опровергнуты утверждения некоторых ученых о невозможности выращивания в нашей стране теплолюбивого египетского хлопчатника. Советские селекционеры создали отечественные длинно- и тонковолокнистые сорта хлопка. Если в первой пятилетке этими сортами хлопка засевались незначительные площади, то в 1934 г. они занимали свыше 100 тыс. гектаров[3]. За вторую пятилетку урожайность египетского хлопка поднялась более чем в 2,5 раза, а производство его — в 6 раз . Однако хлопка этого сорта еще не хватало для текстильной промышленности.

В ходе борьбы за советский хлопок значительно укрепились дружба и хозяйственные связи народов СССР, вы-

[1] «Резолюции и решения съездов Коммунистической партии Узбекистана». Ташкент, 1957, стр. 317—318.

[2] См. «Социалистическое сельское хозяйство», 1939, № 1, стр. 10.

[3] См. «Сельское хозяйство СССР». Ежегодник, 1935, М., 1936, стр. 8.

См. «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1938, № 3, стр. 143—144; «Социалистическое сельское хозяйство», 1939, № 1, стр. 113.

равнивалось фактическое экономическое неравенство наций, поднялось благосостояние трудящихся республик. В 1936 г., например, в поливных районах хлопководства имелось 500 колхозов-миллионеров. В короткий срок здесь было подготовлено 160,7 тыс. трактористов и бригадиров-механизаторов, 8,5 тыс. шоферов, 4 тыс. комбайнеров. За пять лет было создано 700 хлопковых МТС и 39 совхозов В условиях колхозного строя и ленинской национальной политики жизнь хлеборобов стала зажиточной.

Мощной базой социалистического хлопководства стала Средняя Азия, прежде всего Узбекистан, который в 1940 г. произвел хлопка-сырца 1,4 млн. тонн, или 58% всего собранного в стране хлопка[2]. Узбекские хлопкоробы по праву занимали первое место в борьбе за укрепление хлопковой независимости СССР. Новую программу деятельности по увеличению урожайности хлопка, совершенствованию ирригационной и агротехнической систем, подготовке кадров разработали ЦК ВКП(б) и СНК СССР в постановлении от 22 декабря 1939 г. «О мерах по дальнейшему подъему хлопководства в Узбекистане». В развитие этого постановления Экономический совет при СНК СССР поручил 15 наркоматам выделить и отгрузить в Узбекистан большое количество транспортных средств, цемента, строительного леса и других материалов.

Одновременно принимались меры по расширению производства хлопка египетских и советских длинноволокнистых сортов в Таджикистане и Туркмении. Трудящиеся этих республик решили освоить новые земли под хлопчатник и довести его производство в течение шести лет до 666 тыс. тонн. Для этой цели предполагалось переселить из высокогорных районов на вновь орошаемые земли 13 тыс. хозяйств в Таджикистане и 15 тыс. в Туркмении[3]. При определении перспектив развития сельского хозяйства Казахстана, Армении и Киргизии также делался упор на развитие технических культур (прежде всего хлопка, табака) и животноводства.

В третьей пятилетке стала очевидной невыгодность выращивания хлопка в так называемых новых районах.

---

[1] См. «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1938, № 3, стр. 144; «Социалистическое сельское хозяйство», 1939, № 1, стр. 116—117.

[2] См. «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 428.

[3] См. СП, 1940, № 1, ст. 2.

Занимая более 1/ площадей под хлопок, они дали в 1940 г. всего лишь 100 тыс. тонн хлопка-сырца обычных сортов, т. е. 1/22 производимого хлопка в СССР [1]. Если попытка создать хлопководство в УССР, на Северном Кавказе, в Крыму и Поволжье в первой половине 30-х годов была оправданной, то в третьей пятилетке она стала экономически нецелесообразной.

Итак, в результате принятых мер и героического труда крестьянства хлопковая проблема была успешно решена. За 1934—1938 гг. среднегодовое производство хлопка-сырца достигло 2577 тыс. тонн (в пересчете на волокно 845 тыс. тонн). К 1940 г. СССР выдвинулся на третье место в мире (после США и Индии) по производству хлопка. На его долю приходилось 11% мирового производства этого важного сырья[2]. Наша страна вышла также на второе место в мире (после Египта) по среднегодовой урожайности хлопка. В хлопковом производстве была ликвидирована многосортность: вместо 36 сортов, высевавшихся в 1933 г., закрепились на полях лишь 15 лучших сортов[3]. В сентябре 1937 г. правительство приняло меры по повышению качества первичной переработки хлопка. На всех хлопкоочистительных заводах устанавливалась должность приемщика-бракера. Кроме имевшихся 400 лабораторий на пунктах приемки хлопка-сырца создавались еще 400 лабораторий. В Московском, Ташкентском и Ивановском текстильных институтах, в Кировобадском и Ташкентском техникумах расширялись отделения по подготовке специалистов по хлопку .

Бурное развитие отечественного хлопководства было огромной экономической и политической победой партии и государства, позволившей обеспечить дальнейший рост текстильной промышленности, улучшить материальное благосостояние трудящихся, удовлетворить некоторые военные запросы, решить важные социально-политические проблемы в национальных республиках. «Сейчас у нас нет причин, которые бы задерживали развитие текстильной промышленности в СССР,— заявил А. Н. Косыгин на

---

[1] См. «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 406—428.

[2] См. «СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 100—101.

[3] См. «Социалистическое сельское хозяйство», 1939, № 1, стр. 114.

См. СЗ, 1937, № 64, ст. 285.

XVIII съезде ВКП(б).—...Если в 1929 г. мы еще ввозили из-за границы 33,4% хлопка, то сейчас мы уже из страны импортирующей превратились в страну экспортирующую. Нужды своей текстильной промышленности мы обеспечили полностью. Это, товарищи, величайшая победа нашего социалистического строя, нашего колхозного сельского хозяйства. Ни одна страна в мире не знала такого темпа развития хлопководства, какой был в СССР в течение второй и первой пятилеток» [1].

СССР уже располагал мощной промышленностью предварительной обработки этого сырья. В 1938 г. доля импортного хлопка в потреблении текстильной промышленности понизилась до 2% [2]. Лишь некоторые государства в мире (США, Индия, Китай, Бразилия) в те годы обладали собственной хлопкопроизводящей базой. Большинство же из крупных держав продолжали находиться в полной или частичной хлопковой зависимости от импорта. В Европе Советский Союз был единственным государством, завоевавшим хлопковую независимость и экспортировавшим хлопок.

Интенсивно сокращалась сырьевая зависимость СССР от внешних рынков и путем дальнейшего развития субтропических, новолубяных, эфиромасличных, лекарственных культур. Быстрыми темпами продолжало расти производство новолубяных культур, посевные площади которых в 1937 г. составили 142,2 тыс. гектаров, или на 53,1 тыс. гектаров больше по сравнению с 1932 г.[3] Если в прошлом размещение новолубяных культур характеризовалось крайней неустойчивостью, то за годы второй пятилетки определились районы, производящие эти культуры: Северный Кавказ, Азербайджан, Украина, Средняя Азия и Казахстан. Частая смена производителей, невысокий уровень агротехники, понижение материальной заинтересованности колхозов в выращивании новолубяных культур (которые давали 92% этого сырья) явилась причиной их низкой урожайности и слабой обеспеченности сырьем пенько-джутовой промышленности . В 1937—1939 гг. заготовки и закупки новолубяных составляли ежегодно и

---

[1] «XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 101.

[2] См. «СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 140.

[3] См. «Социалистическое сельское хозяйство», 1939, № 7, стр. 75. См. там же, стр. 76—77.

среднем 20—21 млн. пудов против 4,3 млн. пудов в 1932/33 г. Их производство выросло почти в 5 раз, однако этого далеко не хватало промышленности [1]. Потребности джутовых фабрик продолжали удовлетворяться частично посредством импорта. Вплоть до 1938 г. объем импорта джута сохранялся на уровне 1928 г. Вместе с тем внутри страны расширялись посевы кенафа, канатника — заменителей импортного джута. В июне и сентябре 1936 г. правительство обсудило вопросы о развитии производства и переработки новолубяных культур. Доля отечественного новолубяного сырья в общем балансе пенько-джутовой промышленности в конце второй пятилетки составляла около 8% [2]. Не случайно на XVIII съезде ВКП(б) вновь обращалось внимание на увеличение производства новолубяных культур. К концу третьей пятилетки намечалось освободить промышленность от импорта грубоволокнистого текстильного сырья за счет значительного расширения собственной сырьевой базы. Эта задача была выполнена. Свой вклад в победу внесли работники местной промышленности, которая постепенно освобождалась от импорта этого сырья. Прежде пенько-джутовое производство, например, потребляло 95% импортного сырья, в 1934 г. доля его уменьшилась до 22—25% [3]. И хотя качество отечественного сырья не всегда было высоким, но усовершенствование технологических процессов позволяло соблюдать требования стандартов.

Трудные проблемы по освобождению страны от импорта стояли перед коллективами и парторганизациями 28 совхозов Управления субтропических культур Наркомзема СССР. Коллектив и парторганизация Управления субтропических культур вели активную деятельность по высвобождению страны от импортной зависимости. В 1935 г., например, ими были изучены возможности обеспечения заказов промышленности различными видами сырья, являвшимися предметом импорта. Проверка показала, что многие из них могли успешно выращиваться в Причерноморье, Средней Азии и Закавказье. Инициатива коллек-

---

[1] См. «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР», 1939, стр. 89.

[2] См. «Социалистическое сельское хозяйство», 1939, № 7, стр.77.

[3] См. 7 съезд Советов Союза ССР. Стенографический отчет». Бюллетень № 8, стр. 9—10,

тива Управления субтропических культур нашла поддержку у советских ученых и коллегии Наркомзема СССР. Учитывая важное значение субтропических культур, управлению было предоставлено право непосредственного вхождения с предложениями в правительство. В 1933 г. из-за границы было ввезено 19,3 тыс. тонн чая, а выработка чая внутри страны за этот год составила всего лишь 1,6 тыс. тонн, т. е. более чем в 10 раз меньше ввоза [1]. Правительство намечало в течение двух-трех лет удвоить урожаи чайного листа, привести в порядок плантации, полностью удовлетворить запросы в удобрениях и т. д. Началась закладка чайных плантаций в Краснодарском крае и Азербайджане. В 1937 г. была выпущена первая партия азербайджанского чая.

В декабре 1935 г. решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР Наркомату пищевой промышленности были переданы чайные фабрики, совхозы, Научно-исследовательский институт чая и техникумы. Трест «Чай-Грузия» сохранялся в прежнем составе. В стране сооружалось 25 новых чайных фабрик. Принятые меры, усиленное внимание к этой культуре со стороны парторганов и правительств Грузии и Азербайджана обеспечили быстрый рост внутреннего производства. За пять с половиной лет после этого решения площадь субтропических культур выросла до 90 тыс. гектаров (т. е. в 5 раз), а площадь чая — до 55,3 тыс. гектаров. СССР превращался в крупного производителя чая: в 1940 г. сбор чайного листа (сортового) достиг 52 тыс. тонн [2]. Если в 1932 г. население потребило 16,5 тыс. тонн чая, из которых лишь 600 тонн были собственного производства, то в 1938 г.— 20 тыс. тонн, в том числе 7 тыс. тонн — советского чая. Импорт чая, главным образом из Индии, Цейлона и Явы, составил в 1939—1940 гг. 22,6 тыс. тонн [3].

Полное удовлетворение запросов населения должно было обеспечить выполнение мер по дальнейшему развитию чайного хозяйства, разработанных ЦК ВКП(б) и

---

[1] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 360; «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР», стр. 69.

[2] «Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938—1941 гг.». М., 1942, стр. 247; «Страна Советов за 50 лет», стр. 122.

[3] См. «XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр.219; «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР», стр. 28, 69; «Внешняя торговля СССР. 1918—1960 гг.», стр. 394, 416.

СНК СССР в апреле 1940 г. Наряду с другими мерами предполагалось переселение из горных районов Грузии в Колхиду и Абхазию 10 380 хозяйств, а площадь чайных плантаций в течение четырех лет довести до 60 тыс. гектаров

В прошлом Россия тратила немалые суммы валюты на покупку за границей эфиромасличных и лекарственных растений. Причем ввозились даже травы, которые в огромном количестве произрастали во многих районах страны. Например, в 1913 г. на импорт эфирных масел, экзотических смол и лекарственно-технического сырья было затрачено 18 млн. руб. Почти не изменился объем импорта этого вида сырья и в 20-х годах. В соответствии с заданиями второго и третьего пятилетних планов посевные площади эфиромасличных и лекарственных культур на Украине и Северном Кавказе, в Грузии и Крыму, в Воронежской, Курской, Куйбышевской и других областях увеличились до 170 тыс. гектаров. Была произведена специализация совхозов и колхозов. В феврале 1938 г. Экономический совет при СНК СССР в целях повышения урожайности и заготовок эфиромасличных культур увеличил колхозам планы контрактации, разрешил выдавать ссуды на посевы этих культур. В этом же году в СССР насчитывалось 16 совхозов, специально выращивавших эфиромасличные и лекарственные травы. В 1939 г. они произвели эфиромасличных культур почти на 74 млн. руб. и на 17,8 млн. руб. лекарственного сырья[2]. Велись комплексные поиски растений и их лечебных свойств, близких по своему действию к импортным. К 1940 г. в СССР культивировалось 23 лекарственных растения (в дореволюционной России разводилось лишь 7). Мало выращивалось камфорного и хинного дерева, алоэ, кокаина и других субтропических растений. В целом импорт эфирных масел, экзотических смол и лекарственного сырья за вторую и третью пятилетки возрастал, резко упав в 1940 г.

Накануне войны СССР выдвинулся па одно из первых мест в мире по производству технических масел. В 1938 г.

---

[1] См. СП, 1940, № 11, ст. 269; ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 34, ед. хр. 471, л. 4.

[2] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 37, ед. хр. 229, л. 24, 27; «Масличные и технические культуры». М., 1940, стр. 91; «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР», стр. 28.

масличные культуры занимали 4,1 млн. гектаров [1]. Колхозы и совхозы Украины, Краснодарского края, Крыма, Закавказья из года в год увеличивали производство сырья (клещевины, льна-долгунца, тунга, периллы) для выработки технических масел, красок, лаков, линолеума, олифы. Некоторые из них имели оборонное и народнохозяйственное значение. Придавая особое внимание производству клещевины, ЦК ВКП(б) и СНК СССР разрешали принимать от колхозов и единоличников клещевину взамен зерна по обязательным поставкам государству.

В соответствии с директивами партии продолжались работы по разведению натуральных каучуконосов. Во второй пятилетке трест «Союзрасткаучук» давал промышленности лишь небольшие пробные партии натурального каучука. В 1938 г. имелось 17 каучуководческих совхозов — основных производителей этого сырья[2]. В начале третьей пятилетки принимались меры по увеличению сбора натурального каучука. В июле 1938 г. правительство решило увеличить каучуконосные плантации до 21 тыс. гектаров. Изучив состояние каучуководства, Госплан СССР рекомендовал построить кроме существовавших четырех еще семь заводов по переработке кок-сагыза и ваточника[3].

С конца второй пятилетки каучуконосы активно внедрялись на колхозные поля. Если в 1935 г. лишь 165 колхозов занимались разведением каучуконосов, то в начале третьей пятилетки число их возросло до 3163. За 1937—1940 гг. площади под каучуконосами увеличились в 10 раз. В 1939 г. было собрано 55 тыс. центнеров сырья. Используя это сырье, предприятия Наркомхимпрома в том же году выпустили лишь 86 тонн, а в следующем году — 220 тонн натурального каучука, т. е. во много раз меньше производства синтетического каучука . В Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, Воронежском, Белорусском, Киевском, Казахском и Казанском сельхозинститутах, в ряде техникумов вводилось преподавание каучуководства, готовились кадры специалистов. Проблемы разведения этих культур исследовались коллективом Института каучуконосов и гуттаперчи. В поисках лучших каучуко-

---

[1] См. «Масличные и технические культуры», стр. 2.

[2] См. «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР», стр. 28.

[3] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 36, ед. хр. 1586, л. 1, 14, 18, 87.

ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 329, ед. хр. 298, л. 6—12.

носов было совершено 77 экспедиций, исследованы 1048 видов растений, сделано свыше 5 тыс. всевозможных анализов [1].

Впоследствии эти работы были свернуты. Темпы развития производства синтетического каучука намного опережали темпы роста выхода натурального каучука.

Из года в год в стране улучшались условия для расширения производства технических культур. В третьей пятилетке колхозы имели посевные площади значительно больше, чем во всей дореволюционной России, хотя отмена льготного обложения налогом посевов (в 1936 г.) и недостаток специальной техники привели во второй пятилетке к сокращению площадей под ними. За третью пятилетку посевные площади всех технических культур расширились на 600 тыс. гектаров, составив в 1940 г. 11,8 млн. гектаров — в 2 раза больше по сравнению с 1913 г.[2] Систематически принимались меры по повышению урожайности и сокращению потерь технических культур. Очередные задачи по улучшению уборки и заготовок технических культур были поставлены перед местными партийными и хозяйственными органами Постановлением ЦК ВКРП(б) и СНК СССР «О подготовке и уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1939 г.» [3]. Известную роль в повышении материального стимулирования полеводов и механизаторов сыграла начавшаяся перестройка заготовок и закупок.

Важным сырьевым источником легкой индустрии являлось шелководство. До революции оно на 80% базировалось на импортной грене. К началу первой пятилетки СССР производил этого сырья столько, что даже вывозил его за границу.

Наличие сырьевой базы обеспечивало более быстрые темпы роста шелкового производства по сравнению с другими отраслями текстильной промышленности. Немалая заслуга в этом деле принадлежала коллективам Средне-Азиатского института шелководства, Центрального научно-исследовательского института текстильной промышленности, шелководческих станций в Москве, Тбилиси, Таган-

---

[1] См. «Социалистическое сельское хозяйство», 1940, № 11-12, стр. 89; «Каучук и резина», 1939, № 9, стр. 6.

[2] См. «Сельское хозяйство СССР», 1960, стр. 127.

[3] См. «Социалистическое сельское хозяйство», 1939, № 6, стр. 7-17

роге, Астрахани, Фергане, Самарканде. Преодолев трудности первой пятилетки, работники греневого хозяйства в последующие годы осуществили обширную программу расширения плантаций шелковицы, тутовых деревьев и дубового шелкопряда. Многое было сделано по улучшению качества грены, так как ввезенная в прошлом из-за границы значительная часть ее оказалась некачественной или зараженной. При Наркомземе СССР была образована Государственная комиссия по испытанию и отбору шелковицы и пород тутового шелкопряда. Крупным производителем коконов стал Узбекистан, где была создана прочная материальная и агрономическая база шелководства, которая обеспечивала высокие урожаи коконов. В декабре 1940 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР, высоко оценив успехи шелководов Узбекистана в укреплении импортной независимости страны в этом виде сырья, наметили новые пути дальнейшего подъема шелководства в республике[1]. Накануне войны СССР выпускал 1,8 тыс. тонн шелка-сырца в год. Сырьевая база позволила правительству увеличить выпуск шелковых тканей.

Таким образом, в третьей пятилетке СССР превратился в одного из крупных в мире производителей льна, хлопка, чая, новолубяных и эфиромасличных культур, шелка. Потребности легкой и пищевой индустрии в них почти полностью удовлетворялись. Роль импорта как дополнительного источника фактически была сведена почти к нулю. Валютные расходы на ввоз из-за границы текстильного сырья и полуфабрикатов в 1940 г. по сравнению с 1929 г. сократились почти в 10 раз при уменьшении физического объема импорта в 8 раз.

Намного сложнее оказались проблемы снабжения легкой индустрии шерстью и кожевенным сырьем. Во второй пятилетке государство осуществляло широкую программу увеличения выпуска шерстяных тканей и обуви. Намечалось соорудить 12 крупных шерстяных и 21 обувную фабрику. Предполагалось расширить выпуск шерстяных тканей и кожаной обуви на старых фабриках и комбинатах[2]. Партийные и хозяйственные организации боролись за увеличение объема производства и повышение качества кожи, шерсти и других видов сырья. Между тем в течение

---

[1] См. СП, 1940, № 32, ст. 803.

[2] См. «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 215.

первой и до середины второй пятилеток в стране происходило сокращение поголовья скота. 1933—1935 годы оказались годами наибольшего сокращения поголовья овец, которых насчитывалось лишь 32—36 млн. голов, т. е. почти в 3 раза меньше, чем в 1913 г. Вдвое уменьшилось поголовье крупного рогатого скота [1]. В связи с этим проблема снабжения промышленности шерстью и кожей обострялась. Выход крупных кож, например, в 1934 г. снизился до 10,4 тыс. штук, т. е. на 7 тыс. кож по сравнению с 1931 г. Продукция шерстомойной промышленности в 1933 г. уменьшилась почти на 10 тыс. тонн, а в следующем году она оказалась на уровне 1929 г.[2] Дефицит в сырье частично покрывался за счет суррогатов, к освоению которых промышленность полностью готова еще не была. Положение осложнялось тем обстоятельством, что с начала второй пятилетки промышленность приступила к освоению новых сортов тканей, обуви и других изделий на базе наличного сырья. Одновременно импорт кож, кожевенного сырья и шерсти продолжал увеличиваться. В 1935 г. размеры импорта достигли по кожсырью 21,7 тыс. тонн и по шерсти — 34,3 тыс. тонн[3]. По сравнению с внутренним производством доля импортной шерсти составляла в начале второй пятилетки около 70%, в 1937 г.—64,4, в 1940г.— 19,5% .

Партия предпринимала настойчивые усилия по бесперебойному снабжению легкой индустрии сырьем. Как и в первой пятилетке, направление этих усилий происходило прежде всего по линии увеличения выхода товарной продукции животноводства. Эти вопросы обсуждались на пленуме ЦК ВКП(б) (29 июня — 1 июля 1934 г.) и на VII съезде Советов СССР. Отметив, что победа колхозного строя создала благоприятные условия для ускоренного развития животноводства, ЦК ВКП(б) констатировал неудовлетворительное состояние этой важнейшей отрасли. Была разработана конкретная программа действий для подъема животноводства. В январе 1935 г. была проведена всесоюзная перепись скота, итоги которой анализировались на VII съезде Советов СССР. Перепись показала на-

---

[1] См. «Народное хозяйство СССР в 1960 г.», стр. 448.

[2] См. «Социалистическое строительство СССР», 1936, стр. 198, 205.

[3] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 289, 290, 322, 355—356.

ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 41, ед. хр. 1269, л. 11-14,

метившийся рост поголовья скота и вместе с тем относительно слабую товарно-сырьевую базу для легкой индустрии.

Год спустя ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили директивы по составлению государственного плана развития тонкорунного овцеводства и оказанию помощи колхозникам в обзаведении овцами в личное пользование. Учитывая особую дефицитность тонкой и полутонкой шерсти, устанавливались льготы по поставкам шерсти тонкорунных овец [1].

Выполняя решение VII съезда Советов, республиканские и местные органы власти, правления колхозов, дирекции совхозов развернули работу по созданию товарных ферм, которых в начале 1939 г. насчитывалось 406,3 тыс. (92% колхозов уже имели их) [2].

Особенность развития животноводства состояла в быстрых темпах увеличения товарной части его продукции. Если товарная продукция земледелия за вторую и третью пятилетки равнялась 33—38%, то в животноводстве соответственно — 43 и 49% [3]. Повышение товарности животноводства было одним из основных факторов укрепления сырьевой базы легкой индустрии. Валовое производство шерсти составило 106 тыс. тонн в 1937 г. и 161 тыс. тонн в 1940 г. Удельный вес колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий в производстве шерсти повысился до 61 % .

Укрепление социалистического сектора в животноводстве, рост материальной заинтересованности крестьянства обеспечивали высокую товарность овцеводства. В 1939 г. при численности овец и коз меньше на 26 млн. голов, чем в 1928 г., размер заготовок их шерсти составил 105,7 тыс. тонн, т. е. почти в 3 раза больше[5]. ЦК ВКП(б) и СНК СССР непосредственно занимались вопросами заготовок шерсти. Они устанавливали ежегодные планы обязательных поставок шерсти государству, строго следили за их выполнением республиками, областями и краями. Дефицит сырья вынуждал правительство проводить политику

[1] См. СЗ, 1936, № 15, ст. 128.

[2] См. «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР», стр. 75.

[3] См. «Сельское хозяйство СССР», 1960, стр. 24.

См. там же, стр. 328—331.

[5] См. «Сельское хозяйство СССР», 1960, стр. 111, 263; ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 41, ед. хр. 1269, л. 13.

жесткой экономии и мобилизации сырьевых ресурсов на местах. Еще в 1933 г. были пересмотрены стандарты па кожсырье в крупной государственной промышленности, урезаны импортные сырьевые фонды кустарной промышленности, которая ориентировалась на местные источники сырья. В 1933 г. 30%, а в следующем году 15—18% переработанного промкооперацией сырья поступало по централизованному государственному снабжению. По собственной инициативе артели промкооперации только во втором году второй пятилетки заготовили сырья на 2 млн. руб. и затем почти не прибегали к его импорту[1].

Одной из мер смягчения дефицита кожсырья явилось более широкое использование свиных шкур. В 20-х годах заготовки их носили случайный характер и проходили они в преодолении ряда трудностей. Часть населения уклонялась от сдачи свиных шкур. Многие хозяйственники и снабженцы с нежеланием принимали это некачественное сырье. В 1930 г. было заготовлено 708 тыс. свиных шкур (4,2% поступления всех кож)[2]. Были отменены все ограничения на убой свиней. ЦИК и СНК СССР издали декрет об обязательном снятии шкур и сдаче их государству. Работники советских и партийных органов вели разъяснительную работу среди населения и хозяйственников. К 1937 г. заготовки свиных шкур возросли до 13,2 млн., а в следующие два года — до 18—19 млн. штук[3].

В годы первой и в начале второй пятилеток существовали значительные недостатки в области учета, планирования и выявления новых резервов сырья для промышленности. Плановые и хозяйственные органы допускали неточности в определении объема и способов мобилизации сырьевых ресурсов в колхозах, кооперации и у населения. Невысокие цены, слабая материальная заинтересованность заготовителей затрудняли борьбу против возраставшего оседания шерсти у населения. Второй пятилетний план заготовки шерсти оказался выполненным лишь на 61,8%. Главным образом по этой причине шерстяная промышленность медленно расширяла свои производственные мощности (за исключением первичной обработки) . Нередко

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 32, ед. хр. 57, л. 198-199.
[2] Там же, оп. 31, ед. хр. 2408, л. 98—99.
[3] Там же, оп. 37, ед. хр. 232, л. 23; оп. 41, ед. хр. 1267, л, 22. Там же, оп. 36, ед. хр. 341, л. 2.

сырье с опозданием поступало на предприятия и использовалось фабриками «с колес».

В начале второй пятилетки были приняты меры по упорядочению системы учета в животноводстве и укреплении местного аппарата ЦУНХУ. Известную роль в этом деле сыграла дискуссия на страницах «Правды». В специальном постановлении «О статистике животноводства и дискуссии в «Правде»» ЦК ВКП(б) 16 мая 1934 г. одобрил выступления газеты, принял решение об укреплении штатов районных инспекторов учета. Обкомы и крайкомы вместе с ЦУНХУ обязывались укомплектовать низовые органы учета надежными кадрами [1]. Одновременно было отклонено предложение центральных и местных органов об уменьшении плановых заданий по дефицитным видам сырья и приняты меры, чтобы улучшить работу заготовительных органов, добиться большей активности и заинтересованности сельского населения в сдаче сельскохозяйственного сырья. Изменившиеся условия и наметившиеся перспективы дальнейшего развития общественного животноводства делали необходимым изменения в системе заготовок и закупок животноводческих продуктов. В сентябре 1935 г. правительство упростило систему заготовки шерсти и приняло меры но приближению предприятий к потребителям[2].

Однако по существовавшей системе заготовок сбор шерсти и кожи происходил по фактическому поголовью скота. При таком порядке колхозы не могли полностью удовлетворять свои внутрипроизводственные и личные нужды колхозников в кожевенных изделиях. Сдатчики крупных и мелких кож находились в одинаковых условиях. Подобная система обязательных поставок кожи и шерсти не стимулировала хозяйства и колхозников к расширению сырьевой базы.

Инициатором изменения системы заготовок продуктов животноводства был ЦК КП(б) Украины, который еще в 1939 г. обратился с соответствующими предложениями в ЦК ВКП(б). Учитывая дефицит сырья в кожевенно-обувной промышленности, ЦК КП(б) Украины предлагал поручить Госплану СССР и ряду наркоматов разработать

---

[1] См. «Справочник партийного работника», вып. 9, 1935, стр. 193-194

[2] См. СЗ, 1935, № 48, ст. 403.

меры, выполнение которых обеспечило бы увеличение выхода и улучшение использования кожсырья[1]. Эти предложения были учтены: в 1940 г. вводится погектарный принцип заготовки мяса, кожи, шерсти и других продуктов. Было решено государственную закупку кожевенного сырья сопровождать встречной продажей кожевенных товаров. Колхозам, выполнившим обязательные поставки кожсырья и мяса, разрешалось использовать кожи по своему усмотрению. Заготовительный аппарат Союззаготкожи Наркомлегпрома, Союззаготшерсти и Главпушнины Наркомвнешторга (за исключением звероводческих и каракулеводческих совхозов) был объединен в единую государственную заготовительную организацию в составе Наркомзага СССР. ЦК ВКП(б) и СНК СССР разработали специальные меры по улучшению заготовок кожевенного сырья, установили среднегодовые нормы обязательных поставок по республикам, краям и областям. Вводились обязательные погектарные поставки шерсти и кожсырья колхозами, колхозниками и единоличниками. Каждой республике, области, краю устанавливались среднегодовые нормы государственных поставок кожи. Усовершенствование системы заготовок, увеличение закупок их по более высоким ценам повышало материальную заинтересованность колхозов в увеличении выхода товарной части животноводческих продуктов.

Всего в 1940 г. в стране было заготовлено (в зачетном весе) почти 120 тыс. тонн шерсти, 13,2 млн. крупных, 42,3 млн. мелких и 15,3 млн. свиных кож[2]. Изменился качественный состав овечьей шерсти: доля тонкой и полутонкой шерсти, которую приходилось ввозить из-за границы, повысилась до 17 %.

Во второй и в начале третьей пятилеток не удалось до конца устранить дефицит в шерстяном сырье. В 1939 г. из 28 фабрик 7 не выполнили годовые планы из-за перебоев в снабжении топливом и сырьем. Из-за сокращения поступлений импортной шерсти и замены ее тонкой отечественной, а также из-за некачественных красителей срывалось выполнение заданий по сортности. В ассортименте тканей 7,2% составляли чисто шерстяные, 46,8% —

---

[1] См. *М.И.Федорова*. Укреиление общественного хозяйства колхозов и изменения в политике заготовок сельскохозяйственных продуктов в мирные годы третьей пятилетки. М., 1960, стр. 66-67

[2] См. «Сельское хозяйство СССР», 1960, стр. 111—115.

суррогатированные и 46,0% — на хлопчатобумажной основе. Работники шерстяной промышленности добились сокращения импорта свыше 6 тыс. тонн шерсти и 5 тыс. тонн тонкошерстяного лоскута, замены импортного тонина, траганта и других дефицитных материалов[1].

Данные показывают, что по сравнению с внутренними заготовками и закупками импорт кожевенного сырья и шерсти вплоть до конца второй пятилетки играл довольно существенную роль. Сопоставление импорта сельскохозяйственного сырья с ввозом промышленного оборудования показывает, что в 1933—1935 гг., когда происходило резкое сокращение импорта оборудования, ввоз сырья возрастал.

С начала третьей пятилетки размеры ввоза из-за границы сельхозсырья начали систематически сокращаться. При неразвернувшейся еще полностью собственной сырьевой базе это явилось одной из причин медленного роста производства хлопчатобумажных тканей и сокращения выпуска шерстяных тканей. Всего за 1933—1940 гг. было импортировано 228 тыс. тонн шерсти, 129,2 тыс. тонн кожевенного сырья, 957 тыс. голов крупного рогатого скота, 9,1 млн. овец и коз, 41,5 тыс. лошадей и 973 тыс. свиней[2].

В эти годы велась настойчивая борьба за охрану интересов государства, за экономное расходование импортного сырья и сохранение ввезенного из-за границы сырья. Так, в 1933 г. ЦКК — РКИ и местными партийными органами были выявлены и пресечены случаи недопустимого отношения к импортному скоту в совхозе «Молочное» Северного края. На XVII съезде ВКП(б) резко критиковалось руководство Наркомлегпрома СССР за большие потери сырья. В начале следующего года Комиссия советского контроля выявила и пресекла возможность распространения импортных семян хлопчатника, зараженного розовым червяком. Позднее, в 1938—1940 гг., контрольные органы пресекали факты растранжирования хлопковых семян в Таджикской ССР, ухудшения качества кожзаменителей, уменьшения планов заготовок шерсти.

Начиная с середины второй пятилетки уделялось особое внимание расширению производства суррогатов кожи. После обсуждения этого вопроса в ЦК и СТО при СНК

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 54, ед. хр. 784, л. 75-110.

[2] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 355—356, 360-389, 390, 394, 413-415.

СССР летом 1935 г. началось сооружение ряда заводов кожзаменителей. Делегация специалистов Наркомлегпрома выезжала в ряд стран Европы и США для ознакомления с технологией производства кожзаменителей и покупки нужной техники. Проблемы расширения выпуска старых и освоения новых видов суррогатов стали главными в работе Центральной научно-исследовательской лаборатории Главкожзаменителя, образованной в августе 1937 г. Спустя два года коллектив этой лаборатории разработал 102 темы. На XVII съезде ВКП(б) нарком легкой промышленности И. Е. Любимов констатировал факт создания суррогатной базы кожевенно-обувной промышленности силами советских инженеров, без широкой помощи из-за границы. Только за вторую пятилетку вошли в строй 11 предприятий кожзаменителей, в том числе комбинат «Исткож» в Кирове, комбинат искусственной подошвы в Иванове, два завода пласткожи в Москве, завод искусственных кождеталей в Александровске, фабрика искусственных технических кож и спецкартона в Ленинграде, Таганрогская фабрика обувных деталей, сажевые заводы и т. д.

Подчеркивая большое хозяйственно-политическое значение этой отрасли, правительство сосредоточивало усилия ее работников прежде всего на увеличении выпуска тех видов суррогатов, которые шли на нужды армии и укрепляли импортную независимость СССР. В третьей пятилетке в эксплуатацию вошли предприятия Главкожзаменителя в Калинине, Казани, Богородске. Обсуждая в мае 1939 г. работу промышленности кожзаменителей, правительство требовало от работников лабораторий ускорить внедрение в производство лучших образцов кожзаменителей.

Накануне войны в промышленность кожсуррогатов входило 17 заводов, на которых было занято 7,8 тыс. рабочих и инженерно-технических работников; они давали ценного сырья на 400 млн. руб., в том числе около 40 тыс. метров кирзового полотна [1].

В основном успешно была решена проблема освоения производства синтетического каучука. В 1941 г. валовая продукция предприятий Главкожзаменителя увеличилась в 2,5 раза по сравнению с выпущенной продукцией в

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 313, ед. хр. 222, л. 5, 18, 54.

1937 г.[1] В период второй и мирных лет третьей пятилетки было освоено производство технических тканей для авиационной, автомобильной, обувной и бумажной промышленности, для выпуска бытовых изделий. По степени самообеспеченности сырьем легкая индустрия СССР находилась на одном из первых мест в мире. Наличие сильной материально-производственной и сырьевой базы промышленности группы «Б» позволило поставить задачу создания «такого благосостояния и повышения культурности трудящихся, которые отвечают возросшим запросам советского народа, которые недостижимы для самых богатых стран капитализма и означают начало настоящего расцвета сил социализма, расцвета новой, социалистической культуры»[2].

Как и в других отраслях промышленности, новые производства становились здесь предпосылкой создания источников заменителей. Однако они, как правило, требовали дефицитного сырья — каучука, красителей, экстрактов. Правительству приходилось решать сложные, взаимозависимые между собой производственно-снабженческие проблемы, выбирая ближайшие и наиболее эффективные пути достижения сырьевой независимости.

В 1938 г. в СССР действовало 30 102 предприятия, выпускавшие предметы массового потребления, в том числе 633 хлопчатобумажных, 1938 кожевенно-обувных, меховых фабрик и комбинатов, 70 резино-асбестовых заводов, 8 предприятий по выпуску котонина и др.[3] В результате претворения в жизнь политики партии валовая продукция легкой индустрии в 1940 г. увеличилась в 4,7 раза по сравнению с объемом 1913 г.[4]

В связи с переводом больших средств на развитие оборонной промышленности и тех отраслей тяжелой индустрии, которые укрепляли техническую независимость страны, а также из-за дефицита некоторых видов сырья, легкая индустрия не всегда выполняла годовые задания, не полностью удовлетворяла спрос населения на некоторые товары.

В годы довоенных пятилеток Советскому государству удалось решить важную хозяйственно-политическую

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 8612, оп. 1, ед. хр. 255, л. 12.
[2] «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 362.
[3] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 36, ед. хр. 971, л. 5 (об.).
См. «Страна Советов за 50 лет», стр. 52.

задачу — освободить легкую Индустрию от импорта хлопка, шелка-сырца, до минимума снизить ввоз шерсти, кожи, джута, создать многоструктурную сырьевую базу для развития индустрии высокими темпами.

3. НАУКА НА СЛУЖБЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Повышение роли науки в строительстве материально-технической базы социализма определялось прежде всего общими мероприятиями, которые проводила партия по активизации научных исследований и приближению их к нуждам производства. В 1933—1934 гг. ЦИК и СНК СССР приняли меры по укреплению Всесоюзной, Украинской и Белорусской академий наук. Были подведены итоги реорганизации академических учреждений. Непременным стало планирование научно-исследовательской работы. В целях более тесной ее увязки с практикой социалистического строительства Академия наук СССР была подчинена правительству. С этого времени стало возможным более эффективно согласовывать ее деятельность с работой народных комиссариатов и Госплана СССР. Перестройке подверглась также Всесоюзная Академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), которой также устанавливался план и конкретные задачи по дальнейшему развитию сельскохозяйственного производства. В связи с возрастанием роли науки в социалистическом строительстве и расширением масштабов научных исследований в ЦК ВКП(б) был образован (май 1935 г.) Отдел научно-технических изобретений и открытий.

Академия расширила свои договорные отношения с Наркомтяжпромом СССР по выполнению исследовательских работ. На первый год второй пятилетки их объем составил два млн. руб.[1] Увеличивались общие расходы на научные цели по госбюджету: если в первой пятилетке они составили 1,6 млрд. руб., то во второй — 5,4, а в третьей — 9,3 млрд. руб.[2]

---

[1] См. «Вестник Академии наук СССР», 1933, № 7, стр. 49.

[2] См. *К. Плотников.* Бюджет социалистического государства. М., 1948, стр. 334.

Результатом большого вниманий партий и правительства к развитию советской науки явился интенсивный рост сети научно-исследовательских учреждений. На 1 января 1935 г. в стране имелось 804 научно-исследовательских центра, из которых 43 находились в подчинении СНК СССР, 22 — ЦИК СССР, 108 — Наркомата тяжелой промышленности, 84 — в системе Наркомзема и Наркомсовхозов и т. д.[1]

В дни подготовки к XVII съезду группа академиков, директоров и главных инженеров ряда заводов обратилась ко всем ученым, рабочим и инженерам, колхозникам и агрономам с призывом крепить экономическую мощь страны, развивать ее производительные силы. «Академия обязуется быть в тесной связи с головными институтами наркоматов, начиная с тяжелой промышленности и кончая сельским хозяйством. НИС НКТП обязуется в общем фронте с Академией наук сделать все возможное, чтобы институты тяжелой промышленности еще решительнее приблизились к обслуживанию производства, держа одновременно на высоком уровне свою теоретическую работу и всемерно помогая фабрично-заводским лабораториям»[2],— говорилось в обращении. В соответствии с директивами XVII съезда ВКП(б) уточнялись направления исследований, сосредоточивались силы и средства на нерешенных производственно-технических проблемах. Особое внимание обращалось на совершенствование конструкций машин, расширение энергетических и минеральных ресурсов, дальнейший подъем химической индустрии, производство специальных черных и цветных металлов. Почти все институты, их филиалы, лаборатории стали активно участвовать во всенародной борьбе за индустриализацию страны и скорейшее достижение ею экономической независимости. АН СССР систематически получала из-за границы научную информацию в виде периодических и серийных изданий более 1400 названий в год из 48 стран[3].

В процессе социалистического строительства Академия наук СССР сделала крутой поворот к проблемам развития народного хозяйства. Большую роль в этом сыграла ее мартовская (1936 г.) сессия, на которой впервые обсуж-

---

[1] См. «Социалистическое строительство СССР», 1936, стр. 590—591.

[2] «Вестник Академии наук СССР», 1934, № 1, стр. 13.

[3] См. «Вестник Академии наук СССР», 1934, № 11-12, стр. 86.

далась годовая программа работ академии, а также были заслушаны и обсуждены отчеты руководителей институтов академиков А. Ф. Иоффе (Ленинградский физико-технический институт), С. И. Вавилова и Д. С. Рождественского (Государственный оптический институт). На сессии широко развернулись полемика, критика и самокритика, заставившие ученых еще раз оценить свои позиции, достижения и перспективы. В работе сессии участвовали работники кафедр вузов, научно-исследовательских институтов и лабораторий.

Выполняя указание сессии о сосредоточении научно-исследовательских работ на восьми главных народнохозяйственных проблемах, Президиум АН СССР установил, что из 4000 разрабатываемых проблем лишь 700 могут соответствовать новым требованиям [1]. Совместно с ведомствами Президиум провел ряд совещаний по сырьевой проблеме промышленности: по олову, хромитам, дубителям, пластмассам, синтетическому каучуку и др. Наряду с теоретическими проблемами в планах работы академии все больше места стали занимать исследования прикладного характера.

Рассматривая планы работы академии, правительство неоднократно указывало на необходимость еще большего подчинения исследований народнохозяйственным проблемам. Для рассмотрения программы научных экспедиций на 1938 г. была образована специальная комиссия. Отделению технических наук было предложено установить наблюдение за внедрением наиболее важных научно-технических достижений. 26 июля 1938 г. СНК СССР вновь отмечал, что план «недостаточно отражает необходимость увязки работы научных учреждений Академии наук с актуальными нуждами социалистического строительства». Правительство рекомендовало Президиуму АН повысить роль отделений и институтов в деятельности академии. В октябре была утверждена новая структура АН. Дальнейшее развитие получила сеть филиалов и баз [2].

В результате организационной и тематической перестройки академия превращалась в деятельный центр не только теоретических, но и прикладных наук. Теснее становилась связь академических институтов с головными

[1] См. «Вестник Академии наук СССР», 1936, № 8-9, стр. 97.

[2] См. *Г. А. Князев, А. В. Кольцов.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.—Л., 1964, стр. 114—115.

институтами Наркомтяжпрома и заводскими лабораториями.

АН и ее институты проводили многочисленные консультации, совещания и конференции, целью которых было увеличение производства дефицитных металлов и материалов.

Только в 1940 г. совместно с наркоматами и отраслевыми институтами было проведено 70 конференций и совещаний. В них приняло участие 8 тыс. человек, в том числе 5 тыс. сотрудников научных учреждений.

Проблемы научного обслуживания промышленности, возникновение и развитие новых производств, неотложность укрепления технической независимости СССР — все это вызвало новые теоретические работы в области математики, физики, химии, геологии, биологии. Академия становилась ведущим центром теоретической мысли и прикладных наук в СССР, оказывающим огромное влияние на производство. Все большее число теоретических исследований стало содействовать возникновению и развитию прикладных методов, нашедших применение в физике и технике. Крупные открытия в этот период сделали математики И. М. Виноградов, М. В. Келдыш, Л. С. Понтрягин, М. А. Лаврентьев, С. Л. Соболев и другие ученые[1].

Большое народнохозяйственное значение имела деятельность Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ), коллектив которого активно участвовал в создании отечественного самолетостроения. Основоположником металлического самолетостроения выступил А. Н. Туполев, под руководством которого были спроектированы и построены новые типы самолетов. В ЦАГИ конструировались авиадвигатели, создавались приборы для управления самолетами и наблюдения за ними. Институт имел большие заслуги в развитии отечественной авиатехники, выдвинувшись еще до войны на одно из первых мест в мире.

Важным этапом в развитии отечественной реактивной техники явились попытки использовать ракеты в качестве двигателей. Конструктор И. А. Меркулов создал ракету с прямоточным воздушно-реактивным двигателем. Впервые в мире в СССР проводились испытания воздушно-реактивных двигателей, установленных на самолете конструкции

[1] См. *Г. Д. Комков, О. М. Карпенко, Б. В. Левшин, Л. К. Семенов.* Академия наук СССР — штаб советской науки. М., 1968, стр. 63.

Н. Н. Поликарпова. Большой вклад в развитие реактивной техники внес С. П. Королев, сосредоточивший свои силы на создании ракетных аппаратов, способных поднимать человека на большие высоты. В 1940 г. под его руководством был осуществлен первый управляемый полет планера с ракетным двигателем. Работы, проводившиеся в 30—40-х годах в области реактивной и ракетной техники, послужили началом выдающихся достижений СССР в дальнейшем.

Плодотворная работа проводилась Всесоюзным электротехническим институтом, созданным еще при В. И. Ленине. Институт вел исследования в области теории электромашин и материалов, конструировал многочисленные электроприборы и аппараты. Работники ВЭИ участвовали в испытании импортного электрооборудования, и не раз по их настоянию зарубежные фирмы переделывали схемы машин. В мае 1936 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) обсудило отчет дирекции ВЭИ. Наркомтяжпрому рекомендовалось упорядочить сеть научно-исследовательских институтов, распределить часть проблем, которыми занимались коллективы институтов, среди заводских лабораторий. Вскоре наркомат провел совещание руководителей научно-исследовательских институтов, на котором большое внимание было уделено развитию новых производств, решению проблем, связанных с освобождением предприятий и отраслей от импортной зависимости и иностранной техпомощи.

Ученые-металлурги активно участвовали в разработке новых и совершенствовании старых технологических процессов. Важнейшей являлась проблема создания специальных сортов металла и сплавов, в которых ощущалась зависимость машиностроения и авиационной промышленности от импорта. Научно-исследовательские институты по металлам отличались тесной связью с производством и эффективностью своих исследований. Ученые и научные сотрудники-металлурги не только вырабатывали рецептуру необходимых металлов и сплавов, технологию их производства, но и оказывали заводам практическую помощь по применению научных достижений. Немало конкретных производственно-технических вопросов решили коллективы Центрального института металлов (ЦИМ) и Уральского института металлов (УИМ). Только в 1928—1933 гг. ЦИМ разработал 293 проблемы [1]. В 1934 г. институт имел

---

[1] См. «Научно-исследовательские институты тяжелой промышленности», стр. 520, 539.

договорные задания 95 промышленных объединений и предприятий [1]. Выполняя директивы партии о развитии качественной металлургии, коллектив института совместно с уральскими учеными выработал рецепты и технологию плавки хромоуглеродистой стали, нужной для изготовления подшипников. В качестве заменителя импортных сталей и некоторых цветных металлов был создан специальный сорт чугуна. Коллектив ЦИМ участвовал в разработке способов получения ферросплавов. В результате экономия валюты составила 5—6 млн. руб.[2]

Коллектив Института легких металлов активно участвовал в разработке технологических процессов Тихвинского и Уральского алюминиевых заводов, Днепровского глиноземного завода. Большим достижением института явилось создание способа получения магния. Ввиду исключительного значения магния в авиации производство его было строго засекречено. За техническую консультацию в организации его производства немецкие капиталисты запрашивали огромные деньги. После двух лет упорного труда в лабораториях института магниевая проблема была решена.

Важные исследования по созданию технологии переработки кобальтовых руд, заменителей олова, новых методов электролиза редких металлов, а также использования импортных сплавов проводили коллективы Государственного научно-исследовательского института редких металлов (Гиредмет) и Центрального научно-исследовательского института цветных металлов (Цгинцветмет). Они оказывали большую помощь заводам при освоении технологии этих сплавов.

Усилиями ученых Института легких металлов и Института редких металлов была разработана технология получения ванадия из шлаков Керченского металлургического комбината. Экономический эффект этого изобретения выражался в 200 тыс. руб. золотом. Концентраты ванадия полностью ввозились из-за рубежа, поэтому разгадка секрета его получения имела особое государственное значение. В конце первой пятилетки уже вступил в строй ва-

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 32, ед. хр. 57, л. 46, 64.

[2] См. «Научно-техническое обслуживание промышленности», стр. 106—107.

надиевый завод, а спустя пять лет прекратился импорт феррованадия [1].

В содружестве с рабочими и инженерами завода «Красный выборжец» и Кальчугинского завода Институт легких металлов разработал технологию производства биметаллов, выплавка которых промышленным способом началась в СССР с 1933 г.

Борясь с импортной зависимостью промышленности в цветных металлах, коллективы ряда институтов Академии наук и НКТП СССР активизировали свои исследования по разработке новых технологических процессов. Причем это делалось не только путем освоения дополнительных месторождений, но и путем комплексной переработки полиметаллических руд с пониженным содержанием цветных и редких металлов. В СССР более распространенными являлись именно руды с пониженным содержанием металлов.

В металлургии сложным вопросом являлось определение оптимальных размеров доменных и мартеновских печей. Естественно, что советские металлурги, сознавая нехватку металла в стране, старались строить крупные печи. Против строительства крупных агрегатов выступали в печати иностранные ученые. В 1934—1936 гг. академик М. А. Павлов произвел исследования на крупных домнах Магнитогорского, Кузнецкого, Макеевского металлургических заводов. Он опроверг «доказательства» немецких металлургов о невыгодности строительства мощных печей. «Помимо практических целей изучения,— писал М. А. Павлов,— это представляло большой теоретический интерес, так как оно могло установить неизвестные металлургам данные о работе доменных печей неиспытанных в Европе размеров; несколько таких печей работало в Соединенных Штатах Америки, но там они не подвергались такого рода исследованиям, какие могли быть произведены в СССР» [2].

Одной из проблем, над которой трудились ученые в третьей пятилетке, являлась проблема более эффективного использования марганцевых руд месторождений Урала и Сибири. В восточных районах страны было обнаружено более 200 залежей марганца. Однако уральские и сибирские марганцевые руды отличались повышенным содержанием

---

[1] См. «Научно-техническое обслуживание промышленности», стр. 120—121; «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 337.

[2] «Вестник Академии наук СССР», 1939, № 2-3, стр. 46.

кремнезема, фосфора. Они были беднее самим марганцем. Поэтому для выплавки специальных сталей марганец на Урал и в Сибирь завозился из Чиатур и Никополя. В 1940—1941 гг. Президиум АН СССР запланировал исследования по изысканию технологических процессов переработки восточных марганцевых руд на сплавы марганца в качестве раскислителей и легирующих добавок в металлургическом производстве [1].

Комиссия Президиума АН СССР под руководством академика И. П. Бардина разработала систему мер по устранению потерь в металлургии. Впервые в советской экономической и технической науке был сделан анализ причин потерь металла на всех циклах производства и предпринята попытка создать методологию разработки полного баланса черных металлов в СССР. Аналогичные исследования проводились в цветной металлургии. Летом 1940 г. в Институте металлургии АН СССР специальное совещание ученых и инженеров изучало пути и способы сокращения потерь в цветной и черной металлургии. Его участники — сотрудники наркоматов, институтов, ряда научных учреждений и промышленных предприятий — выявили причины потерь дефицитных металлов. Были намечены исследовательские работы по их устранению. Совещание высказалось за объединение наиболее крупных исследований под руководством Института металлургии АН СССР[2]. Вскоре (в октябре) Экономический совет при СНК утвердил мероприятия по упорядочению научно-исследовательских работ в области экономии дефицитных металлов и поисков их заменителей. Тематика институтов, лабораторий и экспериментальных отделов координировалась Бюро экономии металлов и заменителей Госплана СССР. Каждый месяц подводились итоги о внедрении в производство научных достижений. Эти меры усилили научно-исследовательские работы по заменителям.

В 1939 г. Отделение технических наук АН разрабатывало уже около 200 проблем, связанных с технической реконструкцией народного хозяйства и укреплением обороны СССР[3]. Среди них — проблема единого энергетического баланса и развития энергохозяйства, научно обоснованного

---

[1] См. «Плановое хозяйство», 1940, № 11, стр. 95.

[2] См. «Вестник Академии наук СССР», 1940, № 7, стр. 80.

[3] См. «Отчет о работе Академии наук СССР за 1939 г.». М.—Л., 1940, стр. 4, 98, 109, 113.

анализа и проектирования сложных быстрорежущих машин и механизмов, проблема подземной газификации углей, научных основ производства аппаратуры, автоматического и телемеханического управления и т. д.

Ученые-химики участвовали в повышении интенсивности химического и металлургического производства, в расширении геологоразведочных работ. Новые возможности для теоретических исследований и более активное воздействие на производство открыла теория физико-химического анализа, созданная школой академика Н. С. Курнакова. Физико-химический анализ особое значение имел в создании металлических сплавов.

Без специальных сортов стали и сплавов невозможно было решать многие вопросы создания новых типов машин, оборудования и аппаратуры. Пожалуй, не было ни одного металла или сплава, в создании которого не использовались бы данные химической науки. Ввиду того, что промышленность широко применяла металлические сплавы, содержащие остродефицитные элементы, Академия наук развернула работы по замене их другими, менее дефицитными. Действуя в этом направлении, Институт общей и неорганической химии решал проблему создания легких металлов, изыскивал новые составы специальных и конструкционных сталей, разрабатывал способы получения безоловянистых антифрикционных и типографских сплавов, продолжал поиски создания сплавов благородных и редких металлов. Коллектив института создал нужные для ряда отраслей индустрии виды легких металлов, разработал новую технологию производства хромоникелевых сплавов, которая использовалась на заводах «Серп и молот» и «Электросталь». Эти исследования проводились в тесном сотрудничестве с металлургами, работниками заводских лабораторий. Нередко химики выполняли конкретные задания промышленности.

Многие проблемы прикладного характера решались физико-химическим институтом им. Л. Я. Карпова. По заданиям проектных организаций и промышленных предприятий коллектив института выполнял работы, которые освобождали страну от импортной зависимости в химических материалах: изобрел карболит (изоляционный материал) и новые виды сырья для пластмасс, заменявшие импортный формальдегид; решил проблемы переработки глин на хлористый алюминий и окись алюминия, разрабо-

тал способ получения формалина (продукт, необходимый для изготовления изоляторов, пластмасс, для кожевенной и текстильной промышленности), создал сплавы с антикоррозийной стойкостью, спецстекло для самолетов. Институт им. Л. Я. Карпова превратился в опорную научную базу химической индустрии, решая для нее многие вопросы, связанные с организацией новой и совершенствованием старой технологии, а также в связи с созданием методов переработки новых видов химического сырья.

Партия призывала ученых и рабочих увеличить производство синтетического каучука. На научные поиски в этой области выделялись крупные средства. Во второй и третьей пятилетках несколько видов синтетического каучука, созданные советскими химиками, нашли широкое применение в промышленности. На основе достижений советской химической науки развивалось производство синтетического каучука не только в СССР, но и в других странах. Основанное С. В. Лебедевым учение о полимерах имело огромное мировое практическое значение. В последние годы жизни С. В. Лебедев осуществлял исследования не дальнейшему развитию промышленности синтетического каучука. «Его исключительной заслугой,— писал академик А. Е. Фаворский о С. В. Лебедеве,— для переживаемого времени перед нашим Союзом как в моральном, так и в практическом отношении является то, что он ярко показал, какое значение для промышленной практики имеет чисто теоретическая наука»[1].

Практическое применение в народном хозяйстве имели труды академика Н. Д. Зелинского, который вместе со своими помощниками разработал теорию происхождения нефти, каталитический крекинг нефти, нашедший широкое распространение не только в СССР, но и за границей.

Еще в первой пятилетке фабрики искусственного волокна перешли на отечественную целлюлозу. Научно-исследовательский институт искусственного волокна изыскал новое сырье для промышленности. Широкое применение нашли исследования института по изготовлению штапельного волокна (в стране тогда ощущался дефицит шерсти). В 1933 г. вступила в строй первая в СССР фабрика штапельного волокна. Работники института вели

---

[1] «Вестник Академии наук СССР», 1934, № 7-8, стр. 49.

исследования по искусственным шелкам. В 1940 г. производство искусственного шелка выросло до 39,4 млн. метров[1].

Народное хозяйство СССР не полностью удовлетворялось красителями. Прежде внимание было сосредоточено главным образом на расширении производства массовых красителей и мало предпринималось поисков новых, оригинальных путей синтеза отечественных продуктов, превосходящих заграничные по качеству. Во второй и третьей пятилетках исследователи заложили прочный фундамент изучения способов синтеза новых красителей и промежуточных продуктов. В этой области особую ценность представляли исследования Института органических полупродуктов и красителей, его ленинградского филиала и заводских лабораторий. Проведенные в 1937—1938 гг. Отделением технических наук СССР три совещания по проблемам развития анилинокрасочной химии и техники показали, что в изучении ряда процессов СССР занимал ведущее положение в мире. Вместе с тем эти совещания выявили, что научно-исследовательские лаборатории и анилинокрасочное производство плохо снабжены совершенной аппаратурой, слабо внедрялись автоматика и телемеханика[2]. Это был общий недостаток химической индустрии. XVII съезд ВКП(б) решил форсировать производство сложной аппаратуры и оборудования для химической промышленности, полностью обеспечив ее мощное развитие[3].

Созданию красящих веществ и способов их изготовления в нашей стране посвятили свою жизнь М. А. Ильинский и А. Е. Порай-Кошиц. Последний много сделал в области крашения хлопка и шерсти, разработал способы получения полупродуктов и красителей.

Важное значение в деле освобождения от импорта удобрений для сельского хозяйства имела разработка С. И. Вольфковичем в содружестве с инженерами Черноречанского завода способа переработки апатитовых руд на суперфосфат. Зарубежные специалисты «доказывали» невозможность этого.

---

[1] См. «Научно-исследовательские институты тяжелой промышленности», стр. 185, 186; «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 284.

[2] См. «Вестник Академии наук СССР», 1939, № 2-3, стр. 110—111.

[3] См. «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 344.

В третьей пятилетке — пятилетке химии и специальных сталей — химическая наука развивалась широким фронтом в тесной связи со всеми отраслями народного хозяйства. Объем исследований ученых-химиков характеризует тот факт, что только в Отделении химических наук АН СССР в 1939 г. были закончены 240 работ[1].

Институты АН СССР вместе с отраслевыми институтами НКТП работали над проблемами моторного топлива, расширения сырьевой базы для производства органического синтеза (синтетический каучук и пластмассы), по внедрению и освоению новых производств, разработке составов и технологических процессов жароупорных сплавов и кислотоупорных сталей, по созданию способов извлечения цветных и редких металлов из руд и т. п. Многие научные учреждения занимались разрешением проблем по расширению производства металлов и химических материалов, в которых промышленность испытывала недостаток.

В соответствии с указанием XVII съезда ВКП(б) партийные организации, наркоматы и отраслевые научно-исследовательские институты приняли меры по укреплению заводских лабораторий. Они были созданы или расширены почти на всех крупных предприятиях. При освоении новых технологических процессов, видов техники или сырья взамен импортных их работники нередко решали задачи не только заводского масштаба, но и проблемы, имевшие отраслевое значение. Во главе заводских лабораторий стоял Совет при НКТП СССР. Практика взаимодействия АН СССР с отраслевыми институтами и с заводскими лабораториями себя оправдала. Для скорейшего внедрения новинок техники и науки в производство Президиум АН направлял на заводы бригады ученых, проводил их встречи с инженерами, рабочими — стахановцами.

Особая роль в развитии промышленности принадлежала геологии. К началу 1935 г. геологической съемкой было охвачено 36,3% территории СССР против 17,7% в 1929 г.[2] Территории ряда областей, краев и республик были полностью засняты на карты. Продолжали оставаться малоизученными Дальний Восток, Восточная и Западная Сибирь, Свердловская область, Казахстан. О масштабах и эффективности геологоразведок говорят следующие данные. С января 1933 г. по январь 1935 г. разведан-

---

[1] См. «Отчет о работе Академии наук СССР за 1939 г.», стр. 23.
[2] См. «Социалистическое строительство СССР», 1936, стр. LXII.

ные запасы (А + В) выросли: нефти — на 44,2 млн. тонн, железной руды — на 337 млн. тонн, меди (в металле) — на 3,3 млн. тонн, бокситов — на 4,8 млн. тонн и т. д.[1]

Начиная с 1936 г. все геологоразведочные работы включались в общий народнохозяйственный план, что положительно сказалось на их организации и эффективности. В следующем году правительство приняло постановление «Об организации геологоразведочных и поисковых работ в СССР», которым устанавливалось, что геолого-исследовательские (съемки), изыскательские и поисковые (геологоразведка) работы сосредоточивались в Главном геологическом управлении Наркомтяжмаша. В Академии наук СССР сосредоточивалась вся научно-теоретическая разработка вопросов геологии СССР. Насущные проблемы геологии и разведки обсуждались на Всесоюзном совещании работников геологоразведочной службы (апрель 1938 г.). В июне 1939 г. был организован Комитет по делам геологии при СНК СССР. Спустя год правительство образовало Всесоюзную комиссию по запасам полезных ископаемых — высший государственный орган по определению и утверждению запасов ископаемых. Ведомствам запрещалось проектировать, строить или расширять предприятия на базе месторождений, запасы которых не были утверждены комиссией.

К этому времени геологической съемкой было охвачено 10 тыс. *кв. км,* или 45,6% всей территории страны[2]. Геологическая съемка проводилась прежде всего в промышленных районах, в том числе в Казахстане, Сибири, Средней Азии, на Дальнем Востоке. До революции геологические исследования зачастую были оторваны от промышленности. Теперь они стали неотъемлемой частью горноразведочных работ.

Для решения больших научно-производственных проблем, особенно в связи с расширением сырьевой базы промышленности, Президиумом АН СССР создавались комиссии, направлялись экспедиции, организовывались конференции ученых. Большое значение имели Таджикско-Памирская, Дагестанская, Дальневосточная, Карело-Мурманская, Северо-Двинская экспедиции, конференция по

[1] См. «Социалистическое строительство СССР», 1936, стр. LIV—LV .

[2] См. «Геологическая изученность и минерально-сырьевая база СССР к XVIII съезду ВКП(б)», стр. 12.

изучению производительных сил республик Средней Азии, Закавказья, Бурят-Монголии.

В научной работе Совета по изучению производительных сил АН СССР основное место занимали вопросы состояния и перспектив размещения производительных сил СССР, имевших огромное экономическое и оборонное значение. По рекомендации правительства Президиум АН в конце 1939 г. принял меры по обобщению результатов геологических экспедиций и использованию их для народного хозяйства. Летом следующего года в геологопоисковых и разведочных партиях Комитета по делам геологии работало 37 тыс. человек, в том числе 10280 инженерно-технических работников [1].

Практическим результатом деятельности советских геологов явился тот факт, что накануне войны СССР занимал первое место по запасам нефти, гидроэнергии, торфа, железной и марганцевой руды, цинка, свинца, апатитов, калийных солей. Запасы угля нашей Родины составили пятую часть всех мировых ресурсов. Развитие металлургии требовало в больших размерах железной руды, марганца, хрома. В результате разведочных работ месторождения железной руды, марганца и хрома были открыты во многих районах страны. В третьей пятилетке СССР уже обладал 53,5% общих мировых запасов железа и 53% марганца[2]. Открытие новых месторождений, внедрение научных способов добычи руд, механизация труда горняков — все это обеспечивало быстрые темпы роста добычи руд. Если в 1928 г., например, в СССР было добыто 6,1 млн. тонн железной и 702 тыс. тонн марганцевой руды, то в 1940 г. соответственно — 29,8 и 2,5 млн. тонн[3].

Немалые достижения геологическая наука и разведка имели в изыскании новых месторождений цветных и редких металлов, алмазов. В целях форсирования добычи редких металлов в 1934 г. трестам «Рудметразведка» и «Рудмет» были созданы более благоприятные условия. Наряду с приростом запасов меди, свинца, цинка, никеля вскоре были выявлены новые месторождения золота, олова, вольфрама, молибдена, сурьмы и ртути. СССР превратился в страну, богатую рудными ресурсами. «Теория» о

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 7786, оп. 1, ед. хр. 21, л. 38.

[2] См. «Геологическая изученность и минерально-сырьевая база СССР к XVIII съезду ВКП(б)», стр. 69, 92, 102.

[3] См. «Промышленность СССР», стр. 115.

бедности нашей Родины цветными и редкими металлами оказалась опрокинутой достижениями геологов.

Решающую роль в создании и развитии алюминиевой промышленности сыграло открытие, а затем эксплуатация месторождений бокситов — сырья, идущего на производство алюминия, абразивов и огнеупоров. В дореволюционной России не были известны месторождения бокситов. А. Д. Архангельский и другие советские геологи создали научную теорию осадочного происхождения бокситов. На январь 1938 г. разведанные запасы бокситов составляли более 26 млн. тонн [1].

Если сравнительно быстро удалось решить проблему алюминия, то по-другому сложилось дело с проблемой олова. Среди геологов было распространено мнение об отсутствии запасов олова в СССР. «Психологическая предопределенность» оказала какое-то тормозящее влияние на поиски и объем добычи олова. Геологи и хозяйственники привыкли к тому, что львиная доля олова ввозилась из-за границы. В 1933—1937 гг. размеры импорта олова выросли с 4,1 до 12,5 тыс. тонн[2]. В 1938 г. выплавка олова составила лишь 652 тонны, а импорт — 11 тыс. тонн, т. е. больше почти в 17 раз. Если в конце второй пятилетки потребности в этом металле внутренними источниками удовлетворялись на 12%, то в 1939 г.—лишь на 2%. На поиски олова направлялись десятки партий. Началось форсированное сооружение предприятий по переработке оловянистых руд. В начале 1937 г. Геологическая группа АН СССР совместно с главками Наркомцветмета разработала мероприятия по расширению сырьевой базы производства олова и молибдена. «Союзникельоловоразведка», местные парторганизации предпринимали настойчивые поиски оловянистых руд. В Президиуме АН СССР и Госплане СССР действовали особые совещания и комиссии по олову, которые возглавлялись вице-президентом АН И. П. Горбуновым и В. И. Межлауком. Общими усилиями оловорудные поиски были активизированы во многих восточных районах страны.

Усилиями геологов были разбужены и подчинены интересам строительства материально-технической базы социализма несметные богатства недр Урала, Сибири, Казах-

[1] См. «Геологическая изученность и минерально-сырьевая база СССР к XVIII съезду ВКП(б)», стр. 191—192.

[2] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 345, 379.

стана, Средней Азии. К поисковым работам партийные и хозяйственные органы привлекали местное население.

Выдающуюся роль в развитии советской геологической науки, мобилизации природных богатств на службу социализма сыграли коллективы геологов, возглавляемые А. П. Карпинским, И. М. Губкиным, А. Д. Архангельским, А. Е. Ферсманом, В. А. Обручевым, В. И. Вернадским, Д. И. Щербаковым, К. И. Сатпаевым и другими учеными. Горячая любовь к Родине, советский патриотизм являлись движущей силой геологов в их стремлении обеспечить народное хозяйство необходимым минеральным сырьем.

В годы довоенных пятилеток СССР совершил крупный шаг вперед по разведке новых полезных ископаемых и расширению собственной минерально-сырьевой базы. Благодаря этому импорт ряда видов сырья был прекращен или сокращен, увеличилось производство металла, возрос экспорт минералов и руд. Все это явилось важным вкладом в строительство материально-технической базы социализма.

В расширении минерально-сырьевой базы промышленности ученым пришлось преодолеть трудности. Немало потерь принесла практика использования руд только с богатым содержанием металла. В третьей пятилетке принимались срочные меры по использованию руд с бедным содержанием металла. Не велись работы по извлечению редких металлов из железных и полиметаллических руд. В этом направлении исследования ученых лишь разворачивались. Темпы геологоразведочных работ в ряде случаев отставали от темпов развития промышленности, вследствие чего сырьевая проблема в течение ряда лет оставалась острой. В большинстве случаев это объяснялось нехваткой финансовых и материально-технических средств, размеры которых не всегда соответствовали объему заданий. Например, объем геологоразведочных работ Комитета по делам геологии при СНК СССР начиная с 1938 г. увеличивался на 51%, а ассигнования на капитальные затраты снизились за 1938—1940 гг. на 4 млн. руб. Систематически недодавались плановые ассигнования на разведки руд цветных металлов [1].

К 1940 г. Комитет по делам геологии при СНК СССР имел 20 управлений. 106 геологоразведочных партий и

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 7786, оп. 1, ед. хр. 18, л. 56; ф. 9022, оп. 26, ед. хр. 198, л. 3—4.

экспедиций были переведены на круглогодовую работу, а техники не хватало. Потребность в инструментах и запчастях к буровым станкам на этот год исчислялась в 23,4 млн. руб., а план производства их немного превышал 3 млн. руб., т. е. был в 4 раза меньше потребности[1].

Добиваясь максимального приближения науки к запросам народного хозяйства, правительство учитывало, что связи науки с практикой сложны и многосторонни. Они по-разному устанавливаются и проявляются. Прикладные науки развивались в непосредственной связи с производством и давали быстрые результаты. Теоретические науки в большинстве своем связаны с производством через прикладные науки, и практическая отдача их достижений происходит значительно позднее. Партия предостерегала от упрощенного понимания связи науки с производством. Она стремилась эффективно развивать в тесной взаимосвязи и фундаментальные и прикладные науки. В апреле 1939 г. было указано на ошибочность абстрактного лозунга «догнать и перегнать науку капиталистических стран». Напоминалось, что тематика исследований ученых должна определяться не этим лозунгом, а потребностями самой советской науки и интересами социалистического строительства[2].

В годы довоенных пятилеток неотложные задачи индустриализации, достижения полной экономической независимости и укрепления обороноспособности СССР требовали от ученых скорейшей отдачи. Большинство научных сил было сосредоточено на решении этих задач. Вместе с тем партия решительно пресекала факты недооценки развития фундаментальных наук. Сейчас без преувеличения можно констатировать великую историческую заслугу нашей Коммунистической партии в том, что она не пошла по пути распыления сил ученых на решение мелких практических задач того периода, хотя нужда была в этом огромная. Советские ученые занимались перспективными проблемами, результаты которых мы ощущаем сейчас. Именно благодаря такой политике партии СССР накануне войны и тем более в наши дни имел и имеет сильные кадры ученых, научно-экспериментальную базу, обеспечивающие быстрый подъем народного хозяйства.

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 7786, оп. 1, ед. хр. 21, л. 103.
[2] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 37, ед. хр. 16, л. 32.

Одним из примеров огромного научного и политического значения теоретических исследований может служить история развития ядерной физики. На Западе ныне распространено мнение, будто в 30-х годах существовали в мире только три центра атомных исследований — в Кембридже (Резерфорд), в Копенгагене (Нильс Бор) и в Геттингенском университете (Макс Борн, Джеймс Франк и Давид Гильберт). Между тем активное изучение физики атомного ядра в СССР ведется в течение сорока лет[1].

Идя самостоятельным путем, советские физики внесли большой вклад в разгадку тайн ядерных процессов, которые изучались в Физическом институте им. П. Н. Лебедева, Харьковском физико-техническом институте и ленинградском Радиевом институте. До 1939 г. значительная часть физиков мира считала, что использовать ядерную энергию невозможно. Ядерная физика считалась отраслью науки, не имеющей перспективы практического применения. Несмотря на подобное мнение ученых авторитетов, Коммунистическая партия создавала необходимые условия для широких исследований советским ученым-ядерникам.

За 1932—1935 гг. советские физики опубликовали около 100 работ по ядерным исследованиям, среди которых выделялась монография Н. Н. Семенова «Цепные реакции». Успехи ученых стали возможными благодаря развитию отечественной индустрии, ее техники. Необходимая аппаратура, приборы изготовлялись на советских заводах. Результаты исследований советских физиков-ядерников и определение очередных проблем обсуждались на сессии АН СССР в марте 1936 г. И. Е. Тамм, В. И. Вернадский, И. В. Курчатов, Л. В. Мысковский, Д. В. Скобельцын и др. сообщали о новых открытиях, о необходимости разграничения деятельности коллективов исследователей в теоретических и экспериментальных работах[2]. По инициативе профессора Л. В. Мысковского еще в 1933 г. начались и через пять лет успешно завершились работы по созданию синхронного ускорителя (циклотрона). Первый советский циклотрон был спроектирован советскими специалистами по методу Лоуренса и Слоуэна (США), и изготовлен коллективами ленинградских заводов «Большевик» и «Электросила». Это был первый из действовавших тогда в Европе

---

[1] См. «Вестник Академии наук СССР», 1937, № 10-11, стр. 39.
[2] См. «Вестник Академии наук СССР», 1936, № 4-5, стр. 73—74.

циклотронов. Незадолго до этого в США была создана и пущена такая же установка. Бригада ученых во главе с И. В. Курчатовым освоила циклотрон. А в 1940 г. была создана первая в стране ультрацентрифуга, обеспечивавшая большие центробежные поля, чем однотипная американская центрифуга. Президиум АН, отметив успехи физиков, определил работы по исследованию атомного ядра и космических лучей как главные задачи физической науки и принял меры по сосредоточению сил ученых, укреплению материально-технической базы исследований. С этой целью было решено реорганизовать Радиевый институт. При физико-математическом отделении АН образовывалась постоянная комиссия по атомному ядру. Разворачивался фронт экспериментальных работ, в чем активную роль сыграли И. В. Курчатов, А. И. Алиханов, В. И. Векслер, Ю. Б. Харитон и др.

Война прервала важные исследования советских ученых. Но достижения 30-х годов стали основой выдающихся открытий в послевоенный период. Зарубежные «критики» тогда недооценивали успехи советских ученых, в ошибочности чего они убедились позднее.

Само собой разумеется, советская наука и техника развивались не изолированно от мировой науки и техники. Наши ученые находились в курсе научно-технических достижений других стран. Как и любая другая страна, СССР использовал некоторые достижения мировой науки в интересах ускорения темпов социалистического строительства. Однако это не было массовым явлением, как утверждают современные буржуазные фальсификаторы.

Руководствуясь интересами конкурентной борьбы, капиталистические фирмы засекречивали технико-производственные открытия. Многие правительства и фирмы по политическим и коммерческим соображениям скрывали от СССР новые образцы машин, оборудования, принципы технологических процессов. Советским ученым в большинстве случаев приходилось идти своим оригинальным путем при переводе промышленного производства на новую научно-техническую основу. Советские ученые уже в те годы внесли существенный вклад в сокровищницу мировой науки и техники, подготовили условия для невиданного развития отечественной науки и техники в наше время.

Социализм открыл широкий простор для научного и технического творчества. Политика Советского государ-

ства обеспечивала развитие отечественной изобретательской мысли с одновременным сокращением поступлений изобретений из-за границы. Об этом свидетельствуют данные Государственного реестра изобретений СССР. Интересно, что за 1812—1918 гг. в нашей стране было выдано около 30 тыс. патентов, из которых 20 730 патентов получили иностранцы. Количество зарегистрированных изобретений в 1924 г. составило 2013, в том числе на имя иностранцев — 195, в 1928 г. соответственно — 3059 и 715, в 1930 г.- 6088 и 492, в 1933 г.- 5087 и 208, в 1938 г.— 2427 и 21, в 1940 г. — 2539 и 0. Из приведенных данных видно, что количество изобретений, зарегистрированных на имя иностранных подданных, уменьшалось из года в год. В конце второй пятилетки их доля по отношению к количеству изобретений советских граждан в среднем составляла ничтожную величину, а в 1939—1940 гг. она равнялась нулю.

Соблюдение государственных интересов в области изобретательства имело первостепенное значение для укрепления экономической и научно-технической самостоятельности СССР. Расширение внешних экономических связей, вывоз изделий, сделанных на основе новых изобретений, недопущение случаев безвозмездного присвоения иностранными фирмами результатов творческого труда советских ученых и специалистов — все это делало неотложным своевременное патентование изобретений за рубежом. Однако валютные затраты на патентование порождали у части работников сомнения в целесообразности этого. Партия стремилась преодолеть подобные настроения, так как они тормозили патентную защиту отечественных изобретений за границей. Но широкого развития в довоенные годы практика зарубежного патентования все же не получила.

Выдающейся победой Советского государства было воспитание научных кадров. В конце 1940 г. в 2359 научных учреждениях СССР работало 98,3 тыс. ученых и научных сотрудников, или в 9,8 раза больше, чем в 1914 г.[1] Вместе с новыми задачами и объемом работы росло число научных сотрудников и бюджет академии. К 1940 г. в ее составе имелись 120 академиков и 182 члена-корреспондента. В 8 филиалах, 47 институтах, 11 лабораториях трудилось 4700 исследователей. Бюджетные ассигнования АН увели-

[1] См. «СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 229.

чились с 4 млн. руб. в 1929 г. до 176,6 млн. в 1940 г.[1] В третьем году третьей пятилетки Президиум АН рекомендовал для внедрения в народное хозяйство свыше 50 крупных открытий[2]. Результаты многих исследований передавались непосредственно наркоматам и ведомствам.

Ни в одной стране мира ученые не получали столь большой и многосторонней поддержки государства, как в СССР. По широте научно-технических исследований, их связям с производством советская наука являлась единственной в мире.

Одним из замечательных преимуществ социализма было то, что развитие науки, изобретательского творчества и народного хозяйства в СССР происходило в тесной взаимосвязи. Две основные проблемы, связанные между собой, решали советские изобретатели в довоенный период: научное обслуживание строительства материально-технической базы социализма и обеспечение успеха борьбы советского народа за освобождение от экономической зависимости и укрепление обороноспособности СССР. Эти главные задачи стояли перед коллективами научных центров, обслуживающих промышленность, транспорт, Красную Армию и Военно-Морской Флот.

Важные проблемы приходилось решать деятелям сельскохозяйственной науки. Решающим условием успеха здесь явилось создание социалистического способа производства в сельском хозяйстве. «Только с организацией колхозов,—писал селекционер, депутат Верховного Совета РСФСР С. Барышев,— труд опытника приобрел иной смысл и большое народнохозяйственное значение»[3].

Коллективом Всесоюзного института растениеводства была создана развернутая государственная сеть сортоиспытания. На 192 участках по 100 различным культурам испытание проходили около 2 000 лучших советских и иностранных селекционных и местных сортов. В короткий срок советским селекционерам удалось отобрать наиболее подходящие сорта культур для различных районов СССР. Учет сортового состава полей позволил внедрить лучшие сорта в новые районы страны, использовать ряд зарубежных куль-

---

[1] См. «Вестник Академии наук СССР», 1941, № 4, стр. 62—63.
[2] См. «Вестник Академии наук СССР» 1939, № 8-9, стр. 178.
[3] «Правда», 4 сентября 1938 г.
См. «Сельское хозяйство СССР. Ежегодник, 1935 г.». М., 1936, стр. 4.

тур. «К советскому периоду,— писал Н. И. Вавилов,— относится широкое вовлечение из-за границы новых культур, как суданская трава, сорго, американский пырей, каучуконосная гвайюла, гуттаперченосная эйкомия, тунговое дерево, герань и другие»[1]. Изучение сортового состава позволило по-новому поставить вопрос об исходном материале для селекции.

В 1936 г. среди советских ученых прошла небольшая дискуссия о масштабах внедрения в производство зарубежных семян.

К этому времени, начиная с 1921 г., через поля СССР был пропущен почти весь основной ассортимент зерновых и овощных культур стран Америки и Западной Европы. По одной лишь пшенице было собрано около 50 тыс. образцов из 40 стран. Всесоюзный институт растениеводства проводил систематические поиски и отбор важнейших культурных растений во всем мире[2]. Около 15% посевной площади засевалось иностранными сортами. Государственная сортсеть включала лучшие зарубежные культуры, некоторые из них вошли в обязательный стандарт. Более 600 иностранных сортов были испытаны[3]. Ни одна страна в мире не обладала таким селекционным потенциалом, как СССР. К концу второй пятилетки СССР обладал ценной коллекцией пшеницы из Сирии, Палестины, Испании, Китая, Афганистана . Однако многие лучшие зарубежные сорта, например, пшеницы, ржи, кормовых трав, ячменя не

---

[1] См. «Математика и естествознание в СССР». М.—Л., 1938, стр. 576.

[2] См. «Плановое хозяйство», 1935, № 6, стр. 56.

[3] См. «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1936, № 12, стр. 38-39.

См. «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1935, № 12, стр. 101.

Мировая коллекция семян Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства, созданная под руководством академика Н. И. Вавилова, явилась впоследствии хорошим подспорьем в исследованиях советских селекционеров. Используя образцы этой коллекции, наши ученые вывели свыше 60 сортов пшеницы, ржи, ячменя и овса, возделываемых сейчас на площадях более 20 млн. гектаров. Ныне почти все площади под зерновыми культурами в СССР заняты сортами и гибридами отечественной селекции. «Если раньше,— вспоминает академик П. П. Лукьяненко,— мы ввозили сорта зерновых культур иностранной селекции, то теперь советские сорта перешагнули рубежи нашей Родины и широко возделываются в ряде зарубежных стран» (см. его статью в «Правде» от 18 апреля 1966 г.).

выдержали соревнования в наших природных условиях с отечественными. Так, из сотен иностранных сортов пшеницы в СССР получили признание лишь два («гарнет» и «гурон»). Меры по улучшению семян зерновых культур, разработанные СНК СССР, рассматривались и были одобрены пленумом ЦК ВКП(б) в июне 1937 г. Правительство решило организовать новую сеть районных семеноводческих хозяйств, создать надежный фонд семян зерновых культур. В десяти сельскохозяйственных вузах страны образовывались с 1937/38 учебного года отделения селекции и семеноводства. Вводилось премирование селекционных станций и селекционеров за выведение новых и улучшение существующих сортов. Селекционные станции полностью переводились на государственный бюджет[1]. В 1938 г. насчитывалось 63 государственные селекционные станции, 1632 районных семеноводческих хозяйства и 1073 сортоиспытательных участка[2]. Наркомзем СССР и ВАСХНИЛ усилили селекционную и семеноводческую работу с озимой пшеницей и рожью, стремясь выявить и размножить их лучшие местные сорта. За производство семян агрономам райсельхозов устанавливались премии. XVIII съезд партии подчеркнул необходимость проведения посевов «исключительно высокосортными и улучшенными *отборными семенами,* как селекционных, так и местных сортов»[3]. В декабре 1939 г. Наркомзем СССР выделил 520 районных семхозов для выведения необходимых семян масличных культур. Эти работы разворачивались в 44 областях и краях . Принятые меры создавали новые условия развития семеноводческого дела с учетом достижений отечественной и зарубежной науки.

Использование социалистическим земледелием иностранных сортов и опыта селекционирования не являлось проявлением зависимости СССР. По сравнению с некоторыми другими отраслями народного хозяйства в развитии отечественной селекционной и семеноводческой базы иностранный опыт и импорт сыграли незначительную роль. За 1933 — 1940 гг. из-за границы было ввезено семян и посадочного материала всего лишь 17,1 тыс. тонн (преиму-

[1] См. «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 294—305.
[2] См. «Сортовые посевы СССР 1938 года». М—Л., 1939, стр. 4.
[3] «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 350.
ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, ед. хр. 2301, л. 81-86.

щественно семян клевера и других кормовых трав)[1]. Импорта семян зерновых и технических культур почти не производилось. Исключение составляли лишь египетские сорта длинноволокнистого хлопка, получившие тогда в СССР массовое применение.

Ни одна страна в мире не обладала таким богатством сортов пшеницы, как СССР. США и Канада семенным материалом пшеницы обязаны Советскому Союзу. По зимостойкости и засухоустойчивости наши озимые и яровые сорта пшеницы являлись одними из лучших. «Мы могли заимствовать заграничные приемы, могли заимствовать иностранное оборудование,— писал академик П. И. Лисицин в 1935 г.,— но о том, как организовать семеноводство в условиях социалистического производства, мы, конечно, нигде никакого опыта заимствовать не могли». Начав с ничтожных показателей, советское сельское хозяйство в 1935 г. имело 35% посевных площадей зерновых, засеянных сортовыми семенами[2]. Подобных темпов и масштабов достижений в этой области не имела ни одна страна в мире. Ряд конкретных мероприятий по сортосмене и сортообновлению в земледелии СССР рекомендовала октябрьская (1935 г.) сессия ВАСХНИЛ, доклады на которой по этому вопросу сделали академики П. И. Лисицин и П. Н. Константинов[3]. В декабре 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР отмечали большие достижения в расширении сортовых посевов и улучшении качества сортов семян. Огромный вклад в развитие советской селекции и семеноводства сахарной свеклы сделал А. Л. Мазлумов (Воронеж).

В начале 1941 г. Научно-технический совет Наркомзема СССР подвел итоги деятельности 115 научно-исследовательских институтов по созданию новых сортов сельскохозяйственных культур и внедрению их в производство за годы третьей пятилетки. Итоговые материалы показали, что институты зернового хозяйства, научно-исследовательские институты по хлопководству, Всесоюзный селекционно-генетический институт в Одессе, Краснодарский институт масличных культур, Всесоюзный научно-исследователь-

---

[1] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 356, 390, 413.

[2] См. «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1935, № 12, стр. 149.

[3] См. там же, стр. 103.

ский институт лекарственных и эфироносных растений, Грузинский институт чая, цитрусовых и тунга и многие другие вывели немало новых сортов технических культур, производство которых укрепляло сырьевую базу промышленности [1].

Советские ученые вместе с практиками-животноводами добились заметных результатов в племенном деле. Известно, что качественным улучшением стада в старой России занималась небольшая группа помещиков. Племенная работа велась плохо. Советская наука возглавила в масштабе всего государства работы по качественному улучшению скота. Правительство при этом рассчитывало на кадры зооветученых, избегая привлекать специалистов из-за границы.

Накануне войны (январь 1941 г.) СССР располагал разветвленной сетью научных учреждений по сельскому хозяйству: ВАСХНИЛ, свыше 100 исследовательских институтов, 394 опытные станции, 507 экспериментальных баз и пунктов. В области сельского хозяйства, ветеринарных и биологических наук было занято 9800 человек[2]. Этими силами успешно решались научные проблемы развития производительных сил в сельском хозяйстве, в снабжении населения необходимыми продуктами, а промышленности — сырьем.

В довоенный период советской науке удалось решить многочисленные проблемы, прямо или косвенно способствовавшие укреплению экономической мощи и независимости СССР. Заслуги советских ученых в этом отношении были огромны. Однако в организации научно-исследовательской работы имелись недостатки, основным из которых являлась все еще недостаточная связь Академии наук и ряда ее учреждений с практикой социалистического строительства. Если этот недостаток был нетерпим вообще, то он был недопустимым по проблемам, высвобождавшим страну от иностранной зависимости. В печати резкой критике подверглась деятельность некоторых научно-исследовательских институтов и лабораторий. За оторванность от производства и узость тематики исследований, за слабую подготовку кадров критиковались коллективы Научно-исследовательского автотракторного института— (НАТИ),

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 7436, оп. 8, ед. хр. 18, л. 3, 28—112.
[2] См. «Сельское хозяйство СССР», 1960, стр. 15.

Центрального научно-исследовательского института машиностроения и металлообработки, Института цикория и др. Газета «Правда» выступала против лженаучных исследований отдельных ученых.

Одним из существенных недостатков научно-технического прогресса оставалось медленное внедрение в производство открытий и изобретений. «С научно-исследовательским обслуживанием народного хозяйства кровно связан вопрос о внедрении научно-технических достижений институтов в промышленность,— писал академик А. Н. Бах.— И здесь мне хотелось бы предъявить социалистический счет нашим хозяйственникам. Я мог бы написать целую книгу, перечисляя хождения по мукам института им. Карпова,— в нем я работаю 20 лет,— при внедрении его немногочисленных, но признанных достижений» [1]. Некоторые руководители загружали производственно-экспериментальные предприятия и цехи институтов обычными серийными заказами. Часть институтов вообще не имела экспериментальной базы.

Коммунистическая партия и Советское правительство нацеливали экономистов, плановиков на всестороннее изучение объективных тенденций, на анализ хозяйственных процессов, перспектив развития отраслей народного хозяйства в связи с задачами обеспечения полной экономической независимости СССР. Разработкой долгосрочных прогнозов активно занимались Госплан, Научно-исследовательское бюро Наркомфина СССР, Институт экономики АН СССР, плановые управления (отделы) наркоматов. Следует отметить, что развитие экономической мысли и научного планирования не было ровным и прямым путем, с готовыми выводами и рекомендациями. Но советская экономическая наука справилась с задачами, выдвигавшимися практикой созидания нового общества и его материально-технической базы. Составление трех пятилетних планов развития народного хозяйства, в которых воплощались ленинские идеи завоевания экономической независимости страны, были большим достижением ученых-экономистов и плановиков. Экономическая наука решала актуальнейшие проблемы по определению оптимальных темпов строительства материально-технической базы социализма с учетом директив партии.

---

[1] «Вестник Академии наук СССР», 1936, № 2-3, стр. 94—95.

Советские экономисты создали ряд выдающихся работ по составлению народнохозяйственных балансов, планированию, статистике и экономике труда, исследований по вопросам соревнования двух систем и др. Однако гигантские масштабы социально-экономических преобразований и хозяйственного строительства предъявляли повышенные требования к экономической науке и деятельности Госплана СССР. По ряду объективных и субъективных причин им не всегда удавалось разрабатывать оптимально эффективные пропорции и материальные народнохозяйственные балансы, что нередко вызывало необходимость импортных закупок.

Советский народ обеспечил отечественной пауке неограниченные возможности развития. Многие ученые стали активными участниками строительства социализма, предоставив Родине свои открытия для экономического прогресса и повышения ее авторитета в мире. Партия заботилась о патриотическом воспитании ученых, о преодолении у некоторой части из них чувства преклонения перед иностранными научными центрами и органами печати. Вместе с тем в этом деле были допущены перегибы, нарушения ленинских принципов воспитания интеллигенции.

Советская научно-техническая интеллигенция успешно выдержала проверку в своеобразном соревновании с зарубежными (прежде всего немецкими и американскими) учеными и конструкторами. Благодаря неустанной заботе партии наши ученые, инженеры и конструкторы выдвинулись на передовые рубежи в мире по развитию индустриальной, оборонной и научно-экспериментальной техники. Признавая огромную ценность научных открытий, партия подчеркивала их политическое значение. Это касалось прежде всего тех достижений, которые ускоряли строительство материально-технической базы социализма, укрепляли экономическую мощь СССР. Жизнь и научная деятельность многих советских ученых являли собою подвиг во имя нашей Родины.

Создание материально-технической базы социализма — исторический итог революционно-преобразующей деятельности партии рабочего класса, колхозного крестьянства и ученых СССР. Жизнь показала, что для решения этой сложной проблемы были необходимы научно обоснованная политика, умелое использование преимуществ нового строя, способность привести в действие все движущие силы об-

щества, модернизировать производительные силы в соответствии с новыми достижениями науки и техники. Процесс создания крупного машинного производства был тесно связан с совершенствованием социалистических производственных отношений.

Строительство материально-технической базы социализма сопровождалось ростом благосостояния трудящихся, совершенствованием социально-экономических отношений в советском обществе, наращиванием материальных, финансовых, технических и сырьевых ресурсов.

Опыт создания базы нового общества в СССР вобрал в себя огромную теоретическую, политическую и хозяйственную деятельность партии и государства, совокупность выбора путей и методов, правильное определение задач и средств осуществления индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, развитие научно-технического прогресса и использование внешнеэкономических связей.

Глава пятая

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

1. УСПЕХИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

В результате выполнения пятилеток Советский Союз превратился в могучую индустриально-колхозную державу. Построив материально-техническую базу социализма, советский народ совершил важнейший шаг по пути к полной экономической независимости. Необходимость массового импорта по многим видам техники и сырья отпала. Полностью оправдала себя монополия внешней торговли и политика социалистического протекционизма. Партия и государство накопили большой опыт руководства внешнеэкономическими сношениями. Позиции СССР на мировом рынке значительно укрепились.

В условиях мирового экономического кризиса, депрессии и усиления тенденций к автаркии в капиталистических странах Советское государство продолжало бороться за расширение международных экономических связей, против мероприятий, препятствовавших развитию советского экспорта и импорта. На мировой экономической конференции в Лондоне (июнь — июль 1933 г.) советская делегация, возглавляемая М. М. Литвиновым и В. И. Межлауком, предложила заключить пакт об экономическом ненападении. Его проект предусматривал отказ всех договаривающихся стран от применения специальных режимов, от дискриминационных таможенных пошлин, особых железнодорожных тарифов и т. п. Хотя это предложение не было принято, оно еще раз показало, что наше государство является последовательным сторонником широких взаимовыгодных международных торговых связей. Советское правительство заявило о готовности разместить за границей в ближайшие годы заказы и купить товаров на общую сумму до 1 млрд. долл., в том числе на 400—450 млн. долл. обору-

дования, машин, судов и на 250 млн. долл.— текстильного и кожевенного сырья, тканей[1]. «Имея полную возможность, благодаря успешному выполнению первого пятилетнего плана, развивать свое строительство, не завися от импорта с иностранных рынков,— говорил на конференции М. М. Литвинов,— мое Правительство тем не менее не имеет намерения отгородиться от внешнего рынка экономическими барьерами и заключить себя в собственную экономическую скорлупу. В отличие от других стран, мы не стремимся к автаркии и не отказываемся от выгодного ввоза иностранных товаров»[2].

О стремлении развивать внешнеэкономические связи с капиталистическим миром при обеспечении экономической независимости нашей страны не раз делались официальные заявления руководителей партии и государства. На XVII съезде ВКП(б) Г. К. Орджоникидзе говорил, например, что партия не хочет построить социалистическое государство, обнесенное китайской стеной от внешнего мира. «...Но,— предупреждал он,— мы предпочитаем разговаривать со своими партнерами как сила. Дело торговли — это дело прибыли и убытка, дело выгодности, а всю выгоду можно извлечь из внешней торговли, когда ты силен и независим»[3].

Преодолевая трудности и препятствия, Советское правительство прилагало усилия для расширения экономических отношений с развитыми капиталистическими странами. Немаловажное значение в этом деле имело установление дипломатических отношений с США (ноябрь 1933 г.) и вступление СССР в Лигу наций. Большое внимание правительство уделяло взаимодействию Наркоматов внешней торговли и иностранных дел на мировой арене.

Советское государство продолжало применять разнообразные способы пресечения контрабанды, экономической и политической враждебной деятельности извне. До 1933 г. количество контрабандных задержаний росло. Спустя два года их стало 46%, а в 1937 г.— 22% по сравнению с первым годом второй пятилетки . В абсолютных показателях контрабанда за 1937 г. составила 775 случаев на сумму

[1] См. «СССР на мировой экономической конференции». М., 1933, стр. 36.
[2] Там же, стр. 34.
[3] «XVII съезд ВКП б). Стенографический отчет», стр. 173.
См. «Внешняя торговля», 1938, № 4-5, стр. 91.

643,7 тыс. руб. Если в годы первой пятилетки контрабанда совершалась преимущественно путем нелегального провоза дефицитных товаров через границу, то в последующие годы основное количество контрабанды проявлялось в нарушении установленного порядка ввоза и вывоза товаров или валютных правил. Нередко контрабандисты выполняли шпионские задания. Победа социализма, расширение выпуска дефицитных товаров, упрочение морально-политического единства общества подорвали экономические и политические корни контрабанды. Границы Советского государства надежно охранялись. Огромную роль в сокращении контрабанды сыграли работники 111 таможен и постов, а также сотрудники НКВД. Возможности провоза контрабанды сократились до минимума.

Основные внешнеэкономические задачи на вторую пятилетку заключались в дальнейшем укреплении монополии внешней торговли, улучшении валютного положения СССР, в проведении плановых импортных и кредитных операций, в лучшем использовании конъюнктуры мирового рынка. «Установка на независимость,— отмечал НКВТ,— не должна при этом ни в коем случае перерастать в ориентировку на хозяйственную автаркию, т. е. на фактическое выбывание СССР из мирового рынка. Изоляция невыгодна для СССР ни с интересов развития промышленного производства, ни с политической точки зрения».

Особенности внешней торговли СССР в годы второй пятилетки состояли, во-первых, в устойчивом активном балансе оборота; во-вторых, размеры импорта товаров составляли почти вдвое меньше по сравнению с объемом ввоза за первую пятилетку. В-третьих, заметно изменилась структура импорта. Удельный вес средств производства в нем по-прежнему сохранялся высоким — 90,1%. Однако доля машин и оборудования уменьшилась за 1933—1938 гг. с 43 до 34,5%, основного сырья (хлопок, шерсть, кожа) — с 10,7 до 9,2%, проката черных металлов — с 10,5 до 3,3%. Одновременно увеличилась доля каучука (с 1,8 до 3,5%), цветных металлов (с 6,9 до 18,6%), кофе, какао, чая (с 1,7 до 3,2%) [1]. Наиболее важными изменениями структуры импорта стало сокращение удельного веса машин и оборудования и повышение доли (почти до 1/5 всего ввоза) цветных металлов.

---

[1] См. «Внешняя торговля СССР. 1918—1966», стр. 25.

Огромный рост народного хозяйства СССР и сокращение импорта снизили в общем потреблении страны удельный вес импортной продукции. В годы первой пятилетки она составляла 3—3,5%, а в 1936 г. — 1—0,7% Это один из основных показателей возросшей экономической независимости страны.

После резкого сокращения импорта в конце первой — начале второй пятилетки многие зарубежные фирмы не верили в то, что СССР достиг такого уровня экономического развития, который позволил в короткий срок отказаться от массового ввоза. Некоторые политики и предприниматели считали, что это тактический ход нашего правительства, преследующий цель получения новых кредитов, и заняли выжидательную позицию в надежде на возврат больших импортных заказов от СССР на прежних условиях. Однако вскоре стало ясно, что это не «тактический маневр», а отражение действительного хозяйственного положения страны социализма. Вместо прежних нападок на монополию внешней торговли в капиталистических странах появились признания преимуществ социалистической системы внешнеэкономических сношений. «Наличие монополии внешней торговли,— писал в 1937 г. английский журнал «Statist»,— имело величайшее значение для СССР, так как она помогла осуществлению экономической политики Советского правительства... Монополия внешней торговли дала правительству возможность концентрировать все ресурсы иностранной валюты и утилизации их на службу социалистического строительства... В значительной мере в силу действия монополии внешней торговли в течение истекших 19 лет советские хозяйственные организации могли всегда выполнять свои финансовые обязательства за границей, и не было ни единого случая невыполнения СССР своих обязательств в течение этого периода. С 1933 г. СССР неизменно имеет благоприятный торговый баланс»[2].

Важное значение имела организационно-правовая перестройка импортной и экспортной работы в июне 1935 г. Внешнеторговым организациям было разрешено заключать сделки с иностранными фирмами в СССР и за границей. Реорганизация позволила повысить торговую оперативность, снизить валютные расходы, улучшить правовые

---

[1] См. *Д. Д. Мишустин.* Внешняя торговля и индустриализация СССР, стр 76

[2] «Statist» (London), 26. VII. 1937.

условия торговли, содействовала росту авторитета Советского Союза на мировых рынках.

Согласно указанию XVII съезда ВКП(б) в Наркомвнешторге и его управлениях усилилась борьба против обезлички и бюрократизма, активизировалось социалистическое соревнование между коллективами объединений. Уже за первые два года второй пятилетки работники внешней торговли добились значительных успехов. Активным стал торговый баланс СССР: за пять лет второй пятилетки прибыль составила 838 млн. руб. (по курсу соответствующих лет [1]. План реализации заказов в 1934 г. импортными объединениями был выполнен на 99,5%, а план размещения заказов по странам — на 91,1%. В социалистическом соревновании работников импортного управления впереди шел коллектив «Станкоимпорта». Настойчиво велась работа по повышению требований к качеству импорта. Был установлен более строгий контроль за отправкой импортного оборудования: приемка его производилась лишь по специальному разрешению. Качество импортных товаров стало лучше, количество рекламаций снижалось. Приемочный аппарат был обновлен, прекращена текучесть приемщиков. Однако ликвидация контрольно-технических секторов и сокращение штата приемщиков имели и отрицательные последствия. Приемщики не обеспечивали своевременное инспектирование импортного оборудования. Фирмы (особенно Англии) временами задерживали поставки до шести-семи месяцев.

Совещание, проведенное НКВТ в апреле 1935 г., разработало мероприятия по улучшению дела приемки и инспектирования оборудования. В течение двух лет Наркомвнешторгом и Наркомтяжпромом изучался вопрос о передаче приемки оборудования промышленности. Опыт «Стальсбыта» говорил в пользу такого решения. В 1936 г. Главстанкоинструмент взял на себя обязательство принимать и инспектировать заказанное оборудование за границей. Постепенно эти функции переходили к заказчикам под общим контролем НКВТ. Призыв партии овладеть техникой своего дела имел прямое отношение к работникам внешней торговли. Переход от импорта массового оборудования к импорту в основном новейшей техники, а также перенос торговых операций в СССР повышали необходимость совершенствования деловой и коммерческой квали-

---

[1] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 14.

фикации кадров. Хотя объединения НКВТ располагали кадрами, обогащенными многолетним опытом советской и мировой торговли, однако факты рекламаций на импортное оборудование от предприятий, неполное знание характеристик фирм-поставщиков свидетельствовали о недостатках в работе с кадрами, в системе инспектирования и приемки оборудования.

Наркомвнешторг не раз ставил перед правительством вопросы об уточнении импортно-экспортных планов, усилении темпов развития производства тех или иных изделий (станки, стали, ферросплавы, метизы, трубы); обращал внимание наркоматов на неэффективное использование ввезенных из-за границы оборудования и металла, на недостатки в использовании иностранного технического опыта. Повысилась роль Наркомвнешторга в сокращении нерационального импорта. Для поощрения быстрого освоения производства оборудования заводам выделялась часть сэкономленной валюты. Эти меры по сокращению импорта повлияли на руководящие органы промышленности в смысле бережливого отношения в расходовании валютных ресурсов. Во всем этом проявились преимущества монополии внешней торговли. Меры по дальнейшему сокращению нерационального импорта, развитию соревнования и стахановского движения были разработаны первым съездом работников внешней торговли (28 ноября — 4 декабря 1937 г.) и расширенным совещанием работников импортного управления 3 февраля 1938 г.[1] Задача заключалась в том, чтобы добиваться, во-первых, качественного и своевременного выполнения заказов иностранными фирмами, во-вторых, скорейшего ввода в эксплуатацию ввезенного из-за границы оборудования, рационального использования импортного сырья.

Правительство требовало от наркоматов предъявлять рекламации иностранным фирмам на поставки некачественного оборудования. Такие случаи допускались многими фирмами США, Англии, Германии. Из-за несвоевременного предъявления рекламаций хозорганами в январе 1939 г.— июле 1940 г. «Машиноимпорт» понес убытки на сумму 108 тыс. руб. в валюте[2]. 48 английских фирм (по сведениям четырех импортных объединений) нарушали

[1] См. «Внешняя торговля», 1938, № 1, стр. 41—43; № 2, стр. 17.
[2] ЦГАОР СССР, ф. 7511, оп. 1, ед. хр. 321, л. 10.

сроки поставок оборудования [1]. 8 декабря 1939 г. СНК СССР утвердил мероприятия по улучшению инспектирования и приемки закупаемых за границей оборудования и других товаров. Отмечалось, что НКВТ самоустранился от этого дела. В 1938 г. из всего заказанного фирмам оборудования лишь 30% контролировалось в процессе производства. Иногда приемка оборудования проводилась формально. Правительство поручило НКВТ сосредоточить у себя руководство этим делом, наркоматы-заказчики обязывались обеспечивать необходимое количество приемщиков-специалистов [2]. В 1940 г. за границей находилось 770 приемщиков импортного оборудования.

СНК СССР и контрольные органы продолжали совершенствовать практику импортной работы, укреплять кадрами торгпредства, предупреждали нарушения и злоупотребления. Проверялись и утверждались планы и контрольные задания по импорту и по валютным расходам; обсуждались и пресекались факты переплат или покупки дефектной техники.

Под постоянным контролем продолжало находиться импортное оборудование внутри страны. Материалы проверки, проведенной Комиссией советского контроля в апреле 1940 г., показывают, что сроки установки ввезенной техники наркоматами нарушались, хотя и не в таких масштабах, как это было в первой пятилетке.

Решая общую проблему кадров, партия уделяла особое внимание воспитанию внешнеторговых работников. Партийность, политический подход к хозяйственным проблемам, принципиальность, предприимчивость, оперативность — такие качества и черты партия стремилась воспитать у работников, обеспечивавших претворение в жизнь курса на экономическую независимость страны. Воспитательная работа направлялась также на искоренение проявлений ведомственности, деляческого или формального подхода к выполнению государственных заданий, примитивного меркантилизма, беспечности и попустительства по отношению к иностранным фирмам и банкам.

На политическое воспитание работников и перестройку в связи с этим партийной работы известное влияние оказал июньский (1935 г.) пленум ЦК ВКП(б), призвавший

---

[1] ЦГЛОР СССР, ф. 7511, оп. 1, ед. хр. 234, л. 10

[2] Там же, ед. хр. 321, л. 47.

коммунистов к организованности и бдительности, к борьбе против зазнайства и головокружения от успехов. «Указания июньского пленума ЦК для нас, работников внешней торговли,— напоминалось в передовой статье журнала «Внешняя торговля»,— имеют особенно важное политическое значение. Организованность и бдительность во внешней торговле необходимы вдвойне, втройне, ибо внешняя торговля, осуществляющая свою деятельность на грани двух борющихся систем, является тем участком социалистического строительства, где классовая борьба носит особо острый характер... Во внешней торговле имеется также опасность зазнайства, головокружения от успехов, забвения всех трудностей дальнейшего продвижения вперед» [1]. Внешнеторговые работники непосредственно соприкасались с капиталистическим миром. Настораживал также тот факт, что в аппарате наркомата и его объединениях служили около 300 человек, ранее состоявших в других партиях или в белой армии, имевших родственников за границей. Правительство вынуждено было укрепить Наркомат внешней торговли новыми кадрами. За январь — октябрь 1938 г. из системы НКВТ было уволено 884 человека (из 3512 человек). В октябре — декабре 1938 г. в аппарате Наркомвнешторга работало 464 человека, в том числе 157 коммунистов (33,8%) и 77 комсомольцев. В объединениях числилось 2879 человек, среди которых было 625 коммунистов (21,4%) и 287 комсомольцев (10%).

15 сентября 1938 г. «Правда» подвергла резкой критике партком НКВТ СССР за то, что он стоял в стороне от хозяйственно-экономических задач и не довел до сведения коммунистов решение правительства, в котором отмечались существенные недостатки в деятельности наркомата. В парторганизации НКВТ не рассматривались вопросы об авангардной роли коммунистов, партийно-хозяйственных активов не проводили. Парторганизация «Промсырьеимпорта» и партком прошли мимо факта, когда действия отдельных коммунистов наносили валютный ущерб государству. В коллективе мирились со слабой работой Научно-исследовательского института монополии внешней торговли, который за два года не выдвинул ни одного крупного вопроса, занимаясь лишь составлением конъюнктурных обзоров.

---

[1] «Внешняя торговля», 1935, № 12, стр. 2.

Партия всегда стремилась преодолеть элементы догматического перенесения общих принципов планирования на сферу внешней торговли. Формальное осуществление намеченных планов в быстро менявшейся конъюнктуре на мировых рынках могло привести к неоправданным валютным потерям. Строгое соблюдение государственной дисциплины и политических интересов государства, гибкое использование всех выгод внешних рынков являлись важнейшими принципами деятельности внешнеторговых органов СССР. После реорганизации аппарата Наркомвнешторга была создана единая парторганизация. Наркомом внешней торговли был назначен А. И. Микоян. На состоявшихся в марте и июне 1939 г. партийных собраниях коммунисты подвергли критике недостатки внешнеторговой работы, внесли предложения об улучшении планирования и оперативного руководства.

Мероприятия по укреплению НКВТ и всего внешнеторгового аппарата, несмотря на некоторые издержки, сыграли свою роль в установлении взаимовыгодных торговых, кредитных и иных отношений СССР с капиталистическими странами.

Подъем народного хозяйства и упрочение позиций на мировом рынке положительно отразились на экономических связях СССР с восточными странами.

Развернуло свою деятельность созданное в декабре 1932 г. смешанное монголо-советское акционерное общество по оптовой торговле «Монголбунер». С помощью СССР в МНР были построены промышленный комбинат, шерстомойная фабрика, первая железная дорога Улан-Батор — Налайха, шоссейные дороги. На льготных кредитах поставлялось оборудование. А ввоз из Монголии скота, шерсти, кожсырья имел важное значение для высвобождения СССР от импортной зависимости от капиталистических держав.

Активно развивались торговые связи СССР и с другими восточными странами. За 1933—1938 гг. товарооборот (по стоимости) с Ираном увеличился в 5 раз, с Турцией — в 6, с Афганистаном — в 2 раза [1]. В торговле с Ираном и Афганистаном Советское правительство иногда шло на невыгодные для себя условия. Например, взамен хлопка и опия им продавались дефицитные товары (трубы, металл), а ввоз из этих стран нужных товаров (шерсти, кожи) не всегда

[1] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 29, 30, 35

совершался в достаточных размерах. Протекционистские мероприятия правительств восточных стран способствовали развитию их национальной промышленности, укрепляли независимость от империалистических держав.

В 1935 и 1937 гг. вступили в эксплуатацию текстильные комбинаты в Кайсери и Назилли (Турция), построенные с помощью СССР и оснащенные советским оборудованием. Наше государство активно помогало Ирану в сооружении элеваторов, шерстомоек и рисоочистительных заводов; в дорожном строительстве — Афганистану и Ирану.

Несмотря на значительное расширение своей сырьевой базы, Советский Союз продолжал широко импортировать из восточных стран сырье для легкой индустрии. Ленинская политика обеспечивала соблюдение интересов обеих сторон, создавала основы самостоятельного развития соседних восточных народов.

В результате принятых партией мер во второй пятилетке значительно улучшилось валютное положение Советского государства. В октябре 1934 г. правительство дало директиву наркоматам погасить оставшуюся задолженность по иностранным кредитам, согласно договорным срокам. Заказчикам импортных товаров прекращалась выдача сумм за счет иностранных кредитов. К концу пятилетки завершилось законодательное оформление валютной монополии. Госбанку было предоставлено исключительное право совершения всех сделок с иностранной валютой и другими валютными ценностями.

Важнейшую роль в накоплении валюты играл экспорт. За 1933—1937 гг. СССР вывез на внешние рынки около 80 млн. тонн различных товаров, выручив от этого 4379 млн. руб. (по курсу рубля соответствующих лет). По физическому объему экспорт превышал импорт почти в 13 раз, а по стоимости — на 858 млн. руб.[1] Высокие темпы индустриализации СССР нашли свое отражение в изменениях структуры вывоза. Во-первых, до 73,3% (1935 г.) поднялся удельный вес промышленности во всем экспорте. Это результат реализации директив ЦК ВКП(б) о расширении новых статей экспорта. Во-вторых, доля предметов потребления в вывозе снизилась с 29% в 1932 г. до 18% в конце второй пятилетки. В-третьих, соотношение (по стоимости) экспорта к валовой продукции народного хозяйства уменьшилось за этот период более чем в 3 раза, составив

[1] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 13.

в 1936 г. 0,8% (от валовой продукции)[1]. Чтобы уменьшить валютные потери, СНК СССР настойчиво добивался повышения качества экспортных товаров. Углублялась специализация их производства, внедрялась стандартизация, усиливалась инспекция по качеству на предприятиях, в портах и на пограничных станциях железных дорог. Во всей этой сложной работе участвовали общественность, партийные и комсомольские организации.

В связи с решением валютной проблемы и погашением иностранного долга значительно ослабло воздействие антисоветской деятельности империалистических и эмигрантских объединений, а также ограничительных акций зарубежных правительств против нашего экспорта. Кроме торговых и финансовых интересов Советское правительство все больше учитывало политическую ориентацию торговых партнеров.

Строго охраняя интересы своей экспортной торговли, правительство выступало против мероприятий капиталистических стран, ограничивавших ввоз советских товаров. Из-за установления эмбарго на ввоз наших товаров в апреле 1933 г. была прекращена торговля с Англией. Лишь в апреле 1936 г. были отменены ограничения торговли с Канадой, установленные по той же причине. Ограничивался экспорт в страны, не обеспечивавшие условия для свободного использования выручки за экспортные товары. К середине 30-х годов Советский Союз уже обладал такой экономической мощью, которая позволяла ему отвергать соглашения и предложения, имевшие какие-нибудь дискриминационные условия. Заинтересованность капиталистов в торговле с СССР явилась решающим фактором недолговечности ограничений ввоза наших товаров в некоторые страны. Жизнь подтверждала ленинский вывод о могучей силе объективных законов международной экономической жизни. СССР участвовал в международных выставках и ярмарках, проводившихся в Милане, Париже, Марселе, Лейпциге, Измире, Лионе,— всего в 31 ярмарке и выставке (1933—1941 гг.)[2]. Советская делегация приняла участие в Международной конференции по хлопку (Вашингтон, 1939 г.).

---

[1] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 17; «Внешняя торговля СССР за 20 лет. 1918—1937», стр. 15.

[2] См. «Участие Советского Союза в международных ярмарках и выставках», стр. 11, 12, 19.

В деле нормализации финансово-расчетных операций и ликвидации внешней задолженности, в активизации платежного баланса Советского государства с капиталистическими банками и фирмами огромную роль сыграло увеличение добычи золота.

Острая конкуренция на международном товарном рынке сопровождалась в капиталистпческом мире обостренной борьбой за золото. К 1938 г. мировые запасы золота 15 европейских стран возросли (по сравнению с 1913 г.) в 3раза, а золотые запасы США — в 6 раз. США, Англия и Франция сосредоточили у себя 77% мирового запаса монетарного золота (без СССР), в том числе США — почти 57% (16 856 тонн)[1]. Необычайная концентрация золотых запасов создавала дополнительные трудности в развитии международного товарооборота, приводила к омертвлению огромных ценностей, истощала золотые запасы у торговых партнеров. Для СССР она уменьшала возможности использовать выгоды конкуренции между капиталистическими странами.

Золото для СССР играло роль важного резерва для международных расчетов; его продажа являлась постоянной статьей платежного и расчетного баланса. Расширявшийся объем внешней торговли, необходимость дальнейшего укрепления советской валюты, интересы достижения полной экономической независимости и упрочения обороны страны — все это требовало дальнейшего подъема золотодобывающей промышленности. Во вторую пятилетку эта отрасль вступила значительно окрепшей. В предыдущие годы была проделана большая работа по механизации и улучшению методов добычи и обработки руды и песков; увеличивались ассигнования, привлекались советские и зарубежные специалисты. В начале первой пятилетки золотопромышленность не имела фабрик с законченным циклом обработки; в 1933 г. они дали 27% рудного золота. Наряду с увеличением добычи рудного золота заметно возросла добыча россыпного золота. Дражная добыча увеличилась в 1,5 раза, гидравлическая — на 27,2%, старательская— на 51%[2]. Механизация бурения, подъема, водоотлива и откатки, применение новых систем горных

---

[1] См. «Плановое хозяйство», 1940, № 6, стр. 78—79, 80.

[2] См. *И. Опарин.* Советская золотопромышленность на подъеме. «Плановое хозяйство», 1935, № 6, стр. 46.

работ позволили увеличить добычу руды и песков, а выход золота поднять в 1933 г. почти на 80%[1].

Во второй пятилетке в золотопромышленности осуществлялась дальнейшая техническая реконструкция, форсировались разведочные работы, вводился в строй ряд крупных предприятий, драг, гидравлик, экскаваторов и т. д. В результате широкой механизации работ около 70% добываемого золота получалось механическим способом. Наращивали свои мощности энергетическая и машиностроительная база золотопромышленности. Большое внимание уделялось старательской добыче, ее механизации. За первые два года пятилетки общая добыча золота почти удвоилась, а по фабрикам с законченным циклом обработки выход его возрос в 2,5 раза[2]. В большинстве районов золотодобычи заметно улучшились культурно-бытовые условия. Только в 1935 г. здесь имелось 468 школ, 470 детсадов и яслей, 386 больниц, амбулаторий и медпунктов.

В результате технической реконструкции и нового строительства, укрепления парторганизаций, массового привлечения приискового населения к добыче, настойчивого освоения новых методов и достижений иностранной техники золотопромышленность СССР превратилась в передовую отрасль народного хозяйства. Активная разъяснительная работа и большие льготы привлекли в ряды старателей значительную часть населения. В свободное время старанием занимались рабочие, инженерно-технические работники, служащие, члены их семей. 20 декабря 1936 г. золотоплатиновая промышленность досрочно выполнила задания второй пятилетки. Предприятия Главзолота в этом году обеспечили прирост валовой продукции на 26%[3].

Однако в 1938—1939 гг. положение в золотой промышленности ухудшилось. Планы добычи золота не выполнялись. Основной причиной этого явилось поспешное кооперирование старателей и ориентация исключительно на государственную добычу. Сказалось также некоторое ухудшение материально-технического снабжения этой отрасли, отставание горнопроходческих работ, распыленность средств и частая сменяемость руководящих работников.

---

[1] См. *И. Опарин.* Советская золотопромышленность па подъеме. «Плановое хозяйство», 1935, № 6, стр. 45.

[2] См. «Партийное строительство», 1934, № 9, стр. 47, 50.

[3] См. «Правда», 22 декабря 1936 г.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР при активной поддержке местных партийных и советских органов энергично исправили извращения директив о золотодобыче. Была осуждена практика НКТП огульного перевода старателей на государственную форму добычи; указано на отставание геологоразведочных работ от программ добычи золота. Были обновлены расценки на сдаваемое старателями золото; восстанавливались для них многие льготы; отпускались средства на жилищное строительство. Организовывать старательские артели рекомендовалось на основе принципа добровольности. Запрещался перевод артелей в государственные предприятия без необходимых условий. Партийные, советские и профсоюзные организации должны были всемерно содействовать привлечению к золотодобыче приискового и околоприискового населения. Были приняты меры по усилению технического и продовольственного снабжения золотоплатиновой промышленности. Принятые меры сыграли свою роль в улучшении золотодобычи. В 1940 г. впервые за третью пятилетку годовой план добычи золота был перевыполнен.

Наряду с добычей золота улучшению валютного положения СССР содействовала деятельность объединения «Торгсин». За пять лет своего существования «Торгсин» через розничную сеть, состоявшую из 258 точек, передал в Госбанк иностранную валюту и золото на сумму свыше 270 млн. золотых рублей. В середине 30-х годов в системе «Торгсина» работало около 20 тыс. человек. С 1 февраля 1936 г. это объединение, исчерпавшее свои возможности, было ликвидировано[1].

Менее значительным источником поступления валюты оставался иностранный туризм. В 1938 г. объединение «Интурист» имело 13 агентств за границей и 15 агентств внутри СССР. Их доходы за все прошлые годы (до 1 января 1939 г.) составили лишь 5 млн. руб. В 1938—1939 гг. СССР посетило 1546 иностранных туристов[2]. Рост международного авторитета Союза ССР, успехи нашего народа в области экономики и культуры содействовали развитию туристских связей. Многие крупные туристские фирмы,

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 32, ед. хр. 126, л. 179—181; СЗ, 1935, № 58, ст. 476.

[2] ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 16, ед. хр. 7336, л. 79, 126; оп. 17, ед. хр. 1132, л. 74. 78.

прежде игнорировавшие «Интурист», вступали в деловые отношения с ним. К концу 30-х годов иностранный туризм значительно расширился, хотя далеко отставал по объему валютных поступлений от таких стран, как Франция, Италия, США, Англия и др.

Кредитная блокада прежде вынуждала Советское правительство пользоваться фирменными гарантийными дорогостоящими кредитами. В 1933—1935 гг. оно резко сократило использование иностранных кредитов и начало быстро погашать кредитную задолженность. В первую очередь были погашены самые невыгодные — по экономическим и политическим причинам — фирменные гарантийные кредиты. С конца 1934 г. многие операции по импорту и экспорту совершались за наличный расчет. В следующем году Советское государство имело активный платежный баланс. Он был достигнут за счет превышения выручки от экспорта над импортными расходами и за счет вывоза золота.

Важной победой партии и государства явилось погашение в короткий срок внешней задолженности. К концу 1935 г. она составляла небольшую сумму — около 100 млн. руб. В короткий срок иностранные фирменные и банковские краткосрочные кредиты были погашены почти полностью.

При ликвидации внешней задолженности капиталистические государства, как правило, прибегают к новым внешним займам, совершают спекулятивные комбинации, усиливают эксплуатацию трудящихся «своих» и зависимых стран. Советское государство в аналогичной ситуации не прибегало к подобным мерам. Преимущества социалистической системы народного хозяйства и в первую очередь монополия внешней торговли, многосторонняя деятельность Коммунистической партии обеспечили решение этой проблемы. В процессе ликвидации внешней задолженности уменьшались золотые запасы СССР.

Отклоняя невыгодные кредиты, Советское правительство с 1935 г. активизировало кредитные отношения с капиталистическими странами. Заинтересованные иностранные банки и фирмы выдвигали СССР ряд предложений о долгосрочных кредитах. В 1935—1940 гг. были заключены соглашения о долгосрочных кредитах на новых условиях с Германией, Чехословакией, Англией, Швецией. Правда, в этих договорах оставались еще элементы товарных креди-

тов, а процент превышал среднемировой, но и это явилось большим шагом вперед в деле нормализации финансово-экономических отношений СССР с капиталистическими странами. Заметно улучшились эти отношения с Францией и США. Правительство Франции впервые официально признало монополию внешней торговли Советского государства, согласилось на долгосрочное кредитование, не затрагивая «долговой проблемы». Было заключено также первое в истории американо-советских экономических отношений торговое соглашение с США. В 1937 г. американское правительство предоставило СССР права наиболее благоприятствуемой нации. Все это укрепляло позиции Советского Союза не только на внешнем рынке, но и вообще на международной арене.

Несмотря на скрытую и открытую торгово-финансовую блокаду, многолетние попытки империалистов поставить нашу экономику в зависимое положение от иностранных фирм и банков, Советское государство собственными силами построило материально-техническую базу социализма и обеспечило свою экономическую независимость. Советская валютно-кредитная система еще раз убедительно доказала свое превосходство над капиталистической, выдержала испытание временем. Она показала себя надежной и маневренной, чему во многом способствовало планирование и оперативное руководство ею со стороны ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Советский Союз по-прежнему оставался единственным в мире платежеспособным государством, располагавшим достаточными валютными и золотыми резервами, что позволяло ему своевременно вести расчеты с другими странами и избегать замораживания иностранных кредитов. Наличие монополии внешней торговли и валютной монополии давало возможность охранять интересы советского народа на мировом рынке.

Важнейшей особенностью внешней торговли во второй и третьей пятилетках являлись большие достижения в области фрахта. На долю морского транспорта приходилось 90% всех экспортно-импортных грузов. Раньше на эти цели расходовались немалые суммы валюты. XVII съезд ВКП(б) указывал на необходимость значительного повышения материально-технической базы всех видов транспорта, повышения производительности труда в водном транспорте. В марте —мае 1934 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР трижды обсуждали работу органов водного транспорта. Морфлот,

Совторгфлот и Центральное управление портов были объединены в Центральное управление морского флота (Цуморфлот), оставшееся в системе Наркомата водного транспорта. В составе наркомата было организовано политическое управление, а в крупных пароходствах — политотделы; в остальных оставались парторги [1]. Год спустя Центральный Комитет ВКП(б) провел совещание с руководящими работниками водного транспорта, на котором резкой критике была подвергнута деятельность политотделов и намечены меры по усилению политико-воспитательной работы среди моряков и речников[2].

На базе роста отечественного судостроения и частично за счет импорта (в 1933—1940 гг. закуплено за границей 850 судов и 714 судовых дизелей) [3], торговый флот СССР наращивал грузоподъемность и повышал свою специализацию. Росло число дизельных и специальных судов — танкеров, лесовозов, рефрижераторов, сухогрузных судов и т. д. За первую и вторую пятилетки мощность морского торгового флота возросла в 3, 5 раза. За вторую пятилетку его перевозки поднялись с 14,8 до 30,8 млн. тонн, т. е. вдвое . Отечественный флот обеспечивал импортные перевозки на 82%, а экспортные—лишь на. 30,2%.[5]. По обслуживанию внешнеторгового грузооборота СССР достиг уровня ряда крупных европейских стран.

На 1 января 1940 г. морской флот СССР располагал 675 морскими, 664 портовыми и 360 техническими судами (всего 1699 судов грузоподъемностью свыше 1,5 млн. тонн) с личным составом 23 237 человек. За 1933—1939 гг. морской флот перевез 26,7 млн. тонн импортно-экспортных грузов. Наибольший объем перевозок был в 1935—1937 гг.—, более 5 млн. тонн в год[6]. Произошла передвижка грузопотоков с Запада на Восток. Сильно возросла деятельность Владивостокского порта. Одновременно Советское правительство стремилось широко использовать иностранные суда. Правительство требовало от работников торгового флота соблюдения государственной политики. При этом об-

[1] См. СЗ, 1934, № 15, ст. 103 и 104; № 25, ст. 198; «Справочник партийного работника», вып. 9, 1935, стр. 157.

[2] См. «Партийное строительство», 1935, № 15, стр. 40.

[3] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 334, 341, 368, 375, 402, 405.

См. «Внешняя торговля», 1937, № 9-10, стр. 17—18.

[5] См. «Внешняя торговля», 1938, № 4-5, стр. 82.

[6] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 37, ед. хр. 830, л. 5, 6, 362.

ращалось внимание прежде всего на планирование внешних перевозок, экономию валюты, учет интересов и специфики внешнеторговой работы, четкую деятельность портов и судовых команд и т. п.

Комиссия советского контроля и местные партийные органы принимали меры по недопущению валютных расходов — штрафов за сверхсрочные простои иностранных судов в советских портах. С этой целью в мае — июне 1940 г. проверялась работа Ленинградского торгового порта. Проверка показала, что из-за нехватки грузчиков, механизмов и железнодорожных вагонов иностранные суда долго простаивали.

Общими усилиями работников морского флота и местных органов в 30-х годах укреплялась социалистическая фрахтовая монополия. Объединение «Совфрахт» накопило опыт в оперативном и коммерчески эффективном осуществлении экспортно-импортных перевозок. Его работники отвели попытки английских и других иностранных судовладельцев установить дискриминационные ставки специально для советского экспорта.

Существенный вклад в укрепление позиций СССР в области страхования советских экспортных и импортных товаров внесло черноморско-балтийское страховое общество «Блэк Си». Акционерами этого общества были советские организации и отдельные лица. Кроме выполнения своих основных задач по страхованию это общество содействовало высвобождению судов, захваченных фашистами («Ленсовет», «Макс Гельц», «Катаяма», «Цюрупа») в период войны в Испании.

На экономические отношения СССР с капиталистическими странами существенное влияние оказала вторая мировая война. Она нарушила торговые коммуникации, разорвала традиционные торговые связи, разрушила многие мировые рынки, усилила автаркистские тенденции в ряде крупных капиталистических стран. «Война,— отмечалось в отчетном докладе ЦК XVIII съезду партии,—создала новую обстановку в отношениях между странами. Она внесла в эти отношения атмосферу тревоги и неуверенности» [1].

Как только началась вторая мировая война, правительства ряда стран ввели многочисленные ограничения по

[1] «XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 14.

торговле стратегическими товарами. Цветные и редкие металлы, каучук, хлопок, хлеб, шерсть, кожа стали предметами ожесточенной борьбы и спекуляции на международных рынках. Возникли и активно заработали международные картели по каучуку, олову и другим стратегическим товарам.

В капиталистическом мире усилилась борьба за источники сырья, за овладение международными торговыми коммуникациями. Открытая ставка на автаркию и участие в экономической блокаде противника стали официальной политикой многих империалистических держав. Нарушение соглашений и обязательств, норм международного права стало правилом для империалистических держав и их сателлитов.

Советское правительство внимательно следило за происходящими изменениями в международной политической и экономической жизни. Оно сделало соответствующие выводы из фактов обострения политической и экономической борьбы империалистических держав, их новой позиции в отношении к СССР. Политика изоляции, которую стали снова проводить западные государства в отношении нашей страны, привела к резкому сокращению торговли с ними. США установили «моральные эмбарго» на экспорт многих товаров в СССР. В августе 1939 г. Советское правительство вынуждено было заключить с Германией договор о ненападении и торгово-кредитное соглашение. Сразу же осложнились экономические отношения СССР с Англией. Английские военные суда захватывали советские пароходы, фирмы отказывались выполнять наши заказы на промышленное оборудование или отправлять в СССР уже изготовленную технику. Во Франции был наложен арест на денежные суммы советского торгпредства. В связи с подобными враждебными акциями Советское правительство предоставило Наркомвнешторгу право ограничивать или запрещать экспорт в страны, где законодательство, оперативные распоряжения, судебная практика или валютные ограничения создавали неблагоприятные условия для торговли [1].

Для более оперативного использования конъюнктуры внешних рынков было отменено составление импортных и экспортных планов. Это повлекло за собой изменения в

---

[1] См. СП, 1939, № 50, ст. 403.

практике кредитования. Наше правительство осуществляло строжайший контроль за расчетами с фирмами, бдительно охраняло интересы страны на мировых рынках. Обстановка вынуждала вновь прибегать к срочным импортным заказам и дополнительным валютным расходам. После резкого сокращения в 1939 г. торговли СССР с капиталистическими странами в следующем году внешние экономические связи вновь активизировались. Жизнь требовала, чтобы в первую очередь на внешних рынках размещались заказы, имевшие оборонное значение. Наркомвнешторг СССР увеличил закупки оборудования в США, Германии, Швейцарии, Швеции. Были заключены торговые и экономические соглашения с Болгарией, Югославией, Словакией, Финляндией, Данией. Важное значение имела сделка советского торгпредства с министерством снабжения Англии об обмене лесоматериалов на каучук и олово (октябрь 1939 г.). На 1 января 1941 г. общая сумма заказов СССР за рубежом достигла 3,4 млрд. руб. Значительную часть оборудования (металлорежущие и буровые станки, электротехника) СССР вполне мог изготовить на собственных заводах, но обстановка требовала этих срочных заказов. В 1940 г. было закуплено 9274 металлорежущих станка. Доля заказов для оборонной промышленности составила небольшой процент всего импорта. Используя монополию внешней торговли, Советское правительство сумело в условиях начавшейся второй мировой войны импортировать немалое количество весьма ценного оборудования и сырья для промышленности.

Особенностью советской внешней торговли в 1939 — 1940 гг. явилось ее дальнейшее расширение с восточными странами, прежде всего с Монгольской Народной Республикой. За эти годы экспорт СССР в МНР составил 193 млн. руб., а импорт — 101,7 млн. руб. (по курсу рубля соответствующих лет)[1]. В марте 1940 г. был заключен договор между СССР и Ираном о торговле и мореплавании, согласно которому предусматривалось применение режима наибольшего благоприятствования[2], что было особенно важным после резкого падения советско-иранской торговли в предыдущем году. Под влиянием империалистических держав сократили торговые связи с Советским Союзом Турция и Афганистан. Из-за усиления Японией морской

[1] См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», стр. 32.
[2] См. «Известия», 27 марта, 6 апреля 1940 г.

блокады китайского побережья сократился вывоз из Китая вольфрамовой руды, сурьмы, олова. Однако сотрудничество с восточными странами для СССР продолжало играть немаловажную роль в снабжении шерстью, кожевенными и другими видами сырья, на отдельные виды которого в целях стимулирования торговли были повышены цены.

Итак, благодаря победе социализма Советское государство добилось исторических завоеваний в области внешней торговли. Его политика определялась экономическими и политическими интересами, задачами обеспечения полной независимости от капиталистических держав. Осуществляя эту политику, правительство активно и гибко, твердо и последовательно проводило ленинский курс, учитывало действие двух тенденций капиталистического мира в отношении к СССР: одной — за развитие делового сотрудничества, другой — за срыв торговых связей с нашей страной. Оно разоблачало агрессивные замыслы империалистов, использовало противоречия между ними, заинтересовывало фирмы, действительно стремившиеся торговать с нами. Используя внешнюю торговлю в интересах строительства материально-технической базы социализма, Советское государство стремилось к тому, чтобы расширение ее кредитно-финансовых отношений не поставило бы социалистическое народное хозяйство в опасную зависимость от капиталистических рынков.

2. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНЦЕССИЙ И ИНОСТРАННЫХ ФИРМ В СССР

Советское правительство продолжало использовать иностранную техническую помощь, однако ее объем по сравнению с первой пятилеткой сильно сократился. ЦК ВКП (б) не раз обсуждал вопросы о привлечении иностранной технической консультации в химическую и лесную промышленность, в судостроение и дорожное строительство. В 1935—1936 гг. расходы на эти цели по госбюджету планировались по 23 млн. руб. в год[1], т. е. почти вдвое меньше, чем в 1929/30 г. В 1933—1938 гг. договоры о технической консультации с иностранными фирмами имели:

[1] См. «Внешняя торговля», 1938, № 1, стр. 19.

объединение «Главмедь» со шведской «Индустри-методер», фабрика «Клинволокно» со швейцарской «А.-Маурер», завод «Запорожсталь» с американской «Юнайтед-инжиниринг энд Фаудри компани». Велись переговоры «Главхимом» с американской фирмой «Кемико» о консультации в организации производства олеума. В 1936 г. в США выезжали бригады специалистов для изучения проблем развития станкостроения, металлургии, телевидения. Продолжалось, хотя и с меньшим эффектом, техническое сотрудничество с английскими и французскими фирмами.

В связи с обострением международной обстановки техническое сотрудничество с иностранными фирмами становилось малоэффективным. Первыми стали уклоняться от сотрудничества после прихода к власти фашистов германские фирмы. В начале 30-х годов известный концерн «ИГ Фарбениндустри» предлагал нам техническое содействие в организации производства пластмасс, но в 1935 г. категорически отказался от этого. Под давлением фашистских кругов концерн отказался и от сотрудничества с советскими органами в выпуске красителей. Уклонилась от технического содействия советской анилинокрасочной промышленности итальянская фирма «Мантикини». Плохо выполняла договор о технической консультации заводам в освоении новых типов двигателей немецкая фирма «Зульцер».

Советские специалисты, выезжавшие за границу по торговым или техническим вопросам, подвергались слежке, незаконным обыскам и даже арестам. Об этих условиях в Германии вспоминает В. С. Емельянов: «...власти чинили всевозможные препятствия для нашей работы, а штурмовики то и дело провоцировали различные конфликты» [1].

Иностранная техническая консультация в годы второй и третьей пятилеток значительно изменилась не только по масштабам, но и по объектам и форме сотрудничества. Лишь на отдельных заводах Москвы, Куйбышева, Пензы и других городов продолжали работать иностранные консультанты. Преобладающим способом изучения и использования иностранного опыта были выезды за границу советских специалистов. Перед выезжавшими за границу ставились задачи не общего ознакомления с производством, а

---

[1] *В. С. Емельянов.* О времени, о товарищах, о себе. М., 1968, стр. 175—180.

конкретного изучения конкретной производственно-технической проблемы. Всего за 1929—1939 гг. только Наркомтяжпром СССР посылал на фирменные предприятия около 150 специалистов, в том числе 71—в США, 29—в Германию, 25— в Англию. Согласно отчету правления Амторга, за декабрь 1937 г. — март 1939 г. в США побывало 485 советских представителей почти всех основных промышленных наркоматов.

Большую ценность представляла техническая информация, поступавшая из-за границы от торгпредств, приемщиков, а также информация, содержавшаяся в иностранной технической литературе. В 1940 г. например, «Станкоимпорт» собрал 85 отчетов приемщиков, часть из которых была размножена и распространена внутри страны. 70 карт точностей на станки различных типоразмеров использовал Комитет стандартов при СНК СССР для выработки отечественных стандартов. Информационно-библиотечная группа объединения запрашивала каталоги у 1174 фирм; а советским заводам, научно-исследовательским институтам она разослала в 1940 г. 63 тыс. каталогов. За тот же год техническая библиотека «Машиноимпорта» разослала по стране 11 290 каталогов по зарубежной технической литературе. Сбор технической информации расширялся.

В 1933—1940 гг. производственно-технический авторитет СССР настолько возрос, что к Советскому правительству все чаще стали поступать запросы из-за границы на постройку или оказание технической помощи в сооружении промышленных и коммунальных объектов. На XVII съезде ВКП(б) указывалось, что к январю 1934 г. поступило уже несколько десятков таких предложений из Франции, Турции, Ирана, Греции и других стран. Этот список непрерывно увеличивался. В 1935 г. Наркомтяжпромом СССР были отобраны 50 важных объектов на предмет оказания техпомощи. Предпочтение отдавалось восточным странам.

В стране продолжался процесс ликвидации иностранных концессий. В 1933—1935 гг. было ликвидировано семь концессий. На 20 декабря 1938 г. их осталось всего лишь десять: японские, «Кито Карафуто Секию Кабусики Кайся» (разведка и добыча нефти на Восточном Сахалине), «Ничиро Гиого Кабусики Кайся» (ловля и перера-

---

[1] См. *П. Хромов.* Некоторые закономерности развития промышленности СССР, стр. 94.

ботка рыбы у берегов Восточной Камчатки), датское «Большое Северное телеграфное общество», «Союз германских рыбопромышленников в Бремене» (из-за невыплаты взносов концессионеры к ловле рыбы у Северного побережья СССР не допускались), «Аалезунский союз судоходства» (морской зверобойный промысел), «Гр. Вейлер» (на право постройки дома на ул. Горького в Москве), «Акциоболагет» (воздушная линия Швеция — Москва) и др. Действующих концессий к 1939 г. оставалось лишь шесть. Крупной была японская концессия «Ничиро Гиого Кабусики Кайся».

В связи с уменьшением числа концессий Главный концессионный комитет при СНК СССР был упразднен (декабрь 1937 г.). Контроль за деятельностью оставшихся концессий осуществлял Наркомвнешторг, где сохранялся Концессионный отдел. Роль концессий в развитии производительных сил нашей страны из года в год уменьшалась, а в третьей пятилетке она свелась почти к нулю.

Советское правительство лояльно относилось к оставшимся иностранным концессиям. Разумеется, плодотворная и взаимовыгодная их деятельность возможна была при условии строгого соблюдения соглашений. СССР решительно отверг меморандум японского правительства (апрель 1939 г.), в котором последнее пыталось взять под защиту незаконные действия японских концессионеров. Проверка показала, что они систематически нарушали советские законы о разведке и эксплуатации недр, правила техники безопасности и инструкции по противопожарной охране. Правительство СССР напоминало японскому правительству о грубом нарушении соглашения о продаже КВЖД.

Напоминалось также вероломство японской фирмы «Мацун Докиярд», которая получила от СССР заказ на постройку трех пароходов и аванс в 1,6 млн. иен, затем отказалась от заказа и возвращения аванса. Советское правительство честно выполняло свои обязательства, но и требовало их соблюдений другой стороной. «Успешная деятельность японских концессий на Северном Сахалине,— указывалось в ответе НКИД СССР на японский меморандум,— вполне возможна при точном соблюдении ими концессионных договоров»[1].

[1] См. «Правда», 25 июля 1939 г.

В годы довоенных пятилеток Коммунистическая партия и Советское правительство осуществляли такую внешнеэкономическую политику, которая вытекала из коренных интересов социалистического строительства. Изменения в международной обстановке, превращение нашей страны в могучую независимую индустриальную державу, последовательное осуществление ленинских принципов в экономических отношениях с иностранными государствами явились основой победы этой политики и послужили надежной базой дальнейшего, более мощного экономического роста СССР.

Как активный и надежный партнер в деловых связях Советский Союз завоевал на международной арене заслуженный авторитет. Последовательные выступления его за взаимовыгодные и равноправные экономические отношения между странами с различным социально-политическим строем нашли широкое признание и поддержку у народов мира.

Глава шестая

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОБЕДЫ СССР

Социализм, неизбежность которого научно предсказали Маркс и Энгельс, план построения которого творчески разработал Ленин, впервые в истории человечества стал реальной действительностью в СССР. Сам факт существования Советского социалистического государства, осуществление новых принципов в международных отношениях, экономическая помощь слаборазвитым народам — все это вызывало уверенность, новые приливы энергии у зависимых народов в борьбе против империализма, за свободу. «Наша социалистическая республика Советов,— пророчески говорил Ленин,— будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами» [1]. В лице нашего государства угнетенные пароды обрели надежный оплот в борьбе за свою самостоятельность и полное освобождение.

Историческое значение экономической победы СССР заключалось в том, что был открыт принципиально новый путь самостоятельного развития страны. Поиски этого пути оказались чрезвычайно сложным делом. Они усугублялись экономической, технической и культурной отсталостью страны, а также ожесточенными атаками враждебных капиталистических стран. Партия оказалась на высоте задач, поставленных историей перед трудящимися нашей страны. Она подняла и мобилизовала весь советский народ па борьбу за претворение в жизнь ленинского плана строительства социализма. Непреходящее значение победы советского народа состоит в том, что на практике были

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 279.

доказаны реалистичность и научность ленинской теории о возможности победы социализма даже в такой, экономически не передовой, по преимуществу крестьянской стране, какой была Россия. Партия сумела обеспечить победу потому, что она разгромила правых и «левых» оппозиционеров, пытавшихся навязать капитулянтскую или авантюристическую политику, сбить страну с ленинского курса. Особое значение имел идейный и политический разгром троцкизма, сеявшего неверие в собственные силы народа, в безнадежность экономической борьбы против империализма.

Советское общество на практике доказало, что осуществление марксизма-ленинизма полностью отвечает коренным интересам трудящихся всех народов СССР, что успехи политической и экономической борьбы с международным империализмом возможны только на путях социализма, который обеспечивает подлинное национальное освобождение. Социализм позволяет коренным образом изменить цель общественного производства, осуществлять плановое развитие хозяйства, мобилизовать природные богатства, поставить на службу общества науку и технику. Новый строй прочно связал личные судьбы и интересы людей с судьбами и интересами Родины. Советский патриотизм превратил наших трудящихся в активных, действенных борцов за могущество и полную независимость СССР от капиталистических стран. Своим самоотверженным трудом они превратили в прошлом отсталую и зависимую матушку-Русь в могущественную мировую державу. Твердое проведение ленинского генерального курса, советский патриотизм и поддержка мирового пролетариата позволили нашему народу выстоять в тяжелой экономической борьбе против империализма. К концу 30-х годов перед миром предстала индустриально-колхозная держава, экономически независимая, полная энергии, устремленная вперед, к коммунизму. Это была всемирно-историческая победа советского народа и Коммунистической партии. Объединенные единой волей и политикой партии, сознательно идя на жертвы и ограничения своих жизненных потребностей, трудящиеся в короткий срок построили материально-техническую базу социализма, создав в промышленности и сельском хозяйстве надежные гарантии полной экономической независимости СССР. Эта работа проходила в сложном переплетении объективных за-

кономерностей и субъективных факторов, хозяйственных и политических проблем. Коммунистическая партия добивалась соответствия субъективной деятельности людей требованиям объективных закономерностей, соответствия целей реальным условиям каждого этапа; умелого использования внутренних и внешних факторов для достижения максимального эффекта. Советский опыт учит, что в процессе создания материально-технической базы социализма существуют объективные этапы и рубежи, которые нельзя игнорировать или перескакивать. Волюнтаризм недопустим при решении очередных хозяйственных задач, при преодолении трудностей и возникавших противоречивых тенденций. Управление сложными процессами в народном хозяйстве, связанными с внешними факторами, требовали особой внимательности и осторожности. Партия и правительство выработали принципы взаимодействия внутренней и внешней экономической политики, умело сочетали решение ближайших и перспективных задач в преодолении импортной зависимости страны.

Историческое значение экономической победы советского народа состояло в том, что она наглядно опровергает утверждения буржуазных политиков и ученых о том, что создать национальную экономику и обеспечить ее независимое развитие можно якобы только с помощью капиталов и техники империалистических держав. Как политические, так и экономические основы полной независимости СССР построил собственными силами. Вместе с тем наш опыт свидетельствует о необходимости широких взаимовыгодных экономических связей с капиталистическим миром. Он отвергает абсурдную политику хозяйственной автаркии. В течение длительного времени нашей стране приходилось противостоять политическому и экономическому натиску международного империализма. Однако Советское государство сумело сохранить выгодные торговые, финансовые и научно-технические связи с капиталистическим миром. Ни о каком иностранном контроле даже над частью советской экономики, ни тем более о сращивании ее с мировым капиталистическим хозяйством не было и не могло быть речи. Огромную роль в этом сыграла государственная монополия внешней торговли, монополия валютного и фрахтового дела, основные принципы которых были разработаны Лениным и нашли ныне международное признание.

В процессе социалистического строительства полностью раскрылось значение ленинского учения о диктатуре пролетариата, наглядно выявились содержание, внутренние и внешние задачи ее в переходный период. С помощью диктатуры рабочий класс подавил сопротивление эксплуататорских классов и ликвидировал их, уничтожил большое влияние иностранного капитала в экономике страны, обеспечил вовлечение широчайших масс трудящихся в строительство материально-технической базы социализма. Советское государство — государство диктатуры пролетариата — на деле проявило себя как надежный инструмент планового развития производства, научного размещения производительных сил, роста научно-технического прогресса, установления необходимых внешнеэкономических связей, поддержки мирового революционно-освободительного процесса.

Победа социализма в СССР еще выше подняла авторитет советского общества, нашей Коммунистической партии, усилила их влияние на сознание зарубежных трудящихся. Это влияние не ограничивалось морально-политическим воздействием. Практическое осуществление строительства социализма, поддержка революционных преобразований в других странах, практическая помощь национально-освободительному движению — важнейший вклад Советского государства в мировой освободительный процесс, в борьбу против империализма, за мир, демократию и независимость.

Влияние и авторитет СССР во многом определяются тем, что с рождением Советской власти впервые на мировой арене проводится в жизнь внешняя политика, отвечающая интересам не эксплуататоров, не монополий, а трудящихся. Стремление к миру, сотрудничеству между народами, осуждение несправедливых войн вытекают из самой гуманистической сущности социализма. Империалистической политике угнетения и закабаления народов, колониальной эксплуатации, насилия и грабительских войн теперь противостоит политика защиты свободы, равенства и независимости народов, отпора империалистическим агрессорам. При этом на пути агрессивных замыслов и акций империализма стоит не отсталая страна, а передовая в экономическом и военном отношении социалистическая держава, с политикой и мощью которой нельзя не считаться.

Впервые в истории социализм продемонстрировал высокую эффективность новых принципов организации экономики. По объему промышленного производства СССР вышел на второе место в мире. Среднегодовой прирост промышленной продукции за 1918—1929 гг. у нас составил 6,9%, в 1930—1940 гг.—16,5, в США соответственно — 3,1 и 1,2%[1] Ленинское предсказание о громадном ускорении развития производительных сил при социализме полностью подтвердилось. Социализм обеспечивал постоянное бескризисное развитие производства высокими темпами, завоевывая одну позицию за другой в экономическом соревновании с капитализмом. Эти успехи имели решающее значение для укрепления полной экономической независимости СССР, для упрочения его международного положения.

Советский опыт убедительно показал, что в условиях социализма большие и малые нации в короткий срок преодолевают свою былую отсталость, ликвидируют зависимое положение от иностранных монополий. В отличие от капитализма, где экономические отношения неизбежно ведут к неравенству и господству одних наций над другими, социализм устраняет исторически сложившиеся фактические различия между ними, делает народы равноправными, обеспечивает их дальнейший социально-экономический и научно-технический прогресс.

В условиях морально-политического единства нашего общества такие народы, как казахи, узбеки, туркмены, таджики, буряты, якуты и др., в короткий срок пришли к социализму, минуя стадию капитализма. В иной обстановке они надолго остались бы экономически отсталыми, несамостоятельными. Вхождение в СССР имело решающее значение в ликвидации зависимости от капиталистических держав и для народов Прибалтики. В рамках СССР эти республики стали независимыми от иностранного капитала. В процессе строительства материально-технической базы социализма расширялись хозяйственные связи между республиками, выравнивался уровень их экономического развития. Каждая из республик внесла существенный вклад в общенародную борьбу за укрепление могущества СССР. Ленинская национальная политика обеспечила каждому пароду активное участие в экономической жизни совет-

---

[1] См. «Народное хозяйство СССР в 1961 году», стр. 144.

ского общества с одновременным преодолением своей отсталости. Дружба советских народов выдержала суровые испытания, еще больше закалилась в общей борьбе за социализм.

Строительство материально-технической базы социализма и достижение полной экономической независимости СССР заняли около двух десятилетий. За это время в советском обществе произошли коренные социально-политические, экономические и производственно-технические преобразования. Жизнь подтвердила научность и дальновидность политики партии. Война показала, что советская экономика является более маневренной, мобилизованной и гибкой, чем специально подготовленная к войне экономика Германии, усиленная ресурсами захваченных стран. Индустриальная и минерально-сырьевая база СССР выдержала суровые испытания. Советский народ и его Вооруженные Силы, вынесшие на себе главную тяжесть второй мировой войны, отстояли свободу и независимость своей Родины, внесли решающий вклад в дело спасения всего человечества от фашистского порабощения.

В ходе войны Советское правительство использовало иностранную экономическую помощь. США и Англия поставляли СССР вооружение, сырье, продовольствие. Эти поставки не были показателем зависимости СССР. В них были заинтересованы союзники. Поставки ускорили разгром общего врага — гитлеровскую Германию. Часть полученной техники была возвращена, остальное оборудование и другие виды поставок оплачивались или отоваривались экспортом.

Мобилизуя материальные, финансовые и природные ресурсы страны, партия и правительство быстро восстановили народное хозяйство после войны. Экономические достижения довоенных пятилеток были умножены во много раз. Капитальные вложения СССР за 1946—1970 гг. составили 785,3 млрд. руб. (в сопоставимых ценах), или в 16 раз больше по сравнению с капиталовложениями за 1918—1940 гг. В послевоенные годы были построены и введены в эксплуатацию 19 460 крупных, десятки тысяч средних и мелких предприятий. Если за 12 лет довоенных пятилеток в строй вступало ежегодно в среднем 750 новых крупных предприятий, то за 22 послевоенных года — 848. О размерах введенных мощностей говорит такое сопоставление: прирост основных производственных фондов за 22 после-

военных года составил 593,9 млрд. руб., а за довоенные пятилетки он равнялся 37,9 млрд. руб.[1]

Огромные производственные мощности СССР позволили в 1970 г. произвести электроэнергии 740 млрд. киловатт-часов, нефти — 353 млн. тонн, газа — 200 млрд. *куб м*, стали — 116 млн. тонн, проката черных металлов — 92 млн. тонн, минеральных удобрений — 55 млн. тонн, тканей — 8,9 млрд. *кв. м*, кожаной обуви — 676 млн. пар[2]. Один только годовой прирост промышленной продукции в СССР равняется объему производства средней индустриально развитой страны. Советская экономика за день сейчас производит на 2 млрд. руб. общественного продукта, т. е. в 10 раз больше, чем в конце 30-х годов[3].

Ныне советский народ обладает огромным национальным богатством. Основные производственные фонды СССР составляют свыше 60% стоимости производственных фондов США. Причем темпы их роста опережают американские в 3 раза. В 1968 г. СССР производил по отношению к США 70% промышленной продукции, в том числе 88% стали, 127% цемента, 42% электроэнергии, 75% минеральных удобрений. По сравнению с дореволюционным временем эти показатели выросли в 6—10 раз .

Советский Союз в последние годы превзошел США по абсолютному приросту ряда важнейших видов продукции. Это качественно новое явление предопределяет нашу победу в экономическом соревновании двух систем. В настоящее время доля промышленной продукции СССР составляет почти $^1/_5$ общемировой, а вместе с другими социалистическими странами — около 40%. По объему производства электроэнергии, стали, минеральных удобрений, цементу СССР уже превысил объем их производства Англии, Франции и ФРГ, вместе взятых. СССР обгоняет США по выпуску паровозов, тепловозов и электровозов, тракторов и комбайнов, по производству цемента, шерстяных тканей, сахара, по добыче железной руды. Сокращаются разрывы производства СССР и США по стали, чугуну, минеральным удобрениям и металлорежущим станкам[5].

---

[1] См. «СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 120—121.

[2] См. «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 33.

[3] См. там же, стр. 38.

См. «СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 34, 38—39.

[6] См. там же, стр. 23, 70—73.

Советская экономика на всех этапах своего развития наглядно демонстрировала преимущества перед капиталистической экономикой. Именно эти преимущества позволили в исторически короткие сроки создать крупную, технически современную индустриальную базу, воспитать необходимые кадры, вовлечь в хозяйственный оборот колоссальные природные ресурсы. Уверенная поступь нашей экономики находит свое выражение, например, в быстроте наращивания производственного потенциала. На XXIV съезде КПСС приводились убедительные данные на 1970 г. Так, если США понадобилось для удвоения национального дохода 20 лет, Англии — свыше 30 лет, ФРГ — почти 15 лет, то СССР — 10 лет. Если США для удвоения производства промышленной продукции потребовалось 18 лет, Англии — 22 года, ФРГ — более чем 11 лет, то СССР — 8 с половиной лет. Если США смогли удвоить основные производственные фонды за 22 года, Англия — за 19 лет, ФРГ — за 10 лет, то СССР — за 8 лет[1]. Успехи советской экономики убедительно свидетельствуют о ее динамичности и огромных возможностях. Вместе с тем партия сознает, что на поприще экономического соревнования социализма и капитализма предстоит еще длительная и упорная борьба.

Теперь, когда общее развитие производительных сил Советского Союза достигло уровня наиболее развитых капиталистических стран, наступает новый этап экономического соревнования, центр тяжести перемещается уже па качественные стороны производства, появляется реальная возможность догнать, а затем и перегнать наиболее развитые страны капитализма в экономическом отношении, т. е. не только по производству на душу населения, но и по производительности труда, по эффективности общественного производства.

Принятые меры по укреплению минерально-сырьевой базы превратили СССР в одну из богатейших стран мира по природным ресурсам. Советский Союз обладает колоссальными природными ресурсами, занимая первое место в мире по разведанным запасам угля, железных и марганцевых руд, меди, свинца, никеля, бокситов, вольфрама, ртути, калийных солей, фосфатного сырья, по лесным и гидроэнергетическим ресурсам. СССР принадлежит 45% мировых разведанных запасов железных руд, 79% мар-

---

[1] См. «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 145.

ганцевых руд, четверть запасов угля и фосфатного сырья и т. д.[1] Показательно, что США до последнего времени продолжают удовлетворять свои потребности в олове, никеле, марганце, хроме, свинце, вольфраме, бумаге в значительной степени за счет импорта. США находятся в ощутимой зависимости от импорта железной руды, промышленных алмазов. Американская пресса отмечала, что если США лишить импортных алмазов, то они потеряют четверть своего промышленного потенциала[2].

В 1969/70 г. Англия удовлетворяла за счет ввоза из СССР 25% своих потребностей в пиломатериалах, 26% — в никеле, 13% — в железной руде и 45% — в льнотоварах[3].

Каких-нибудь 35—40 лет назад иностранным бизнесменам казался наивным и несбыточным лозунг советских рабочих: «Догнать и перегнать!» Они рассчитывали, что Страна Советов еще долгое время будет от них зависима в технике и сырье. Однако реальность наших достижений опрокинула эти расчеты. Ныне многие отрасли советской индустрии развиваются наравне, а нередко и опережают соответствующие отрасли промышленности самых передовых в технико-экономическом отношении капиталистических стран.

Дальнейшему техническому прогрессу всех отраслей народного хозяйства способствует создание и внедрение новых образцов машин, оборудования, аппаратов и приборов. Только за 20 лет научно-исследовательскими и проектно-конструкторскими организациями было создано 44 тыс. наименований новых образцов машин и оборудования и 14 тыс. наименований новых приборов. Ныне СССР экспортирует большое количество разнообразных машин и оборудования в 80 стран мира .

Выдающимся достижением советской индустрии, науки и техники явилось создание спутников Земли, космических кораблей и межпланетных станций, крупнейших ускорителей заряженных частиц, турбин, блюмингов, счетно-решающих машин, самолетов, уникальных металлоре-

---

[1] См. «Страна Советов за 50 лет», стр. 55.

[2] См. *А. Гудимов.* Алмазы без романтики. «Известия», 11 мая 1963 г.

[3] См. «Внешняя торговля», 1971, № 3, стр. 10.

См. «СССР и зарубежные страны после Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 48.

жущих станков, электросварочной аппаратуры, синтетических алмазов и материалов, новых видов синтетических каучуков и т. д. Сложные станки, турбины, генераторы, турбобуры, тракторы, грузовые автомобили с маркой «Сделано в СССР» успешно конкурируют на мировом рынке. Научно-техническими достижениями СССР пользуются многие индустриально развитые страны. США, например, приобрели лицензии на производство турбобуров, машин для непрерывной разливки стали, медицинской аппаратуры; Франции и Японии продано право на выпуск электроимпульсных копировальных станков и установок для непрерывной разливки стали. Во Франции создана специальная фирма по изготовлению электроимпульсных станков нашей конструкции. Италия и Бразилия пользуются советским способом производства строительного материала силикальцита. Многие зарубежные фирмы проявляют большой интерес к советским ультразвуковым и электроэрозийным станкам, снегоуборочным машинам и т. д. «Еще год или два назад,— писала лондонская «Файнэншл таймс»,— никто не ожидал столь мощного проникновения советской научно-технической мысли в западноевропейские страны. Сегодня, например, в своих торговых связях с Италией СССР предлагает для продажи самые разнообразные патенты, научные разработки и специальные изделия высокого научно-технического качества. Итальянские специалисты считают, что в области современной металлургии русские ушли далеко вперед от всего того, что только может предложить Западная Европа» [1]. Расширяется франко-советское сотрудничество в исследованиях космоса, в создании металлургического комплекса в Фос-Сюрмер (близ Марселя).

Немалые изменения произошли в сельском хозяйстве СССР. Валовая продукция его за 1940—1968 гг. увеличилась вдвое; производственные основные фонды возросли почти в 3 раза. На столько же поднялась производительность труда. Общий объем товарной продукции сельского хозяйства за годы Советской власти увеличился более чем в 4,5 раза[2]. Среднегодовой объем сельскохозяйственной продукции за восьмую пятилетку увеличился на 21%,

---

[1] См. «За рубежом», 1968, № 21, стр. 5.

[2] См. «СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 78, 91—92, 94.

зерна — на 29, хлопка — на 22, шерсти — на 10%[1]. На XXIV съезде КПСС отмечалось, что эти успехи важны потому, что в силу ряда причин сельское хозяйство было и пока еще остается сложной и трудной отраслью. Однако СССР почти догнал США по производству хлопка-волокна, опередил по выходу шерсти и молока.

В настоящее время СССР имеет внешнеторговые связи почти со всеми странами мира (более 100), причем с 82 из них отношения базируются на межправительственных соглашениях. В 80 странах СССР имеет торговые представительства (до войны их было лишь 25). Увеличилось до 49 число всесоюзных объединений, осуществляющих торговые сделки. За 1938—1969 гг. внешнеторговый оборот СССР возрос в 18 раз, а в 1970 г. он составил 22 088 млн. руб.[2] СССР превратился в крупного экспортера индустриальных товаров. Вместе с тем наша страна продолжает ввозить из-за границы немало промышленных изделий, что не является показателем импортной зависимости, как было в 20—30-х годах. Доля импорта в промышленном потреблении СССР в 1968 г. составляла: прокатного оборудования — 24,8%, металлорежущих станков — 4, хлопка-волокна — 8,5, бумаги — 7,3, экскаваторов — 2,8, дизелей — 2,1%[3]. 67% всего внешнеторгового оборота приходится на социалистические страны. За 1946—1970 гг. объем внешней торговли СССР увеличился с социалистическими странами в 17 раз. Усиление сотрудничества между социалистическими странами — важный фактор в развитии их национальной экономики и дальнейшего укрепления экономической самостоятельности.

В вопросах экономических отношений с развитыми капиталистическими странами СССР исходит из ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Торговый оборот с ними увеличился с 491 млн. руб. в 1946 г. до 4,3 млрд. в 1969 г., т. е. почти в 10 раз. Торговые связи, наряду с экономическими, преследуют цели укрепления международной безопасности, содействуют осуществлению внешней политики Советского правительства. СССР по-прежнему последова-

[1] Материалы XXIV съезда КПСС, стр. 34.

[2] См. «Внешняя торговля», 1970, № 4, стр. 7; № 6, стр. 4; «СССР в цифрах в 1970 году», стр. 43.

[3] См. «СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 138, 140.

См. там же; «Внешняя торговля», 1970, № 6, стр. 6.

тельно выступает против попыток дискриминации но любым мотивам, за равноправие и взаимную выгоду в международных экономических отношениях.

В последнее время активизировалось техническое сотрудничество советской промышленности с капиталистическими фирмами. Итальянский концерн «Фиат» оказывал техническое содействие в строительстве автомобильного завода в г. Тольятти; английские фирмы помогали СССР в сооружении Могилевского комбината синтетического волокна. У иностранных фирм большой интерес вызывает сооружение Камского автозавода. Оригинальной формой сотрудничества будет газопровод в Италию (через Чехословакию и Австрию), сооружаемый для поставок советского газа в Европу. Некоторые деловые круги заинтересовала программа экономического сотрудничества, выдвинутая XXIV съездом КПСС. При этом па историческом опыте и многочисленных примерах указывается выгодность и надежность торговых отношений с СССР. «Русские — лучшие партнеры в мире,—пишет обозреватель Конфедерации британской промышленности.— Если только они подписывают контракт, можно уже ни о чем больше не беспокоиться. Они не берутся за дело, если у них нет твердой уверенности в том, что они смогут заплатить за свой заказ. Новые проекты примечательны хотя бы своими масштабами»... «Сейчас там (т. е. в СССР) много бизнесменов. Японцы и европейцы стремятся захватить русский рынок. Мы останемся с носом, если не поспешим» — предупреждает А. Ниппе — президент «Уотеберн Фэррел».

Расширению внешней торговли, пропаганде наших успехов содействуют международные ярмарки и выставки. В 1972 г. исполнится 50 лет активного участия Советского государства в этой сфере международного сотрудничества. За 1946—1967 гг. СССР участвовал в 217 международных ярмарках и выставках, которые посетило 345,8 млн. человек.

Наша страна никогда не стремилась и не стремится к изоляции в области науки и техники. Правительство принимает меры по активизации покупки и продажи лицензий за границей. Для этой цели создан и действует специальный орган — «Лицензинторг». В целях расширения международного научно-технического обмена министерст-

[1] См. «За рубежом», 1971, № 15, стр. 19—20.

вам и ведомствам разрешено использовать 50% валютных поступлений от продажи лицензий [1]. Объем патентования советских изобретений за границей заметно растет. В 1965 г. в 49 стран было направлено 1800 изобретений, в следующем году — свыше 2200. Из-за рубежа в СССР в 1966 г. поступило более 5000 изобретений, вдвое больше, чем в предшествующем году. В 1967 г. Советский Союз располагал более 1700 изобретениями, запатентованными в США, Англии, ФРГ, Франции, Швеции, Японии. Двумя годами раньше Советский Союз присоединился к Парижской конвенции по охране промышленной собственности, что содействует активизации изобретательской деятельности. Торговая палата СССР имеет постоянные связи по патентным делам более чем с 700 зарубежными фирмами и организациями [2]. Международный авторитет СССР в научно-техническом прогрессе неоспорим.

Большую роль в экономике, прежде всего во внешнеэкономических связях, СССР продолжает играть морской транспорт. В довоенный период нашему государству приходилось широко использовать иностранный фрахт. Отечественный флот обеспечивал около 30% внешнеторговых перевозок. Ныне советский торговый флот занимает шестое место в мире. Внешнеторговые грузы отправляются из 50 портов СССР. Всего на советских судах в 1966 г. была перевезена половина экспортных и 72% импортных грузов. Почти все перевозки в развивающиеся страны и 92% в капиталистические совершаются советским флотом [3].

Возрастающее участие нашего флота во внешнеторговых перевозках повысило роль морского транспорта как источника поступления и экономии иностранной валюты, подняло авторитет СССР в разрешении проблем международного судоходства. Рост нашего торгового флота обеспечивается отечественным судостроением и поставками судов из социалистических стран. Благодаря возросшей мощи флота Советскому государству не опасны дискриминации и случаи отказа капиталистических компаний от перевозок советских грузов (на Кубу, во Вьетнам). Достижение фрахтовой независимости не исключает фрахта иностранного тоннажа и перевозку иностранных грузов.

[1] См. «Известия», 2 августа 1967 г.

[2] См. «Внешняя торговля», 1967, № 3, стр. 13.

[3] См. *Э. М. Крамаров.* Морской транспорт во внешнеэкономических связях Советского Союза. «Внешнеэкономические связи СССР за 50 лет. 1917—1967», стр. 161-163.

Успешное выполнение задач коммунистического строительства и дальнейшего повышения экономического могущества СССР требует от Коммунистической партии умения видеть, реально оценивать и умело использовать все возможности, устранять недостатки, находить пути преодоления возникающих трудностей. Активными поисками новых возможностей и путей дальнейшего экономического развития страны характеризуется деятельность Коммунистической партии в минувшие 10—15 лет. Новые рубежи подъема, более совершенные методы и принципы руководства народным хозяйством определил XXIV съезд КПСС.

Главная задача девятой пятилетки состоит в том, чтобы обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда. В Директивах по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг. XXIV съезд КПСС наметил увеличить национальный доход на 37—40%, ускорить темпы научно-технического прогресса, достичь роста производства промышленной продукции на 42—46%, совершенствовать конструкции машин и технологию, усилить экономию металлов и внедрение заменителей, расширить разведку минерально-сырьевых ресурсов, увеличить объем внешнеторгового оборота на 33—35% в первую очередь за счет развития торговли с социалистическими странами[1].

Осуществляя экономические преобразования, партия развивает те принципы, которые были проверены многолетней практикой социалистического строительства и доказали свою жизненность.

Она настойчиво борется за устранение недостатков в планировании и управлении экономикой, соблюдении государственной дисциплины, в материально-техническом снабжении народного хозяйства, в совершенствовании пропорций и структуры производства, в обновлении и улучшении качества продукции и т. д. В девятом пятилетнем плане намечено более полное разрешение этих проблем. Вновь обращается внимание на вопросы дальнейшего улучшения пропорционального развития народного хозяйства, совершенствования всего хозяйственного механизма,

---

[1] См. «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 240, 246, 295.

повышения качественных показателей производства, внедрение системы экономического стимулирования. Решению этих проблем, максимальному использованию преимуществ социалистического способа производства служит хозяйственная реформа.

Итоги экономического развития СССР за минувшие полвека убедительно свидетельствуют о преимуществах и жизнеспособности социализма. История отвела советскому народу сравнительно небольшой срок для ликвидации технико-экономической отсталости страны и превращения ее в могущественную державу современности. Необходимость ускоренных темпов ее экономического и технического развития, обеспечения максимальной независимости от капиталистических стран усиливалась временами обострением международной обстановки. Жизнь полностью подтвердила и подтверждает правильность экономической политики ленинской партии. Среди главных завоеваний социализма в СССР особое место занимает могучая тяжелая индустрия, выполнившая историческую миссию в борьбе за независимость нашей Родины и играющая авангардную роль в построении коммунизма.

Полвека назад Ленин говорил: «Пускай на Россию пали большие жертвы, чем на другие страны. Это неудивительно, когда нам в наследство осталась старая разруха. Другие страны приходят другим путем, более человеческим, приходят к тому же...»[1] Победа революций в ряде стран Европы и Азии, на Кубе, образование мировой социалистической системы явились новым историческим сдвигом в системе международных экономических и политических сил в пользу социализма, практическим подтверждением ленинского предвидения.

Образование мировой социалистической системы — крупнейшее историческое событие после победы Великого Октября. СССР вышел из капиталистического окружения. К концу 50-х годов в нашей стране было создано развитое социалистическое общество, новый строй победил полностью и окончательно, сложились экономические, политические и социальные условия для перехода к коммунизму. Советский Союз сыграл историческую роль в возникновении, утверждении и формировании социалистической экономики в других братских странах, в обеспечении их не-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 261—262.

зависимости от капиталистических государств. Экономика многих социалистических стран в прошлом была сильно зависима от иностранного капитала. Империалисты многое сделали, чтобы затормозить экономическое развитие стран, вступивших на путь строительства социализма. В первые послевоенные годы империалисты всячески пытались восстановить свои позиции в их экономике.

Сразу же после возникновения социалистического лагеря с целью затормозить техническое и экономическое развитие молодых стран народной демократии предпринимались попытки установить вокруг них торгово-финансовый бойкот. Государства — участники Североатлантического блока ввели в действие списки так называемых стратегических товаров, по которым запрещалось и запрещается продавать социалистическим странам машины, оборудование, металл и т. д. Как в 20—30-х годах империалисты пытались сохранить экономическую зависимость первой страны Советов, так и после второй мировой войны они прилагали немало усилий к тому, чтобы увековечить отсталость некоторых стран социализма. Империалисты рассчитывали, что экономической блокадой они добьются политических уступок. Если подобная политика оказалась несостоятельной в свое время в отношении одной, Советской страны, то она явилась абсурдной по отношению ко всему социалистическому лагерю. Попытки империалистических кругов экономически блокировать его и этим путем помешать сближению вошедших в него стран потерпели неудачу. Более того, политическое, экономическое и техническое, научное сотрудничество социалистических стран в этой борьбе окрепло, став важным фактором развития их народного хозяйства.

Проблемы обеспечения экономической независимости других социалистических стран решались и решаются в совершенно иной обстановке, чем приходилось это делать СССР, когда он был единственной социалистической страной во враждебном капиталистическом окружении. Нам пришлось создавать собственное производство всех, или почти всех, видов оборудования, машин, сырья, рассчитывать исключительно на свои средства и силы. Другие социалистические страны осуществляют новое промышленное строительство за счет собственных накоплений. Однако здесь играла и играет немалую роль техническая и экономическая взаимопомощь народов, содействие им со сто-

роны СССР. Строительство социализма в этих странах происходит в более благоприятных условиях: они с самого начала смогли опереться на социалистическое содружество, на Советский Союз. Верная своему интернациональному долгу, Советская страна оказала и оказывает широкую поддержку народам братских социалистических государств. В распоряжении коммунистических и рабочих партий находится богатый опыт построения социализма в СССР. Используя опыт СССР, взаимно поддерживая друг друга, социалистические страны быстро преодолели доставшуюся им в наследство экономическую и техническую зависимость от внешних капиталистических рынков. Достигалась эта цель не в одиночку, а общими усилиями. Большую роль в этом сыграл Советский Союз, который в тот трудный для молодых социалистических государств период своей экономической и технической мощью, как щитом, прикрыл их от посягательств мирового империализма.

Известно, что страны социалистического содружества находятся на различных ступенях технико-экономического и культурного развития. Подобные различия в условиях капитализма послужили бы основой подчинения менее развитых стран более сильными. Это совершенно исключается в отношениях между социалистическими странами. Те из них, кто получил в наследство от капитализма более отсталую экономику, имели возможность опереться на опыт и братскую поддержку других социалистических стран. Большим преимуществом при этом было то, что экономическая самостоятельность обеспечивалась общими силами. Советская индустриализация проводилась в сжатые сроки. Она вызывала высокое напряжение и дополнительные издержки в народном хозяйстве. Многим другим социалистическим странам не пришлось добиваться в годы реконструкции столь высоких темпов увеличения промышленного производства. Мобилизация средств населения у них играла меньшую роль, чем в СССР. Если Советский Союз строил промышленность в одиночку, то вновь индустриализующиеся социалистические страны пользовались его широкой поддержкой, опытом и техническими достижениями других, развитых в промышленном отношении социалистических стран. Братское сотрудничество открыло большие возможности для лучшего использования производственных ресурсов и сочетания интересов каждой страны с интересами всего социалистического содружества.

Страны, располагавшие небольшими ресурсами, опирались на тяжелую индустрию других стран, и прежде всего СССР. Большинство социалистических стран развивают те отрасли хозяйства, для роста которых имеются более благоприятные экономические и природные условия. Структура их народного хозяйства существенно отличается от структуры советского народного хозяйства. СССР, обладающий комплексной экономикой, активно участвует в международном социалистическом разделении труда. Это свидетельствует об интернациональном характере политики КПСС и братских коммунистических и рабочих партий большинства социалистических стран.

Экономическое и техническое сотрудничество СССР с социалистическими странами направлено в первую очередь на ускорение их экономического развития и, следовательно, на укрепление независимости и дальнейший социальный прогресс. На начало 1969 г. при советском техническом содействии в 13 социалистических странах построено, строится или подлежит строительству 1593 предприятия, сооружения и других объектов[1]. Продукция, выпускаемая предприятиями, которые построены при техническом содействии СССР, занимает большую долю в ряде отраслей социалистических стран. Так, в Болгарии такие предприятия выпускают 100% чугуна, стали, проката, 63% азотных удобрений; в Венгрии — 41% чугуна и 52% азотных удобрений; в Польше — 51% чугуна и 40% стали[2].

Огромную роль в координации экономического развития социалистических стран, укреплении научно-технических и производственных связей играет созданный в 1949 г. Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Он был образован в период, когда внутренняя и внешняя реакция активизировала свою деятельность, стремилась задержать социалистическое развитие в ряде стран, пытаясь если не вернуть на капиталистический путь, то хотя бы восстановить прежние экономически зависимые отношения с главными империалистическими державами. Первое десятилетие СЭВ направлял усилия главным образом на координацию связей социалистических стран в сфере обращения и развитии научно-технического сотрудничества.

---

[1] См. «СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 144.

[2] См. там же, стр. 143.

Во втором десятилетии сотрудничество социалистических стран поднялось на новую ступень — к осуществлению непосредственной планомерной специализации и кооперированию производства. В настоящее время созданы и работают новые международные организации по вопросам сотрудничества: Международный банк, Общий парк вагонов, нефтепровод «Дружба», Международная контора по изделиям металлургии («Интерметалл»), Бюро координации фрахта, Организация по сотрудничеству в производстве подшипников.

Начав с сотрудничества в области внешней торговли, обмена производственным и научно-техническим опытом, страны — члены СЭВ перешли к координации народнохозяйственных планов, к последовательному осуществлению международного социалистического разделения труда, специализации и кооперированию производства.

Необходимость тесного экономического сотрудничества диктуется, в частности, и тем, что у большинства социалистических стран нет сырьевой и топливно-энергетической базы и достаточно емких собственных рынков сбыта. Прежде, в довоенные годы, внешняя торговля стран, которые ныне являются членами СЭВ, на 90% была привязана к капиталистическому рынку, что ставило эти страны в зависимое положение. С возникновением мировой системы социализма экономические проблемы решаются при содействии равноправного, взаимовыгодного, планомерно осуществляемого сотрудничества братских стран. Основную роль при этом играет СССР, который поставляет им на взаимовыгодных условиях многие виды сырья и промышленной продукции. За счет импорта из СССР на 70%) и больше удовлетворяются потребности стран — членов СЭВ, Кубы, а также ДРВ и КНДР в ряде важных видов сырья и топлива. В свою очередь советское народное хозяйство получило только за восьмую пятилетку из стран — членов СЭВ оборудование для 54 химических заводов. Более 38% тоннажа морских судов, пополнивших флот СССР за этот же период, изготовлено и поставлено нам братскими странами. Кроме того, они участвуют своими капиталовложениями в развитии сырьевых и топливных отраслей советской экономики, в увеличении мощностей по выплавке металла, минеральных удобрений и целлюлозы[1]. Из братских

---

[1] См. «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 8.

стран поступают к нам многие товары широкого потребления.

Социалистическая система и международное разделение труда — мощные ускорители развития и интернационализации хозяйства каждой страны, которые побуждают планомерно распределять и координировать национальные усилия для достижения максимальной эффективности общественного труда и наиболее полного удовлетворения потребностей общества.

Новым шагом на пути дальнейшего укрепления экономического и политического единства социалистического содружества явились решения XXV сессии СЭВ. В соответствии с новыми задачами и возможностями сессия приняла Комплексную программу дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. Курс на расширение интеграции полностью соответствует принципиальным направлениям развития социалистических стран, вытекающим из решений съездов и пленумов ЦК коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в последнее время.

Экономическое сотрудничество социалистических стран — членов СЭВ имеет планомерный, долговременный и комплексный характер. Оно является проявлением международного социалистического разделения труда, сближения национальных экономик и формирования их эффективной структуры, постепенного выравнивания уровней экономического развития стран, формирования глубоких и устойчивых связей в основных отраслях экономики, науки и техники. Закономерным стал тот факт, что в основу этого сотрудничества положены принципы социалистического интернационализма, уважения государственного суверенитета, независимости и невмешательства во внутренние дела, полного равноправия и добровольности, взаимной выгоды и дружеской взаимопомощи. В отличие от капиталистической, социалистическая интеграция не осуществляется и не будет осуществляться в ущерб экономическим интересам какой-либо братской страны.

Новый этап экономической интеграции стран — членов СЭВ подготовлен более чем двадцатилетним опытом международных экономических связей принципиально нового типа.

Экономические отношения социалистических стран определяются общностью классовых интересов, едиными целями борьбы за коммунизм, против империализма. «Становление мировой социалистической системы,— отмечает ЦК КПСС в тезисах «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина»,— сложный и многогранный процесс, связанный с преодолением трудностей объективного и субъективного порядка... Опыт свидетельствует, что мелкобуржуазные элементы всюду, где им удается оказывать свое влияние, пытаются воспрепятствовать нормальному ходу социалистических преобразований, противопоставлять друг другу страны социализма, оживлять оппортунистические, ревизионистские, националистические взгляды, на которых играет империализм. Такая опасность возрастает там, где допускается отход от принципов марксизма-ленинизма»[1].

Экономическая борьба СССР и других социалистических стран с международным империализмом свидетельствует о том, что ревизия ленинских принципов социалистического строительства и внешнеэкономических отношений справа и «слева» серьезно вредит интересам и единству мирового социалистического содружества, угрожает подлинной независимости отдельных стран, помогает империалистам в экономической и идеологической борьбе против социализма. Сама жизнь требует более тесного экономического сотрудничества братских стран. На это направлены решения СЭВ, принимаемые меры по координации народнохозяйственных планов. Разумеется, нужны время, творческие поиски, чтобы найти эффективные методы хозяйственной работы в мировой системе социализма. Принцип пролетарского интернационализма всегда был и остается ведущим в политике КПСС. Исторический опыт показывает, что верность этому принципу, твердое и неуклонное проведение его в жизнь и совместная защита его от всех врагов и оппортунистов — необходимое условие победы социализма. Подчеркивая единство национальных и интернациональных задач коммунистов, В. И. Ленин писал: «.. кто встал на точку зрения национализма, тот, естественно, доходит до желания окружить китайской стеной свою национальность... того не смущает даже, что своей тактикой разъединения и раздробления ом *превращает в*

[1] «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС», стр. 35—36.

ничто великий завет сближения и единения пролетариев всех наций, всех рас, всех языков»[1].

В современной сложной обстановке учет национальных и интернациональных задач заключается в сочетании самостоятельности каждой братской партии с активной борьбой за единство и сплоченность всего коммунистического движения, всего социалистического содружества, в повышении ответственности каждой партии за судьбы социализма и коммунизма, за успехи антиимпериалистической борьбы. Развитие исторических событий, очевидные факты современности показывают, что успехи социализма и коммунизма умножают притягательную силу идей социализма, вдохновляют трудящихся всего мира в борьбе против империализма. Попытки разобщить социалистическое содружество, изолировать или противопоставить страны друг другу несостоятельны в теоретическом, реакционны в политическом и вредны в экономическом отношении. Использование экономических законов в мировой системе социализма не ведет к превращению ее в автаркистский, изолированный от остального мира блок. Будучи обеспеченными всем необходимым в экономическом отношении, социалистические страны стремятся к расширению торговли с капиталистическими государствами. Не по их вине эта торговля еще невелика. Курс на автаркию противоречит объективным законам развития нового общества, ведет к расточительству общественного труда. Хозяйственная самоизоляция разъединяет народы перед агрессивными силами империализма, создает почву для активизации националистических тенденций.

Социализм с каждым годом полнее раскрывает свои преимущества как высшая ступень экономического прогресса по сравнению с капитализмом. Ныне доля стран социализма в мировой промышленной продукции составляет около 38%. Промышленная продукция социалистического содружества достигла $^{2}/_{3}$ промышленной продукции развитых капиталистических стран. По сравнению с 1937 г. промышленное производство социалистических стран в 1968 г. увеличилось в 22 раза, а продукция капиталистических держав возросла лишь в 3,6 раза[2]. Произошли замет-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 325.

[2] См. «Страна Советов за 50 лет», стр. 47; «СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 62.

ные изменения в соотношении мировых экономических сил.

Социализм находится в историческом наступлении... Эта закономерность — воплощение в жизнь ленинского учения о революционном процессе, итог труда миллионов людей, создающих экономическую и политическую мощь мирового социализма. «Вклад мировой системы социализма в общее дело антиимпериалистических сил определяется прежде всего ее растущей экономической мощью,— указало международное Совещание коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г.— Быстрое развитие народного хозяйства стран социалистической системы, опережающее по своим темпам экономический рост капиталистических государств, выход социализма на передовые позиции по ряду направлений научно-технического прогресса, открытие Советским Союзом пути в космос — все эти реальные итоги созидательного труда народов социалистических стран в решающей степени содействуют перевесу сил мира, демократии и социализма над империализмом» [1].

Полвека назад В. И. Ленин говорил о «международном кооперативе трудящихся», мечтал о мировом социалистическом хозяйстве. Воплощением ленинской мечты стало содружество социалистических государств в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. Это мощный, динамично развивающийся экономический комплекс, располагающий высокоразвитой промышленностью, передовым сельским хозяйством, квалифицированными кадрами рабочих, инженеров и ученых, способных решать самые сложные задачи экономического и научно-технического прогресса. Ныне перед братским содружеством открываются новые перспективы, намеченные Комплексной программой дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. Комплексная программа свидетельствует об уверенности и решимости братских народов претворить в жизнь указания международного Совещания коммунистических и рабочих партий.

Жизнь еще раз подтверждает ленинское напоминание о необходимости укрепления обороны завоеваний социалистической революции. В сотрудничестве стран — участниц Варшавского Договора получили свое воплощение и

---

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы. Прага, 1969, стр. 21.

дальнейшее развитие ленинские идеи о содружестве и взаимопомощи братских народов, о консолидации их экономических и военных усилий для защиты революционных завоеваний. XXIV съезд КПСС поручил ЦК нашей партии и дальше развивать сотрудничество с коммунистическими и рабочими партиями социалистических государств, от которого в первую очередь зависит единство и сплоченность мировой системы социализма; всемерно расширять сотрудничество с ними в области международной политики, экономических отношений, в том числе — развития экономической интеграции; укреплять научные и культурные связи. «Коммунистическая партия Советского Союза,— заявил на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев,— считала и считает своим интернациональным долгом всемерно содействовать дальнейшему росту могущества мировой системы социализма... Мы хотим видеть каждую братскую страну процветающим государством, гармонически сочетающим быстрый экономический и научно-технический рост с расцветом социалистической культуры, с подъемом материального благосостояния трудящихся. Мы хотим, чтобы мировая система социализма была дружной семьей народов, вместе строящих и защищающих новое общество, взаимно обогащающих друг друга опытом и знаниями,— семьей сплоченной и крепкой, в которой люди земли видели бы прообраз будущего мирового сообщества свободных народов» [1].

Достигнув исторического этапа развитого социализма, советское общество обладает большими ресурсами для оказания помощи другим пародам, борющимся против империализма, за свободу и независимость. Исторический опыт учит, что борьба за полную национальную независимость — это трудное дело, включающее в себя защиту и развитие национальных секторов экономики, естественных богатств, которые используются или будут использоваться государством, средств связи и основных источников энергии, финансов, внешней торговли. Это борьба против экономических и политических уступок империализму, международным монополиям и против агрессивных пактов. В АРЕ, Алжире, Гвинее и других странах национализируются сродства производства и природные богатства, осуще-

---

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 14.

ствляется контроль над внешней торговлей и деятельностью иностранных компаний. Эти страны все более расширяют связи с социалистическим содружеством, активизируют и усиливают отпор империалистическим наскокам. Важнейшим событием в Латинской Америке явилась победа сил Народного единства в Чили, правительство которой осуществляет мероприятия по укреплению национальной экономики и высвобождению ее от североамериканской зависимости. Против кабалы монополий США борются Перу и Боливия. Сбывается предвидение В. И. Ленина о том, что борьба за национальную независимость народов неизбежно приводит к борьбе против самих основ эксплуататорского строя. Исход ее в значительной степени зависит от соревнования двух мировых систем — социализма и капитализма. Замечательным явлением в процессе этой борьбы становится усиление социалистических тенденций. Исторический пример СССР и других стран, суровая действительность, неравноправное положение на мировых капиталистических рынках, неэквивалентный обмен — все это вынуждает многих лидеров развивающихся государств, активных борцов против империализма и неоколониализма признавать, что только социализм способен обеспечить прогресс и подлинную независимость.

Их стремление к экономической независимости часто приводит к открытым конфликтам с монополиями и правительствами империалистических держав, которые не хотят терять источники дешевого сырья и выгодные сферы приложения капитала. В этой борьбе народы получают поддержку социалистического содружества. Важно, что политическая и технико-экономическая помощь приобретает все большее значение в поисках пути наиболее эффективного социально-политического и экономического развития.

Жизнь учит, что в мире имеются лишь два пути развития: социалистический и капиталистический. Совещание коммунистических и рабочих партий отметило, что страны, ставшие на капиталистический путь, не сумели разрешить ни одной из основных возникших перед ними проблем. Понятен поэтому интерес к изучению опыта СССР и других социалистических стран, которые на практике испытали способы решения многих социальных, экономических и технических проблем, волнующих развивающиеся страны. Социализм обеспечил быстрое

экономическое развитие, эффективную мобилизацию людских, финансовых, производственных и природных ресурсов. Он в короткие сроки позволяет создать предпосылки экономической независимости. Показательно, что более 50 развивающихся государств осуществляют плановое управление экономикой[1].

В борьбе за экономическую самостоятельность и социальный прогресс развивающиеся страны опираются на собственные силы. Однако, истощенным и разоренным длительным господством колониализма, им трудно в короткий срок без помощи извне ликвидировать свою отсталость и преодолеть тот огромный разрыв, который существует между бывшими колониальными и промышленно развитыми странами. Советский Союз, как и другие социалистические государства, считал и считает своей интернациональной обязанностью оказывать поддержку и помощь народам, борющимся за национальное и социальное освобождение, молодым развивающимся государствам Азии, Африки, Латинской Америки, отстаивающим свою политическую и экономическую независимость. Наличие социалистического содружества является важным фактором в изменении политики главных капиталистических государств в отношении освободившихся и высвобождающихся стран от колониализма и иностранной зависимости. Эти изменения обусловлены ликвидацией монополии империалистов на займы, экспорт оборудования и технические знания. С подрывом империалистической монополии появилась реальная возможность заставить капиталистов идти на существенные уступки.

Торговые, платежные и технические соглашения СССР с развивающимися странами разнообразны по форме и содержанию, но все они проникнуты духом уважения к нуждам партнеров. Они направлены на укрепление национальных экономик и самостоятельных позиций молодых государств в отношениях с мировым капитализмом. СССР имеет торговые отношения с 70 молодыми суверенными государствами. Товарооборот с ними за 1946—1968 гг. увеличился в 24 раза[2]. Со многими развивающимися странами СССР имеет соглашения о технической помощи.

---

[1] См. «Проблемы мира и социализма», 1969, № 11, стр. 88.

[2] См. «СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 138.

На 1 января 1969 г. при техническом содействии СССР в развивающихся странах сооружалось 680 промышленных объектов. Наибольшее число предприятий приходится па АРЕ (100), Алжир (79), Афганистан (61), Индию (65) и Иран (57)[1]. Среди объектов, построенных или сооружаемых при техническом содействии СССР, находятся Асуанский гидротехнический комплекс и Хелуанский металлургический завод в АРЕ, Бхилайский металлургический завод и ТЭС в Индии, металлургические заводы на Цейлоне, в Иране, Турции, гидроузел на реке Евфрат (Сирия), нефтеперегонный завод в Эфиопии, завод автомобильных камер и покрышек на Цейлоне, железные и автомобильные дороги в Афганистане и Ираке. На стройках этих стран советские специалисты подготовили 150 тыс. квалифицированных рабочих и мастеров из местного населения. На 150 наших предприятиях прошли обучение 27 тыс. граждан этих стран[2].

Социализм создал новый, высший тип экономического сотрудничества со слаборазвитыми странами. Помощь им имеет цель ускорить создание независимой национальной экономики. В лице СССР и других социалистических стран молодые независимые страны нашли не только бескорыстных друзей, но и надежный источник поставок необходимых им товаров и обширный рынок сбыта своей продукции. Теперь, когда освободившиеся народы вступили в новый этап борьбы, сосредоточивая усилия на укреплении политических завоеваний и экономической независимости, они видят, что решать эти задачи было бы неизмеримо труднее, а то и вовсе невозможно без социалистических государств.

Прогрессивный характер экономических отношений с СССР укрепляет государственный сектор национальной экономики стран, ослабляет засилье иностранного капитала. Продолжая ленинскую политику поддержки национально-освободительного движения, Советское государство рассматривает союз с народами бывших колоний одним из коренных принципов своей международной политики. СССР не имел и не имеет собственности или концессий на территории развивающихся стран. Нашей политике чужды по принципиальным соображениям

---

[1] См. «СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 144.

[2] См. «Внешняя торговля», 1970, № 4, стр. 23—24.

попытки внедриться в их экономику или поставить под свой контроль какие-то отрасли.

Важная особенность помощи СССР заключается в том, что она экономически выгодна и осуществляется с учетом максимального использования внутренних природных и людских ресурсов каждой страны. Она отвечает коренным национальным интересам народов. XXIV съезд КПСС решил развивать и дальше устойчивые внешнеэкономические и научно-технические связи СССР с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки «на условиях взаимной выгоды и в интересах укрепления их экономической независимости» [1].

Весь ход исторического развития показывает, что завоевание в современную эпоху экономической самостоятельности каждой страной, как и успехи вообще национально-освободительного движения, во многом зависят от единства действий свободолюбивых пародов с международным коммунистическим и рабочим движением. Коренные интересы народов развивающихся стран совпадают с интересами международного рабочего класса, а единство и сплоченность всех революционных сил, борющихся против империализма,— одно из основных условий завоевания народами экономической самостоятельности.

Воспитанные на принципах пролетарского интернационализма, непримиримости к социальному и национальному гнету, советские люди активно поддерживают великую освободительную борьбу пародов против гнета империализма и колониализма. Они по собственному опыту хорошо знают, как трудно преодолевать экономическую отсталость, создавать собственную индустрию.

Стремление народов к высвобождению от иностранного экономического подчинения не является чем-то приходящим извне. Это объективная закономерность исторического процесса. Этот процесс необратим. Одновременное решение национальных и социальных проблем будет тем эффективнее, чем сильнее будет социалистическая ориентация в развивающихся странах, шире их сотрудничество со странами социализма. Исторический опыт народов мира, и прежде всего СССР — первой страны, построившей социализм, вооружает стратегией и тактикой завоевания экономической самостоятельности, мобилизует на борьбу широкие круги трудящихся, выступаю-

[1] См. «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 294.

щих за суверенитет и полную независимость своих стран, вселяет уверенность в победе социализма.

История и современность свидетельствуют, что капитализм подавлял и подавляет национальную независимость и свободу многих народов, заковал их в жестокое колониальное рабство, создал и стремится сохранить систему политической и экономической зависимости и угнетения. Наоборот, социализм, его возникновение ознаменовали наступление эры освобождения угнетенных и зависимых народов и стран. Советские люди горды тем, что наша Родина положила начало этой эре, начало всемирно-историческому повороту человечества от капитализма к социализму. В СССР прогрессивное человечество обрело надежный оплот в борьбе против империализма и колониализма. СССР оказался на высоте этой исторической миссии. На протяжении всей своей истории, следуя заветам В. И. Ленина, Советский Союз неуклонно проводит курс на всемерную помощь народам, борющимся против империализма. За минувшие полвека СССР не раз срывал попытки империалистов остановить поступательное освободительное движение народов, помешать укреплению социализма и революционных сил современности. «На современном этапе, — отмечает XXIV съезд КПСС, — когда социализм прочно утвердился в значительной части мира и неуклонно развивается, когда внутри капиталистических государств растут силы, выступающие за революционное переустройство общества, когда борьба за национальное освобождение во многих странах перерастает в борьбу против всего строя эксплуатации и угнетения, еще более очевидной становится историческая бесперспективность империализма» [1]. Следуя ленинским принципам пролетарского интернационализма, советские люди считают своим долгом всемерно поддерживать борьбу народов за свое социальное и национальное освобождение.

---

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 193.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Касьяненко Василий Игнатьевич

ЗАВОЕВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ СССР

(1917—1940 ГГ.)

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *С. Я. Вубенщиков*

Младший редактор *А. С. Кочеткова*

Художественный редактор Г *Ф. Семиреченко*

Технический редактор *Н П. Межерицкая*

Сдано в набор 15 ноября 1971 г Подписано в печать 25 февраля 1972 г Формат 84 X 108[1]/32 Бумага типографская № 1 Условн печ л 17,64 Учетно-изд л 18,12 Тираж 19 тыс экз А00040 Заказ № 941
Цена 1 р 56 к

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл , 7

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16